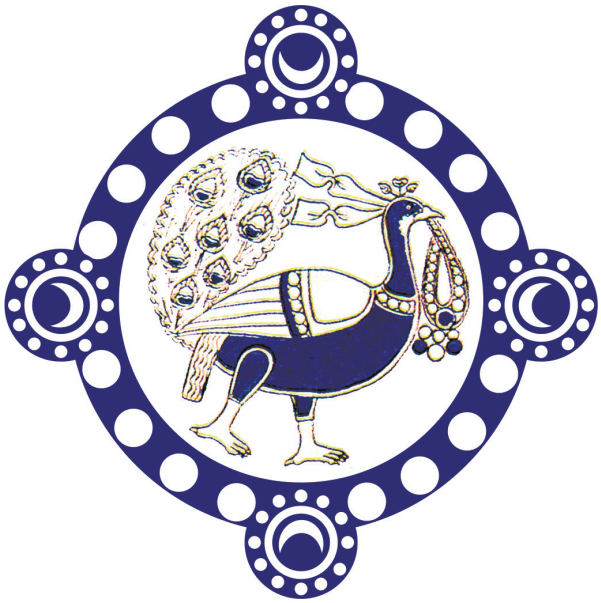
O‘ZBEKISTON RESPUBLIKASI MADANIY MEROS AGENTLIGI
Y. G‘ULOMOV NOMIDAGI SAMARQAND ARXEOLOGIYA INSTITUTI

O‘ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

№ 2 (33)

SAMARQAND – 2025

ISSN 2181-032X
№ 2 (33) 2025

O‘ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

Bosh muharrir:
Saidov Muminxon Munir o‘g‘li

Главный редактор:
Саидов Муминхон Мунир угли

Editor-in-Chief:
Saidov Muminkhon

Bosh muharrir o‘rinbosari:
Pardayev Muxtorqul Hasanovich

Заместитель главного редактора:
Пардаев Мухторкул Хасанович

Deputy Editor-in-Chief:
Pardaev Mukhtorkul

Mas’ul kotib:
Iskanderova Aysulu Djapbarbergenovna
Sandiboyev Alisher Nazarbekovich

Ответственный секретарь:
Искандерова Айсулу Джапбарбергеновна
Сандибоев Алишер Назарбекович

Executive Secretary:
Iskanderova Aysulu
Sandiboev Alisher

Tahririyat kengashi:
T. Sh. Shirinov (Kengash raisi)
A. A. Asqarov
B. A. Baytanayev (Qozog‘iston)
A. S. Sagdullayev
Frans Grene (Fransiya)
K. A. Abdullayev
A. A. Anarbayev
V. A. Alyokshin (Rossiya)
B. Jenito (Italiya)
Van Jianxin (Xitoy)
A. I. Krivoshapkin (Rossiya)
F. A. Maqsudov
A. Naymark (AQSH)
B. H. Matboboyev
S. Mantellini (Italiya)
A. A. Raimqulov
R. Rante (Fransiya)
B. Q. Sayfullayev
C. Shtark (AQSH)
A. G. Sitdikov (Rossiya)
R. X. Sulaymonov
K. Tabaldiyev (Qirg‘iziston)
X. Teramura (Yaponiya)
N. U. Xolmatov
Sh. B. Shaydullayev

Редакционный Совет:
Т. Ш. Ширинов (Председатель)
А. А. Аскаров
Б. А. Байтанаев (Казахстан)
А. С. Сагдуллаев
Франц Грене (Франция)
К. А. Абдуллаев
А. А. Анарбаев
В. А. Алекшин (Россия)
Б. Дженито (Италия)
Ван Жианхин (Китай)
А. И. Кривошапкин (Россия)
Ф. А. Максудов
А. Наймарк (США)
Б. Х. Матбабаев
С. Мантеллини (Италия)
А. А. Раимкулов
Р. Ранте (Франция)
Б. К. Сайфуллаев
С. Старк (США)
А. Г. Ситдиков (Россия)
Р. Х. Сулейманов
К. Табалдыев (Кыргызстан)
Х. Терамура (Япония)
Н. У. Холматов
Ш. Б. Шайдуллаев

Editorial Board:
T. Sh. Shirinov (Chairman)
A. A. Askarov
B. A. Baytanaev (Kazakhstan)
A. S. Sagdullaev
F. Grenet (France)
K. A. Abdullaev
A. A. Anarbaev
V. A. Alekshin (Russia)
B. Genito (Italy)
Wang Zhianhin (China)
A. I. Krivoshapkin (Russia)
F. A. Maksudov
A. Naymark (USA)
B. Kh. Matbabaev
S. Mantellini (Italy)
A. A. Raimkulov
R. Rante (France)
B.K. Sayfullaev
S. Stark(USA)
A. G. Sitdikov (Russia)
R. Kh. Suleymanov
K. Toboldiyev (Qirg‘izistan)
H. Teramura (Japan)
N. U. Kholmatov
Sh. B. Shaydullaev

Tahririyat a’zolari:
A. X. Ataxodjayev
A. E. Berdimurodov
A. X. Begmatov
G. I. Bogomolov
J. K. Mirzaaxmedov
M. A. Reutova
K. A. Rahimov
A. N. Xolmatov

Редакционная коллегия:
А. Х. Атаходжаев
А. Э. Бердимурадов
А. Х. Бегматов
Г. И. Богомолов
Дж. К. Мирзаахмедов
М. А. Реутова
К. А. Рахимов
А. Н. Холматов

Editorial Board:
A. Kh. Atakhodjaev
A. E. Berdimuradov
A. Kh. Begmatov
G. I. Bogomolov
D. K. Mirzaakhmedov
M. A. Reutova
K. A. Rakhimov
A. N. Kholmatov

Tahririyat manzili: 140305. Samarqand sh., V. Abdullayev ko‘chasi, 3-uy
Telefon: (366) 232-27-75,
E-mail: archeologyruz2022@gmail.com http://arxeologiya.uz
Yilda 2 marta chiqadi

© Y. G‘ulomov nomidagi Samarqand arxeologiya instituti

MUNDARIJA

MAQOLALAR

Amriddin Berdimurodov, Alisher Sandiboyev, Navro‘z Alimov
Ilk o‘rta asrlarda Markaziy Sug‘d zargarlik buyumlari - taqinchoqlar va bezaklar (Kofirqal’a materiallari asosida)..... 6

Boboyorov G‘aybulla, Shatoxin Anton
Farg‘ona vodiysining VII – VIII asrlarga oid “Jabg‘u Turk-Xoqon” unvonli tangalari..... 22

Filanovich Margarita, Gritsina Aleksey
Toshkentning o‘rta asrlar tarixi bo‘yicha yangi arxeologik ma’lumotlar..... 44

Gennadiy Bogomolov
Janubiy Sug‘d ossuariylaridagi yangi syujetlar haqida..... 54

Musakaeva Alfiya
Antik va ilk o‘rta asrlar Sug‘d va Chochda og‘irlik-o‘lchov tizimlari haqida..... 72

Rashidov Niyoz, Bullion Elissa, Murodaliyev Raxmonali, Frachetti Michael, Maqsudov Farhod
So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklari antropologik materiallarida kariyes paleopatologiyasi..... 85

Reutova Marina, Saidov Muminxon, Sharonov Iosif, Avazgeldiyev Bekzod
Samarqandda topilgan o‘rta asr hammomini bezashda ishlatilgan devoriy surat parchalarini rentgenofluoressent tahlili to‘g‘risida..... 100

Sandiboyev Alisher
Ilk va rivojlangan o‘rta asrlarda Ishtixan shahrining tarixiy topogarfiya va lokalizatsiya masallari..... 119

FAN TARIXI

Maxmudxon Yunusov
V. Vyatkinning Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasidagi arxeologik kolleksiyalari..... 137

BIZNING YUBILYARLAR

Abdurazzoqov Abdugani Abdurazzoqovich..... 148
Ilhomov Sharif Ilhomovich..... 150
Reutova Marina Arkadyevna..... 152
Ahadova Gulnora Radjabovna..... 154

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Амриддин Бердимуродов, Алишер Сандибоев, Навруз Алимов
Ювелирные изделия и украшения центрального Согда раннего средневековья (по материалам Кафиркалы)……6

Бабаяров Гайбулла, Шатохин Антон
Доисламское монеты Ферганской долины с титулом “Жабгу Тюрк-Каган”……22

Филанович Маргарита, Грицина Алексей
Новые данные археологии к средневековой истории Ташкента……44

Богомолов Геннадий
О новых сюжетах на оссуариях из южного Согда……54

Мусакаева Альфия
О весовых системах Согда и Чача периода античности и раннего средневековья……72

Рашидов Ниёз, Буллион Элисса, Муродалиев Рахмонали, Фрачетти Майкл, Максудов Фарход
Палеопатология кариеса в антропологических материалах памятников Сонгак и Ташбулак……85

Реутова Марина, Саидов Муминхон, Шаронов Иосиф, Авазгелдиев Бекзод
Об рентгенофлуоресцентном анализе фрагментов росписи из средневековой бани, найденной в Самарканде……100

Сандибоев Алишер
Вопросы исторической топографии и локализации города Иштихон в раннем и развитом средневековье……119

ИСТОРИЯ НАУКИ

Махмудхон Юнусов
Археологические коллекции В. Вяткина в собрании Самаркандского государственного музея-заповедника……137

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Абдураззаков Абдугани Абдураззакович ……148
Шариф Илхамов Илхамович ……150
Реутова Марина Аркадьевна ……152
Ахадова Гулнора Раджабовна ……154

CONTENT

ARTICLES

Amriddin Berdimurodov, Alisher Sandiboyev, Navruz Alimov
Jewelry and ornaments of central Sogd in the early middle ages
(based on the materials from Kafirqala)……6

Babayarov Gaybulla, Shatokhin Anton
Pre-islamic coins of the Ferghana valley with the title
“Jabghu Türk-Qaghan”……22

Filanovich Margarita, Gritsina Alexey
New archaeological intelligence on the medieval history of Tashkent……44

Gennady Bogomolov
About new plots on ossuaries from southern Sogdiana……54

Alfiya Adilevna
On the weight systems of Sogda and Chacha in the antiquity and early
middle ages……72

**Rashidov Niyoz, Bullion Elissa, Murodaliyev Rakhmonali,
Frachetti Michael, Maksudov Farhod**
Caries paleopathology in the anthropological materials of the Songak and
Tashbulak monuments……85

Reutova Marina, Saidov Muminkhon, Sharonov Iosif, Avazgeldiev Bekzod
X-ray fluorescence analysis of fragments of paintings from
a medieval bath found in Samarkand……100

Sandiboev Alisher
Issues of historical topography and localization of the city of Ishtikhon
in the early and developed middle ages……119

HISTORY OF SCIENCE

Makhmudkhon Yunusov
Archaeological collections of V.Vyatkin in the collection of the
Samarkand state museum-reserve……137

ANNIVERSARY HONOREES

Abdurazzoqov Abdugani Abdurazzoqovich ……148
Ilhomov Sharif Ilhomovich ……150
Reutova Marina Arkadyevna ……152
Ahadova Gulnora Radjabovna ……154

MAQOLALAR

СТАТЬИ ARTICLES

ILK O‘RTA ASRLARDA MARKAZIY SUG‘D ZARGARLIK BUYUMLARI - TAQINCHOQLAR VA BEZAKLAR
(Kofirqal’a materiallari asosida)

© 2025. Berdimurodov Amriddin, Sandiboyev Alisher, Alimov Navro‘z
Y. G‘ulomov nomidagi Samarqand arxeologiya instituti

Kalit so‘zlar: Sug‘d, Kofirqal’a, zargarlik san’ati, metall buyumlar, qadamalar, pektoral, medalon, sirg‘a, uzuk, to‘g‘nog‘ich, bilaguzuk, toj bezaklari, ko‘zgu, qimmatbaho toshlar, kirtimukha, savdo-madaniy aloqalar, etnografiya, hunarmandchilik.

Maqolada ilk o‘rta asrlarda Markaziy Sug‘d hududida taraqqiy etgan zargarlik san’ati, ayniqsa, Samarqand yaqinida joylashgan Kofirqal’a yodgorligida olib borilgan arxeologik tadqiqotlar natijasida qayd etilgan topilmalar asosida tahlil etilgan. Tadqiqot davomida oltin, kumush va bronzadan ishlangan zargarlik buyumlari — qadamalar (podveskalar), medalonlar, sirg‘alar, uzuklar, bilaguzuklar, to‘g‘nog‘ichlar, toj bezaklari, ko‘zgular va qo‘ng‘iroqlar tahlil qilinib, ulardan nafaqat ziynat buyumi, balki himoyaviy, ramziy va marosimiy maqsadda ham foydalanilgani borasida xulosalar qilingan. Shu bilan birga, maqolada Markaziy Sug‘d hunarmandlarining metallga ishlov berish borasidagi yuksak mahorat darajasi, ularning savdo, madaniy aloqalar va diniy qarashlari bilan bog‘liq san’at namunalari orqali ifodalangan. Kofirqal’a yodgorligida aniqlangan zeb-ziynat buyumlari VII - VIII asrlar Markaziy Sug‘d zargarlik san’atini, shuningdek uning qo‘shni hududlar bilan savdo-iqtisodiy va ma’daniy aloqalarini o‘rganishda muhim ahamiyatga ega. Oltin-kumush taqinchoqlar hunarmandchilikning iqtisodda muhim o‘rin tutganligini ko‘rish bilan birga, Sug‘d hududi o‘rta asrlarda qo‘shni Baqtriya, Vizantiya, Eron, va Hindiston bilan faol madaniy, savdo-iqtisodiy aloqada bo‘lganligi borasida muhim ma’lumotlar beradi.

ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ И УКРАШЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОГДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(по материалам Кафиркалы)

© 2025. Бердимуродов Амриддин, Сандибоев Алишер, Алимов Навруз
Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова

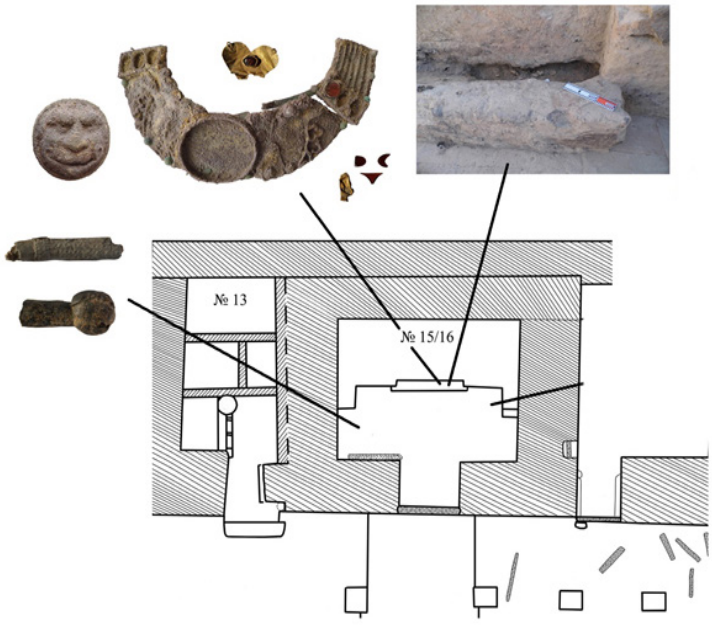
Ключевые слова: Согд, Кафикала, ювелирное искусство, металлические изделия, бляшки, пектораль, медальон, серьга, перстень, фибула, браслет, украшения для короны, зеркало, драгоценные камни, киртимукха, торгово-культурные связи, этнография, ремесло.

В статье на основе артефактов, зафиксированных в результате археологических исследований, проведенных на памятнике Кафиркала, расположенном близ Самарканда, проанализировано ювелирное искусство, получившее развитие на территории Центрального Согда в раннем средневековье. В ходе исследования были изучены ювелирные изделия из золота, серебра и бронзы — подвески (кадама), медальоны, серьги, кольца, браслеты, застежки (пряжки), украшения для венцов (короны), зеркала и бубенчики. На основании их анализа сделаны выводы о том, что они использовались не только как предметы украшения, но также имели защитную (апотропеическую), символическую и ритуальную функции. Наряду с этим, в статье, через образцы искусства, связанные с торговыми, культурными связями и религиозными воззрениями, отражен высокий уровень мастерства ремесленников Центрального Согда в обработке металла.

Kirish. Ilk o‘rta asrlarda Sug‘dda savdo-sotiq, musiqa madaniyati, hunarmandchilik yuksak darajada rivojlandi. Ayniqsa, Sug‘d hunarmandchilikning kulolchilik, temirchilik, zargarlik, to‘qimachilik kabi yo‘nalishlari yetakchi sohalardan biri bo‘lib, ular nafaqat mahalliy bozorlarga, balki Ipak yo‘li orqali xorijga ham eksport qilingan. So‘ngi yillarda Sug‘d shaharlarida jumladan, Samarqand yaqinida joylashgan Kofirqal’a yodgorligida olib borilgan arxeologik tadqiqotlar natijasida hunarmandchilikning zargarlik san’ati yo‘nalishi borasida muhim ma’lumotlar qo‘lga kiritilgan.

Samarqand hukmdorlarning shahar tashqarisidagi qarorgohi bo‘lgan Kofirqal’a (Rivdad) yodgorligi ko‘hna Afrosiyobdan 18 km janubda, Darg‘om kanalining chap sohilida joylashgan (Бердимуродов, Индиаминова 2017: 93; Богомолов, Бердимуродов и др. 2024: 63). Yodgorlik ilk o‘rta asrlar davri shaharlariga hos bo‘lgan ark, shahriston va rabod qismlaridan iborat (Бердимуродов и др. 2007: 73-75; Сандибоев 2021: 22). Yodgorlikning ark qismidagi 15-xonadan oltin va kumushdan yasalgan qimmatbaho zargarlik buyumlari topib o‘rganildi. Ushbu xona ark shimolida joylashgan bo‘lib, tarhi to‘g‘ri to‘rtburchak shaklda, g‘arbdan sharqqa qarab cho‘zilgan, o‘lchami 6,35x4,75 m. Xonaga kirish eshigining o‘rni janub tomonda qayd etilib, eni 2,1 m. Xonaning shimoliy devori bo‘ylab uch pog‘onali «T» harfisimon shaklidagi taxt supa joylashgan. Xona ichidan Sug‘d san’atining noyob namunalaridan biri bo‘lgan yog‘och panno bilan birga oltin va kumushdan yasalgan taqinchoqlar qayd etilgan (Бердимуродов и др. 2018: 5-7) (1-rasm).

Muhokama. Kofirla’aning oltindan yasalgan qadama(podveska)larini yasalishiga qarab ikki tipga ajratish mumkin. Bunda birinchi tipga oid bo‘lgan uch yaproqli qadama(podveska)ning ikki yuqori yaprog‘iga oltin simdan yasalgan halqalar payvandlangan (halqalar diametri 3 mm, qalinligi 1 mm). Mazkur qadama(podveska)ning o‘lchami 3,2x3,3 sm, qalinligi esa 1 mm.ga teng. Qadama(podveska) markazida diametri 2 mm bo‘lgan oval shaklidagi “chuqurcha” ichida

1-rasm. 15-16- xonada topilgan taqinchoqlar (Kofirqal’a)
Рис. 1. Украшения, найденные в комнатах 15–16 (Кафиркала)
Fig. 1. Ornaments found in rooms 15–16 (Kafir-kala)

2.1-rasm. Oltindan yasalgan yuraksimon shaklli qadama
Рис. 2.1. Золотая подвеска в форме сердца
Fig. 2.1. Gold applique in the shape of a heart

2.2-rasm. Oltindan yasalgan bodom bargisimon shaklli qadama
Рис. 2.2. Золотая подвеска в форме миндального листа
Fig. 2.2. Gold applique in the shape of an almond leaf

2.3-rasm. Oltindan yasalgan doira shaklli taqinchoq
Рис. 2.3. Золотое украшение в форме круга
Fig. 2.3. Gold circular ornament

shaffof yoqut rangidagi almadin toshi joylashgan. Oval shaklidagi silliqlangan almadin toshining o‘lchami 0,8x0,5 sm, qalinligi 2 mm (2,1-rasm). Ma’lumki, qadama(podveska)lar zeb ziynat buyumlari bilan birga ulardan tumor sifatida ham foydalanilgan. Ular qimmatbaho metallardan jumladan, kumush va oltindan tayyorlanib, murakkab va nozik naqshlar bilan bezatilgan (Торгоев и др. 2023: 65). Kofirqal’aning oltindan yasalgan qadama(podveska)lariga o‘xshash taqinchoqlar Baqtriyaning Rabot (Vang Jianxin, Berdimurodov 2020: 70) va Sug‘dning Panjikent yodgorligida (Распопова 1999: рис. 31,1) qayd etilgan.

Bodom bargini eslatuvchi ikkinchi tipga oid bo‘lgan qadama(podveska) yupqa qilib oltindan yasalgan, o‘lchami 2,2x1,5 sm. Uning yuqori qismida osib qo‘yish uchun mo‘ljallangan oval shaklda halqa joylashgan (2,2-rasm). Shuningdek, 15/16 xona polidan o‘lchami kichik bo‘lgan oltin falga bo‘laklari (o‘lchamlari 0,3-0.5 dan 1,5-2 sm, qalinligi 1 mm) ham qayd etilib, ular taqinchoqning qismlari bo‘lganligi ehtimoldan xoli emas.

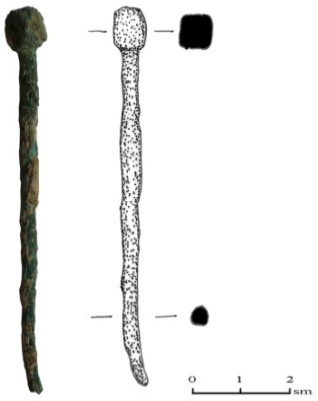
Kofirqal’ada oltindan yasalgan yumaloq shakldagi kichik hajmdagi taqinchoq ham qayd etilib, uning diametri 1,2 sm, qalinligi esa 1 mm. Yumaloq doiraning bir tomoniga oltin sim kavsharlash natijasida halqa xosil qilingan. Halqaning balandligi 0,4 sm. Ushbu halqaga oltindan yasalgan sim tutashgan bo‘lib, uning uzunligi 0,8 sm (2,3-rasm). Bu turdagi topilma Tojikistonning Xalkajar yodgorligida qayd etilib, u oltindan yasalgan daraxt shoxi va unga mustahkamlangan barglardan iborat. Tillatepa yodgorligidan oltindan yasalgan taqinchoqning yuqori markazida odam, uning

ikki tomonida ajdar tasviri, ularning pastki qismi esa oltin doirachalar bilan bezatilgan taqinchoq topilgan. Shuningdek, yodgorlikdan topilgan oltindan yasalgan toj atrofidagi doirachalar bilan bezatilgan bezaklar Kofirqal’a topilmasiga o‘xshashdir (Сарианиди 1989: 59). Rabot yodgorligida qayd etilgan oltindan yasalgan taqinchoq yuqoridagi taqinchoqlardan farq qilib, unda to‘qqiz bargli gul markazidan o‘tuvchi oltin sim yordamida yuraksimon shakldagi ikki dona yaproq biriktirilgan (Vang Jianxin, Berdimurodov 2020: 70). Kofirqal’aning doira shakldagi oltindan yasalgan taqinchog‘i ehtimol toj yoki tillaqosh bezagi bo‘lib, ular antik va ilk o‘rta asrlarda Baqtriya va Sug‘dda keng tarqalgan.

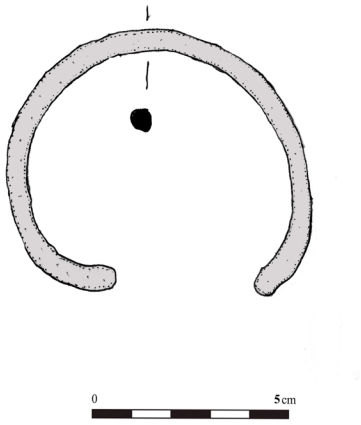
3-rasm. Bronza sirg’a
Рис. 3. Бронзовая серьга
Fig. 3. Bronze earring
4-rasm. Bronza uzuk
Рис. 4. Бронзовое кольцо
Fig. 4. Bronze ring

Sirg‘a quloqqa taqiladigan taqinchoq bo‘lib, etnografik ma’lumotlarga qaraganda Farg‘ona vodiysida uning kokilli turini isirg‘a, kokilsiz turini boldoq deb atashadi (Иброҳимов 1959: 276). Kofirqal’a yodgorligida sirg‘alarning kumush va bronzadan ishlangan turlari qayd etilgan. Sirg‘a ovalsimon shaklda, diametri 2,1 sm, qalinligi 0.2 sm ga teng. Uning pastki qismida kichik halqa mavjud. Bu halqacha sirg‘aning kokil qismini ilish uchun xizmat qilgan. Yuqori qismida kichik shoxchaga o‘xshash qism bo‘rtib chiqqan bo‘lib, bu shoxchaga marjon shodasi kiydirilgan (3-rasm). Bunga o‘xshash sirg‘alar Panjikent yodgorligining VIII asr qatlamlarida (Распопова 1980: рис. 75, 1-4), shuningdek, Yettisuv va Farg‘ona vodiysining Oq-Beshim ((Кызласов 1958: рис. 6), Qorabuloq (Брыкина 1974: рис. 62, 6, 7), Buxoro vohasining Poykand (Торгоев и др. 2023: рис. 88, 8) yodgorliklarida VII - IX asrlar bilan davrlashtirilgan.

5-rasm. Bronza to’g’nog’ich
Рис. 5 Бронзовая фибула
Fig. 5. Bronze fibula

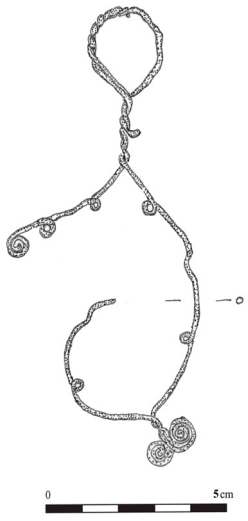
Uzuk barmoqqa taqish uchun mo‘ljallangan metall (tilla, kumush, bronza, mis) dan tayyorlangan bezak ashyosi bo‘lib, Alisher Navoiy asarlarida uzuk va nigin so‘zlari bilan ifodalangan (Иброҳимов 1959: 371). Etnografik ma’lumotlarga qaraganda uzuklarning afg‘oncha uzuk, rumcha uzuk, ayriband uzuk, shaxonak, quyma uzuk, o‘rama uzuk, hoji uzuk, rajabi uzuk kabi turlarga bo‘linadi (Жабборов 2003: 46). Boylik ramzi hisoblangan uzuk bilan bog‘liq bo‘lgan urf odatlar Markaziy Osiyo xalqlari orasida ham keng tarqalgan bo‘lib, unda har bir xotin-qiz ko‘zli yoki ko‘zsiz uzuk taqishi farz bo‘lgan, busiz uning qo‘li nopok sanalgan va uzuksiz qo‘l bilan pishirilgan ovqati makruh, yuvgan kiri nopok hisoblangan (Абдуллаев 1986: 152). Erkakdagi uzuk esa uning jamiyatdagi ijtimoiy mavqeyini va moddiy ahvolini ko‘rsatgan (Турганов 2020: 64). Xitoyning “Szin-shu” solnomasiga ko‘ra[Ushbu solnoma Xitoyning Szin sulolasi (265-420-yillar) ga tegishli.] farg‘onaliklar urf-odati bo‘yicha kelin olishdan avval hamjihatlik ramzi sifatida kelinga uzuk yuborilgan (Литвинский 1973: 28, 29). O‘rta Osiyoda dastlabki bronza uzuklar “bronza davri” Sopolli madaniyati yodgorliklarida qayd etilgan (Каттаева 2023: 110). Ilk o‘rta asrlar Sug‘dda uzuklar oltin, kumush, bronzadan tayyorlanib, ularning muhrli uzuk, ko‘zli uzuk, ko‘zsiz uzuk kabi turlari uchraydi (Распопова 1980: 114). Kofirqal’a yodgorligidan bir dona bronzadan yasalgan uzuk qayd etilgan bo‘lib, bronzadan ishlangan, ovalsimon halqali, diametri 2,2 sm. Uzukning yuqori qismida

6.1-rasm. Bronza bilakuzuklar.
Рис. 6.1. Бронзовые браслеты
Fig. 6.1. Bronze bracelets

6.2-rasm. Bronza simli taqinchoq
6.2. Бронзовое украшение из проволки
Fig. 6.2. Bronze wire ornament

7-rasm. Bronza simli taqinchoq
Рис. 7. Бронзовое украшение из проволки
Fig. 7. Bronze wire ornament

saqlanib qolgan ko‘zxona aylana shaklda, diametri 0,4 sm. Uning ko‘zi (rangli tosh) saqlanib qolmagan (4-rasm). Bu toifadagi uzuklar Sug‘dning Afrosiyob (Ахунбабаев 1999: табл. XLII, 20), Panjikent (Распопова 1980: рис. 77, 3-9; Распопова 1999: 29, 17-22), Aultepa (Кабанов 1981: рис. 38, 1-2), Varaxsha (Торгоев и др. 2023: рис. 86, 87), Farg‘onaning Axsikent (Анарбоев 2013: рис. 148, 2, 3), Xorazm vohasining Jigarband (Вишневская 2001: рис. 41, 8, 9), Kuyuk-qal’a (Турганов 2020: 1,18-расм) yodgorliklarida uchraydi.

To‘g‘nog‘ich - bu sochga qadaladigan moslama bo‘lib, u sochlarni to‘g‘nab (birlashtirib, jamlab) turish uchun ishlatiladi. Odatda, to‘g‘nog‘ich metall, yog‘och va suyakdan tayyorlanadi va ayniqsa, xotin-qizlar soch turmaklarini mustahkamlash uchun ishlatadi. O‘rta Osiyoda bronza to‘g‘nog‘ichlarning bronza davri Togolok 21 va Sopolli madaniyatlari yodgorligida uchraydi (Сарианиди 1990: 236; Каттаева 2022: 72). Kofirqal’aning VII – VIII asr qatlamlaridan aniqlangan soch to‘g‘nog‘ichlar bronzadan yasalgan, ko‘rinishi mix shaklida, uzunligi 8 sm. To‘g‘nog‘ichning bosh tomonga qarab kengayib, uchi tomon ingichkalashib boradi. Uning bosh qismi kub shaklida bo‘lib, tomonlari bir xil, o‘lchami 0,7 sm ga teng (5-rasm). Bunday kub shaklidagi taqinchoqlar Surxondaryoning Rabod yodgorligida ham uchraydi (Vang Jianxin, Berdimurodov 2020: 45).

Qadimgi Sharq xalqlarida olti tomonli kub shakli barqarorlikning ramzi hisoblangan (Баешко 2007: 276). Shu bilan birga kub kvadrat shaklida ham ifodalanib dunyoning to‘rt tomonini ifodalaydi (Бидерманн 1996: 112).

Bilaguzuk – bu qo‘lga taqiladigan ziynat buyumi bo‘lib, ular turli materiallardan – oltin, kumush, shisha, mato va boshqalardan tayyorlanishi mumkin. Bilaguzuk qadimdan hozirgi kungacha xotin-qizlar (ba’zan erkaklar) tomonidan ziynat, maqom, madaniy yoki marosimiy maqsadlarda taqib kelinadi. Etnografik ma’lumotlarga qaraganda uning ilonboshli, qo‘chqorboshli, baqaboshli, tugmali, bodomcha (Жабборов 2003: 46, 47), tuzilishiga ko‘ra ochiq (uchlari ochiq qolib bir-biriga tutashmagan) va berk (yaxlit) kabi turlari mavjud. Kafirqal’a yodgorligining VIII asr qatlamlarida qayd etilgan bilak uzuklar bronzadan ishlangan bo‘lib, ularni quyidagi tiplarga ajratish mumkin.

Birinchi tipdagi bronzadan yasalgan bilakuzuk halqa shaklida bo‘lib, uchlari to‘mtoq, diametri 7,6x5,7 sm, tanasining qalinligi 0,4x0,5 sm (6,1-rasm). Bu turdagi bilaguzuklar O‘rta Osiyoda bronza davrida keng tarqalgan (Рузанов 2013: рис. 128, 1, 2). Shuningdek, bilaguzuklar

Markaziy Sug‘dning Panjikent (Распопова 1980: рис. 74, 9, 10; Распопова 1999: 4-7, 13), Jartepa ibodatxonasi (Бердимуродов, Самибоев 1999: рис. 89, 1), Qoratepa (Манылов 1984: 20), Yuqori Zarafshon vodiysining Gardoni Hisor (Якубов 1979: рис. 47, 1) yodgorliklarining ilk o‘rta asrlar qatlamlarida uchraydi.

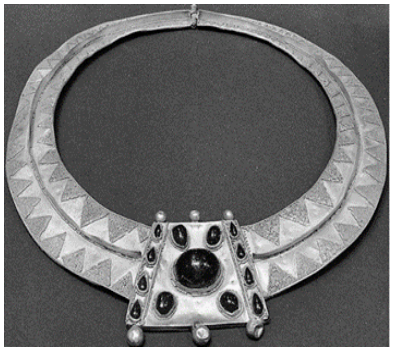
Ikkinchi tipdagi bilakuzuk ham bronzadan yasalgan, faqat uning tanasi burama (spiralsimon) shaklda, to‘liq saqlanmagan, qalinligi 0,5 sm. ga teng (6,2-rasm). Burama shakldagi bilaguzuklar O‘rta Osiyoda bronza davridan boshlab qayd etilgan (Асқаров 1973: 97). Shuningdek, burma shaklli bilakuzuklar Markaziy Sug‘dning Afrosiyob (Ахунбабаев 1999: табл. XLIII, 14), Panjikent (Распопова 1999: рис. 28, 14), Farg‘ona vodiysining Qorabuloq (Брыкина 1974: рис. 62, 9) yodgorliklarining VII – VIII asr qatlamlarida; Buxoro vohasi Poykend (Торгоев и др.2023: рис. 88, 2-6) yodgorligining X – XI asr qatlamlarida uchraydi.

Shu bilan birga ko‘krak qismida taqiladigan bronza simdan yasalgan bezakli taqinchoq ham qayd etilib, uning bir tomonida aylana halqa hosil qilingan, qarama-qarshi tomoniga esa uzum novdasi kokilasini eslatuvchi spiralsimon naqshlar yasalgan (7-rasm). Bu turdagi topilma Panjikent yodgorligining VIII asr qatlamida uchraydi. Tadqiqotchilar ulardan ko‘krak bezagi sifatida foydalanganligini qayd etadi (Распопова 1999: 30; Распопова 1980: рис. 87; Распопова 1999: рис. 32, 1, 2).

8.1-rasm. Kumush piktoral
Рис. 8.1. Серебряный пекторaль
Fig. 8.1. Silver pectoral

Kofirqal’ada kumushdan yasalgan ko‘krakka taqiladigan pektoral [Pektoral — pektus, lotincha “ko‘krak”] taqinchog‘i ham qayd etilib, u alohida payvandlangan plastinalardan tashkil topgan (7-rasm). Pektoralning umumiy uzunligi 15,8 sm, kengligi 2,7-3,6 sm, qalinligi 0,3-0,4 sm. Taqinchoq 5 ta to‘rtburchak shakldagi va 2 ta trapesiya shaklidagi plastinalardan iborat bo‘lib, ular bir-biriga payvandlangan va yarim doira hosil qilgan. Old yuzasi markazida yupqa lenta payvandlangan (to‘g‘ri simli kumush lenta, u tik holda o‘rnatilgan) va katta aylana qolip hosil qilingan, uning diametri 3,6 sm. Ehtimol u qimmatbaho tosh turushi uchun mo‘ljallangan. Markaziy elementning o‘ng tomoniga joylashgan plastinalarda shunday lentadan egilgan, markazdan biroz chetga burilgan shox (gul, yoki o‘simlik shoxiga o‘xshash) hosil qilingan. Uning atrofida uch dona lentadan qilingan qoliplar joylashgan. Ehtimol, bu qoliplar kichik shaklli barglar tasvirini berib, rangli qimmatbaho toshlar uchun joy bo‘lgan. Bu plastinaga uch dona ko‘rishidan shar shaklini eslatuvchi bo‘rtma element tushirilgan. Uning o‘ng tomoniga yana bir plastina qo‘shilgan bo‘lib, unda bir-biriga vertikal tarzda joylashgan uchta ovalsimon

8.2-rasm. Sosoniylar piktorali (Muhammad Rizo muzeyi, Eron)
Рис. 8.2. Сасанидский пекторaль (Музей Мухаммада Ризы, Иран)
Fig. 8.2. Sasanian pectoral (Muhammad Riza Museum, Iran)

shakldagi qoliplar joylashtirilgan. Qoliplar tashqi tomondan to‘rtburchak hoshiyaga olingan. Qoliplarga rangli toshlar o‘rnatilgan. Toshlardan bir donasi saqlanib qolgan bo‘lib, u yoqut rangli ovalsimon tosh (almadin?) ekanligi ma’lum bo‘ldi. Keyingi plastina ham to‘rtburchak shaklida bo‘lib, gorizontal ravishda cho‘zilgan. Yuzasi yettita uzun chiziq shaklidagi valiklar va kanalchilar bilan bezatilgan. Bezakning chap tomoni yaxshi saqlanmagan, lekin uning bezaklari to‘liq o‘ng tomonga mos kelgan. Plastinaning o‘ng chetida xuddi oldingi plastinadagi kabi uch dona sharsimon element bir-biriga vertikal tarzda o‘rnatilgan. Pektoral markazidan chap tomoni ham o‘ng tomoni bilan bir xil qilib bezatilgan. Pektoralning yuqori va pastki chetlari hamda uning orqa tomoni uzun ingichka kumush lentalar bilan mustahkamlangan. Pektoralning old tomoniga to‘liq oltin suvi yugurtirilgan.

Pektorallar Qadimgi Misrda Yangi podshohlik davridan ma’lum bo‘lib, bu taqinchoqdan misrliklar hayotlari davomida foydalanmasdan faqat vafot etganda egasining qabriga birgalikda qo‘yish maqsadida yasalgan. Ushbu taqinchoqda xudolar tasviri va muqaddas matnlarni joylashtirish uchun bo‘sh joy mavjud bo‘lgan (Савельева 2022: 94). Sarmatlarda esa zodagon erkaklarining peshonasiga oltin bilan bezatilgan bog‘ichlar (peshonabog‘), oltin pektorallar va uzun uchli etiklari bo‘lgan (Яценко 2006: 163). Sosoniylar hukmronligi davrida shohning vakili rasmiy qabullar vaqtida marvarid va qimmatbaho toshlar bilan bezatilgan quyma oltin kamar, quloqlariga sirg‘a taqishi va yelkalariga sumkalarni ilishi bilan birga maxsus oltin yasalgan pektorallarni ham taqishi kerak bo‘lgan (Егише 1971: 122–124; Яценко 2006: 163). Kofirqal’a pektorali Eron sosoniylari davriga oid bo‘lgan pektoralga o‘xshash bo‘lib, bu pektorallar birining markazida odam (ehtimol shoh) tasviri, uning ikki yonidagi aylana ichida sher tasviri tushirilgan. Ikkinchi piktoralning markazida yirik aylana qimmatbaho tosh joylashtirilgan. Markazdagi yirik toshga uyg‘un ravishda, yuqori va pastida ikki donadan ovalsimon tosh o‘rnatilgan. Markazning o‘ng tomonida to‘rtta va chap tomonida to‘rtta tomchi ko‘rinishidagi kichik toshlar vertikal tarzda joylashtirilgan (8,2-rasm). Kofirqal’a pektoraliga e’tibor beradigan bo‘lsak, uning o‘ng tomonida kichik qolip ichida bir dona ovalsimon tosh (almadin?) saqlanib qolgan va yana beshta shunday ovalsimon qolip mavjud. Qoliplar, unda saqlanib qolgan bir dona tosh, yuqoridagi sosoniylarning ikkinchi pektoralidan kelib chiqib xulosa qilinsa, ehtimol, Kofirqal’a piktoralining old tomoni to‘liq rangli (almadin?) toshlar bilan bezatilgan. Umuman pektoral asilzoda va amaldorlar

9.1-rasm. Kumush medalyon
Рис. 9.1. Серебряный медальон
Fig. 9.1. Silver medallion

taqadigan taqinchoq bo‘lib, bizning fikrimizcha, Kofirqal’a pektoralidan zodagon yoki amaldorlar shoh qabuli paytida foydalangan bo‘lishi ehtimoldan holi emas.

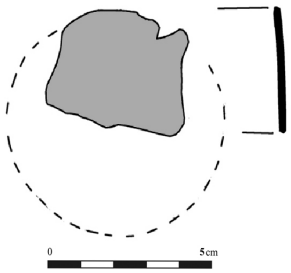
Kofirqal’a medaloni (kirtimukha boshi tasvirli) doira shaklda bo‘lib, diametri 4,7 sm. Uning yuziga bo‘rtma tarzda afsonaviy mavjudotning tasviri tushurilgan (9-rasm). Diskning chetlari to‘g‘ri burchak ostida bukilgan va qirra hosil qilingan. Disk chetining ikki yon tomoniga bir-biriga qarama-qarshi tarzda ikki kichik halqa payvandlangan. O‘lchami 0,4x0,3 sm. Ehtimol, ushbu halqalar medalonni biror asosga mustahkamlashga xizmat qilgan. Old yuzasi to‘liq mifologik mavjudot boshining tasviri tushirilgan. Uning yuzi aylana, katta, keng, peshonasi kichik va yung bilan qoplangan. Burni keng, burun teshiklari katta, burnining usti ikki qovoq orasida aylana shakldagi belgi bor (hindlarning peshonaga suradigan sinduri kabi). Qovoqlari uyilgan va yirik, ko‘zning bir qismini yopib qolgan. Ko‘zlari aylana shaklda va jahldor ko‘rsatish uchun katta-katta tasvirlangan. Yuzning ikki chetida ko‘zlarga parallel ravishda quloqlar tasvirlangan. Og‘zi ikki chakkasiga tomon cho‘zilgan xudiki tabassumga moyildek. Pastki jag‘dan ikki dona o‘tkir qoziq tish chiqqan holatda tasvirlangan. Yuqoridagi labning tepasida ikki yonga gorizontal yo‘nalgan to‘lqinsimon chiziqlar mavjud bo‘lib, ehtimol mo‘ylov tasvirlangan. Tilining uch qismi chiqib, pastki labiga tekkizilgan. Og‘izdan pastda bo‘yinga to‘g‘ri keladigan qismda vertikal yo‘nalgan chiziqlar mavjud, u ko‘rinishidan sherning bo‘ynidagi yunglarni eslatadi. Diskning old yuzasiga to‘liq oltin suvi yugurtirilgan. Bunga o‘xshash medalon taqqan personajlar haykaltaroshlik namunalarida uchraydi. Xususan Qorashar vohasida loydan ishlangan sug‘diy jangchi haykalchalarining ko‘krak qismida aylana shaklli, (ehtimol odam surati tushirilgan) medalon tasvirlangan (Олъденбург 1914: рис. 60; Дъяканов 1954; рис. 28). Bundan tashqari Panjikentning 47-ob’ektidan ikki dona yog‘ochdan ishlangan raqqosa ayollarning ko‘kraklarida aylana shakldagi, relefli taqinchoq tasviri mavjud bo‘lib, unda hayvon (sher?) tasviri mavjud (Беленицкий 1959: 80). Shuningdek, kiyimni bezash uchun oltindan ishlangan medalon Qrimdagi Skiflar Neapoli yodgorligidan ham topilgan va u mil.avv. II va milodiy asr boshlari bilan davrlashtirilgan (Шульц 1953: 74). Panjikentdan ham Kofirqal’a topilmasiga o‘xshash medalon aniqlangan bo‘lib, u aylana shaklda, relefli qilib kirtimukha tasviri tushirilgan. Kumushdan ishlangan medalonning old tomoniga oltin suvi yugurtirilgan. A. M. Beleniskiy, I. B. Bentovich, O. G. Bolshakovlarning qayd etishicha, mazkur medalondan haykallarni bezashda foydalanilgan (Беленицкий и др. 1973: 84). V.I. Raspopova esa uni kumush idishning markaziy bezagi sifatida foydalanilganligini zikr etgan (Распопова 1980: 122).

Umuman, medalondagi tasvirning kelib chiqishi va talqini borasida olimlar o‘rtasida yakdil fikr mavjud emas. Jumladan, Y.A. Monchadskaya fikriga ko‘ra, jin yuzli tasviring eng qadimgi shakli Amudaryo xazinasida uchraydi va ular inson va oila homiysi bo‘lgan Misr xudosining timsoli bo‘lib, antik davrda keng tarqalgan (Мончадская 1960: 127). Ushbu tasvirlar VI-XI asrlarda Sug‘d, Choch Farg‘ona vodiysida ham keng tarqalgan (Богомолов 2019: 158). Sug‘dliklar xudolar va jinlarning ko‘rinishi haqida aniq tasavvurga ega bo‘lishmaganligi bois ham boshqa mintaqalarda allaqachon mavjud bo‘lgan tasvirlarni savdo va madaniy aloqalar natijasida o‘zlashtirganligi borasidagi qarashlar mavjud (Маршак 1971: 58-59). Ba’zi tadqiqotchilar ularni Hindiston san’ati va diniy qarashlari bilan bog‘lab, uni Kirtimukha deb tariflaydi (Мончадская 1960:125). Kirtimukha tasviri shivaizm va vishnuizmda sher boshli iblis ko‘rinishida tasvirlangan. Ularning e’tiqodicha kirtimukha tartibni himoya qiluvchi va qo‘riqchi sifatida xizmat qilgan (Тюляев 1988: 308). Sug‘d san’atiga Hindistonning tasiri buddizm va shivaizm bilan bog‘liq bo‘lib, kirtimukha tasviri shivaizm bilan kirib kelganligi ehtimoldan holi emas (Маршак 1999: 180-181).

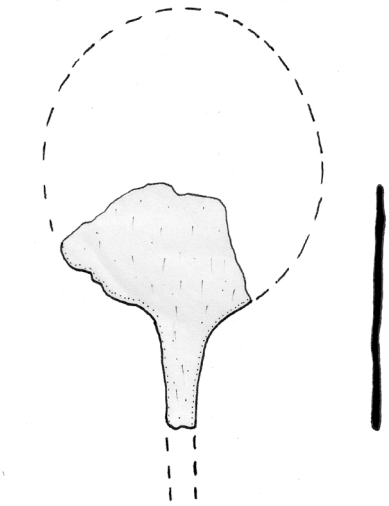
G.A. Pugachenkova va L.I. Rempelning fikriga ko‘ra, yunon obrazlari O‘rta Osiyo hududida keng tarqalganligini qayd etib, silenlarning obrazi mahalliy xudolarning ma’lum bir xususiyatlarini o‘zida mujassamlashtirgan va rivojlanishning qaysidir bosqichlarida Kirtimukha obraziga

9.2-rasm. Kumush kosa (Ermetaj muzeyi, Rossiya)
Рис. 9.2. Серебряная чаша (Эрмитаж, Россия)
Fig. 9.2. Silver bowl (Hermitage Museum, Russia)

10.1-rasm. Bronza ko’zgu
Рис. 10.1. Бронзовое зеркало
Fig. 10.1. Bronze mirror

10.2-rasm. Bronza ko’zgu
Рис. 10.2. Бронзовое зеркало
Fig. 10.2. Bronze mirror

birlashgan (Пугаченкова, Рempель 1965: 159). G.I. Bogomolov ham Panjikent ibodatxonasidan topilgan haykalcha Kirtimukha emas balki yunon xudosi Dionis bilan hamroh bo‘lib yurgan hayvon (pantera, yoki sher) bo‘lishi mumkinligini zikr etgan (Богомолов 2019: 158). Shuningdek, Davlat Ermitaji muzeyida saqlanayotgan kumush kosaning chetiga sug‘d yozuvida “ushbu kosa Xun o‘g‘li Narakka tegishli” degan yozuv mavjud bo‘lib, tadqiqotchilar tomonidan kosa Sug‘d yoki Toharistonda yasalgan degan qarashlar bor (Schulz 2016: 122). Kosa markazida Kirtimukha uning atrofida aydana bo‘ylab joylashgan tasvirlar orasida yunon hudosi Geraklni ko‘rish mumkin. Ya’ni, Kirtimukha yunon xudosi Gerakl bilan birga tasvirlangan. Markazda joylashgan Kirtimukha tasviri Kofirqal’a topilmasiga o‘hshash bo‘lib, aylana shakldagi boshi, badjahl ko‘zlari, burni, quloqlari mavjud (9.2-rasm). Afrosiyob devoriy suratlari g‘arbiy elchilarni kutib olish sahnasida shunday tasvirli «qalqonlar» mavjud (Альбаум 1975: 74-75, рис. 22). Umuman Kirtimukhaning turli xil ko‘rinishdagi tasviri O‘rta Osiyoda keng tarqalgan bo‘lib, ular devoriy suratlarda, ossuariylar, sopol idishlar, qurilish dekorlari va taqinchoqlar yuzida saqlanib qolgan. Bu tasvirlar hind, yunon va mahalliy aholi diniy dunyoqarashlarning uyg‘unlashuvi natijasida paydo bo‘lgan. Kirtimukha tasviri din, va diniy qarashlar bilan bog‘liq bo‘lib, ehtimol kirtimukha tasvirli buyum (taqinchoq, sopol, yoki metall idish va shunga o‘xshash narsalar) o‘z egasini turli balo-qazolardan, yovuz ruhlarda asraydi deb ishonilgan.

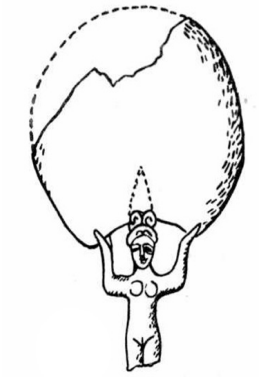
Bronza ko‘zgular ilk o‘rta asrlarda O‘rta Osiyo, xususan Sug‘d hududida keng tarqalgan bo‘lib, ulardan asosan pardoz-andoz buyumi sifatida keng foydalanib kelishgan. Kofirqal’a yodgorligidan ham ikki dona bronza ko‘zgu qayd etilib, ularning yuzi silliq qilib yasalgan, qo‘shimcha bezaklarsiz ishlangan. Bunda birinchi ko‘zgu bo‘lagining diametri 7,6 sm, qalinligi 1,5-2 mm. (10,1-rasm). Ikkinchi ko‘zgu bo‘lagi ham yumaloq shaklda dastali qilib yasalgan, aylanasi 4,5 sm. Tutqichining saqlanib qolgan uzunligi 1,5 sm, qalinligi 0,2 sm.ga teng (10,2-rasm). Naqshsiz bronza ko‘zgular Sopollitepa yodgorligida qayd etilgan (Асқаров: 1973). Shuningdek, bu toifadagi ko‘zgular Markaziy Sug‘dning Panjikent yodgorligi va Jartepa ibodatxonasining VII – VIII asrlar qatlamlarida hamda Xorazm vohasining Kuyukqal’a nekropolida VI – VIII asrlar, Jigarband yodgorligida esa XI asr bilan davrlashtirilgan (Распопова 1999: рис. 36, 37, 38; Беленицкий и др. 1973: рис. 53; Бердимурадов, Самибоев 1999: рис. 87, 5, 6; Турганов 2024: 58).

Kofirqaladan bir dona bronzadan yasalgan ko‘zgu tutqichi qayd etilgan bo‘lib, uning old qismiga relefli tarzda tasvir tushirilgan, orqa tomoni tekis qilib ishlangan (11,1-rasm). Saqlanib

qolgan uzunligi 6,3 sm, qalinligi 0,3-0,5 sm, eni 0,8-2,4 sm. Ko‘zgu dastasining old tomoniga bo‘rtma tarzda ayol kishining tasviri tushirilgan bo‘lib, uning ikki qo‘li qisman bukilgan va boshidan yuqoriga ko‘tarilgan holatda, qo‘l uchi yarim oy shaklda tasvirlanib, unda naqshlar bilan bezatilgan qandaydir buyum (ehtimol gulchanbar)ni ushlab turibdi. Gulchambar personajdan yuqorida joylashgan. Gulchambarning yuqori qismi singan, ehtimol shu yerda ko‘zgu joylashgan bo‘lgan. Personaj ovalsimon yuzli, bodomsimon ko‘zli, uning burni va og‘zilari tasvirlangan. Boshida ikki shohni eslatuvchi to‘lqinsimon burmali bosh kiyim kiygan holda tasvirlangan. Bosh kiyimning markazida vertikal yo‘nalishda ovalsimon qolip joylashgan bo‘lib, ehtimol bu yerda rangdor tosh mavjud bo‘lgan. Ko‘krak va qorin qismlari bo‘rtma tarzda ishlangan. Oyoqning tizzadan pastki qismi saqlanmagan. Oyna qadimda suvning timsoli bo‘lib, Markaziy Osiyoning ibodatxona, mozor qo‘rg‘onlarida topib o‘rganilgan. Hatto qo‘llarida oyna ushlab turgan iloha tasviri tushirilgan terrakota haykallar ham uchraydi (Сулеймонов, 2004: 266-267). Jumladan, oyna ko‘targan ayol tasviri tushurilgan haykalchalar mil. avv. III-II asrlarda Gaurqal’ada yodgorligida, milodiy II-III asrlarda Afrosiyobda, III-IV asrlarda Yerqo‘rg‘onda uchraydi (Schmidt 1908: 55; Хазанов 1964: 93; Сулейманов 2000: рис.151, 2). Janubiy Tojikistonning Saksonoxur

11.1-rasm. Bronza ko’zgu dastasi
Рис. 11.1. Ручка бронзового зеркала
Fig. 11.1. Handle of a bronze mirror

11.2-rasm. Bronza ko’zgu (Masjidi Sulaymon, Eron)
Рис. 11.2. Бронзовое зеркало (Масджид-и Сулайман, Иран)
Fig. 11.2. Bronze mirror (Masjid-i Sulayman, Iran)

12-rasm. Oy shaklli toj taqinchog’i
Рис. 12. Украшение для диадемы в форме луны
Fig. 12. Moon-shaped diadem ornament

yodgorligida ham qo‘lida oyna tutgan ayol haykalchalar topilgan (Мухитдинов 1973: 99). Ayol beldan pastga qarab kengayib boruvchi karnaysimon ko‘ylak kiygan holatda, belidan yuqori ko‘krak qismi yalang‘och, ikki qo‘li bilan oyna dastasini ushlab turgan holatda tasvirlangan. X. M. Muhitdinov oyna quyoshning ramzi ekanligi, O‘rta Osiyo xalqlari ko‘proq quyoshga sig‘inganligi va Saksonoxurdan topilgan haykalchalar Mitra bo‘lishi mumkinligini taxmin qiladi. Mitrani esa erkak qiyofali xudo emas, balki androgin (erkak va ayol xususiyatlarini o‘zida uyg‘unlashtirgan) xudoligini asoslashga harakat qilgan (Мухитдинов 1973: 106, 107).

Kofirqal’aning bronzadan yasalgan ko‘zgu dastasiga o‘xshash topilma Eronning Masjidi Sulaymon yodgorligida qayd etilib, unda ayol tasvirli haykalcha qo‘llarini baland ko‘tarib ko‘zgu ushlab turgani tasvirlangan (11,2-rasm). Masjidi Sulaymon ko‘zgusi kabi Kofirqal’a ko‘zgu dastasidagi ayol oyoqlarining pastki qismida uning tik qilib qo‘yish uchun tagdoni bo‘lganligi ehtimoldan holi emas. R. M. Girshmanning qayd etishicha bu tasvirlar ma’buda Anoxita va Mitraga bag‘ishlangan (Ghirshman 1976; Литвинский 1978: 111). Kofirqal’ada qayd etilgan oyna dastasidagi ayol ma’budasining kiyimlari (burmali yubkasi va bosh kiyimi) hind elementlari ko‘zga tashlanadi. Ehtimol bu tasvir Hindistondagi quyosh xudosi Surya bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin. Surya ham quyosh xudosi sifatida oynadan foydalangan (Литвинский 1978: 112). Farg‘ona vodiysi Chuntepa yodgorligidan bronzadan ishlangan boshida konussimon qalpoq kiygan tasvir tushurilgan oyna dastasi qayd etilgan bo‘lib, uning qo‘llari yelka darajasida ko‘tarilgan va qo‘lida gulchambar tutib turgan holatda tasvirlangan (Иванов 1991: 81). Gulchanbarning yuqori qismi saqlanmagan. G. I. Bogomolovning qayd etishicha ushbu persanaj buddizm bilan bog‘liq bo‘lishi mumkin (Богомолов 2019: 348). Ko‘zgu azaldan ayollar bilan bog‘liq bo‘lib, xosildorlik va unumdorlik ilohasi Anaxita hamda quyosh xudosi Mitra bilan uyg‘un holda talqin qilingan. U faqat ayollarning pardoz vositasi bo‘libgina qolmasdan, diniy ma’no va ramzlarga ham ega bo‘lgan. Ayniqsa, ibodat va turli diniy marosimlarda ko‘zgudan foydalanish keng tarqalgan.

Zamonaviy etnografik ma’lumotlarga ko‘ra, o‘zbek va tojik xalqlari orasida nikoh marosimida kelin va kuyovning chimildiqda o‘z aksini ko‘zguda ko‘rishi shart hisoblangan. Xorazmda esa “oyna ko‘rish” deb ataluvchi udum mavjud bo‘lib, unda yangi turmush qurganlar nikoh kechasi birgalikda ko‘zguga qarashgan. Bu odatga ko‘ra, kelin va kuyov kelajak hayotlari ko‘zgudek yorug‘ va pok bo‘lishini niyat qilishgan (Турганов, 2024: 66). Shu bilan birga, ko‘zgu chimildiqni yovuz ruhlar va ins-jinslardan himoya qiladigan ashyo sifatida qaralgan. Eski tasavvurlarga ko‘ra, singan ko‘zgu baxtsizlik, hatto yaqin insonning vafotiga ishora deb hisoblangan. Ko‘zgu qadimdan ilohiy, sehrli va irim-sirimlarga boy ma’nolarni o‘z ichiga olgan ashyo hisoblangan.

Kofirqal’a arkining 13 xonasidan bronza plastinkadan yupqa qilib yasalgan yarim oy shaklidagi tojning old tomonini bezashda ishlatiladigan taqinchoq qayd etilgan. Yarim oylar o‘ng tomonda ikkita, chap tomonda esa bir dona saqlangan bo‘lib, plastinkaning diametri 9 sm, eni 1,4 sm, qalinligi 0,2 sm. Yarim oy markazida yetti qirrali yulduzni eslatuvchi plastin joylashgan. (12-rasm.). Ushbu bronza plastinkadan toj hamda peshona bezagi sifatida foydalangan. Kofirqal’a topilmasiga o‘xshash ammo yog‘ochdan yasalgan toj bezagi Kuhi Surxdan topilgan. Shuningdek, Toharistonning VI-VII asrlarga oid bo‘lgan devoriy suratlarida ayollar boshlarida yarim oy shakldida toj kiygan holatda tasvirlangan. Undan tashqari erkaklar ham sochlarini kalta turmaklab, boshlariga oy, yoki quyosh tasviri tushirilgan bezaklar taqib yurishgan (Майтдинова 2003: 208). Yarim oy bu yorug‘lik, nur, yangilanish, hukmronlik ramzi sifatida qabul qilingan. Yetti qirrali yulduz sharq xalqlarida qudrat, mukammallik ramzi hisoblangan. Shunga o‘xshash ko‘pqirrali yulduz shaklidagi bronza bezak Shimoliy Tojikistonning VI – VIII asr mozorqo‘rg‘onlarida ham qayd etilgan (Литвинский 1973: табл. 6, 1).

Xulosa. VII – VIII asrlarda Kofirqal’a yodgorligining metalldan ishlangan taqinchoq va bezaklarini o‘rganish va tadqiq etish jarayonida shuni xulosa qilib aytish mumkinki, taqinchoqlar kumush, bronza hamda kumush ustiga oltin suvi yuritilib yasalgan hamda qimmatboho toshlar bilan bezatilgan. Bu esa Markaziy Sug‘d hunarmandlari metallga ishlov berishni yuksak san’at darajasiga ko‘tarishgan. Bu hududda ishlab chiqarilgan taqinchoq va bezaklar o‘zining nafisligi, jozibadorligi bilan alohida ajralib turgan.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI:

Абдуллаев Т., Фахретдинова Д., Хакимов А. Песнь в металле. Ташкент: Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 1986. 252 с.

Альбаум Л. И. Живопись Афрасиаба. Ташкент: ФАН, 1975. 160 с.

Анарбаев А. Ахсикет - столица древней Ферганы. Ташкент: TAFAKKUR, 2013. 536 с.

Аскаров А. Сапаллитепа. Ташкент: ФАН, 1973. 172 с.

Ахунбабаев Х. Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиабе. Самарканд: SARATON XAMAR, 1999. 179 с.

Баешко А. С., Гордиенко А. Н., Гордиенко А. Н. Энциклопедия символов. М.: ЭКСМО, 2007. 304 с.

Беленицкий Л. М. Скульптура и живопись древнего Пенджикента // Новые памятники искусства древнего Пенджикента: Опыт иконографического истолкования. М.: Академия наук СССР, 1959. 191 с.

Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: НАУКА, 1973. 393 с.

Бердимурадов А. Э., Самибоев М. К. Храм Джартепа. Тошкент: Издательство народного наследия имени Абдуллы Кадыри, 1999. 72 с.

Бердимуродов А. Э., Мантеллини С., Матбабаев Б. Х. Кафыркала загородная резиденция самаркандских правителей / Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда / Отв. ред. Т. Ш. Ширинов, Ш. Р. Пидаев. Ташкент–Самарканд: ФАН АН РУз., 2007. С. 17–19.

Бердимуродов А. Э., Индиаминова Ш. А. Буюк Ипак йўли: қитъалар ва асрлар оша. Самарқанд: O‘ZBEKISTON, 2017. 384 б.

Бердимуродов А. Э., Богомолов Г., Такао У. Кофирқалъа тилга кирмоқда // Фан ва турмуш. 1-2 сон. Тошкент, 2018. 3–5 б.

Бердимурадов А.Э., Богомолов Г.И., Сандибоев А Н. Археологическое изучение городища Кафыркала: отчет за 2023 год: Самарканд, 2024. // Архив Института археологии АН РУз. Ф.4, Оп. 1. Д. 356. 108 с.

Бидерманн Г. Энциклопедия символов. М.: РЕСПУБЛИКА, 1996. 335 с.

Богомолов Г. И. К вопросу о «киртимукхе» с Афрасиаба // История и археология Турана. № 4. Самарканд, 2019. С. 158–171.

Богомолов Г. И. Буддизм в истории Узбекистана // Религии Центральной Азии и Азербайджана. Том III. Буддизм. Самарканд: МИЦАИ, 2019. С. 240–351.

Брыкина Г. А. Карабулак. М.: НАУКА, 1974. 139 с.

Вишневская Н. Ю. Ремесленные изделия Джигербента (IV в. до н.э. - начало XIII в. н.э.). М.: ВОСТОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА, 2001. 175 с.

Дъяканов М. М. Росписи Пянджикента и живописъ Средней Азии // Живописъ древнево Пянжиканта. М.: Академия наук СССР, 1954. 83–158 с.

Егише О. Вардане и войне армянской / Перевод с древнеармянского акад. И. А. Орбели. Ереван: Издательство АН Армянской ССР, 1971. 192 с.

Жабборов И. Ўзбеклар: турмуш тарзи ва маданияти (этнотарихий лавҳалар). Тошкент: “ЎҚИТУВЧИ”, 2003. 208 б.

Иброҳимов С. Фарғона шеваларининг касб-ҳунар лексикаси. II-III жилд. Тошкент: ФАН, 1959. 456 б.

Иванов Г. П. Подвеска // Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Книга 2. – М.: ВНЕШТОРГИЗДАТ, 1991. 220 с.

Кабанов С. К. Культура сельских поселений Южного Согда III-VI вв. По материалам исследований в зоне Чимкурганского водохранилища. Ташкент: ФАН, 1981. 128 с.

Каттаева Г. Ч. Сополли маданиятининг заргарлик буюмлари: Тарих фанлари бўйича фалсафа доктори (PhD) илмий даражасини олиш учун ёзилган диссертацияси. Термиз, 2022. 184 б.

Курбанов Ш. Ф., Дородных С. А., Шульц Р. Раскопки объекта XXVI в 2014 г. // Материалы Пенджикентской археологической экспедиции. Выпуск XVIII. / Под. редакцией П. Б. Лурье. Санкт-Петербург, 2015. 270 с.

Кызласов Л. Р. Остатки замки VI – VII вв. на городише Ак-Бешим // Советская археология. № 3. М.: Академия наук СССР, 1958. 152–161 с.

Литвинский Б. А. Украшения из могильников западной Ферганы. М.: НАУКА, 1973. 230 с.

Литвинскии Б. А. Орудия труда и утварь из могильников Западной Ферганы (Археологические и этнографические материалы по истории культуры и религии Средней Азии). М.: НАУКА, 1978. 255 с.

Манылов Ю. П., Ростовцев О. М. Отчёт о проведенних археологичиских науно-исследовательских работ по зоне реконструкций канала Нарпай Пахтачийского района Самаркандской области // Научный архив ИА АН РУз. Ф.4. О.1. Д. 156. Самарканд, 1984. 75 с.

Маршак Б. И. Согдийское серебро. Очерки по восточной торевтике. М.: НАУКА, 1971. 191 с.

Маршак Б. И Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия в раннем средневековье. М.: НАУКА, 1999. С. 175–191.

Майтдинова Г. М. История таджикского костюма. Том 1. Душанбе: Издательско-Полиграфический Центр ООО НПЦ ОГРТ, 2003. 280 с.

Мончадская Е. А. Глиняный налеп с пенджикентского оссуария. (К вопросу об оберегах в Средней Азии) // Труды Академии наук Таджикской ССР. Т. CXX. Душанбе, 1960. 162 с.

Мухитдинов Х. М. Статуэтки женского божества с зеркалом из Саксонхура // Советская этнография. № 5. М.: НАУКА, 1973. 99–107 с.

Ольденбург С. Ф. Первая Русская Туркестанская экспедиция 1909-1910 гг. Санкт-Петербург, 1914. 88 с.

Пугаченкова Г. А. Коропластика Мерва // Труды ЮТАКЭ. Том. XI. Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1962. 422 с.

Распопова В. И. Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л.: НАУКА, 1980. 140 с.

Распопова В. И. Металлические изделия из Пенджикента. Санкт-Петербург: ФОРМИКА, 1999. 104 с.

Рузанов В. Д. Металлообработка на юге Средней Азии в эпоху бронзы. Самарканд, 2013. 347 с.

Сандибоев А. Н. Маймурғ илк ўрта асрларда. Тошкент: ZAMIN NASHR, 2021. 208 б.

Сариниди В. И. Древности страны Маргуш. Ашхабад: ЫЛЫМ, 1990. 316 с.

Сариниди В. И. Храм и некрополь Тиллятепе. М.: НАУКА, 1989. 240 с.

Савельева А. И. Погребальные пекторали эпохи нового царства и поздних периодов Россия. Исторический формат № 3–4. 2022. 93 с.

Сулейманов Р. Х. Древний Нахшеб. Проблемы цивилизации Узбекистана VII в. до н.э. – VII в. н.э. Самарканд–Ташкент: ФАН, 2000. 332 с.

Торгоев А. И., Мирзаахмедов Д. К., Курбанов Б. Г. Художественный металл Бухары и Бухарского оазиса VIII–XIV вв. Самарканд: МИЦАИ, 2023. 278 с.

Турганов Б. Қ. Хоразмнинг ўрта аср узуклари // Ўзбекистон археологияси. №1 (20). Самарқанд, 2020. Б. 63–72.

Турганов Б. Хоразмнинг ўрта аср бронза кўзгулари // Ўзбекистон археологияси. № 1. Самарқанд, 2024. Б. 57–68.

Тюляев С. И. Искусство Индии. III тыс. до н.э. – VII в. н.э. М.: ИСКУССТВО, 1988. 344 с.

Шульц П. Мавзолей Неаполя Скифского. М.: ИСКУССТВО, 1953. 124 с.

Хазанов А. М. Религиозно-магическое понимание зеркал у сарматов // Советская этнография. № 3. М.: НАУКА, 1964. С. 89–96.

Якубов Ю. Паргар в VII – VIII вв. н. э. Душанбе: ДОНИШ, 1979. 219 с.

Яценко С. А. Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). М.: Восточная литература, 2006. 662 с.

Vang Jianxin, Berdimurodov A. O‘zbekiston va Xitoy hamkorligidagi arxeologik tadqiqot natijalarining ko‘rgazmasi. 2020. 83 b.

Ghirshman R. Terrasses sacrees Barde Nechandeh et Masjidi Solaiman. L›iran du Sud Ouest du VSh e s.av.n.ere au V e s.de n ere. Vol. I. Paris, 1976. 103 c.

Schulz Robert. The “Stroganov bowl” in the state hermitage a localized interpretation // Материалы Пенджикентской археологической экспедитсии. Вып. XX. Санкт-Петербург, 2016. С. 120–124.

Schmidt N. Archaeological excavations in Anau and Old Merv // Exploration in Turkestan, Expedition of 1904. Washington, 1908. P. 83–120.

REFERENCES:

Abdullaev, T., Fakhretdinova, D., Khakimov, A. 1986. Pesn’v metalle (Song in Metal). Tashkent: Gafur Guliam Literature and Art Publ., 252. (In Russian)

Al’baum, L. I. 1975. Zhivopis’ Afrasiaba (Painting of Afrasiab). Tashkent: FAN Publ., 160. (In Russian).

Anarbaev, A. 2013. Akhsyket – stolitsa drevney Fergany (Akhsiket – Capital of Ancient Ferghana). Tashkent: TAFAKKUR Publ., 536. (In Russian).

Askarov, A. A. 1973. Sapallitepe (Sapallitepe). Tashkent: FAN Publ., 172. (In Russian).

Akhunbabaev, H. G. 1999. Dvorets ikhshidov Sogda na Afrasiabe (The Palace of the Ikhshids of Sogdiana in Afrasiab). Samarkand: SARATON XAMAR Publ., 179. (In Russian).

Baeshko, A. S., Gordienko, A. N., Gordienko, A. N. 2007. Entsiklopediya simvolov (Encyclopedia of Symbols). Moscow: EKSMO Publ., 304. (In Russian).

Belenitsky, L. M. 1959. Skulptura i zhivopis’ drevnego Penzhikenta (Sculpture and Painting of Ancient Penjikent). In Novye pamiatniki iskusstva drevnego Penjikenta: Opyt ikonograficheskogo istolkovaniya. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 191. (In Russian).

Belenitsky, A. M., Bentovich, I. B., Bolshakov, O. G. 1973. Srednevekovy gorod Sredney Azii (Medieval City of Central Asia). Leningrad: Nauka Publ., 393. (In Russian).

Berdimuradov, A. E., Samiboev, M. K. 1999. Kkhram Djartepa (Jartepa Temple). Tashkent: Abdulla Qadiri Heritage Publ., 72. (In Russian).

Berdimuradov, A. E., Mantellini, S., Matbabaev, B. Kh. 2007. In Shirinov, T. Sh., Pidaev, Sh. R. (eds.). Kafyrkala zagorodnaya rezidentsiya samarkandskikh praviteley (Kafyrkala: The Suburban Residence of Samarkand Rulers). In Rol’ goroda Samarkanda v istorii mirovogo kul’turnogo razvitiya. Materialy Mezhdunarodnogo nauchnogo simpoziuma, posvyashhennogo 2750-letnemu yubileyu goroda Samarkanda. Tashkent–Samarkand: FAN Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan Publ., 17–19. (In Russian).

Berdimuradov, A. E., Indiaminova, Sh. A. 2017. Buyuk Ipak yo’li: qit’alar va asrlar osha (The Great Silk Road: Across Continents and Centuries). Samarkand: O’ZBEKISTON Publ., 384. (In Uzbek).

Berdimuradov, A. E., Bogomolov, G., Takao, U. 2018. Kofyrkala tilga kirmoqda (Kafyrkala Enters the Discourse). Fan va Turmush Publ., 3–5. (In Russian).

Berdimuradov, A. E., Bogomolov, G. I., Sandiboev, A. N. 2024. Arheologicheskoe izuchenie gorodishcha Kafyrkala: otchet za 2023 god (Archaeological Study of Kafyrkala Site: 2023 Report). Samarkand. Archive of the Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of Uzbekistan, F.4, Op.1. D. 356. 108. (In Russian).

Biedermann, G. 1996. Entsiklopediya simvolov (Encyclopedia of Symbols). Moscow: Respublika Publ., 335. (In Russian).

Bogomolov, G. I. 2019. K voprosu o “kirtimukhe” s Afrasiaba (On the Question of “Kirtimukha” from Afrasiab). Istoriya i Arheologiya Turana. Vol. 4. 158–171. (In Russian)

Bogomolov, G. I. 2019. Buddizm v istorii Uzbekistana (Buddhism in the History of Uzbekistan). In Religii Tsentral’noy Azii i Azerbaydzhana. Vol. III. Buddizm. Samarkand: MICAI, 240–351. (In Russian).

Brykina, G. A. 1974. Karabulak (Karabulak). Moscow: Nauka Publ., 139. (In Russian)

Vishnevskaya, N. Yu. 2001. Remeslennye izdeliya Djigerbenta (IV v. do n. e.–nachalo XIII v. n. e.) (Craft Products of Djigerbent (4th century BCE – early 13th century CE). Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 175. (In Russian).

D’yakanov, M. M. 1954. Rospisi Pyanjikenta i zhivopis’ Sredney Azii (Paintings of Penjikent and Central Asian Art). Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 83–158. (In Russian)

Egishe, O. 1971. Vardane i voine armyanskoy (Vardane and the Armenian War). Yerevan: Armenian SSR Academy of Sciences Publ., 192. (In Russian).

Jabborov, I. 2003. O‘zbeklar: turmush tarzi va madaniyati (Ethno-historical Portraits of the Uzbeks). Tashkent: O‘QITUVCHI Publ., 208. (In Uzbek).

Ibrohimov, S. 1959. Farg‘ona shevalarining kasb-hunar leksikasi (The Professional Vocabulary of Fergana Dialects). Vol. II–III. Tashkent: FAN Publ., 456. (In Uzbek).

Ivanov, G. P. 1991. Podveska (Pendant). In Kultura i iskusstvo drevnego Uzbekistana: Katalog vystavki. Book 2. Moscow: Vneshtorgizdat Publ., 220. (In Russian).

Kabanov, S. K. 1981. Kultura sel’skikh poseleniy Yuzhnogo Sogda III–VI vv. (The Culture of Rural Settlements of Southern Sogdiana, 3rd–6th centuries). Tashkent: FAN Publ., 128. (In Russian).

Kattaeva, G. Ch. 2022. Sopolli madaniyatining zargarlik buyumlari (Jewelry Items of the Sopolli Culture): Thesis of the candidate of historical sciences (PhD). Termez, 184. (In Uzbek).

Kurbanov, Sh. F., Dorodnykh, S. A., Shultz, R. 2015. In P. B. Lurie (ed.). Raskopki ob’ekta XXVI v 2014 g. (Excavations of Object XXVI in 2014). In Materialy Pendzhikentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. Vol. XVIII. Saint Petersburg, 270. (In Russian).

Kyzlasov, L. R. 1958. Ostatki zamki VI–VII vv. na gorodishe Ak-Beshim (Remains of the Fortress of the 6th–7th Centuries at the Ak-Beshim Site) In Sovetskaya arkheologiya. No. 3, Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publ., 152–161. (In Russian).

Litvinsky, B. A. 1973. Ukrasheniya iz mogil’nikov zapadnoy Fergany (Juvelers from the Burial Grounds of Western Fergana). Moscow: NAUKA Publ., 230. (In Russian)

Litvinsky, B. A. 1978. Orudiya truda i utvar’ iz mogil’nikov Zapadnoy Fergany (Tools and Utensils from the Burial Grounds of Western Fergana). Moscow: NAUKA Publ., 255. (In Russian).

Manylov, Yu. P., Rostovtsev, O. M. 1984. Otchet o provedennih arkheologicheskikh nauchno-issledovatelskikh rabot po zone rekonstruktsii kanala Narpay Pakhtachiytskogo r-na Samarkandskoy oblasti (Report on Archaeological Research in the Narpay Canal Reconstruction Zone, Samarkand Region). Nauchnyy arkhiv IA AN RUz, F.4. O.1. D.156. Samarkand, 75. (In Russian).

Marshak, B. I. 1971. Sogdiyskoye serebro: Ocherki po vostochnoy torevtike (Sogdian Silver: Essays on Eastern Toreutics). Moscow: NAUKA Publ., 191. (In Russian).

Marshak, B. I. 1999. Sogd V–VIII vv. Ideologiya po pamiatnikam iskusstva (Sogd, 5th–8th Centuries: Ideology Based on Art Monuments). In Arkheologiya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov’e, Moscow: NAUKA Publ., 175–191. (In Russian).

Maitdinova, G. M. 2003. Istoriya tadzhikskogo kostyuma. (History of Tajik Costume). Vol. 1 Dushanbe: Poligraficheskiy Tsentr LLC NPC OGRT Publ., 280. (In Russian).

Monchadskaya, E. A. 1960. Glinyanyy nalep s Pendzhikentskogo ossuariya (Clay Relief from the Penjikent Ossuary) In Trudy Akademii nauk Tadzhikskoy SSR. Vol. CXX. Dushanbe, 162. (In Russian).

Mukhitdinov, Kh. M. 1973. Statuetki zhenskogo bozhestva s zerkalom iz Saksonkhura (Female Deity Statuettes with Mirror from Saksonkhur) In Sovetskaya etnografiya, No. 5, Moscow: NAUKA Publ., 99–107. (In Russian).

Oldenburg, S. F. 1914. Russkaya Turkistanskaya ekspeditsiya 1909–1910 gg. (Russian Turkistan Expedition 1909–1910). Saint Petersburg, 88. (In Russian).

Pugachenkova, G. A. 1962. Koroplastika Merva (Clay Figures of Merv). In Trudy YUTAKE. Vol. XI. Ashgabat: Academy of Sciences of Turkmen SSR Publ., 422. (In Russian)

Raspopova, V. I. 1980. Metallicheskiye izdelia rannesrednevkovogo Sogda (Metal Objects of Early Medieval Sogdiana). Leningrad: NAUKA Publ., 140. (In Russian).

Raspopova, V. I. 1999. Metallicheskiye izdelia iz Pendzhikenta (Metal Objects from Penjikent). Saint Petersburg: FORMICA Publ., 104. (In Russian).

Ruzanov, V. D. 2013. Metalloobrabotka na yuge Sredney Azii v epokhu bronzy (Metalworking in Southern Central Asia during the Bronze Age). Samarkand, 347. (In Russian)

Sandiboev, A. N. 2021. Maymurg ilk o‘rta asrlarda (Maymurg in the Early Medieval Period). Tashkent: ZAMIN NASHR Publ., 208. (In Uzbek).

Sarianidi, V. I. 1990. Drevnosti strany Margush (Antiquities of Margush). Ashgabat: YLYM Publ., 316. (In Russian).

Sarianidi, V. I. 1989. Kkhram i nekropol’ Tillyatepe (Temple and Necropolis of Tillyatepe). Moscow: NAUKA Publ., 240. (In Russian).

Savelyeva, A. I. 2022. Pogrebal’nye pectorali epokhi novogo tsarstva i pozdnikh periodov Rossii (Funerary Pectorals of the New Kingdom and Later Periods in Russia). Istoricheskiy format. No. 3–4. 93. (In Russian).

Suleymanov, R. Kh. 2000. Drevniy Nakhshab. Problemy tsivilizatsii Uzbekistana VII v. do n.e.–VII v. n.e. (Ancient Nakhshab. Problems of Civilization in Uzbekistan, 7th c. BCE – 7th c. CE). Samarkand–Tashkent: FAN Publ., 332. (In Russian).

Torgoev, A. I., Mirzaakhmedov, D. K., Kurbanov, B. G. 2023. Kudozhestvennyy metall Bukhary i Bukharskogo oazisa VIII–XIV vv. (Art Metal of Bukhara and the Bukhara Oasis, 8th–14th c.). Samarkand: MICAI, 278. (In Russian).

Turganov, B. Q. 2020. Khorazmning o‘rta asr uzuklari (Medieval Rings of Khorezm). O‘zbekiston arkheologiyasi. No. 1(20). Samarkand, 63–72. (In Uzbek)

Turganov, B. 2024. Khorazmning o‘rta asr bronza ko‘zgulari (Medieval Bronze Mirrors of Khorezm). O‘zbekiston arkheologiyasi. No. 1. Samarkand, 57–68. (In Uzbek).

Tyulyaev, S. I. 1988. Iskusstvo Indii. III tysyacheletie do n.e.–VII v. n.e. (Art of India, 3rd millennium BCE – 7th c. CE). Moscow: ISKUSSTVO Publ., 344. (In Russian).

Shultz, P. 1953. Mavzoley Neapolya Skifskogo (Mausoleum of Scythian Neapolis). Moscow: ISKUSSTVO Publ., 124. (In Russian).

Khazanov, A. M. 1964. Religiozno-magicheskoye ponimaniye zerkal u sarmatov (Religious-Magical Understanding of Mirrors among the Sarmatians). In Sovetskaya etnografiya. No. 3. Moscow: NAUKA Publ., 89–96. (In Russian).

Yakubov, Yu. 1979. Pargar v VII–VIII vv. n.e. (Pargar in the 7th–8th c. CE). Dushanbe: DONISH Publ., 219. (In Russian).

Yatsenko, S. A. 2006. Kostyum drevney Evrazii (Iranoyazichnye narody) (Costume of Ancient Eurasia, Iranian-speaking Peoples). Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 662. (In Russian)

Vang, J., Berdimurodov, A. 2020. O‘zbekiston va Xitoy hamkorligidagi arxeologik tadqiqot natijalarining ko‘rgazmasi (Exhibition of Archaeological Research Results in Cooperation between Uzbekistan and China). 83 (In Uzbek).

Ghirshman, R. Terrasses sacrees Barde Nechandeh et Masjidi Solaiman. L›iran du Sud Ouest du VSh e s.av.n.ere au V e s.de n ere. Vol. I. Paris, 1976. 103.

Schulz, R. 2016. The “Stroganov bowl” in the state hermitage a localized interpretation. In Materials of the Penjikent archaeological expedition. Issue XX. St. Petersburg, pp. 120-124.

Schmidt, N. 1908. Archaeological excavations in Anau and Old Merv. In Exploration in Turkestan. Expedition of 1904. Washington, 83-120.

JEWELRY AND ORNAMENTS OF CENTRAL SOGD IN THE EARLY MIDDLE AGES (BASED ON THE MATERIALS FROM KAFIRQALA)

© 2025. Berdimurodov Amriddin, Sandiboev Alisher, Alimov Navruz
Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov

Key words: Sogd, Kafirqala, jewelry art, metal items, plaques, pectoral, medallion, earring, ring, fibula, bracelet, crown ornaments, mirror, precious stones, kirtimukha, trade and cultural relations, ethnography, craftsmanship.

The article analyzes the jewelry art that developed in the early Middle Ages in the territory of Central Sogdia, especially on the basis of the findings recorded as a result of archaeological research carried out at the Kafirqala site located near Samarkand. During the study, jewelry items made of gold, silver, and bronze — pendants, medallions, earrings, rings, bracelets, fibulae, crown ornaments, mirrors, and bells — were examined, and conclusions were drawn that they were used not only as adornments, but also for protective, symbolic, and ritual purposes. At the same time, the article reflects the high level of mastery of Central Sogdian craftsmen in metalworking, expressed through works of art connected with trade, cultural relations, and religious views. The jewelry items discovered at the Kafirqala site are of great importance for studying the jewelry art of Central Sogdia of the 7th–8th centuries, as well as its trade-economic and cultural relations with neighboring regions. Through these gold and silver ornaments, one can observe the economic power of the region and see that craftsmanship occupied an important place in the economy. In addition, during the Middle Ages the Sogdian territory maintained active cultural and trade-economic relations with neighboring Bactria, Byzantium, Iran, and India.

FARG‘ONA VODIYSINING VII – VIII ASRLARGA OID “JABG‘U TURK-XOQON” UNVONLI TANGALARI

©2025. Boboyorov G‘aybulla[1], Shatoxin Anton[2]
[1]O‘zR FA Milliy arxeologiya markazi
[2]Qozog‘iston Tamg‘ali muzey-qo‘riqxonasi

Kalit so‘zlar: G‘arbiy Turk xoqonligi, Choch, Farg‘ona, Quva, tanga, unvon, jabg‘u turk-xoqon, Ashina, tamg‘a.

Islomdan oldin O‘rta Osiyo tarixiy-geografik o‘lkalaridan biri bo’lgan, Choch atamasi ostida tanilgan Toshkent vohasidan topilgan hukmdor tasvirli tangalarda sug‘diy yozuvda pny ’krt twrk x’γ’n “Turk-xoqon (zarb) qildirgan tanga”, otliq tasvirli tangalarda esa nyβwr twrk x’γ’n “Nivur? Turk-xoqon” kabi atama va unvonlarning o‘qib chiqilishi ushbu xoqonlik tomonidan tangalar chiqarilgani masalasida shubhaga o‘rin qoldirmadi. Yaqin yillarda islomdan oldingi Farg‘ona vodiysi tangalarida ham shunga o‘xshash atamalar borligi aniqlandi va xoqonlik tarixi bilan bog‘liq bir qator masalalarni qayta ko‘rib chiqish kerakligini borasida xulosalar qilindi.

ДОИСЛАМСКОЕ МОНЕТЫ ФЕРГАНСКОЙ ДОЛИНЫ С ТИТУЛОМ “ЖАБГУ ТЮРК-КАГАН”

©2025. Бабаяров Гайбулла[1], Шатохин Антон[2]
[1]Национальный центр археологии АН РУз
[2]Музей-заповедник Тамгалы, Казахстан

Ключевые слова: Западно-Тюркский каганат, Чач, Фергана, Кува, монета, титул, жабгу тюрк-каган, Ашина, тамга.

Монеты с изображением правителей, найденные в Ташкентском оазисе, который в доисламский период был известен как Чач, подтверждают их чеканку именно Западно-Тюркским каганатом. В частности, на этих монетах присутствуют согдийские надписи *pny ’krt twrk x’γ’n* «монета, отчеканенная тюркским каганом» и *nyβwr twrk x’γ’n* «Нивур? Тюрк-каган» на монетах с изображением всадника. Чтение этих титулов не оставляет сомнений в их принадлежности к каганату. В последние годы установлено, что схожие термины встречаются и на монетах Ферганской долины, что ставит на повестку дня необходимость пересмотра ряда вопросов, связанных с историей каганата.

Keyingi o‘nyilliklarda O‘rta Osiyoning o‘nlab shahar qoldiqlarida, ayniqsa, Toshkent, Farg‘ona va Samarqand kabi qadimiy viloyatlardagi arxeologik yodgorliklarda yuzlab mis tangalar topilishi va ularda Turk xoqonligi (552–744) unvonlar tizimiga tegishli unvon va epitetlar o‘rin olganining aniqlanishi bilan fanda “Turk xoqonligi tanga-pullari”, to‘g‘rirog‘i, “G‘arbiy Turk xoqonligi tangalari” degan tushuncha o‘rtaga chiqdi. Bungacha tangashunoslar tomonidan islomdan oldingi O‘rta Osiyo tangalarining sezilarli bir qismi “Eski turk tangalari guruhi” deb atalib, tangalarning Turk xoqonligiga tegishli yoki tegishli emasligi masalasi ko‘tarilmagan edi.

Islomdan oldin O‘rta Osiyo tarixiy-geografik o‘lkalaridan biri o‘laroq bilinib, Choch atamasi ostida tanilgan Toshkent vohasidan topilayogan hukmdor tasvirli tangalarda sug‘diy yozuvda pny ’krt twrk x’γ’n “Turk-xoqon (zarb) qildirgan tanga”, otliq tasvirli tangalarda esa nyβwr twrk

x’γ’n “Nivur? Turk-xoqon” kabi atama va unvonlarning aniqlanishi ushbu xoqonlik tomonidan tangalar chiqarilgani masalasida shubhaga o‘rin qoldirmadi (Бабаяров 2023: 57–74). Yaqin yillarda Farg‘ona vodiysi tangalarida ham shunga o‘xshash atamalar borligi aniqlanishi xoqonlik tarixi bilan bog‘liq bir qator masalalarni qayta ko‘rib chiqish kerakligini ko‘ndalang qo‘ymoqda.

Farg‘ona tangalariga to‘laqonliroq to‘xtalishdan oldin Turk xoqonligi tomonidan O‘rta Osiyoning Choch, Farg‘ona, Sug‘d va To‘xoriston kabi tarixiy-geografik o‘lkalarida bostirilgan tangalar bilan tanishib chiqsak. Ushbu tarixiy o‘lkalar tangalaridan bir turkumini xoqonlik bilan, aniqrog‘i, G‘arbiy Turk xoqonligi bilan bog‘lash uchun quyidagicha omillarga tayaniladi:

1) VI – VIII asrlar orasida Chochda bostirilgan tangalarda sug‘diy yozuvda “jabg‘u”, “jabg‘u-xoqon”, “xoqon” unvonlari bilan birga “Tardu xoqon”, “Tun jabg‘u-xoqon”, “Elbi Ishbara Sir jabg‘u-xoqon”, “Tun xoqon” kabi G‘arbiy turk xoqonlarining oti va xoqonlikning etnosiyosiy nomi o‘laroq “Turk-xoqon” atamasi uchraydi (2014; Babajarov, Kubatin 2013: 47-58)).

2) VII – VIII asrlarda Farg‘ona vodiysida chiqarilgan tangalarda “xoqon”, “jabg‘u” unvonlari o‘rin olgan.

3) VI – VIII asrlarda Sug‘d (Samarqand) tangalarida “Tardu xoqon”, “Turon hukmdori xoqon” kabi boshqaruvchilar oti va “xoqon” unvoni uchraydi (Бабаяров 2018: 3–15).

4) VII – VIII asrlarda To‘xoriston (Janubiy O‘zbekiston – Janubiy Tojikiston – Shimoliy Afg‘oniston)da bostirilgan tangalarda “xoqon”, “yabg‘u”, “tegin” unvonlari o‘rin olgan (Бабаяров, Лившиц 2002: 21–26; Harmatta, Litvinsky 1996: 367–401).

Ushbu tangalarni to‘g‘ridan-to‘g‘ri G‘arbiy Turk xoqonligi bilan bog‘lash uchun birgina tangalardagi boshqaruvchi ismi yoki unvoni emas, balki tangalar ikonografiyasi va turli ramziy belgilar ularning xoqonlikka tegishli ekanini ko‘rsatadi. Shu o‘rinda aytib o‘tish kerak, xoqonlik boshqaruvi chog‘ida O‘rta Osiyoning bir necha o‘lkalarida “eltabar”, “tudun”, “tutuq”, “cho‘r”, “tarxon” kabi eski turk boshqaruv tizimiga tegishli unvonlar o‘rin olgan tangalar bostirilgan bo‘lib, ulardagi tamg‘alar yuqorida keltirib o‘tilgan “xoqon”, “jabg‘u xoqon” va “xoqon” unvonli tangalardan butunlay farq qiladi (Смирнова 1981: 389; Бабаяров 2007: 42, 52–55).

1.1. Farg‘ona vodiysi tangalarining paleografiyasi. Farg‘ona vodiysining islomdan oldingi tangalari orasida Ashina sulolasiga tegishli deb qaralayotgan tangalarni 2 ta turkumga ajratamiz. Ularning birinchi turkumida old yuzasida to‘g‘riga yuzlangan uzun sochli, qisiq ko‘zli, dumaloq yuzli hukmdor boshi, uning o‘ng va so‘l tomonida eski turk-run yozuvi?, tanganing orqa yuzasida esa o‘rtada ko‘rinishidagi tamg‘a va uning tegrasida sug‘diy yozuvda … x’γ’nc pny “... xoqonning tangasi” degan so‘zlar uchrashi aniqlangan edi (Бабаяров 2004: 30–32; Babayar 2008: 135–146). Farg‘ona tangalarining ikkinchi turkumi esa xitoy tangalariga taqlid qilib, o‘rtasi to‘rtburchak teshikli, old yuzasida sug‘diy yozuvda “xoqon” unvoni va tamg‘a o‘rin olgan tangalar bo‘lib, ushbu tangalar bo‘yicha bir qator ilmiy izlanishlar olib borilgan (Смирнова 1981: 338–339; Баратова 1998: 41–43).

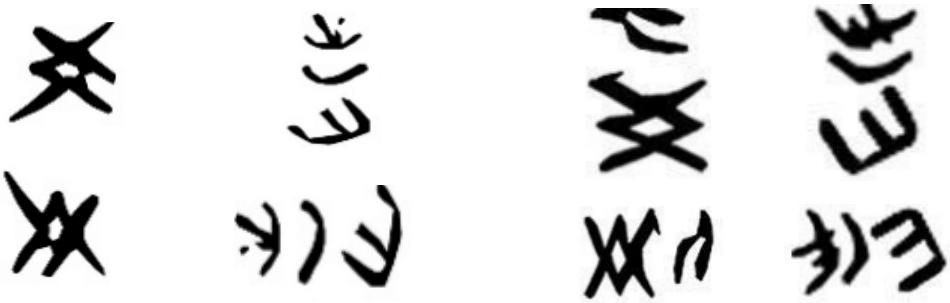
Birinchi turkumga tegishli 2 ta tanga Farg‘ona vodiysidagi Quva shahar qoldig‘ining islomdan oldingi madaniy qatlamidan topilib, ular ilk bor 2000- yillarning ilk o‘n yilligida L.S. Baratova, G‘. Boboyorovlar tomonidan ilm olamiga tanitilgan edi. L.S. Baratova har ikkala tangani ularning ikonografik tomonlariga tayangan holda “Eski turkiy tangalar turkumi”ga kiritgan bo‘lsa (Баратова 2007: 43–50), G‘. Boboyorov bu tangalardagi yozuvlarni “xoqon”, “xoqonning tangasi” deb o‘qib, ular G‘arbiy Turk xoqonligi tangalari turkumiga tegishli deb qaragan, shuningdek, ularni xoqonlikning VII asr 30–40 yillarida Farg‘ona vodiysida o‘z sulolasini qurgan Farg‘ona Ashina sulolasi tomonidan bostirilgan tangalar deb ochiqlagan edi (Бабаяров 2019: 5–13). Shuningdek, ushbu tangalarga ulardagi tamg‘alar (–), ikonografiya va unvonlardan kelib chiqib, VII asrning ilk yarmida bostirilgan deb qaralib, ular Choch vohasida o‘zining xos tangalarini chiqargan G‘arbiy Turk xoqonligi tangalariga har tomonlama yaqin

o‘xshashligiga urg‘u berilgan edi. Farg‘ona vodiysidagi Ashina sulolasi tomonidan bostirilgan ikkinchi turkum tangalar esa o‘tgan asrning 40- yillarida aniqlangan bo‘lib, Farg‘ona vodiysining ko‘plab qadimiy shahar qoldiqlaridan topilgan bu turdagi tangalar yaqin yillargacha “Eski turk tangalari turkumi”ga kiritilgan yoki Turgash xoqonligi tangalari bilan bir davrda bostirilgan deb qaralib kelingan edi. Yuqorida keltirib o‘tilgan 2 dona Quva tangasining topilishi natijasida xitoy taqlidi tangalar xoqonlikning Farg‘ona tarmog‘i tomonidan chiqarilgan ikkinchi bosqich tangalar turkumiga kiritildi (Бабаяров 2019: 5–13). Shu yo‘sinda 650- yillar so‘nggida Tan Xitoyi G‘arbiy Turk xoqonligi ustidan, shu jumladan, Farg‘ona vodiysi ustidan ustunlik o‘rnatishi natijasida bu turdagi tangalar chiqarila boshlagan deb qaraldi. Quyida ularni keltirib o‘tamiz (1-rasm):

1-rasm. Quva tangtalari
Рис. 1. Монеты Кувы
Fig. 1. Coins of Quva

Har ikkala tanganing old yuzasida hukmdorning o‘ng va so‘l tomonida yozuv o‘rin olgan bo‘lib, G‘. Boboyorov tomonidan eski turk-run yozuvi deb qaralgan va so‘roq belgisi ostida k2ŋ1m – q(a)ng(ï)m “otam” va qğ1n1 – q(a)ğ(a)n “xoqon” deb o‘qilgan, bu o‘qish bir qator turkologlar tomonidan qo‘llab-quvvatlangan edi (Babayarov 2004: 30–32; Babayar 2008: 135–146). Turkolog E. Asanov ushbu tanga yozuvining so‘l tomonidagisini k2n1m (q(a)n(ï) m) ko‘rinishida o‘qib, “qan” so‘zi eski turkchada “hukmdor” ma’nosini berishini yozgan, shu yo‘sinda u bu yozuvni “xukmdorim xoqon” deb ochiqlash kerakligiga urg‘u bergan edi. Bu ochiqlama G‘. Boboyorov tomonidan to‘g‘ri deb topilgan edi (Бабаяров 2019: 5–8). Quyida ko‘riladiganidek, bir qarashda ushbu yozuv eski turk-run yozuvini eslatgani uchun izlanuvchilar bunday to‘xtamga kelgan bo‘lsalar-da, ayrim harf belgilarining yaxshi saqlanmagani uchun ular bu borada ikkilanib, o‘z o‘qishlarini so‘roq belgisi ostida keltirib o‘tgan edilar (2-rasm).

2- rasm. Quva tangalarining chizmasi
Рис. 2. Прорисовка монет Кувы
Fig. 2. Line drawings of the Quva coins

Izlanuvchilarga ko‘ra, ushbu tanga yozuvlarining o‘ng tomondagi 3 ta harf belgisining birinchisi eski turk-run yozuvidagi , k^2, ikkinchisi , n^1, uchinchisi esa , m grafemalarini eslatib, ularni k^2n^1m (q(a)n(ï)m) “hukmdorim” deb o‘qish bir qarashda o‘zini oqlaydigandek ko‘rinadi. Biroq birinchi harf belgisi eski turk-run yozuvi qoidalariga ko‘ra qattiq q grafemida yozilishi kerak edi. Izlanuvchilar bu holatni ayrim o‘rinlarda qattiq undoshlar yumshoq undoshlar bilan yozilgan hollar uchrashi bilan ochiqlagan edilar. Hukmdor boshi tasvirining o‘ng tomonidagi yozuv esa , ko‘rinishlarida bo‘lib, birinchisiga (q), ikkinchisiga , (ğ), uchinchisiga esa , (n) deb qaralib, ularni $qğ^1n^1$ – q(a)ğ(a)n “xoqon” deb o‘qish ayrim savollarni tug‘dirib kelayotgan edi. Birinchidan, 2-3 harf belgilari bir-biriga yopishib qolgan deb qaralgan bo‘lib, eski turk-run yozuvida bunday holatlar deyarli kuzatilmagani uchun bu ko‘zqarash o‘zini yetarlicha oqlamayotgandi.

Yaqinda bu turdagi tangalarning 15 ga yaqin nusxasi topilishi esa ushbu tanga yozuvlari bo‘yicha shu choqqacha bildirib kelinayotgan qarashlarni butunlay o‘zgartirib yubordi. Shu o‘rinda aytib o‘tish kerak, Qirg‘izistonning Farg‘ona viloyatiga janubdan yaqin chegara hududidan topilgan tangalar ham ikonografiyasi, ham paleografik tomonlariga ko‘ra Quva tangalari bilan bitta turkumga tegishliligi aniq ko‘ringani uchun biz bu tangalarni “Farg‘ona tangalari turkumi”ga kiritdik. Ushbu tangalarning old va orqa yuzalaridagi yozuvlar Quva tangalaridagiga qaraganda to‘liq saqlanib qolgan bo‘lib, bu esa Farg‘ona tangalari bo‘yicha chuqurroq izlanishlar olib borishni talab qildi. Quyidagi tangalardan ko‘rinib turganidek, 3- tanganing old yuzasidagi uzun sochli hukmdor tasvirining o‘ng tomonida harf belgilarining oldida yana bitta ko‘rinishidagi harf belgisi borilig aniqlandi. Ko‘rinishidan bu harf eski turk-run yozuvidagi harf belgilariga o‘xshamaydi: .

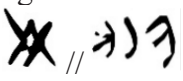
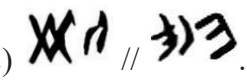
Ushbu tanga yozuvining bu va u bilan ketma-ketlikdagi , kabi harf belgilarining eski turk-run yozuvlariga unchalik o‘xshamasligi Farg‘ona tangalarining old yuzasidagi yozuvlar butunlay boshqa bir yozuv tizimiga tegishli emasmi degan savolni keltirib chiqardi. Bu tangalardagi ikonografik o‘ziga xosliklar va tamg‘a ko‘rinishi, shuningdek, tangalarning orqa yuzasidagi sug‘diy yozuvning G‘arbiy Turk xoqonligi tomonidan Farg‘onaga qo‘shni o‘lkada – Chochda bostirilgan tangalardagi yozuvlar bilan yaqin o‘xshashlikka egaligi ularni xoqonlikka tegishli tangalar deb qarashga turtki bo‘ldi. Ya’ni tangalarning orqa yuzasida o‘rin olgan ko‘rinishidagi tamg‘a tegrasidagi sug‘diy yozuv pny cpγw twrk x’γ’n “Jabg‘u turk-xoqonning tangasi” deb o‘qilishi, shu kabi so‘zlar Chochda bostirilgan G‘arbiy Turk xoqonligi tangalarida pny ’krt twrk x’γ’n “Turk-xoqon (zarb) qildirgan tanga” ko‘rinishida uchrashi diqqatni o‘ziga tortdi (3-rasm).

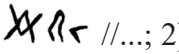
3- rasm. Choch vohasi (1.3) va Farg‘ona vodiysida (1.4) bostirilgan g‘arbiy Turk xoqonligi tangalari
Рис. 3. Монеты Западнотюркского каганата, чеканенные в Чачском оазисе (1.3) и в Ферганской долине (1.4)
Fig. 3. Coins of the Western Turkic Khaganate minted in the Chach oasis (1.3) and in the Fergana Valley (1.4)

Bu esa bizni “demak, ushbu Farg‘ona tangalari xoqonlikka tegishli ekan, unda tangadagi yozuv ham xoqonlik tomonidan qo‘llanilgan yozuv turlaridan birida yozilgan bo‘lsa kerak” deb qarashga undadi. Turk xoqonligi ish yuritish va yozishmalarda sug‘diy va eski turk-run yozuvlarini ishlatganligi yaxshi bilinadi. Yaqin yillarda esa xoqonlikning ilk yozma yodgorliklari sug‘diy yozuvi bilan bir qatorda brahmiy yozuvli protomongolcha (?) tilda yozilgani aniqlandi. Xoqonlikning 581-yilga tegishli deb sanaladigan Bug‘ut (Mo‘g‘uliston) bitiktoshining sug‘diy tilda yozilgani, ushbu bitiktoshning ko‘p yillardan beri o‘qilmay kelayotgan qismi esa brahmi yozuvida protomongolcha ekani aniqlandi (Vovin 2019:162–197; Ölmez 2018: 125–127). Shuningdek, 603-yilga tegishli deb qaraladigan Xovs-tolgoy bitiktoshi ham Turk xoqonligi bilan bog‘liq shunday yozma yodgorliklardan biri ekanining aniqlanishi Farg‘ona tangalaridagi yozuvni shu negizda o‘qishga yetakladi. Bundan tashqari, ushbu tangalar xoqonlikning birmuncha erta davriga to‘g‘ri kelishi ham bu qarashimizni qo‘llab-quvvatladi.

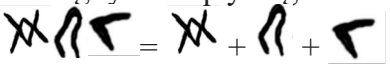
1.2. Farg‘ona tangalaridagi brahmiy yozuvlarining paleografiyasi. Ham Quva topilmalari, ham vodiyga yaqin Qirg‘iziston chegarasi topilmalaridagi tangalarda brahmiy yozuvlari, ayrim istisnolarni aytmaganda, to‘laqonli saqlanmagan. Quva tangalari yozuvlarining chizmasi esa quyidagicha:

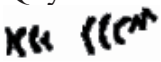
1) ; 2) .

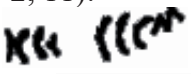
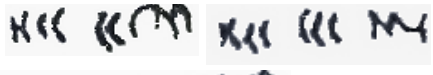
Qo‘shni respublika chegara hududi tangalarining ayrimlaridan olingan chizmalar esa quyidagicha:

1) //...; 2) ; 3) .

Quva tangalarining old yuzasidagi harf belgilari ikkita so‘zdan iboratligi, o‘ng tomondagi yozuv 3 ta, so‘l tomondagisi ham 3 ta harf belgisini o‘z ichiga olgani ko‘rinib turibdi. O‘ng tomondagi yozuv quyidagicha harf belgilaridan ibort bo‘lib, ular shu yo‘sindadir:

 = + + . Ushbu harf belgilarini Turk xoqonligiga tegishli Xovs-tolgoy bitiktoshida uchraydigan quyidagi harf belgilari bilan solishtirish mumkin:

1) = ; = ; = . Quyida keltirilib o‘tiladiganidek, Xovs-tolgoy bitiktoshida eski turkcha qağan “xoqon” unvoni kagan ko‘rinishida yozilgan bo‘lib, bitiktoshda bu atama 9 kez uchraydi. Ulardan ayrim o‘rnaklar keltirib o‘tamiz (qar. Qurčabaγatur 2019: 2, 11):

1) 2) 5) - kagan ...

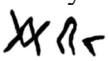
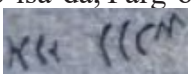
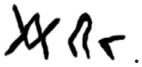
1-satr. - biti-ŋar kagan ...

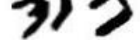
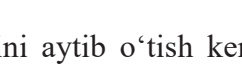
2-satr. - kagan buda kaganu ...

5- satr. - ...niri kagan türüg kagan.

Shu o‘rinda aytib o‘tish kerak, Xovs-tolgoy bitiktoshidagi “xoqon” so‘zining birinchi harfi brahmiy yozuvlari bilimdoni D. Mayer tomonidan ka, ikkinchi harfi ga, uchinchi harfi esa n deb o‘qilgan (Maue 2018: 129–139; Vovin 2019: 162–197). Aslida ushbu harflar kutilganidek, hind brahmiy alifbosida (ka), (ga), (n) ko‘rinishida yozilishi kerak edi. Biroq miloddan oldingi 4-3 asrlarda yuzaga kelib, milod boshlaridayoq buddaviy inonch tizimi Hind o‘lkasidan qo‘shni o‘lkalarga tarqala boshlagan kezlarda Tibet, Sharqiy Turkiston

kabi Osiyoning o‘rta va shimoli-sharqiy tuproqlariga yoyilar ekan, bir necha tarmoqlarga bo‘lingan edi. Shu yo‘sinda ushbu yozuv tizimining o‘nlab tarmoq yozuvlari o‘rtaga chiqqani bilinadi. Ayniqsa, ilk o‘rta asrlarda Sharqiy Turkistondagi to‘xorlar va turkiy ellar tomonidan o‘zlashtirilgan brahmiy yozuvining bir necha turlari qo‘llanila boshlangani ma‘lum. Turk xoqonligi tomonidan VI asrning so‘nggi o‘nyilliklari – VII asrning boshlarida yozilgan Bug‘ut va Xovs-tolgoy bitiktoshlarida qo‘llanilgan alifbo ham standart brahmiy alifbodan birmuncha farqli bo‘lgani ko‘zga tashlanadi. Chamasi, Farg‘ona tangalaridagi yozuv O‘rxun vodiysi (Mo‘g‘uliston) va Hind o‘lkasidagi brahmiy alifbolaridan birmuncha farqli oraliq alifbodan birida yozilgan. Yuqorida aytib o‘tilganidek, tanga yozuvi ushbu alifboning Hind o‘lkasida qo‘llanilgan turida yozilganda edi, shu ko‘rinishda yozilgan bo‘lardi: .

Farg‘ona tangalaridagi ko‘rinishidagi yozuvni brahmiy yozuvi negizida “kan” deb o‘qish va uni eski turkcha qan (xon) unvoni bilan tenglashtirish uchun asoslar bor. Bug‘ut va Xovs-tolgoy bitiktoshlarida bu unvon oz uchrasa-da (Vovin 2019: 179), eski turk-run yozuvli Tunyuquq, Taryat, Shine-usu bitiktoshlarida qan (xon) atamasi ko‘p uchrab, ayrim o‘rinlarda bu atama “xoqon” bilan teng anglamda qo‘llanilgani anglashiladi (User 2009: 264–265). Xoqonlikka tegishli brahmiy yozuvli bitiktoshlarda bu so‘z ko‘rinishda yozilgan bo‘lsa-da, Farg‘ona tangalarinikidan uncha ko‘p farqli yozilomagani ko‘rinadi. Solishtiramiz: = . Shu o‘rinda aytib o‘tish kerak, bitiktoshlardagi brahmiy harf belgilarining har biri bittadan tishi ortiqchaligi ko‘zga bilan birmuncha ajralib turadi.

G‘arbiy Turk xoqonligi tomonidan Farg‘ona vodiysida bostirilgan tangalardagi (, ,) kabi harflarni qamrab olgan ikkinchi so‘z o‘qilmasdan qolmoqda, bu bo‘yicha izlanishlarni kelgusiga qoldirgan holda ularning quyidagi ko‘rinishda yozilgan bo‘lishi ham mumkinligini aytib o‘tish kerak bo‘ladi: (, ,). Qizig‘i shundaki, tangalardagi birinchi harf belgisi brahmiy yozuvining birorta turida uchramay, eski turk-run yozuvidagi k[2] ni eslatadi. Qolgan 2 ta harf belgisi ham boshqa yozuv tizimlaridan ko‘ra ko‘proq eski turk-run harflariga yaqinligi kuzatiladi.

1.3. Farg‘ona tangalaridagi sug‘diy yozuv paleografiyasi. Bu tanga turining shu choqqacha aniqlangan 14 ta nusxasida sug‘diy yozuvning o‘zaro o‘xshash va farqli tomonlari borligi ko‘zga tashlanib, ularni 2 ta turkumga ajratish mumkin:

1) Soat mili yo‘nalishida yozilib, cpγw (t)wrk x’γ’n (pny) “Jabg‘u turk-xoqonning tangasi” so‘zlari yozilgan tangalar (4,1-rasm):

2) Soat mili yo‘nalishiga teskari yozilgan cpγw twrk x’γ’nc pny “Jabg‘u turk-xoqonning tangasi” so‘zlari o‘rin olgan tangalar (4,2-4,6-rasm).

Ushbu tangalarning barchasida sug‘dcha yozuv turli-tuman ko‘rinishlarda yozilgan bo‘lib, bu esa tangalarning turli vaqtlarda bostirilganini ko‘rsatadi. Paleografik o‘ziga xosliklariga ko‘ra Farg‘ona tangalari sug‘diy yozuvning harf belgilari o‘zaro ayri-ayri yozilgan yarim italik turiga tegishlidir. Bu esa ushbu tangalar O‘rta Osiyoning islomdan oldingi sug‘diy yozuvli tangalarining VI asr oxiri – VII asr boshlariga tegishli turida yozilgan, deb qarashga undaydi. Bunga o‘xshash holat G‘arbiy Turk xoqonligining Choch vohasida bostirilgan ilk tangalarida ham kuzatilsa-da, Farg‘ona tangalaridan farqli o‘laroq ular birmuncha yopishgan holatda yozilgani ko‘zga tashlanadi (qar. 3- rasm. 1.3, 5 – 6 rasmlar). Choch vohasining “jabg‘u” unvonli tangalari bu jihatdan Farg‘ona

1.

2.

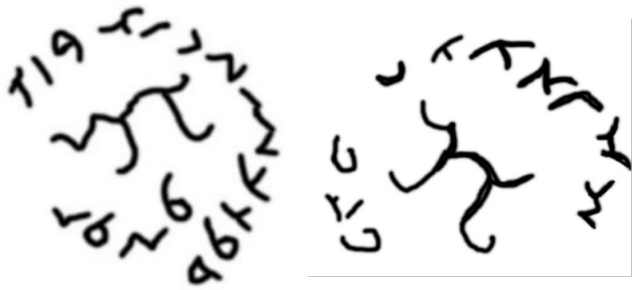
3. *4.*

5. *6.*

4- rasm. “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli Farg‘ona tangalaridan o‘rnaklar
Рис. 4. Ферганские монеты с титулом «джабгу тюрк-хакан»
Fig. 4. Fergana coins bearing the title “Jabghu Turk-Khagan”

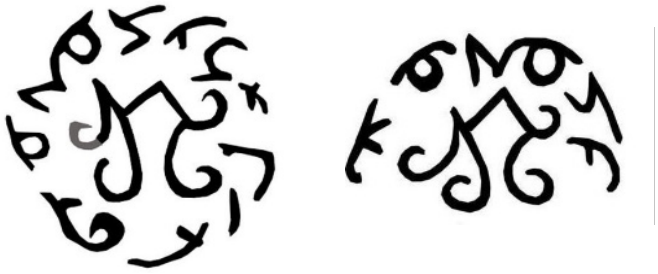
tangalariga birmuncha o‘xshashlik ko‘rsatsa-da, vohaning “Turk-xoqon” unvonli tangalarida harf belgilari o‘zaro bir-biriga ulanib ketgani anglashiladi. Bu esa Farg‘ona tangalari Choch tangalariga qaraganda biroz oldinroq bostirilgan bo‘lishi mumkinligini ko‘rsatadi. Biroq O‘rta Osiyo voha hukmdorliklarining deyarli har birida sug‘diy yozuv o‘zaro farqli yo‘nalishlarda rivojlanganidan kelib chiqilsa, ushbu turkumdagi Farg‘ona va Choch tangalarining qay biri oldinroq, qay biri esa birmuncha keyinroq bostirilgani bo‘yicha aniq to‘xtamga kelishni qiyinlashtiradi. Bu holatni yanada qulayroq tushunish uchun quyida har ikkala hudud tangalaridan olingan ayrim chizmalarni keltirib o‘tamiz (5-7-rasmlar):

5-rasm. “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli Farg‘ona tangalari chizmalari
Рис. 5. Прорисовки ферганских монет с титулом «джабгу тюрк-хакан»
Fig. 5. Line drawings of the Fergana coins bearing the title “Jabghu Turk-Khagan”

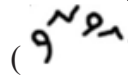
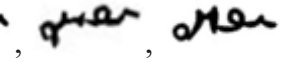

6- расм. ““Turk-xoqon”” unvonli Choch tangalari chizmalari
Рис. 6. Прорисовки чачских монет с титулом «тюрк-хакан»
Fig. 6. Line drawings of the Chach coins bearing the title “Turk-Khagan”

7- расм. ““Jabg‘u” unvonli Choch tangalarichizmlari
Рис. 7. Прорисовки чачских монет с титулом «джабгу»
Fig. 7. Line drawings of the Chach coins bearing the title “Jabghu”

Farg‘ona tangalaridagi ikkinchi so‘z – “turk” o‘laroq yozilib, bu so‘z paleografik tomondan Choch tangalaridagi (twrk “turk”) so‘zining yozilishi bilan bir xil yozilgan bo‘lsa-da, sug‘diy yozuv qoidasiga ko‘ra Choch tangasinikidan birmuncha aniq yozilgani ko‘zga tashlanadi. Ya’ni

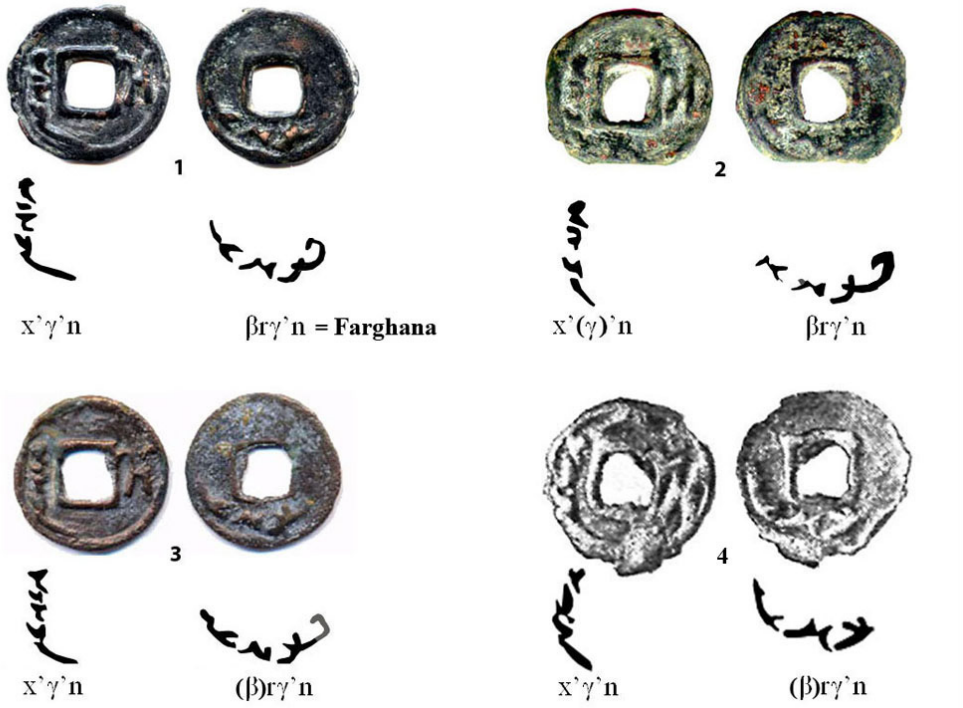
Farg‘ona tangalarida o‘rin olgan 4 ta so‘z ham yuqorida aytib o‘tilganidek, yozuv bichimiga ko‘ra O‘rta Osiyoning boshqa o‘lkalarida bostirilgan tangalardagi yozuvlar bilan yalpi o‘xshashlikka ega. Birinchi so‘z cpγw “jabg‘u” atamasi () ko‘rinishida yozilgan bo‘lib, shu tomondan u G‘arbiy Turk xoqonligining Chochda bostirilgan “Tun jabg‘u-xoqon” va “Jabg‘u-xoqon” unvonli tangalaridagi kabi yozilgani anglashiladi: , (cpγw “jabg‘u”). Hoqonlikning “Jabg‘ulik chog‘i” Choch tangalarida bu so‘z , (ẓpγw “jabg‘u” (sirg‘aluvchi “j” bilan)) ko‘rinishlarida yozilib, bu holat sug‘diylar o‘zlari uchun yot bo‘lgan turkiy “jabg‘u” so‘zini ayrim o‘rinlarda ẓpγw, ayrim o‘rinlarda cpγw o‘laroq yozganliklari bilan ochiqlanadi.

standart sug‘diy yozuvda birinchisi birmuncha qisqa, ikkinchisi esa biroz uzun yozilgan -r (resh) -k (kaf) harf belgilarini eslatib, har ikkala harf Choch tangalarida deyarli bir xil yozilgan. Farg‘ona tangalarida esa ushbu harflarning yozilishi bir-biridan butunlay ajralib turadi (qar. =).

Farg‘ona tangalaridagi uchinchi so‘z – “xoqon” so‘zi x’γ’n “xoqon” va x’γ’nc (“xoqonning”, “xoqonga tegishli”) ko‘rinishlarida yozilib, bu tomondan u O‘rta Osiyoning islomdan oldingi sug‘diy yozuvli tangalaridagi bilan deyarli birdey yozilgani ko‘zga tashlanadi. “Xoqon tangasi” iborasi o‘rin olgan O‘rta Osiyo sug‘diy yozuvli tangalarining deyarli barchasida bu ibora x’γ’n pny / pny x’γ’n o‘laroq yozilgani, Farg‘ona tangalarida esa x’γ’n so‘ziga tegishlilik bildiruvchi -c qo‘shimchasi qo‘shib yozilgani diqqatni o‘ziga tortadi (4- rasm. 1.3.2 – 1.3.4).

Farg‘ona tangalaridagi so‘nggi so‘z – pny (pani “tanga, pul”) O‘rta Osiyo sug‘diy yozuvli tangalaridagi bilan bir xil yozilgan. Shu yo‘sinda bu so‘z Chochning “turk-xoqon” unvonli tangalarinikidan ko‘ra aniqroq yozilgani ko‘zga tashlanadi. Choch tangasidagi (بنج) ko‘rinishida yozilgan so‘zni “pani” deb o‘qishdan ko‘ra “panch” deb o‘qish to‘g‘riroq bo‘lsa-da, sug‘diy yozuvda bunday holatlar kuzatilishi, ya’ni tashqi ko‘rinishidan o‘zaro o‘xshash bo‘lgan harf belgilari orasida bu kabi chalkashliklarga yo‘l qo‘yilgan hollar uchrashini aytib o‘tish kerak.

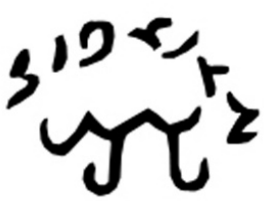
Farg‘ona vodiysining xitoy tangalariga o‘xshatib chiqarilgan, o‘rtasi teshik tangalarning paleografiyasi “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli tangalardan birmuncha farqlansa-da, yozilishiga ko‘ra yalpi o‘xshashlik borligi kuzatiladi. Ushbu tangalarning old yuzasida sug‘diy yozuvda x’γ’n “xoqon” unvoni, orqa yuzasida esa βrγ’n “Farg‘ona” toponimi o‘rin olib, quyida ko‘riladiganidek, ulardagi harf belgilari sug‘diy yozuvning yugurik (kursiv) turida yozilgani ko‘zga tashlanadi (8-rasm):

8- rasm. Xitoy tangalari ta’sirida chiqarilgan Fargona tangalari
Рис. 8. Ферганские монеты, выпущенные под влиянием китайских монет
Fig. 8. Fergana coins issued under the influence of Chinese coins

Ushbu tangalar Farg‘onada Xitoy ustunligi kuchaygan VII yuzyillikning ikkinchi yarmidan boshlab yo‘lga qo‘yilgan bo‘lsa kerak. “Sin Tan-shu” yilnomasida “Syan-sin davrining boshlanishida (656-y.) Ebochji elchi yuborib, sovg‘alar tortiq qildi. (Imperator) Gao-szun unga ko‘p iltifot ko‘rsatdi. (Ushbu davrning) 3- yili (658-y.)da Gyesay (Koson) shahri “Syushyun viloyati” deb ataldi va unga bosh harbiy amaldor Alyaotsan hokim (si-shi) qilib tayinlandi” degan bilgilar uchrashidan kelib chiqilsa, 650- yillar so‘nggida Farg‘onaning turkiy boshqaruvchilari Xitoy ustunligini tan olgan edilar (Бичурин 1950, II: 319; Малявкин 1989: 188–189; Xo‘jayev 2013: 27–28). Qisqasi, ushbu tangalarni Farg‘onada Ashina sulolasining ikkinchi bosqich tangalaridir deya olamiz (Бабаяров 2019: 124–134).

2. Unvonlar. Islomdan oldingi Farg‘ona tangalari ilk bor ilm olamiga tanitilar ekan, ko‘pchilik tangashunos izlanuvchilar xitoy taqlidi o‘rtasi to‘rtburchak teshikli tangalarda sug‘diy yozuvda x’γ’n “xoqon” unvoni uchrashi, shu yo‘sinda ularni “Eski turk tangalari” turkumiga kiritish mumkinligi to‘g‘risida bir to‘xtamga kelgan edilar. Biroq bu turdagi Farg‘ona tangalarini Turgash xoqonligi bilan bog‘lash o‘zini yetarlicha oqlamasdan kelayotgan edi. Ushbu tangalardan farqli o‘laroq Xitoy ta’siri sezilmaydigan hukmdor tasviri tushirilgan Quva tangalarining orqa yuzasida esa sug‘diy yozuvda “xoqon” unvoni o‘rin olganining aniqlanishi, shuningdek, bu turdagi tangalarning ikonografiyasi va tamg‘asiga tayangan izlanuvchilar har ikkala turdagi tangalarni G‘arbiy Turk xoqonligi, aniqrog‘i, ushbu xoqonlikning Farg‘onadagi tarmog‘iga tegishli tangalar deb ochiqlagan edilar. Shu o‘rinda Quva tangalari ilm olamiga tanitilgandayoq “xoqon” unvonidan tashqari “jabg‘u” unvoni ham borligi ilgari surilgan edi (Babayar 2008: 135–146). Biroq har ikkala Quva tangasidagi sug‘diy yozuvlar to‘liq saqlanmasdan, quyida chizmasi keltirib o‘tilganidek, birinchisida 7 ta harf, ikkinchisida esa 4 ta harf saqlanib qolgani, qolgan harflar esa o‘chib ketgani uchun ulardan birida ... (x’)γ’nc pny ... “... xoqonning tangasi ...”, boshqasida esa so‘roq belgisi ostida ... (cp)γw x’(γ)(’n) ... “... jabg‘u-xoqon ...” unvonlari o‘rin olganiga urg‘u berilgan edi:

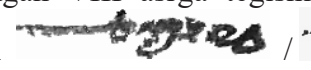

Shu yo‘sinda har ikkala tanga yozuviga tayanilgan holda Farg‘ona tangalarining bu turkumida “xoqon” unvoni borligiga to‘liq ishonch bilan qaralgan, “jabg‘u” unvoni esa so‘roq ostida qolgan edi. G‘. Boboyorovning izlanishlarida “jabg‘u” yoki “jabg‘u-xoqon” unvonli G‘arbiy Turk xoqonligi tangalari Choch vohasida bostirilgani, “jabg‘u” unvonli tangalar ushbu xoqonlikning ilk bosqich – “Jabg‘ulik davri” (VI asrning so‘nggi choragi – VII asrning boshlari), “jabg‘u-xoqon” unvonlilari esa xoqonlikning ikkinchi bosqich – “Jabg‘u-xoqonlik davri” (VII asrning ilk choragi – shu asrning 30- yillari) tangalari deb qaralgan edi. Har ikkala bosqich tangalari tamg‘asidagi qo‘shimcha belgilarga ko‘ra farqlanadi: “jabg‘u” unvonli tangalar ko‘rinishdagi tamg‘alar bilan, “jabg‘u-xoqon” unvonli tangalar esa ko‘rinishidagi tamg‘alar bilan bostirilgan. Farg‘ona tangalaridagi tamg‘alar ko‘rinishida bo‘lib, shu tomondan ular Choch vohasi G‘arbiy Turk xoqonligi tangalarining “Jabg‘ulik bosqichi”ga to‘g‘ri keishi anglaniladi. Farg‘ona vodiysida to‘g‘ridan-to‘g‘ri Ashina sulolasi boshqaruvi o‘rnatilgani, ya’ni Farg‘onaning mahalliy boshqaruvchisi 630- yillarda o‘ldirilishi va uning o‘rnini G‘arbiy xoqonlik vakili Ashina Sheni

egallashiga tayangan izlanuvchilar ushbu tangalarning chiqarila boshlashini shu yillar bilan bog‘lagan edilar. Bu esa bir qator qarama-qarshi ko‘zqarashlarni keltirib chiqargan edi.

Qirg‘izistonning Farg‘ona viloyatiga yaqin chegara hududi topilmalari Quva topilmalaridagi kemtiklikni to‘ldirdi. 12 dona tanganing ko‘pchiligida orqa yuzidagi sug‘diy yozuv yaxshi saqlanib qolgan bo‘lib, ularga tayanib, Farg‘ona tangalarining bu turida “Jabg‘u turk-xoqon” unvoni uchrashi aniqlandi. Qizig‘i shundaki, yuqorida aytib o‘tilganidek, G‘arbiy Turk xoqonligining Sug‘d o‘lkasida bostirgan tangalaridan farqli o‘laroq ham Choch tangalarida, ham Farg‘ona tangalarida “turk-xoqon” atamasining uchrashi, xoqonlikning boshqa tangalariga qaraganda ikonografiya va tamg‘a ko‘rinishida yaqin o‘xshashlik kuzatilishi diqqatni o‘ziga tortdi. Ular orasidagi farqlilik Choch tangalaridagi unvon “turk-xoqon”, Farg‘onanikida esa “Jabg‘u turk-xoqon” ekanidadir. Shu o‘ridaqator izlanishlarimizda “turk-xoqon” unvonli G‘arbiy Turk xoqonligi tangalari ushbu xoqonlikning ilk bosqich – “Jabg‘ulik chog‘i”da bostirilganiga urg‘u berilgan edi. Shuningdek, ko‘pchilik tangalarini “jabg‘u” unvoni bilan bostirgan ushbu xoqonlik boshqaruvchilaridan ayrimlari o‘z tangalarida “jabg‘u” o‘rniga “turk-xoqon” unvoniga o‘rin bergani ham aytib o‘tilgan edi. Shu bilan birga, xoqonlik boshqaruvchilari bu atama orqali o‘zlari ega bo‘lgan unvonga emas, davlatning etnosiyosiy oti – Turk xoqonligi nomidan kelib chiqib, o‘z tangalarida “turk-xoqon” atamasiga o‘rin bergan bo‘lsak kerak deb ochiqlangan edi. Turgash xoqonligi (699–756) tangalarida sug‘diy yozuvda twrkyš x’γ’n “turgash xoqon”, Uyg‘ur xoqonligi (745–840) tangalarida ’wyγr x’γ’n “uyg‘ur xoqon”, Qarluq yabg‘uligi / xoqonligi (IX – X asrlar) tangalarida x’rlwx x’γ’n “qarluq xoqon” atamalari Turk xoqonligi boshqaruvchilari ham o‘z etnik nomini tangalarda aks ettirishga uringan degan qarashga yetaklaydi. (Бернштам 1949: 105–101; Thierry 2002: 751–762; Лure 2010: 279–284). Demak, eski turk siyosiy uyushmalarida boshqaruvchilar o‘zlari kelib chiqqan urug‘ oti – etnonimga ayricha urg‘u bergan bo‘lib, bu holat Turk xoqonligi boshqaruv tizimida ham o‘z ko‘rinishini topgan. Turk xoqonligining turli tillardagi yozma yodgorliklarida – sug‘diy (Bug‘ut), brahmiy (Bug‘ut, Xovs-tolgoy), eski turk-run (Kul tegin, Bilga xoqon) bitiktoshlarida “turk-xoqon” atamasining uchrashi bu qarashni kuchaytiradi (Kljaštornyj, Livšic 1972: 69–102; Tekin 2003: 56; Vovin 2019:162–197; Ölmez 2018: 125–127).

Boshqa tomondan Choch va Farg‘ona tangalarida o‘rin olgan “turk-xoqon”, “jabg‘u turk-xoqon” unvonlari turk xoqonlaridan birortasining oti va unvoni bo‘lmaganmikan degan savolni keltirib chiqaradi. Xitoy yilnomalarida 630-650-yillarda G‘arbiy turk xoqonligini boshqargan bir nechasining “Ibi Dulu kexan” unvoni bilan tilga olinganiga duch kelamiz. Ayrim izlanuvchilar “Dulu kexan”ni “Turk-xoqon” o‘laroq tiklaydilar, biroq bu qarash yetarlicha o‘z tasdig‘ini topmagan.

Farg‘ona va Choch tangalarida uchraydigan twrk atamasini “turk” etnonimining sug‘diy yozuvda berilgan ilk o‘rnaklaridan biri deyish mumkin. Uning aniq bir etnik atama ekanini sug‘diy tilli boshqa yozma manbalar ham qo‘llab-quvvatlaydi: Mo‘g‘ulistondagi I. Sharqiy Turk xoqonligi (552–630) tomonidan o‘rnatilgan sug‘diy tilli Bug‘ut bitiktoshida tr’wkt “turklar” va Uyg‘ur xoqonligi (745–840) boshqaruvchilari tomonidan yozdirilgan Qora-balg‘asun bitiktoshida esa twrkc’ny “turkcha” ko‘rinishlariga duch kelinadi (Kljaštorniy, Livšic 1972: 87). Shuningdek, Sharqiy Turkistondan topilgan 639-yilga tegishli Chinanchkand (Gaochan / Turfon)da tuzilgan sug‘diy tilli hujjatda “turk” etnik atamasi aniq bir etnotoponim o‘laroq twrkyst’n “Turkiston” so‘zi o‘rnagida ko‘rinadi (Исҳоқов 1993: 1, 5; Vaissière 2005: 169). Yaqin yillarda esa Xo‘tan (Sharqiy Turkiston)da aniqlangan VIII asrga tegishli sug‘diy tilli bir hujjatda 13- va 15-qatorlarida “Turkiston” atamasi twrkystn ko‘rinishlarida yozilgani aniqlandi (Sims-Williams 2015: 262–266). Ushbu hujjat yuzasidan izlanishlar olib borgan eroniy tillar, ayniqsa sug‘diy til bo‘yicha yirik mutaxassis o‘laroq tanilgan ingliz olimi N. Sims-Villyams hujjatdagi Turkiston so‘zini O‘rta Osiyodagi tarixiy o‘lkalardan birining nomi

o‘laroq ochiqladi. Unga ko‘ra, o‘sha chog‘larda bu atama shimoldagi yerlar, ayniqsa Sirdaryo daryosidan Mo‘g‘ulistongacha cho‘zilgan o‘lkalar uchun qo‘llanilgan (Bo, Sims-Williams 2015: 268). Qisqasi, “turk” etnik atamasining ilk o‘rta asrlarda sug‘diycha yozilishi tr’wk va twrk ko‘rinishlarida turlicha yozilgani anglashiladi.

Ilk o‘rta asrlarga tegishli “Bey-shi”, “Suy-shu” va “Tan-shu” kabi xitoy yilnomalarida “shexu” (yabg‘u), “shexu-kexan” (yabg‘u-xoqon) G‘arbiy turk boshqaruvchilarining unvonlari ekaniga urg‘u beriladi (Бичурин 1950, I: 284–289, 342). Yunon (Vizantiya) va arman manbalarida esa “Shimol xoqoni”iga bo‘ysungan “Jebu-xoqon” to‘g‘risida so‘z boradi (Chavannes 1903: 226–228; Moravcsik 1958: 130–131, 290). Ulardan anglashilicha, “Shimol xoqoni” – oliy hukmdor maqomidagi Sharqiy turk xoqonlari G‘arbiy turk boshqaruvchilari – “Jebu-xoqon”lardan ustun bo‘lishgan. “Jebu-xoqon” eski turkcha “yabg‘u-xoqon” yoki “jabg‘u-xoqon” unvonlarining fonetik ko‘rinishlaridan biridir. Turk xoqonligini tuzgan og‘a-ini Bumin va Istami izdoshlari xoqonlikni ikki qanotga bo‘lib, Bumin avlodlari Sharqiy Turk xoqonligi - bosh xoqonlik maqomidagi Sharqiy qanotni “xoqon” unvoni bilan boshqargan bo‘lsalar, Istamining avlodlari ushbu qanotga bo‘ysunuvchi G‘arbiy qanot sifatida “yabg‘u” yoki “yabg‘u-xoqon” unvonini meros qilib olgan edilar. Buni Istami avlodlari xitoy yilnomalarida “G‘arbiy turklar”, “Yabg‘u turklari” kabi iboralar bilan eslatilishidan tashqari ushbu qanot boshqaruvchilaridan ko‘pchiligi “yabg‘u-xoqon” unvonida tilga olinishi ham ko‘rsatib turibdi (Chavannes 1903: 219; Кляшторний 1985: 165–168).

Bumin avlodlarining boshqaruv markazi O‘rxun vodiysi (Mo‘g‘uliston) o‘laroq Janubiy Sibir, Oltoy va Shimoliy Xitoy Sharqiy Turk xoqonligiga merosiy ulus qilib berilgan bo‘lsa, Istami avlodlari boshqargan G‘arbiy Turk xoqonligi markazi Oltin-tog‘ (Yulduz vodiysi – Sharqiy Turkiston), Suyab (Yettisuv)da o‘laroq Amudaryo – Sirdaryo oralig‘i, Xuroson, Shimoliy Hindiston, Volgabo‘yi, Shimoliy Kavkaz va Qora dengiz bo‘ylarini egallagan edi. Har ikkala qanot orasidagi chegara Oltoy tog‘larining janubi-g‘arbiy etaklari bo‘lgan.

Bu holat eski turk davlatchiligida Sharqiy qanot G‘arbiy qanotga qaraganda ustun deb bilinib, shu yo‘sinda hokimiyat qonuniyligi – legitimliligi saqlanganini ko‘rsatadi. Shunga qaramay, ayrim G‘arbiy turk boshqaruvchilarining bu tartibni buzib, o‘zini “xoqon” deb e’lon qilgani va Sharqiy qanot boshqaruviga ko‘z olaytirgani haqida ma‘lumotlarga duch kelinadi. Xitoy yilnomalarida Istami yabg‘uning o‘g‘li Tardu (576–583; 600–603) o‘zini “xoqon” deb e’lon qilgani va Sharqiy Turk xoqonligi tuproqlarida harbiy yurishlar uyushtirgani eslatib o‘tiladi (Бичурин 1950, I: 242). Toshkent (eski Choch) o‘lkasida topilayotgan tangalarning bitta turida sug‘diy yozuvda trδw x’γ’n “Tardu xoqon”, Samarqand (eski Sug‘d) va Jizzax (eski Ustrushona) oralig‘idan topilayotgan tangalarda ham sug‘diy yozuvda trδw “Tardu” ismining uchrashi – bularning barchasi ayrim yabg‘ularning “xoqon” unvonini egallashga uringanini ko‘rsatadi (Бабаяров 2021: 12–24). Biroq eski turk davlatchilik qonunlari – “to‘ru-tuzuklar”iga tayangan jamiyat tomonidan bu kabi holatlar yaxshi qabul qilinmagan. Tarduning bu intilishlarini ko‘pchilik, ayniqsa, yetakchi qo‘mondonlar qo‘llab-quvvatlamagani va ko‘p o‘tmay u boshqaruvdan chetlashtirilgani yilnomalarda aytib o‘tiladi (Бичурин 1950, I: 242).

618–630 yoki 618–628 yillar oralig‘ida G‘arbiy Turk xoqonligi boshqaruvida bo‘lgan Tun yabg‘u-xoqon, undan keyin ketma-ket G‘arbiy xoqonlikni boshqargan o‘g‘li Sir jabg‘u-xoqon tangalarida sug‘diy yozuvda twn cpγw x’γ’n “Tun jabg‘u-xoqon”, ’rpy ’šp’r’ syr (?) cpγw x’γ’n “Elbi Ishbara Sir jabg‘u-xoqon” kabi ism va unvonlarning uchrashi G‘arbiy qanot boshqaruvchilarining boshlang‘ichda Bumin va Istami avlodlari o‘zaro kelishuvga ko‘ra ish yuritganliklarini ko‘rsatadi. G‘arbiy Turk xoqonligining “Jabg‘u-xoqonlik chog‘i”da bostirilgan ushbu tangalarda ko‘rinishidagi tamg‘a o‘rin olgan bo‘lib, shunday tamg‘ali tangalarning yana bir turida “Jabg‘u-xoqon” unvoni uchrashi ham tanga zarbida eski turk davlatchilik an’analari

– “to‘ru-tuzuk”lar yetakchilik qilganini ko‘rsatadi.

Farg‘ona vodiysi tangalari 𐰴 ko‘rinishdagi tamg‘a bilan emas, 𐰴 ko‘rinishidagi tamg‘a bilan bostirilgani ushbu tangalar ham G‘arbiy Turk xoqonligining Choch vohasida bostirgan 𐰴 ko‘rinishdagi tamg‘ali tangalari bilan bir davrda – xoqonlikning “Jabg‘ulik chog‘i”da yoki shunga yaqin yillarda chiqarilgan bo‘lsa kerak deb qarashga undaydi. Farg‘ona tangalarida o‘rin olgan “jabg‘u” unvoni ham, “turk-xoqon” iborasi (etnosiyosiy atama yoki qo‘shaloq unvon) ham bu tangalarning xoqonlik “Jabg‘ulik bosqichi”da – VI asrning so‘nggi choragi – VII asrning boshlarida, yo bo‘lmasa, undan birmuncha keyin chiqarilgani to‘g‘risidagi qarashlarimizni qo‘llab-quvvatlaydi. Aslida Farg‘ona vodiysi Choch, Ustrushona, Sug‘d, Buxoro kabi voha hukmdorliklari singari VI asrning 60- yillarida Turk xoqonligi qo‘l ostiga o‘tgan bo‘lib, xoqonlik boshlang‘ichda ularning o‘z boshqaruvini saqlab qoladi, keyinchalik – VI asrning 90- yillarida Sug‘dda, VII asrning boshlarida Choch va To‘xoristonda kelib chiqishi G‘arbiy Turk xoqonligiga borib taqaladigan sulolalar boshqaruvi o‘rnatiladi. “Tan-shu” yilnomasida keltirilishicha, Tardu xoqon Kan (Sug‘d)ga “tegin” unvonli xoqonlik vakilini yuborgan bo‘lsa, G‘arbiy turk boshqaruvchilaridan Sheguy 605-yilda Shi “Tosh”kent hukmdori Shi Nyeni o‘ldirib, uning o‘rniga xoqonlik vakili Tegin Tyanjini tayinlaydi (Бичурин 1950, II: 313; Chavannes, 1903: 141). 620- yillarda G‘arbiy turk hukmdori Tun yabg‘u-xoqon (618–630) Tuxolo (To‘xoriston)ga o‘g‘li Tardu-shadni yuboradi va shu yo‘sinda bu yerda To‘xoriston Yabg‘ulari sulolasi boshqaruvi o‘rnatiladi (Бичурин II: 321–322; Chavannes 1903: 155–158; Harmatta, 1996: 373).

Farg‘ona boshqaruvida ham shunga o‘xshash o‘zgarishlar yuz bergan bo‘lib, bu yerdagi sulola yuqorida keltirib o‘tilgan voha hukmdorliklardan birmuncha kechroq almashgani xitoy yilnomalaridagi bilgi – ma’lumotlar orqali o‘z tasdig‘iga ega. Boshqa tomondan esa Farg‘onada Ashina sulolasining to‘g‘ridan-to‘g‘ri boshqaruvi Chochda bo‘lganidek, VII asr boshlarida yuz bergan, xitoy yilnomalarida keltirilgan quyidagi bilgilar esa vodiyda navbatdagi siyosiy o‘zgarishlar bilan bog‘liq bo‘lgan bo‘lishi ham mumkin degan qarashlarga yetaklaydi.

*“Tan-shu” yilnomasida “G‘arbiy turk hukmdori Kan Moxedu (*To‘n Bahodur) (Farg‘ona) hukmdori Kibini o‘ldirdi, Ashina Shuni (𪜈 𪜔) uning shahrini qo‘lga kiritdi ... uning (Ashina Shunining) o‘g‘li Ebochji (marhum) Kibining ukasiga hukmdor unvonini berib Xumin (Quva?) shahrida boshqaruvga tayinladi, Ebochji Gyesay (Koson) shahrida boshqaruvga o‘tirdi. Syan-sin davrining boshlanishida (656-y.) Ebochji (Xitoyga) elchi yuborib, sovg‘alar tortiq qildi” degan bilgilar uchrab (Бичурин 1950, II: 319; Малявкин 1989: 188–189), bu esa Farg‘ona kuchlarining birlashtirilishida Ashina sulolasining o‘rni bo‘lakcha bo‘lganini ko‘rsatadi.*

Bu kabi o‘zgarishlar “Tan-shu”da “Chjen-guan davrida (627-649-yillarda)” bo‘lib o‘tgani aytilsa-da, ayrim ma’lumotlarga tayanilsa, boshqaruvdagi almashinuv 630–640-yillar oralig‘ida yuz bergan ko‘rinadi. Chamasi, 630- yillar boshida Tun Yabg‘u-xoqonni (618–628/630) o‘ldirib, xoqonlik taxtini egallagan amakisi Moxedu (*Bahodur; 628/630–631) xoqon bilan Farg‘onaning yerli boshqaruvchisini o‘ldirgan G‘arbiy turk hukmdori Kan / Dun Moxedu (*To‘n Bahodur) bir kishi edi (qar. Бичурин 1950, I: 284; II: 319).

Qisqasi, bu holat Choch tangalarida yetakchilik qilib, Farg‘ona tangalari bugungacha yetarli o‘rganilmagani uchun bu borada aniq bir to‘xtamga kelish qiyin. Biroq G‘arbiy turk boshqaruvchilari, ya’ni G‘arbiy xoqonlikning Farg‘ona tarmog‘i Farg‘onada tanga bostirish ishini yo‘lga qo‘yar ekan, Chochda bo‘lgani kabi bu yerda eski turk davlatchilik an’analari bo‘yicha ish tutganliklari ko‘zga tashlanadi.

3. Farg‘ona tangalarining ikonografiyasi. Choch va Farg‘onaning ushbu tangalarida “xoqon” unvoni uchrashi va Chochda o‘z tangasini bostirgan G‘arbiy turk xoqonlari bilan Farg‘ona Ashina sulolasi orasida yaqin qarindoshlik bo‘lganini ko‘rsatishini birgina o‘xshash unvon va tamg‘alarda emas, tasvirlardagi o‘zaro o‘xshashliklarda ham ko‘rsa bo‘ladi. Har ikkala tarixiy

o‘lka tangalarining old yuzasidagi tasvirlar deyarli birday: uzun sochli, qisiq ko‘zli, soqolsiz, yumaloq yuzli hukmdor bosh tasviri. Shunga o‘xshash tashqi ko‘rinish va tamg‘a bichimlari (/) Choch Teginlari (605–750) tangalarida ham o‘rin olgan (9-10-rasmlar) (Бабаяров 2019: 338, 355–358).

Qizig‘i shundaki, xoqonlik chog‘i Choch, Farg‘ona va Sug‘d tangalaridagi boshqaruvchi tasvirlari eski turklarni eslatib (yelkaga tushgan uzun soch, soqolsiz, keng yumaloq yuz, biroz qisiq ko‘z), bu tomondan bunday o‘ziga xosliklar eski turkiylarning tashqi ko‘rinishi to‘g‘risida yozma manbalarda tilga olingan bilgi – ma’lumotlarga uyg‘un keladi (Tugusheva 1991: 5–6). Bundan tashqari, VII – VIII yuzyilliklarda chizilgan O‘rta Osiyo devoriy rasmlari – Afrosiyob (Samarqand), Tavka-qal’a, Panjikent, Ajinatepa yodgorliklaridagi turkiylarning tashqi ko‘rinishi, soch turmagi va boshqalar Farg‘ona, Choch va Sug‘dning turkiy tangalaridagi tasvirlar bilan yaqin o‘xshashlikka ega (Arzhantseva, Inevatkina 2006: 185–211; Mode 2006: 107–128).

4. Farg‘ona tangalaridagi tamg‘alar. Deyarli 50 yildan beri tangashunos va boshqa izlanuvchilar Farg‘ona tangalaridagi tamg‘alar deganda ko‘proq o‘rtasi turtburchak teshikli “xoqon” unvonli tangalardagi / ko‘rinishli tamg‘alarni tushunib keldilar. Farg‘ona vodiysining Quva yodgorligida topilib ularda, x’γ’n “xoqon” unvoni va / ko‘rinishidagi tamg‘a uchrashining aniqlanishi bu tamg‘alar bo‘yicha qarashlarni o‘zgartirib yubordi (Бабаяров 2019: 124–134). Shuningdek, bu topilmalar Farg‘ona tangalari qaysi sulolaga tegishli ekanini

9.1. *9.2.*

9- rasm. Farg‘ona vodiysining “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli tang‘alari
Рис. 9. Монеты Ферганской долины с титулом «джабгу тюрк-хакан»
Fig. 9. Coins of the Fergana Valley bearing the title “Jabghu Turk-Khagan”

10.1. *10.2.*

10- rasm. Choch vohasining “turk-xoqon” va“tegin” unvonli tangalari
Рис. 10. Монеты Чачского оазиса с титулами «тюрк-хакан» и «тегин»
Fig. 10. Coins of the Chach oasis bearing the titles “Turk-Khagan” and “Tegin”

aniqlashga yordam beribgina qolmay, balki vodiydagi bosh hukmdor sulolaning etnik kelib chiqishi borasida ham bir to‘xtamga kelishga turtki berdi. Bunday to‘xtamga kelishda Farg‘ona va Choch tangalaridagi unvon, ikonografik va paleografik yaqin o‘xshashlikdan tashqari yana har ikkala hudud tangalarida o‘rin olgan tamg‘alarning deyarli bir ekani e’tiborga olindi.

Shu o‘rinda Farg‘ona tangalari bilan bog‘liq bir masalaga to‘xtalib o‘tish kerak bo‘ladi. 2000-yillarning boshlaridan beri Toshkent vohasining ko‘plab eski shahar qoldiqlarida yuritilgan arxeologik qazishlarda va qadimiy tepaliklar yonida sug‘orish yoki qurilish ishlari olib borish chog‘ida VI–VIII yuzyilliklarga tegishli yuzlab tangalar qo‘lga kiritildi. Ularga tayanib, G‘arbiy Turk xoqonligi tomonidan Choch vohasida 20 turdan ortiq tangalar chiqarilgani oydinlashdi. Bu turkum tangalar , , ko‘rinishidagi tamg‘a va sug‘diy yozuvda “jabg‘u”, “jabg‘u-xoqon”, “xoqon” singari unvonlar, “Turk xoqon”, “Tun jabg‘u-xoqon”, “Elbi Ishbara Sir jabg‘u-xoqon” kabi ism va unvonlar bilan chiqarilgan tangalar ekanligi aniqlandi (Babayarov 2007: 9–20). Ular orasida “Turk-xoqon” va “jabg‘u” unvonli VI asrning oxiri – VII asrning boshlariga tegishli turlarida ko‘rinishidagi tamg‘alar uchrab, ular Quva va Qirg‘izistonning yaqin chegarasidan topilgan tangalaridagi tamg‘aning o‘zginasidir: – .

Unvonlar va atoqli otlar (“Turk-xoqon”, “Tun jabg‘u-xoqon”, “Jabg‘u-xoqon”, “Elbi Ishbara Sir jabg‘u-xoqon” va b.)ga tayanib, bu tangalarga Turk xoqonligi, aniqrog‘i, G‘arbiy Turk xoqonligining tangalari deb qaraladigan bu tangalarda o‘rin olgan , , ko‘rinishidagi tamg‘alarni Turk xoqonligi bilan bog‘lashga hamda O‘rta Osiyo va uning tegrasidagi ko‘plab sulolalar singari xoqonlik ham o‘z tangalarini chiqarar ekan, tangalarda hokimiyatning bosh ramzlaridan biri – urug‘ tamg‘asini qo‘ygani anglashiladi.

VII – VIII yuzyilliklarda Ashina sulolasining Chochdagi bir tarmog‘i bo‘lmish Choch Teginlari (605–750) tangalarida ham shaklidagi tamg‘alar uchrab, ular yuqorida keltirilgan Farg‘ona va Choch tangalaridagi tamg‘alar bilan bitta negizga ega (Бабаяров 2019: 338, 355–358). Bu esa VII – VIII yuzyilliklarda Farg‘ona va Chochda o‘zaro qarindosh ikkita turkiy sulola hukm surgani, shu bilan birga, ularning kelib chiqishi G‘arbiy Turk xoqonlariga borib taqalishi bilan bog‘liq degan qarashni yanada kuchaytiradi.

G‘arbiy turk boshqaruvchilari tomonidan Farg‘ona va Chochda bostirilgan tangalardagi tamg‘alarga birmuncha o‘xshab ketadigan tamg‘alar Sug‘d va To‘xoriston tangalarida uchraydi. Ayniqsa, ular orasida O‘rta Osiyoning islomdan oldingi turk-sug‘d tangalari orasida qaysi siyosiy uyushmaga tegishliligi bugungacha to‘laqonli aniqlanmagan turlari uchrab, ular orasida tangashunoslar tomonidan “Farn-bag‘ tangalari” deb ataladigan turi ayricha ajralib turadi. Ushbu tangalarning old yuzasida to‘g‘riga yoki sal yonga qaragan boshqaruvchi tasviri, teskari yuzasida esa (turlari: , , , va b.) ko‘rinishidagi tamg‘a va uning yonida sug‘diy yozuvda prn βγy pny “Ilohiy qut (egasining) tangasi” so‘zlari o‘rin olgan bo‘lib ushbu tangalarning qachon, qayerda, kim tomonidan bostirilgani bo‘yicha bir to‘xtamga kelinmagan.

Bundan 50 yilcha oldin taniqli tangashunos O.I. Smirnova tomonidan prn βγy ... deb o‘qilib, “O‘rta Osiyoning “Farn-bag‘” unvonli tangalari” deb atala boshlagan bo‘lsa-da, bu turdagi tangalarning bostirilgan yeri Farg‘ona, Sug‘d yoki Choch ekani to‘g‘risidagi tortishuvlar bugungacha saqlanib qolayapti. Shu o‘rinda aytib o‘tish kerak, bunday tangalarning bir nechtasigina Farg‘ona vodiysidagi eski shahar qoldiqlaridan topilgan bo‘lsa, sezilarli bir qismi Panjikent va Qanqa (Toshkent viloyati)da aniqlangan. Keyingi yillarda esa bu turkumdagi tangalar ko‘proq Jizzax va Samarqand viloyatlari orasidagi eski shahar qoldiqlaridan topilmoqda. Quyida ulardan ayrim o‘rnaklar keltirib o‘tamiz:

Samarqand viloyatining shimoliy tumanlaridagi eski shahar qoldiqlaridan topilib, sug‘diy

11.1. *11.2.*

11- rasm. “Farn-bag‘” unvonli tangalar (Sug’d)
Рис. 11. Монеты Согда с титулом «фарн-баг»
Fig. 11. Sogdian coins bearing the title “Farn-bag”

12.1. *12.2.*

12- rasm. Choch vohasining“Tardu xoqon” unvonli tangalari va ularning chizmasi
Рис. 12. Монеты Чачского оазиса с титулом «Тарду-хакан» и их прорисовки
Fig. 12. Coins of the Chach oasis bearing the title “Tardu Khagan” and their line drawings

13.1. *13.2.*

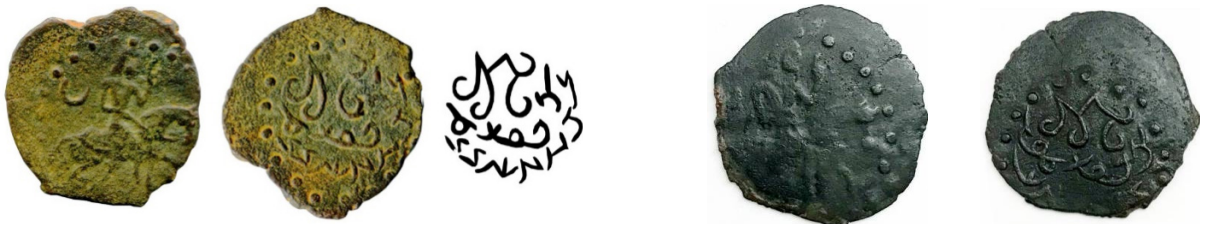
13- rasm. Sug‘d vohasining “Tardu xoqon” unconli tangalari
Рис. 13. Монеты Согдийского оазиса с титулом «Тарду-хакан»
Fig. 13. Coins of the Sogdian oasis bearing the title “Tardu Khagan”

yozuvda trδw x’γ’n ? “Tardu xoqon?” unvoni o‘rin olgan tangalardagi tamg‘alar ham ayrim istisnolarni aytmaganda, Choch va Farg‘ona tangalaridagi tamg‘aga o‘xshab ketadi. Qayerda bostirilgani yetarlicha aniqlanmagan, G‘arbiy Turk xoqonligi boshqaruvchisi Tardu xoqon (576-603) tangasi deb qaraladigan ushbu tangalarda tamg‘a shu ko‘rinishdadir: (Бабаяров 2019: 12–13). Yuqorida ham bir necha bor qisqacha to‘xtalib o‘tilganidek Tardu xoqon Istami yabg‘uning o‘g‘li bo‘lib, ayrim izlanuvchilar uni G‘arbiy Turk xoqonligining ilk hukmdori deb sanaydilar. Istami yabg‘u 576-yilda vafot etgach, G‘arbiy qanot boshqaruviga o‘tirgan Tardu oradan ko‘p o‘tmay xoqonlikning har ikkala qanoti hukmdori bo‘lishga intilib, o‘zini “xoqon” deb e’lon qiladi. U tomonidan chiqarilgan Choch tangalarida va chamasi Sug‘dda bostirilgan quyidagi tangalarda trδw x’γ’n “Tardu xoqon” ismining uchrashi uning oliy hukmdor bo‘lishga uringani bilan bog‘liq bo‘lsa kerak.

Yuqorida ham aytib o‘tilganidek, islomdan oldingi To‘xoriston tangalarining ayrim turlarida ham Choch va Farg‘ona tangalaridagi o‘xshash tamg‘alar uchraydi. Ayniqsa, Ashina xonadonining yana bir tarmog‘i – To‘xoriston Yabg‘ulari (620-750) tomonidan bostirilgan bir turkum tangalarda (ayrimlari “xoqon” unvonli, ayrimlari unvonsiz) ko‘rinishidagi tamg‘alar o‘rin olgan. Ushbu tamg‘alar Chochda bostirilgan “Tun jabg‘u-xoqon”, “Jabg‘u-xoqon” va “El Ishbara Sir jabg‘u-xoqon” unvonli xoqonlikning ikkinchi bosqichi (Jabg‘u-xoqonlik: VII yuzyillik boshi – shu yuzyillik 30- yillari) tangalaridagi tamg‘a (/) bilan bir xil ekani ko‘zga tashlanadi (Babayar 2019: 86–101).

5. Farg‘ona tangalarining ko‘lami va salmog‘i. Farg‘ona tangalari bu turkumi o‘z ko‘lami va salmog‘iga ko‘ra yalpi o‘xshashlik kuzatilsa-da, ayrim nusxalarining og‘irligi birmuncha yuqori, ayrimlariniki uning teskarisi ekani anglashiladi. Quva topilmalari ko‘lami bo‘yicha 20,2 – 21,0 mm, og‘irligi 20 – 20,2 gr bo‘lsa, Qirg‘izistonning yaqin chegarasi topilmalari orasida ko‘lami 26 mm, salmog‘i 5,06 gr dan ko‘lami 24 mm, og‘irligi esa 2,68 gr gacha bo‘lganlari uchraydi. Qirg‘iziston chegarasi tangalarining o‘lchovi olingan nusxalaridan ko‘pchiligining ko‘lami va salmog‘i quyidagicha: 24x24,5 mm – 4,65 gr; 23,4x25 mm – 4, 32 gr; 24,4 mm – 4,73 gr. Bu kabi xususiyatlariga ko‘ra ham ushbu tangalar Choch vohasining “turk-xoqon” unvonli tangalariga yaqin keladi. Chochning hukmdor boshi tasvirli tangalarining ko‘lami 24 – 27 mm oralig‘ida bo‘lib, salmog‘i 3,5 – 4,5 gr dir. Chochning otliq tasvirli “turk-xoqon” unvonli tangalari esa ham ko‘lami, ham salmog‘i bo‘yicha ulardan birmuncha farq qiladi: 1,9 – 20 mm; 1,66 – 23,0 gr (14-rasm).

Quva va unga yaqin Qirg‘iziston topilmalari O‘rta Osiyoning qadimgi va o‘rta asrlar tangalari kabi yumaloq ko‘rinishda bostirilgan bo‘lib, mintaqaning islomdan oldingi bir necha voha

14.1. *14.2.*

14- rasm. “Turk-xoqon” unvonli otliq tasvirli Choch tangalari.
Рис. 14. Чачские монеты с изображением всадника и титулом «тюрк-хакан»
Fig. 14. Chach coins with a horseman depiction bearing the title “Turk-Khagan”

hukmdorliklar tangalaridan farqli o‘laroq yaxshi saqlangan holda yetib kelgan.

Xulosa. Turk xoqonligi boshqaruvi chog‘ida Farg‘ona vodiysida “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli tangalar bostirilishi quyidagicha ochiqlanadi:

xoqonlikning boshqaruvchi xonadoni va kelib chiqishi unga borib taqaluvchi tarmoq sulolalar ushbu unvon va sulola belgisi (tamg‘a)ni qo‘yish huquqiga ega bo‘lishgan (Choch, Farg‘ona, Sug‘d). Ayniqsa, Choch va Farg‘ona tangalarida o‘rin olgan unvonlar, paleografiya, ikonografiya va tamg‘alarda yalpi o‘xshashlik ko‘zga tashlanadi. Uchala hudud, ayniqsa, Choch va Farg‘ona boshqaruvchilari o‘zaro uyg‘un keluvchi tangalarni bostirar ekan, bir-birlarining tanga zarbidan xabardor o‘laroq o‘z tangalarini bostirganliklari anglashiladi. Chamasi, tizimli o‘laroq Choch vohasida yo‘lga qo‘yilgan G‘arbiy Turk xoqonligi tangalari Farg‘ona tangalari (shuningdek, Sug‘d va To‘xoriston tangalari) uchun etalon (o‘rnak) bo‘lgan ko‘rinadi.

Farg‘ona tangalarida “Jabg‘u turk-xoqon” unvoni uchrashini quyidagicha ochiqlash mumkin: 1) Farg‘ona vodiysining bosh hukmdorlari - Farg‘ona Ashina sulolasi vakillari o‘z tangasini chiqarar ekan, tangalarda G‘arbiy turk hukmdorlarining merosiy unvonini aks ettirishgan; 2) G‘arbiy turk xoqonlari Choch vohasida bo‘lganidek, Farg‘ona vodiysida ham o‘zining xos tangalarini chiqarishni yo‘lga qo‘yishgan. Biroq bu ikkinchi taxmin o‘zini to‘laqonli oqlamaydi. Farg‘onada xoqonlikka tegishli bor-yo‘g‘i ikki turdagi tangalar bostirilgan bo‘lsa, Choch tangalarining turlari 20 dan oshadi. Bundan tashqari, Choch tangalarida “Tardu xoqon”, “Tun jabg‘u-xoqon”, “Elbi Ishbara Sir jabg‘u-xoqon”, “Tun xoqon” kabi G‘arbiy turk xoqonlarining ismlari o‘rin olgan bo‘lsa, Farg‘onada bunday emas.

Demak, Chochdagi “jabg‘u”, “jabg‘u-xoqon”, “xoqon” unvonli tangalar G‘arbiy Turk xoqonlari tomonidan to‘g‘ridan-to‘g‘ri bostirilgan tangalar bo‘lsa, Farg‘onadagi “Jabg‘u turk-xoqon” unvonli tangalar esa G‘arbiy xoqonlik boshqaruvchilariga to‘g‘ridan-to‘g‘ri tegishli emas, biroq vodiyda o‘z boshqaruvini o‘rnatgan tarmoq sulola – Farg‘ona Ashina sulolasi tomonidan xoqonlar nomiga chiqarilgan tangalardir deyish mumkin.

Qisqasi, G‘arbiy Turk xoqonligi boshqaruvi chog‘ida Choch, Sug‘d va To‘xoriston hukmdorliklari kabi Farg‘onada ham xoqonlikka xos oliy unvonli tangalar bostirilgan bo‘lib, bu turdagi vodiy tangalarining boshqalardan farqi, ularning ayrim turlarida “Farg‘ona” so‘zi o‘rin olganidir. Qolgan uchta hukmdorlik tangalarida esa tanga bostirilgan hududning nomi uchramaydi. Bu esa “xoqon” unvonli Farg‘ona tangalari aynan vodiydagi Ashina sulolasi tomonidan chiqarilgan degan qarashni kuchaytiradi. Demak, Choch va Farg‘ona tangalarida “turk xoqon”, “Jabg‘u turk-xoqon” unvonlari uchrashiga tayanilsa, ushbu tangalar har ikkala hududda ham G‘arbiy Turk xoqonligi “Jabg‘u-xoqonlik” bosqichida bo‘lgan 610–630-yillar yoki shu yillarga yaqin o‘nyilliklar oralig‘ida bostirilgan deb qarash kerak bo‘ladi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO‘YXATI:

Бабаяров Г. Тюркские титулы на монетах Чача 7-8 вв. // Humboldt Kolleg, II. International Conference “Historical Role of Alexander von Humboldt and his Expeditions in the Development of World, regional and National Sciences”, October 14–16, Almaty 2004. Алматы, 2004. С. 30–32.

Бабаяров Г. Древнетюркские монеты Чачского оазиса VI–VIII вв. Ташкент: Национальная библиотека Узбекистана имени Алишера Навои, 2007. 120 с.

Бабаяров Г. Государственный строй Западно-Тюркского каганата. Автореферат дисс. на соискание ученой степени д.и.н. Ташкент, 2012. 57 с.

Бабаяров Г. Фергана – как один из центров чекана монет Западно-Тюркского каганата // ИМКУ. Вып. 40. Самарканд, 2019. С. 155–166.

Бабаяров Г. Монеты Чача с согдийской легендой, содержащей титул «Тюрк-каган» // Согдийский сборник. Вып. 11. Новейшие исследование по истории и истории культуры Согда. LAP - Lambert publishing, 2023. С. 57–74.

Бабаяров Г., Кубатин А. Доисламские монеты Согда: новые чтения и интерпретации легенд // Ўзбекистон

тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. ЎзР ФА Археология институтида 2012 йил 6-7 апрельда ўтказилган ёш олимлар Республика конференцияси материаллари. Самарқанд, 2012. С. 11–23.

Бабаяров Г., Кубатин А. Очерки по истории и нумизматике Западно-Тюркского каганата (Часть I). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2014. 200 с.

Баратова Л.С. К исторической интерпретации титула «каган» на древнетюркских монетах Средней Азии конца VII – первой половины VIII вв. // Нумизматика Центральной Азии. Вып. III. Ташкент, 1998. С. 41–43.

Баратова Л.С. Некоторые аспекты товарно-денежных отношений Ферганы древности и раннем средневековье // Марғилон шаҳрининг жаҳон цивилизацияси тарихидаги тутган ўрни. Марғилон шаҳрининг 2000 йиллигига бағишланган халқаро илмий конференция материаллари. Ташкент, 2007. С. 43–50.

Баратова Л.С., Лившиц В.А. О согдийских надчеканах на Сасанидских монетах и подражаниях им // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002. С. 21–26.

Бернштам А.Н. Тюргешские монеты // ТОВГЭ (Труды отдела востоковедения Государственного Эрмитажа). Вып. 2, 1940. С. 105-111.

Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Том 1. М.- Л., 1950. 382 с.

Бобоёров Ғ. “Турон ҳукмдори хоқон” унвонли Самарқанд тангалари (илк ўрта асрлар) // O‘zbekiston tarixi. Тошкент, 2018. №4, 2018. Б. 3–15.

Зуев Ю.А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. Алматы: «Дайк-Пресс», 2002. 338 с.

Исҳоқов М. Номи азал Туркистон. Ўзбекистон адабиёти ва санъати, № 45–46, 1993. Б. 1, 5.

Кляшторный С.Г. Генеалогия и хронология западнотюркских и тюргешских каганов// Из истории дореволюционного Киргизстана. Фрунзе, 1985. С. 164–170.

Лурье П. Карлуки и яглакары в согдийской нумизматике Семиречья // Древние культуры Евразии. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.Н. Бернштама. СПб., 2010. С. 279–284.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1989. 336 с.

Ртвеладзе Э.В. Древние и раннесредневековые монеты историко-культурных областей Узбекистана. Том 1. Ташкент, 2002. 304 с.

Ртвеладзе Э. История и нумизматика Чача (вторая половина III – середина VIII в. н.э.). Тошкент, 2006. 131 с.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. М.: Наука, 1981. 548 с.

Согдийские документы с горы Муг. Чтение, Перевод. Комментарий. Вып. II. Юридические документы и письма / Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. М., 1962. 222 с.

Шагалов В.Д., Кузнецов А.В. Каталог монет Чача III–VIII вв. Ташкент, 2006. 327 с.

Babayar g. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of the Coins of Turkıc Qaghanate. Ankara, 2007.

Babayar G. Fergane bölgesinde bulunan Türk-Runik yazılı Köktürk sikkeleri üzerine // Dünden Bugüne İpek Yolu: Beklentiler ve Gerçekler. İstanbul, 2008. S. 135–146.

Babayarov, G. 2012. The Phrase of “Türk-qaghan” on the Coins of the Western Turkic Qaghanate. URL: http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L (2012).

Babayar G. Toharistan Bölgesinin Soğdça Yazılı Eski Türk Sikkeleri // Материалы форума IV гуманитарных наук «Великая степь» II. Нурсултан, 2019. S. 86–101.

Babayarov G. Coins of the Western Turkic Qaghanate with a title “Tardu-Qaghan” // Turkic Studies Journal, 1 (1), 2021. P. 12–24.

Babayarov G., Kubatın A. Byzantine impact on the iconography of Western Turkic coinage // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Volume 66 (1). Budapest, 2013. P. 47–58.

Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation //Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 31. Berlin, 1999. P. 219–292.

Bo Bi., Sims-Williams N. Sogdian Documents from Khotan, II: Letters and Miscellaneous Fragments // ournal of the American Oriental Society. 135.2 (2015). P. 262–266.

Harmatta J., Litvinsky B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule // History of Civilizations of Central Asia, vol. 3. Paris: UNESCO publishing, 1996. P. 367–401.

Kljaštornyj, Livšic 1972 – Kljaštornyj S. G., Livšic V. A. The Sogdian Inscription of Bugut reviced // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, Tom. XXVI (1). Budapest, 1972. P. 69–102.

Kormuşin İ. Orhon, Karahanid ve Memlükler dönemlerine ait olan Türk yazıtlarında «Türk halkı» ve «Türk dili» // I. Uluslararası Uzak Asya’dan Ön Asya’ya Eski Türkçe Bilgi Şöleni Bildirileri. Ed.: Cengiz Alyılmaz, Özgür Ay, Metin Yılmaz. Afyonkarahisar, 2010. S. 143–146.

Maue D. Khüis Tolgoi: Signs and sounds // Journal Asiatique 306 (2). 129–139. Paris, 2018. P. 129–139.

Maue D. The Brāhmī Inscription on the Bugut Stele // Journal Asiatique 307(1). Paris, 2019. P. 109–119.
Ölmez M. The Khüis Tolgoi inscription: On the discovery, the whereabouts, condition of the stones, and our expedition // Journal Asiatique 306(2). 2018. P. 125–127.
Taşağıl A. Gök-Türkler. I, 2. Baskı. Ankara: TTK, 2003. 197 s.
Thierry F. The Currency in the Turkish Khanates from the Turgish to the Great Uygur (9th Century) // Turks, T. 2. Ankara, 2002. P. 751–762.
Tekin T. Orhon yazıtları. Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk. İstanbul, 2003. 144 s.
Qurčabaγatur S. L. Proto- Mongolian Language 1400 Years Ago. Studies of the Hüis Tolgoi Inscription. Cologne: Elias Verlag Imo FiF e.V., 2019. 388 p.
Vaissière Etienne de la. Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. Brill, Leiden – Boston. 2005. 440 p.
Vovin A. A Sketch of the Earliest Mongolic Language: The Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi Inscriptions // International Journal of Eurasian Linguistics 1 (2019). P. 162–197.

REFERENCES:

Babayarov, G. 2004. Tyurkskie tituly na monetakh Chacha VII–VIII vv. (Turkic Titles on the Coins of Chach (7th–8th Centuries). In Humboldt Kolleg II, II International Conference “Historical Role of Alexander von Humboldt and His Expeditions in the Development of World, Regional and National Sciences”, October 14–16, Almaty, 2004. Almaty, 30–32. (In Russian).
Babayarov, G. 2007. Drevnetyurkskie monety Chachskogo oazisa VI–VIII vv. (Ancient Turkic Coins of the Chach Oasis (6th–8th Centuries). Tashkent: The National Library of Uzbekistan named after Alisher Navoi Publ., 120. (In Russian).
Babayarov, G. Gosudarstvennyy stroy Zapadno-Tyurkskogo kaganata (The State System of the Western Turkic Khaganate): Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Historical Sciences. Tashkent, 57. (In Russian).
Babayarov, G. 2019. Fergana – kak odin iz tsentrov chekana monet Zapadno-Tyurkskogo kaganata (Fergana as One of the Centers of Coin Minting of the Western Turkic Khaganate). // In IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan). Issue 40. Samarkand, 155–166. (In Russian).
Babayarov, G. 2023. Monety Chacha s sogdiyskoy legendoy, soderzhashchey titul “Tyurk-kagan” (Coins of Chach with a Sogdian Legend Containing the Title “Türk Khagan”). In Sogdiyskiy sbornik (Sogdian Collection). Issue 11. Noveyshiye issledovaniya po istorii i istorii kultury Sogda (Recent Studies on the History and Culture of Sogd). LAP – Lambert Publishing, 2023, 57–74. (In Russian).
Babayarov, G., Kubatin, A. 2012. Doislamskie monety Sogda: novye chteniya i interpretatsii legend (Pre-Islamic Coins of Sogd: New Readings and Interpretations of the Legends). In O‘zbekiston tarixining dolzarb muammolari yosh tadqiqotchilar talqinida. O‘zR FA Arxeologiya institutida 2012 yil 6–7 aprel’da o‘tkazilgan yosh olimlar Respublika konferentsiyasi materiallari. Samarkand, 11–23. (In Russian).
Babayarov, G., Kubatin, A. 2014. Ocherki po istorii i numizmatike Zapadno-Tyurkskogo kaganata (Chast’ I) (Essays on the History and Numismatics of the Western Turkic Khaganate (Part I)). Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 200. (In Russian).
Baratova, L.S. 1998. K istoricheskoy interpretatsii titula “kagan” na drevnetyurkskikh monetakh Sredney Azii kontsa VII – pervoy poloviny VIII vv. (On the Historical Interpretation of the Title “Kagan” on Ancient Turkic Coins of Central Asia from the Late 7th to the First Half of the 8th Century). In Numizmatika Tsentral’noy Azii (Numismatics of Central Asia). Issue III. Tashkent, 41–43. (In Russian).
Baratova, L.S. 2007. Nekotorye aspekty tovarno-denezhnykh otnosheniy Fergany drevnosti i rannem srednevekov’ye (Some Aspects of Commodity-Money Relations in Ancient and Early Medieval Fergana). In Marghilon shahrining jahon tsivilizatsiyasi tarixidagi tutgan o‘rni. Marghilon shahrining 2000 yilligiga bag‘ishlangan xalqaro ilmiy konferentsiya materiallari. Tashkent, 43–50. (In Russian).
Baratova, L.S., Livshits, V.A. 2002. O sogdiyskikh nadchekanakh na Sasanidskikh monetakh i podrazhaniyakh im (On Sogdian Overstrikes on Sasanian Coins and Their Imitations). In Kul’turnoye naslediye Sredney Azii (Cultural Heritage of Central Asia). Tashkent, 21–26. (In Russian).
Bernshtam, A.N. 1940. Turgeshskie monety (Coins of Turgesh). In TOVGE (Proceedings of the Department of Oriental Studies of the State Hermitage). Issue 2. Sankt-Petersburg, 105–111. (In Russian).
Bichurin, N.Ya. 1950. Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena (Collection of Information on the Peoples Who Inhabited Central Asia in Ancient Times). Tomus 1. Moscow-Leningrad, 382. (In Russian).
Boboyorov, G. 2018. “Turon hukmdori xoqon” unvonli Samarqand tangalari (ilk o‘rta asrlar) (Samarkand Coins with the Title “Turanian Ruler Khagan” (Early Middle Ages)). In O‘zbekiston tarixi (History of Uzbekistan). №4.

Tashkent, 3–15. (In Uzbek).

Zuev, Y.A. 2002. Rannie tyurki: ocherki istorii i ideologii (The Early Turks: Essays on History and Ideology). Almaty, «Daik-Press» Print., 338. (In Russian).

Ishoqov, M. 1993. Nomi azal Turkiston (The Eternal Name of Turkistan). In O‘zbekiston adabiyoti va san’ati (Literature and Art of Uzbekistan), № 45–46, Tashkent, 1, 5. (In Uzbek).

Klyashtorny, S.G. 1985. Genealogiya i khronologiya zapadnotyurkskikh i turgeshskikh kaganov (Genealogy and Chronology of the Western Turkic and Turgesh Khagans). In Iz istorii dorevolyutsionnogo Kirgizstana (From the History of Pre-Revolutionary Kyrgyzstan). Frunze, 164–170. (In Russian).

Lur’ye, P. 2010. Karluki i yaglakary v sogdiyskoy numizmatike Semirech’ya (The Karluks and Yaglakars in the Sogdian Numismatics of Semirechye). In Drevnie kultury Evrazii. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu so dnya rozhdeniya A.N. Bernshtama (Ancient Cultures of Eurasia: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birth of A.N. Bernshtam). Sankt-Petersburg, 279–284. (In Russian).

Malyavkin, A.G. 1989. Tanskie khroniki o gosudarstvakh Tsentral’noy Azii (The Tang Chronicles on the States of Central Asia). Novosibirsk: Nauka Publ., 336. (In Russian).

Rtveladze, E.V. 2002. Drevnie i rannesrednevekovye monety istoriko-kul’turnykh oblastey Uzbekistana (Ancient and Early Medieval Coins of the Historical and Cultural Regions of Uzbekistan). Volume 1. Tashkent: Media Publ., 304. (In Russian).

Rtveladze, E. 2006. Istoriya i numizmatika Chacha (vtoraya polovina III – seredina VIII v. n.e.) (History and Numismatics of Chach (Second Half of the 3rd – Mid-8th Century CE). Tashkent: Media Land publ., 131. (In Russian).

Smirnova, O.I. 1981. Svodnyy katalog sogdiyskikh monet. Bronza (Comprehensive Catalog of Sogdian Coins. Bronze). Moscow: Nauka Publ., 548. (In Russian).

Sogdiyskie dokumenty s gory Mug. Chteniye, Perevod, Kommentariy. Vyp. II. Yuridicheskiye dokumenty i pis’ma / Chteniye, perevod i kommentarii V.A. Livshitsa (Sogdian Documents from Mount Mug, 1962: Reading, Translation, Commentary. Volume II: Legal Documents and Letters / Reading, Translation, and Commentary by V.A. Livshits). 1962. In Livshits 1962. Moscow: 222. (In Russian).

Shagalov, V.D., Kuznetsov, A.V. 2006. Katalog monet Chacha III–VIII vv. – Catalog of Chach Coins, 3rd–8th Centuries. Tashkent, Fan Publ., 327. (In Russian and English).

Babayar, g. 2007. Köktürk Kağanlığı sikkeleri Katalogu - The Catalogue of the Coins of Turkıc Qaghanate. Ankara: TIKA, 244. (In Turkish and English).

Babayar, G. 2008. Fergane bölgesinde bulunan Türk-Runik yazılı Köktürk sikkeleri üzerine (On the Old Turkic Runic Coins Found in the Fergana Region). In Dünden Bugüne İpek Yolu: Beklentiler ve Gerçekler (The Silk Road from Past to Present: Expectations and Realities). İstanbul, 135–146. (In Turkish).

Babayarov, G. 2012. The Phrase of “Türk-qaghan” on the Coins of the Western Turkic Qaghanate. URL: http://www.groups.yahoo.com/group/Sogdian-L.

Babayar, G. 2019. Toharistan Bölgesinin Soğdça Yazılı Eski Türk Sikkeleri (Ancient Turkic Coins with Sogdian Inscriptions from the Toharistan Region). In Materialy foruma IV gumanitarnykh nauk «Velikaya Step’» II. (Proceedings of the IV Forum of Humanities “The Great Steppe,”). Volume II. Nursultan, 86–101. (In Turkish).

Babayarov, G. 2019. Coins of the Western Turkic Qaghanate with a title “Tardu-Qaghan”. In Turkic Studies Journal, 1 (1). Astana, 12–24.

Babayarov, G., Kubatın, A. 2013. Byzantine impact on the iconography of Western Turkic coinage. In Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. Volume 66 (1). Budapest, 47–58.

Baratova, L. 1999. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6.-10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation (Old Turkic Coins of Central Asia from the 6th–10th Centuries CE: Typology, Iconography, Historical Interpretation). In Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 31. Berlin, 219–292. (In German).

Bo, Bi., Sims-Williams, N. 2015. Sogdian Documents from Khotan, II: Letters and Miscellaneous Fragments. In Journal of the American Oriental Society. Volume 135. No 2. American Oriental Society, 262–266.

Harmatta, J., Litvinsky, B.A. Toharistan and Gandhara under Western Turk rule. In History of Civilizations of Central Asia. Volume 3. Paris: UNESCO publishing, 367–401.

Kljaštornyj S.G., Livšic V.A.1972. The Sogdian Inscription of Bugut reviced. In Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. Tomus XXVI (1). Budapest, 69–102.

Kormuşin, İ. 2010. Orhon, Karahanid ve Memlükler dönemlerine ait olan Türk yazıtlarında «Türk halkı» ve «Türk dili» (“The Turkish People” and “The Turkish Language” in the Turkic Inscriptions from the Orkhon, Karakhanid, and Mamluk Periods). In I. Uluslararası Uzak Asya’dan Ön Asya’ya Eski Türkçe Bilgi Şöleni Bildirileri (Proceedings of the 1st International Old Turkic Symposium from Far East to Near East). Ed.: Cengiz Alyılmaz, Özgür Ay,

Metin Yılmaz. Afyonkarahisar, 143–146. (In Turkish).
Maue, D. 2018. Khüis Tolgoi: Signs and sounds. In Journal Asiatique 306 (2). 129–139.
Maue, D. 2019. The Brāhmī Inscription on the Bugut Stele. In Journal Asiatique 307(1). Paris, 109–119.
Ölmez, M. 2018. The Khüis Tolgoi inscription: On the discovery, the whereabouts, condition of the stones, and our expedition. In Journal Asiatique 306(2). Paris, 125–127.
Taşağıl, A. 2003. Gök-Türkler (Gokturks). Volume I. Print 2. Ankara: TTK Publ., 197. (In Turkish).
Thierry, F. 2002. The Currency in the Turkish Khanates from the Turgish to the Great Uygur (9th Century). In Turks. Volume 2. Ankara: Yeni Türkiye Publ., 751–762.
Tekin, T. 2003. Orhon yazıtları. Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk (Orkhon Inscriptions: Kül Tigin, Bilge Khagan, Tunyukuk). İstanbul: TDK Publ., 144. (In Turkish).
Qurčabaγatur, S. L. 2019. Proto- Mongolian Language 1400 Years Ago. Studies of the Hüis Tolgoi Inscription. Cologne: Elias Verlag Imo FiF e.V. 388. (In Mongol and English).
Vaissière, Etienne de la. 2005. Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. Brill, Leiden – Boston, 410.
Vovin, A. 2019. A Sketch of the Earliest Mongolic Language: The Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi Inscriptions. In International Journal of Eurasian Linguistics. Volume 1. 162–197.
Maue, D. 2019. The Brāhmī Inscription on the Bugut Stele. In Journal Asiatique 307(1). Paris, 109–119.
Ölmez, M. 2018. The Khüis Tolgoi inscription: On the discovery, the whereabouts, condition of the stones, and our expedition. In Journal Asiatique 306(2). Paris, 125–127.
Taşağıl, A. 2003. Gök-Türkler (Gokturks). Volume I. Print 2. Ankara: TTK Publ., 197. (In Turkish).
Thierry, F. 2002. The Currency in the Turkish Khanates from the Turgish to the Great Uygur (9th Century). In Turks. Volume 2. Ankara: Yeni Türkiye Publ., 751–762.
Tekin, T. 2003. Orhon yazıtları. Kül Tigin, Bilge Kağan, Tunyukuk (Orkhon Inscriptions: Kül Tigin, Bilge Khagan, Tunyukuk). İstanbul: TDK Publ., 144. (In Turkish).
Qurčabaγatur, S. L. 2019. Proto- Mongolian Language 1400 Years Ago. Studies of the Hüis Tolgoi Inscription. Cologne: Elias Verlag Imo FiF e.V. 388. (In Mongol and English).
Vaissière, Etienne de la. 2005. Sogdian traders: a history. Translated by J. Ward. Brill, Leiden – Boston, 410.
Vovin, A. 2019. A Sketch of the Earliest Mongolic Language: The Brāhmī Bugut and Khüis Tolgoi Inscriptions. In International Journal of Eurasian Linguistics. Volume 1. 162–197.

PRE-ISLAMIC COINS OF THE FERGHANA VALLEY WITH THE TITLE “JABGHU TÜRK-QAGHAN”

©2025. Babayarov Gaybulla[1], Shatokhin Anton[2]
[1]National Center of Archaeology, Academy of Sciences of Uzbekistan
[2]Researcher at the Tamgaly Museum-Reserve, Kazakhstan

Key words: Western Türkic Qaghanate, Chach, Ferghana, Kuva, coin, title, Jabghu Türk-Qaggan, Ashina, tamga.

Coins depicting rulers discovered in the Tashkent oasis, known in the pre-Islamic period as Chach, confirm that they were minted under the Western Türkic Qaghanate. In particular, these coins bear Sogdian inscriptions such as *pny ’krt twrk x’γ’n* (“coin struck by the Türkic Qaghan”) and *nyβwr twrk x’γ’n* (“Nivur? Türk-Qaghan”) on coins featuring a horseman. The reading of these titles leaves no doubt as to their association with the Qaghanate. In recent years, it has been established that similar inscription (Jabghu Türk-Qaghan) also occur on coins from the Ferghana Valley, which brings to the forefront the necessity of revisiting several issues related to the history of the Qaghanate.

TOSHKENTNING O‘RTA ASRLAR TARIXI BO‘YICHA YANGI ARXEOLOGIK MA’LUMOTLAR

©2025. Filanovich Margarita, Gritsina Aleksey
O‘zR FA Milliy arxeologiya markazi

Kalit so‘zlar: Toshkent, IX-XII-asrlar, o‘rta asrlar Toshkent shahar infratuzilmasi dinamikasi, Binkat, Shashtepa, Qovunchi madaniyati.

Maqola 2021–2022-yillarda Shashtepa yodgorligida miloddan avvalgi II asrga oid diniy-memorial majmuani konservatsiya qilish loyihasi doirasida amalga oshirilgan arxeologik qazuv tadqiqotlari natijalariga bag‘ishlangan. Mualliflarning ta’kidlashicha, XX asrning 70–90-yillarida hozirgi Toshkent shahri hududida olib borilgan arxeologik tadqiqotlar natijasida bu yerda qadimdan Chirchiq daryosi suvlari va yer osti manbalari bilan ta’minlangan sug‘orish tarmoqlari asosida shakllangan, dehqonchilik xo‘jaligiga tayangan zich aholi joylashuv tizimi — mikrooazis vujudga kelgani haqida xulosa qilingan. Ushbu mikrooazis hududi so‘nggi o‘rta asrlar davrida taxminan Toshkent rustoqlari maydoniga mos kelgan.

Shashtepa yodgorligining miloddan avvalgi II asrga oid diniy-memorial majmuasining halqasimon devori tashqarisidagi barcha atrof hudud o‘zlashtirilgani va bu yerda Qoraxoniylar davriga mansub manzilgoh shakllangani haqida xulosa qilish mumkin. Rivojlangan o‘rta asrlar davrida ushbu manzilgoh chegaralari aniq belgilangan bo‘lib, bu davrga kelib Salar–Jun, Karasu va Bozsu kabi barcha sug‘orish tarmoqlari, shuningdek ularning irmoqlari va kanallari xo‘jalik tizimida to‘liq jalb etilgan.

Somoniylar va Qoraxoniylar davrida esa ushbu infratuzilmaning markazida Binkat shahri joylashgan edi.

НОВЫЕ ДАННЫЕ АРХЕОЛОГИИ К СРЕДНЕВЕКОВОЙ ИСТОРИИ ТАШКЕНТА

©2025. Филанович Маргарита, Грицина Алексей
Национальный центр археологии АН РУз

Ключевые слова: Ташкент, IX – XII вв., динамика городской инфраструктуры средневекового Ташкента, Бинкат, Шаштепа, каунчинская культура.

В статье представлены результаты последних археологических наблюдений проведеные на Шаштепа в 2021 – 2022 годах, в связи с земляными работами под проект консервации основного объекта Шаштепа – культово - мемориального комплекса II в. до н.э. Авторы отмечают, что археологические исследования 70 – 90 – х годов XX века на территории современного города Ташкента привели в свое время к заключению, что здесь с древности на оросителях питавшихся водами Чирчика и подпочвенными источниками сложилась система плотного расселения, основанная на земледельческом хозяйстве – микрооазис, который, в эпоху позднего средневековья примерно соответствовал площади рустаков Ташкента. С учетом результатов наблюдений и ранее проведенных раскопок на Шаштепа, можно приходят к выводу, что за пределами кольцевой стены его раннего культово – мемориального комплекса II в. до н.э. – III в. н.э. вся вокруг прилегающая территория обживалась, на которой сложилось поселение караханидского времени. В развитом средневековье границы его определились, когда все оросители Салар – Джун, Карасу, Бозсу с протоками и каналами оказались задействованными в хозяйственном контексте. В саманидский и караханидский периоды в центре инфраструктуры находился город Бинкат (городище под городом Ташкентом XIX века).

Археологические исследования 70 – 90 – х годов XX века на территории современного города Ташкента привели в свое время к заключению, что здесь с древности на оросителях питавшихся водами Чирчика и подпочвенными источниками сложилась система плотного расселения, основанная на земледельческом хозяйстве – микрооазис, который, в эпоху позднего средневековья примерно соответствовал площади рустаков Ташкента.

В развитом средневековье границы его определились, когда все оросители Салар – Джун, Карасу, Бозсу с протоками и каналами оказались задействованными в хозяйственном контексте.

В саманидский и караханидский периоды в центре инфраструктуры находился город Бинкат (городище под городом Ташкентом XIX века). От главных ворот Бинката во всех направлениях расходились дороги на юг, восток и на север в сторону степи. Эта часть системы Шелкового пути оказалась эффективно задействованной. Вдоль дорог располагались населенные пункты. Жители, некоторых из них профессионально специализировались на разного рода ремеслах, чаще гончарном, а также шорном, стеклодувном или металлообработке. Вся эта система и создавала Бинкату славу крупнейшего торгово – ремесленного города на северных трассах Шелкового пути.

Одним из оживленных было направление на юго – запад в сторону переправы через Сырдарью и далее в Самарканд. В ближайшем расстоянии от Бинката на этой оживленной дороге археологически изучены поселения Учтепа, Казакмазар тепа, с мастерскими и печами по производству высокохудожественной посуды в IX – X и XI – XII вв. Все они входят в настоящее время в городскую черту Ташкента.

По этой дороге расположилось и городище Шаштепа. Как выяснилось в раскопках это - уникальный по своей исторической значимости пункт, в недрах которого открыт комплекс материальной культуры, позволивший прочитать историю оазиса от эпохи бронзы и раннего железа до монгольского завоевания[1].

Площадь городища около 25 га включала центральный бугор с поселением вокруг него и второе поселение, отделенное от первого каналом Джун. Раскопками прежних лет, охватившими до 90 % площади центрального бугра установлено, что нижний культурный горизонт бугра занимают отложения земляночного поселения оседлых земледельцев бургулюкской культуры, тогда датированное IX – VII вв. до н.э. (Филанович, Дуке 1990: 39 – 49; Ильясова и др. 2020: 97; Lhuillier 2005 – 2006: 71)[2]. В настоящее время датировка методом C^{14} и аналогии с подобным комплексом с других территорий Шаша позволили определить начало формирования бургулюкской культуры временем не позже XIV – XIII вв. до н. Поселение ранних земледельцев оказалось покинутым жителями примерно в VII веке до н.э. Возможно в период VII – V вв. до н.э., когда в степях Евразии в силу экологических причин формировался новый тип хозяйства – подвижное скотоводство, в его обширный ареал влились и наследники бургулюкской культуры.

На руинах бургулюкского поселения. Шаштепа возник некрополь с ямными погребениями и комплексом материальной культуры из них, оставленный пришлым населением,

[1] Городище Шаштепа, археологический памятник (XIII в. до н.э. — XII в. н.э.). Расположен вдоль канала Джун (ул. Чаштепинская в пятидесяти метрах от жилого массива «Шаштепа») в районе Янги – Хаёт города Ташкента. Впервые отмечено членами Туркестанского кружка любителей археологии, в 1896 проведены археологические раскопки Н. П. Остроумовым, обследовано в 1934 Г. В. Григорьевым, в 1956 Н. И. Крашенинниковой проведены археологические наблюдения, в 1970 Г. Дадабаевым, с 1978 – 1984 и 2000 – 2001 гг. изучалось Ташкентской археологической экспедицией (М. И. Филанович, В. И. Спришевский, А. А. Грицина, Х. Дуке, С. Р. Ильясова, Г. И. Богомолов, Ш. Адылов).

[2] В настоящее время прямой аналогией Бургулюкского поселения являются материалы Куюна в верховьях Ахангарана, которые по результатам карбонного анализа пекинской лаборатории датированы временем от XIII до X вв. до н.э.

продвинувшимся из низовьев Сырдарьи. Некрополь, датирован второй половиной III века до н.э. (Филанович 2010: 71).

На выравненных остатках погребений кочевников на Шаштепа было выстроено первое в долине Чирчика архитектурное сооружение из сырцового кирпича и пахсы. Здание оригинальной крестовидной планировки (Филанович 2010: рис. 8Б), заключенной в кольцо внешней стены со сводчатым коридором, прошло несколько этапов перестроек на протяжении II века до н.э. – III века н.э. Здание выстроено пришедшими из восточного Приаралья новыми племенами. Основу плана составлял квадрат, в котором вписаны три коридорообразные помещения, обведенные узким коридором и башнями, пристроенными со всех четырех сторон. В интерьере ярко выражены следы возжигания огня и алтарь огня с захоронением священной золы. Открыто также в одном помещении захоронение человеческого черепа в сопровождении погребальной пищи. Комплекс можно характеризовать как культово – мемориальный, отразивший в своей крестовидной планировке символику поклонения Солнцу и огню.

Открытое на Шаштепа сооружение II в. до н.э. – III в. н.э., прошедшее два этапа функционирования культового характера, составляет уникальную достопримечательность города Ташкента. Последние археологические наблюдения проведены на Шаштепа в 2021 – 2022 годом в связи с земляными работами под проект консервации основного объекта Шаштепа – культово - мемориального комплекса II в. до н.э.[3]. Ввиду этого по решению администрации г. Ташкента над раскопанной раннее частью городища Шаштепа, должно было быть возведено перекрытие. Согласно проекта консервации заказчиком проводилась, закладка шурфов для устоев, которые должны были поддерживать перекрытие над объектом. Шурфы размером 2 х 2м заложены по окружности диаметром 60м вокруг объекта (всего 20). В силу больших перепадов рельефа глубина шурфов составила от 1,5 до 5 – 6 метров. Материк, достигнут только в некоторых шурфах. Отсчитывая глубину от верхней (реперной) точки бугра это – XXI ярус (согласно археологической методике раскопок по ярусам). Поскольку эти земляные работы велись на территории городища, шурфы являются археологическими раскопами, общая площадь вскрытия на которых составляет около 100 м^2. В них пройдена свита накопленных культурных отложений за все периоды жизни на центральном бугре городища и ближайшей территории примыкающей к нему (что отмечено в начале статьи).

Стратиграфия. Наиболее выразительная картина чередования культурных слоев наблюдается в шурфах № 1, 4, 5, 6, 7, 8 (нумерация по часовой стрелке). Шурф № 1 расположен к югу от центрального объекта. В нем на глубине 2 м от современной дневной поверхности (XII – XIV ярусы) прослеживается слой лессовой фактуры с материалом в основном караханидского времени, опускающимся до уровня грани XVI и XVII ярусов, где отмечен пол помещения с беловатой прослойкой и покрывающим ее черным прослоем сажи и угольков. Все накопления слоев выше этого пола дают значительное количество артефактов караханидского периода (XI – XII веков). Это, прежде всего керамика: поливная с ядовито желтоватым покрытием, коричневым и черным орнаментом. Верхний культурный слой бугра вокруг культового здания оказался занятым поселением эпохи развитого средневековья.

На западной грани шурфа на уровне пола с черной прослойкой обнаружены in situ два целых сосуда - закопченный, сероглинянный котел с выпуклым дном и серповидными прижатыми

[3] Согласно контракту между ГУ «Маданий мерос илмий тадкикот Институти» и Центром археологических исследований Республики Узбекистан проведены археологические наблюдения за земляными работами на городище Шаштепа, которые велись Заказчиком с целью подготовки памятника к консервации. Наблюдения провели кандидаты наук М. И. Филанович и А. А. Грицина.

к корпусу ручками и горшок красного черепка с вертикальными ручками и отверстием в донце (рис. 1). Он видно предназначался для процеживания каких – либо жидких продуктов. Здесь же на полу найден фрагмент железного ножика (9 см) с прямой спинкой и остатками перекрестия и сделан богатый сбор раздавленной посуды как глазурованной, так и неполивной, и закопченных котлов.

Рис. 1. Шоштепа. Сероглинянный котёл
1-rasm. Shoshtepa. Kulrang loydan yasalgan qozon
Fig. 1. Shoshtepa. Gray clay cauldron

Очевидно, в границы шурфа попала часть хозяйственного помещения домовладения караханидского поселения, которое сложилось вокруг бугра с древней «крестовиной».

Возможно, это была кухня, так как рядом с целыми сосудами обнаружен развал кирпичей (размером - ? х 13 – 14 х 4 см) сильно прокаленных, из которых был сложен очаг. Ниже в XVII ярусе лежит желтый слой средней плотности с керамическим материалом раннего средневековья и фрагментами сосудов типа Каунчи II, который опускается до уровня грани XIX и XX ярусов, до него и доведен шурф.

В 12 шурфах, вокруг центрального бугра выявлена идентичная стратиграфия, то есть под верхним напластованием с переотложенным материалом везде прослеживается слой культурных остатков караханидского поселения мощностью до 2,5 м с его характерной керамикой. Среди такого материала в шурфе №5 сделана примечательная находка – шаровидное тулово кувшина диаметром 19 см, снаружи сплошь покрытого штампованным орнаментом.

Рис. 2. Сосуд, выполненный в технике штамповки в калыбе
2-rasm. Shtamplash texnikasidan foydalangan holda tayyorlangan idish
Fig. 2. Vessel made using the stamping technique in a kalyb

Речь идет о кувшине с округлым туловом на трех ножках (рис. 2), находке почти целого сосуда, выполненного в технике штамповки в калыбе двух полушарий тулова, соединенных вместе залощенным швом, закрытым орнаментом в виде насечек. Сосуд красноватого теста со светлым ангобом. Для украшения тулова использован один и тот же штамп. Орнамент верхней и нижней части одинаков: полоса, состоящая из двух отрезков, разделенных вертикальной узкой полоской геометрического орнамента. В каждом отрезке полосы три квадрата, окаймленных вертикальными линиями

по – видимому, изображающими стволики растений, увенчанных склоненным вертикально пучком листьев (?), переданных рисками. В квадратиках повторяются три элемента: 1) пышное растение как букет из ветвей с закрученными концами; 2) S – образный знак (рудимент бараньих рогов) на кружках каунчинской культуры; 3) миндалевидный картуш с выпуклой пуговицей в центре. Перед нами впервые встреченный на территории Ташкента пример техники штамповки сосудов соединенных из двух половинок, изготовленных в формах (калыбах), в Ташкентской области его подобный аналог находим на городище Канка (кувшин сероглинянный на трех ножках) (Буряков и др. 1990: 15). Подобная техника была широко известна в мастерских гончаров разных восточных городов в XI – нач. XIII вв. и особого совершенства достигла в Мерве в XI – нач. XIII вв., где на Султан кале изучены мастерские и около десятков таких сосудов, и известно даже имя самого мастера (Лунина 1962: 303). Нам уже приходилось отмечать, что украшение внешней поверхности сосудов штамповкой (по серому или светло – охристому фону), как можно судить по небольшим фрагментам керамики, было известно в Бинкате, очевидно, уже с X века. Теперь налицо доказательство того, что и техника штамповки в калыбах была знакома керамистам Ташкента, но судя по характеру орнамента кувшина из Шаштепа, элементы декора которого не имеют аналогов в известных центрах, местная продукция отличалась своеобразием.

Во время первых раскопок Шаштепа Ташкентской археологической экспедицией изучалось караханидское домовладение на северо – западной площадке за кольцевой стеной центрального объекта. Стены дома XI – XII вв. частично врезались в эту обводную стену (Грицина 1988: 131 – 138). Это домовладение претендует на довольно высокий статус хозяев, о чем говорят налепные украшения из сырой глины на стенах помещений, железные предметы, чашечки весов ювелира или менялы. Была открыта также хозяйственная часть дома, где in situ обнаружены целые формы котлов поливных кувшинов, пиал наряду с раздавленными сосудами.

В ходе археологических наблюдений за работами в двенадцати шурфах была зафиксирована та же идентичная стратиграфическая картина чередования культурных горизонтов. Верхний (до 30 – 50 см) – лессовый слой с переотложенными материалами, среди которых встречалась позднесредневековая керамика. Следующий горизонт зольно – органические накопления с поливной и неполивной керамикой обломками жженных и сырцовых кирпичей караханидского времени (XI – XII вв.), костями животных, окатанными и разбитыми камнями. Ниже – горизонт с неполивной керамикой раннесредневекового периода с остатками архитектуры из пахсы и кусками крупноформатных сырцовых кирпичей (? х 22х9,5). Под ним обнаружен слой сизого цвета той же структуры, что и заполнение помещений «крестовины» с вкраплением незначительного количества керамики комплекса Каунчи II. Наиболее ранний горизонт отмечен малочисленными артефактами бургулюкского комплекса в числе которых, кроме бытового материала остатки жилищ в виде полуземлянок (Филанович 1982: 91 – 124, рис. 28; 29; 30).

Археологические материалы. Основной комплекс керамики из шурфов представлен артефактами караханидского времени. Это – набор сосудов как неполивных, так и глазурованных (рис. 3). Среди поливной керамики выделяются разного размеры фрагменты чаш на кольцевом поддоне с разной конфигурацией венчика. К ним примыкают сосуды типа коса также на кольцевом поддоне. Пиалы сформованы на сплошном поддоне. Разнообразен отдел кувшинов широкогорлых и узкогорлых, орнаментированных под поливой только на плечиках и горловине. Среди керамики выделяется форма туваки - средневековые гигиенические сосуды специфической установившейся веками формы. Как и вся глазурованная посуда, они имеют желтое покрытие по незначительному орнаменту

черного и коричневого цвета. Аналогии можно привести широко на территории Мавераннахра (Заднепровский 1960: 230, рис. 51;6; Грицина 1991: 190 – 191, рис. 2; 19).

В комплексе представлены светильники бирюзовой и коричневой поливы, в основном с округлым ребристым резервуаром, вытянутым носиком и кольцевой ручкой. Они отличаются высоким качеством глазури и разнообразием рельефных рисунков на щитках.

Рис. 3. Шоштепа. Комплекс глазурованной керамики
3-rasm. Shoshtepa. Sirlangan sopol idishlar
Fig. 3. Shoshtepa. Complex of glazed ceramics

Орнамент поливной посуды – растительный, геометрический, точечный и псевдо-эпиграфический. Иногда расписной орнамент сочетался с процарапанным. Подобный орнамент неоднократно отмечался в керамике ряда памятников Ташкентского региона (Древний Ташкент…1973: 98; Зильпер 1976: 61, рис. 25; Буряков 1961: 237; Буряков 1979: 90).

Большая группа сосудов украшена растительным и геометрическим орнаментом, выполненным красками зеленого и коричневого цветов по белому ангобу и покрытым лимонно-желтой глазурью. Подобная керамика характерна для памятников Ташкента и Ташкентского оазиса, где она датируется концом XII в., и других районов Средней Азии и Южного Казахстана (Древний Ташкент…1973: 98; Массон 1953: 49; Сенигова 1972: 157; Грицина 1991: 191).

Один из излюбленных мотивов росписи – вихревая розетка, которой украшалось дно небольших блюд и чаш. Появившись в конце X в., этот мотив получил широкое распространение в Средней Азии в XI в., в том числе и в Бинкате, где, однако, в XII в. «совершенно исчезает» (Лунина 1962: 270; Брусенко 1976: 107; Филанович 2010: рис. 32; Ильясова и др. 2016: 295).

Из других орнаментальных мотивов, украшавших обычно дно сосудов, отметим круг с точкой посередине, «узел счастья», свастику и S – образный знак. Два последние изображения своими корнями, вероятно, уходят в каунчинскую культуру Ташкентского региона, где они были широко распространены среди знаков на керамике и печатях – амулетах (Григорьев 1948: 55; Грицина 1988: 85 – 88; Филанович 1992: 142).

Псевдоэпиграфический орнамент также был распространен. Он наносился либо по внутреннему краю, либо на дно сосудов. В XI в. в Бинкате он значительно упрощается, что хорошо прослеживается на керамике, включая и наши материалы из Шаштепа.

Имеется и светлофонная керамика, которая относится к периоду ранних Караханидов. Отметим фрагмент такого сосуда, бортик которого с внутренней стороны украшен по кругу орнаментом в виде далекого подражания арабским буквам. Дно другого сосуда украшено плетенкой в окружении ромбовидных фигур.

Значительно больше в исследуемой коллекции неполивной керамики. Наиболее представительной группой являются котлы. Особенно характерна округлая форма с

горизонтальными ручками, прижатыми к тулову и крышки к ним вогнутого типа. В большом числе фрагментов представлены тарные сосуды (хумы, хумча), а также тагора – (лахани) сформованные как на гончарном круге, так и вручную. В комплексе Шаштепа встречаются также и маслобойки – довольно крупные сосуды с одной горизонтальной ручкой и сливом на тулове. Иногда они украшены несложным процарапанным орнаментом с потеками.

Выделяется группа фрагментов сероглиняных одноручных кувшинов с тремя ножками на дне, тулово которых украшено процарапанным орнаментом. Среди них ярко выделяется описанный выше красноглиняный кувшин, со штампованным орнаментом, сформованный при помощи колыба. Как и в комплексах керамики караханидского времени различных мест Средней Азии, на Шаштепа представлены синабкузача специального назначения.

Из прочих находок, обнаруженных в слое караханидских домовладений Шаштепа, имеются маловыразительные фрагменты стеклянных (вогнутое донце) и металлических изделий (напр., ножичек из шурфа I). Следует отметить небольшие фрагменты керамики саманидского времени (IX – X вв.), а также раннюю находку саманидской монеты из слоя с материалами караханидского времени сделанную в 80 – х годах XX века. По определению Б. Д. Кочнева она выпущена в Шаше в 241 г. х./ 855 – 856гг.

Мелкие фрагменты саманидской керамики тем ни менее принадлежат сосудам отличного качества с прекрасной глазурью и орнаментом, которые широко представлены в культурных слоях Бинката. Их находки на городище Бинкат в период раскопок в 70 – 80 – х годах XX века позволили тогда сделать вывод о выдающимся значении этого города, как крупного центра ремесла и торговли Восточного Мавераннахра в саманидский период. Слоев обживания Шаштепа в это время, однако, не выявлено.

Культурный горизонт XI – XII вв., присутствующий практически в большинстве шурфов дал материалы и факты, позволяющие сделать некоторые общие выводы о жизни поселения на Шаштепа, а также об общей ситуации в Шаше. Ранее археологически было зафиксировано сокращение обжитой территории в городе Бинкате. Пустыри в южной его части постепенно с конца XII века занимаются кладбищами, которые обнаруживали археологи внутри города XIX века. Полоса городской застройки у южной стены Бинката при постепенном запустении становится местом, где трудились гончары с их круглыми, одноярусными обжигательными горнами (Филанович 1992: 142). Вместе с тем, либо в саманидское, либо в караханидское время жизнь процветала в загородных селениях. Так на Ходжа Фархантепа за западным рабадом Бинката на бугре древних культурных отложений с оссуарным некрополем в XI – XII веках был обустроен пункт гончарного производства и прямоугольные двухъярусные обжигательные печи для лучшей тяги подняты на вершину бугра.

С учетом результатов наблюдений и ранее проведенных раскопок на Шаштепа, можно прийти к выводу, что за пределами кольцевой стены его раннего культово – мемориального комплекса II в. до н.э. – III в. н.э. вокруг вся прилегающая территория обживалась, а на этих слоях сложилось поселение караханидского времени.

Отмечена одна характерная деталь, что на полах домовладений XI – XII веков обнаружены in situ целые сосуды. В археологической практике крайне редко встречаются целые керамические формы (если это не погребальный контекст), что всегда требует объяснения. Обнаружение этих артефактов на Шаштепа очевидно свидетельствует о внезапном уходе обитателей из домов. На это намекает и обнаруженный в шурфе №6 пустой колодец, предназначенный под ретирадную яму (бадраб), но оставшийся не заполненным.

По археологическим данным заметно, что к концу XII века город Бинкат хиреет и сокращается в размерах своей территории. Археологические исследования в Бинкате, таким образом, подтверждают общую картину развития, а затем некоторого запустения,

отмечаемую в целом на территории Шаша в караханидский период. Уже с конца XII века заметны следы явного упадка – свертывались ремесла в городах Шаша, особенно связанные с горными выработками и обработкой металла. Постепенно хирели городские кварталы (Буряков и др. 1979: 55). Изменения в жизни Ташкента и других городов северо-восточного Мавераннахра стали особенно заметны с конца XII века, когда началась раздробленность государства Караханидов, а монета чеканилась не в столицы, а в Бинакете, городе стоящем на Сырдарье. В начале XIII века, когда вся Средняя Азия входила в состав государства Хорезмшахов его правитель Мухаммад в борьбе с монгольскими племенами найманов дал приказ разрушить ирригацию в оазисе, чтобы преградить путь найманам в центральные районы ханства. Бинкат пустеет в результате недальновидной политики Хорезмшаха Мухаммада переселившего жителей городов Шаша и Ферганы и разрушившего там ирригацию, дабы оставить наступающим найманам «выжженную землю».

Как явствует из результатов последних исследований на Шаштепа, селение процветало в XI – XII вв., после чего жизнь внезапно прервалась. Возможно это также связано с проявлением варварской политики Хорезмшаха Мухаммада в начале XIII века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Брусенко Л. Г. Продукция гончарного ремесла Бинкета / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: ФАН, 1976. С. 80 – 115.

Буряков Ю. Ф. Художественная керамика с городища Тункет // Научные труды и сообщения АН УзССР. Отделение общественных наук. Кн. II / Отв. Ред. И. М. Муминов. Ташкент: АН УзССР, 1961. С. 269 – 279.

Буряков Ю. Ф. Работы в Шахристане I / Отв. ред. Г. В. Шишкина. Ташкент: ФАН, 1979. С. 86 – 93

Буряков Ю. Ф., Филанович М. И. Становление городской культуры и этапы её развития на территории Ташкента//ОНУ. №3. Ташкент, 1979. С. 48 – 57.

Буряков Ю. Ф., Богомолов Г. И. Канка – Харашкет. Цитадель / Отв. ред. Ю. Ф. Буряков. Ташкент: ФАН, 1990. С. 7 – 16. рис. 6 (1).

Григорьев Г. В. Келеская степь в археологическом отношении // Известия АН УзССР. Сер. Археологическая. Вып. 1. №46. Алма – Ата, 1948.

Грицина А. А. Материалы караханидского времени с городища Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 22. Ташкент, 1988. С. 85 – 138.

Грицина А. А. Материалы XII – начала XIII в. с городища Культепа (Северная Уструшана) // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С. 188-199. рис. 2, 19.

Древний Ташкент / Отв. ред. И. И. Ахраров. Ташкент: ФАН УзССР, 1973. 144 с.

Заднепровский Ю.А. Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 году / Труды КАЭЭ. т. IV. М.:1960. 106 с.

Зильпер З. Г. Памятники в долине Салара и Карасу / Отв. ред. Я. Г. Гулямов. Ташкент: ФАН, 1976. С. 49 – 72. рис. 25.

Ильясова С. Р., Ильясов Дж. Я., Имамбердыев Р. А., Исхакова Е. А. «Нет благо в богатстве …». Глазурованная керамика Ташкентского оазиса IX – XII веков. М.: Фонд Марджани, 2016. 596 с.

Ильясова С. Р., Максудов Ф. А., Хамидов О. А., Лин Минглей, Вульферт Э. Ф., Нормурадов Д. Р. Раскопки на Куюне в 2018 – 2019 гг. // Археологические исследования в Узбекистане 2018 – 2019 гг. Вып. 12. Самарканд, 2020. С. 99 – 113.

Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X – нач. XIII вв. / Труды ЮТАКЭ. т. XI. Ашхабад: Издательство Туркменской АН ССР1962. С. 217 – 417.

Lhuillier Johanna La culture de Burguljuk et ses implications chrono – culturelles dans le contexte centrasiatique de l’age du fer ancien (autour du Ier millenaire av. J. – C.). - Université de Paris I Panthéon Sorbonne. 2005 – 2006. Vol.I. P. 71.

Массон М. Е. Ахангеран. Археолого – топографический очерк. Ташкент: Изд – во Академии наук УзССР, 1953. 148 с.

Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма – Ата: Наука, 1972. 210 с.

Филанович М. И. Шаштепа – древнейшее поселение оседлых земледельцев на территории Ташкента / Отв. ред. Г. В. Шишкина. Ташкент: ФАН, 1982. С. 91 – 124. рис. 28, 29, 30.

Филанович М. И., Дуке Х. О древнейшем поселении на Шаштепа в Ташкенте // ИМКУ. Вып. 24. Ташкент,

1990. С. 39 – 49.

Филанович М. И. О гончарном ремесле средневековой столицы Шаша // ИМКУ. Вып. 26. Ташкент, 1992. С. 147 – 155.

Филанович М. И. Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках. Ташкент: Узбекистан, 2010. 312 с.

REFERENCES:

Brusenko L. 1976. Produksiya goncharnogo remesla Binketa (Products of the Binket pottery craft). Tashkent: Fan Publ., 80 – 115. (In Russian).

Buryakov Yu. 1961. Hudojestvennaya keramika s gorodishya Tunket (Artistic ceramics from the Tunket settlement). In Nauchnie trudy i soobsheniya AN UzSSR. Otdeleniye obshestvennih nauk). Kniga II. (Scientific works and communications of the Academy of Sciences of the UzSSR. Department of Social Sciences). Book II. Tashkent: AN UzSSR, 269 – 279. (In Russian).

Buryakov Yu. 1979. Raboty v Shahristane I(Works in Shahristan I). Tashkent: Fan Publ., 86 – 93. (In Russian).

Buryakov Yu., Filanovich M. 1979. Stanovleniye gorodskoy kultury i etapy eyo rasvitiya na territoriy Tashkenta (The formation of urban culture and stages of its development on the territory of Tashkent). In ONU – Obshestvenniye nauky v Uzbekistane (Social sciences in Uzbekistan). №3. Tashkent, 48 – 57. (In Russian).

Buryakov Yu., Bogomolov G. 1990. Kanka – Kharashket. Sitadel (Kanka – Kharashket. Citadel) Tashkent: Fan Publ., 7 – 16. fig. 6(1). (In Russian).

Grigor`ev G. 1948. Keleskaya step` v arheologicheskom otnosheniy (Keles steppe in archaeological terms). In Izvestiya AN UzSSR. Ser. Arheologicheskaya. Issue. 1. №46. Alma – Ata. (In Russian).

Gritsina A. 1988. Materialy karakhanidskogo vremeny s gorodisha Shashtepa v Tashkente (Materials of the Karakhanid period from the Shashtepa settlement in Tashkent) In IMKU – Istoriya material`noy kul`tury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue. 22. Tashkent, 85 – 138. (In Russian).

Gritsina A. 1991. Materialy XII – nachala XIII v. s gorodisha Kul`tepa (Severnaya Ustrushana) (Materials from the 12th – early 13th centuries. from the ancient settlement of Kultepa (Northern Ustrushana)). In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue. 25. Tashkent, 188 – 199. fig. 2, 19. (In Russian).

Drevnij Tashkent. (Ancient Tashkent). 1973. Tashkent: Fan Publ., 144. (In Russian).

Zadneprovskij Yu. 1960. Arkheologicheskiye raboty v Yujnoy Kirgizii v 1954 godu (Archaeological works in Southern Kyrgyzstan in 1954). In Trudi KAEE – Trudi Kirgizskoy arheologo – etnograficheskoy ekspedisii (Proceedings of the Kyrgyz archaeological and ethnographic expedition). Vol. IV. Moscwa, 106. (In Russian).

Zilper Z. 1976. Pamyatniki v doline Salara i Karasu (Monuments in the Salar and Karasu valley). Tashkent: Fan Publ., 49 – 72. fig. 25. (In Russian).

Ilyasova S., Ilyasov J., Imamberdyev R., Iskhakova E. 2016. «Net blago v bogatstve …». Glazurovannaya keramika Tashkentskogo oazisa 9 – 12 vekov (“There is no benefit in wealth...” Glazed ceramics of the Tashkent oasis of the 9th – 12th centuries). Moscwa: Marjani Foundation, 596. (In Russian).

Ilyasova S. R., Maksudov F. A., Khamidov O. A., Lin Mingley, Wulfert E. F., Normuradov D. R. 2020. Raskopki na Kuyune v 2018 – 2019 gg. Excavations at Kuyun in 2018-2019. In ARU – Arheologicheskiye isslyedovaniya v Uzbekistane (Archaeological research in Uzbekistan 2018-2019). Issue 12. Samarkand. Pp. 99-113. (In Russian).

Lunina S. B. 1962. Goncharnoye proizvodstvo v Merve X – nach. XIII vv. Pottery production in Merv in the 10th – early 13th centuries. In Trudi YUTAKE - Trudi Yujno - turkmenskoy arheologicheskoy ekspedisii (Works of the South Turkmen Archaeological Expedition). Vol. XI. Ashgabat: Publishing House of the Turkmen Academy of Sciences of the SSR. Pp. 217 – 417. (In Russian).

Lhuillier Johanna. 2005 – 2006. La culture de Burguljuk et ses implications chrono – culturelles dans le contexte centrasiatique de l’age du fer ancien (autour du Ier millenaire av. J. – C.). - Université de Paris I Panthéon Sorbonne. Vol.I. P. 71. (In French).

Masson M. E. 1953. Akhangeran. Arkheologo-topograficheskiy ocherk. Akhangeran. Archaeological and topographic essay. Tashkent: Publishing House of the Academy of Sciences of the Uzbek SSR. 148 p. (In Russian).

Senigova T. N. 1972. Srednevekoviy Taraz. Medieval Taraz. Alma-Ata: Nauka. 210 p. (In Russian).

Filanovich M. I. 1982. Shashtepa – drevneysheye poseleniye osedlikh zemledelsev na territoriy Tashkenta/ Otvetstvenniy redactor G. V. Shishkina. Shashtepa – the most ancient settlement of settled farmers in the territory of Tashkent / Ed. G. V. Shishkina. Tashkent: FAN. Pp. 91 – 124. Fig. 28, 29, 30. (In Russian).

Filanovich M. I., Duke H. 1990. O drevneyshem poseleniy na Shashtepa v Tashkente. On the most ancient settlement on Shashtepa in Tashkent. In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue 24. Tashkent. Pp. 39 – 49. (In Russian).

Filanovich M. I. 1992. O goncharnom remesle srednevekovoy stolisy Shasha. On the pottery craft of the medieval capital of Shash. In IMKU – Istoriya material`noy kul`turi Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan). Issue 26. Tashkent. Pp. 147 – 155. (In Russian).

Filanovich M. I. 2010. Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Tashkenta v arkheologicheskikh istochnikakh. Ancient and medieval history of Tashkent in archaeological sources. Tashkent: Uzbekistan. 312 p. (In Russian).

NEW ARCHAEOLOGICAL INTELLIGENCE ON THE MEDIEVAL HISTORY OF TASHKENT

©2025. Filanovich Margarita, Gritsina Alexey
National Center of Archeology of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Tashkent, 9th – 12th centuries, dynamics of urban infrastructure of medieval Tashkent, Binkat, Shashtepa, Kaunchi culture.

The article presents the results of the latest archaeological observations carried out at Shashtepa in 2021-2022, in connection with excavation work for the conservation project of the main Shashtepa site - a cult and memorial complex of the 2nd century BC. The authors note that archaeological research in the 1970s-90s on the territory of the modern city of Tashkent led to the conclusion that here, since ancient times, on the irrigation ditches fed by the waters of the Chirchik and underground sources, a dense settlement system based on agricultural economy was formed - a micro-oasis, which, in the late Middle Ages, approximately corresponded to the area of the Tashkent rustaks. Taking into account the results of observations and previously conducted excavations at Shashtepa, we can conclude that beyond the ring wall of its early cult-memorial complex of the 2nd century BC - 3rd century AD, the entire surrounding area was inhabited, where a settlement of the Karakhanid period was formed. In the developed Middle Ages, its boundaries were determined when all the irrigators Salar - Dzhun, Karasu, Bozsu with their channels and canals were used in an economic context. During the Samanid and Karakhanid periods, the city of Binkat (a 19th century settlement near the city of Tashkent) was at the center of the infrastructure.

JANUBIY SUG‘D OSSUARIYLARDAGI YANGI SYUJETLAR HAQIDA

© 2025. Gennadiy Bogomolov
O‘zR FA Milliy arxeologiya markazi

Kalit so‘zlar: Janubiy Sug‘d, Kesh, Chinvat, ossuariylar, nauslar, qayta tirilish, shtamplar, medalonlar, barglar, perlalar.

Ossuariy topilmalari Markaziy Osiyoning deyarli barcha hududlarida ma’lum. Islomdan avvalgi Markaziy Osiyo dafn marosimlarining muhim unsurlaridan biri sifatida ossuariylar ilk o‘rta asrlar aholining diniy tasavvurlarini o‘rganishda muhim manba hisoblanadi. Buning yorqin misoli — Janubiy Sug‘d (Qashqadaryo vodiysi) bo‘lib, bu yerda ossuariy topilmalarning asosiy qismi vodiyning yuqori oqimiga, ya’ni Kesh–Shahrisabz hududiga to‘g‘ri keladi.
Suyaklarning ochiq holda saqlanishi (ularning nauslarda tabiiy ravishda tozalanishi yoki hayvonlar va qushlar yordamida tozalanishi) keyinchalik qayta tirilish uchun zarur deb hisoblangan ko‘rinadi. Shu sababli suyaklar maxsus idishlarga — ossuariylarga yig‘ilgan bo‘lib, Kesh hududida ular asosan to‘g‘ri to‘rtburchak shakldagi, kamdan-kam hollarda esa oval, “yurta shaklidagi” sopol qutilar ko‘rinishida bo‘lgan.
Ossuariy devorlari ko‘pincha turli naqshlar (asosan o‘simliksimon naqshlar) bilan bezatilgan bo‘lib, ular qayta tirilish ramziyligini ifodalagan. Shu bilan birga, nisbatan kam hollarda syujetli kompozitsiyalar ham uchraydi, ularning ma’nosi esa hanuzgacha ilmiy munozaralar mavzusi bo‘lib qolmoqda. Bu tasvirlarning ossuariy yuzasiga joylashtirilishi tasodifiy emas va ular mahalliy aholining muayyan diniy qarashlarini aks ettiradi.
Mazkur maqola Qashqadaryo hududidan topilgan uchta ossuariy bo‘laklaridagi kompozitsiyalarni tahlil qilish va talqin etishga bag‘ishlangan bo‘lib, ular marhum inson ruhining oxiratdagi taqdiri haqidagi noyob tasavvurlarni yoritadi. Shu bilan birga, ilk bor ossuariy bo‘laklarida otliq tasvirlari qayd etilgani ham ta’kidlanadi.

О НОВЫХ СЮЖЕТАХ НА ОССУАРИЯХ ИЗ ЮЖНОГО СОГДА

© 2025. Богомолов Геннадий
Национальный Центр археологии Узбекистана АН РУз

Ключевые слова: Южный Согд, Кеш, Чинват, оссуарии, наусы, возрождение, штампы, медальоны, розетки, перлы.

Находки оссуариев известны практически во всех регионах Средней Азии. Как один из элементов погребальной обрядности домусульманской Средней Азии оссуарии представляют собой важный источник по религиозным представлениям раннесредневекового населения. Ярким примером является Южный Согд (долина Кашкадарьи), где основная масса находок оссуариев происходит из верхней части долины (район Кеша-Шахрисябза). Сохранение костей после их выставления (очищения естественным путем в наусах или с помощью животных и птиц), видимо, считалось необходимым для последующего воскрешения. Поэтому их собирали в сосуды или оссуарии, которые здесь в Кеше представляли собой керамические ящики прямоугольной и, видимо, совсем редко овальной, «юртообразной» формы. Причем стенки оссуариев в большинстве своём украшались различными орнаментальными мотивами (чаще всего растительными побегами), наделенных символикой возрождения. Наряду с этим но значительно реже встречаются сюжетные композиции, их значение остается предметом длительных дискуссий. Помещение их на оссуарий не случайно и передают определенные религиозные представления местного населения. Настоящая статья посвящена анализу и интерпретации композиций на фрагментах трех разных оссуариев из Кашкадарьи, которые отражают уникальные представления о посмертной судьбе души умершего человека. Причем впервые на двух фрагментах представлены изображения всадников.

Погребальная обрядность всегда отражает идеологические представления общества. Оссуарии, как часть погребальной обрядности населения Согда представляют собой важный источник по религиозным представлениям в эпоху раннего средневековья. Однако в региональном плане они изучены неодинаково. Поэтому по-прежнему актуальным остается поиск и накопление материала, важной задачей остаются вопросы хронологической атрибутации и эволюции оссуариев, а также трансформации их орнаментации и смыслового значения.

Наиболее хорошо изучены оссуарии Самаркандского Согда. Л.В. Павчинская провела в буквальном смысле титаническую работу, обработав и классифицировав более 270 целых и фрагментов оссуариев (Павчинская 2019). В результате формального и иконографического анализов она предложила разделить находки в Центральном Согде на три группы.

К восточной группе она отнесла оссуарии самого Самарканда, Кафиркалы, Тайлака, Ургута, Пенджикента. Их основными ведущими типами являются ящичные оссуарии, прямоугольной и овальной формы, вылепленных ленточным способом с отдельной плоской крышкой или низко сводчатой овальной в плане крышкой. Для них характерны два вида декора – орнаментальный (в виде растительных побегов, розеток, грибовидных или стреловидных прорезанных отверстий, налепных жгутов, оттисков мелких штампов) и зооморфными или антропоморфными фигурами, нанесенных в виде налепов или оттисков штампа на фоне орнаментального декора (Павчинская 2019: 23–25). Следует отметить, что не смотря на, наличие растительной орнаментации (растительных побегов и розеток) композиции оссуариев нередко намекают на некое архитектурное сооружение с дверью в центре, а с участием антропоморфных фигурок – на какие-то-то сюжетные композиции.

К северной группе Л.В. Павчинская относит оссуарии Кошрабадского района Самаркандской области (Тусунсай, Бешкаль) (Павчинская 2019: 25–26). Кстати, этот район является адырной зоной, где большую часть населения составляли полукочевые группы и материальной культуре ощущается сильное влияние культур Средней Сырдарьи. Ведущей формой здесь являются ящичные оссуарии юртообразной формы, прямоугольные и овальные в плане, с ленточной техникой изготовления, с неотделимым от корпуса высоким куполообразным сводом и вырезанным округлым люком в одной из торцевых сторон. Орнаментация простая – налепные жгуты-ленты с защипами, прорезные щелевидные или каплевидные отверстия. Находки оссуариев этого типа пока не известны в восточной и западной группах, но присутствуют в Ташкентском оазисе.

К третьей, западной группе Л. В. Павчинская отнесла оссуарии из района Миankаля и его близлежащей округи. Здесь большинство составляют прямоугольные штампованные оссуарии, выполненные техникой раздельной формовки с изобразительным, реже с растительным орнаментом. Характерны крышки пирамидальной формы. Но вместе с тем присутствуют и овальные юртообразные оссуарии со срезанной конической или сводчатой крышкой. Орнамент – растительные мотивы, налепные ленты с защипами (Павчинская 2019: 26–29) и аркадные композиции с антропоморфными фигурами, часто царственных (или божественных) персонажей (оттиснутые крупным штампом-калыбом во всю стенку).

Эту схему Л.В. Павчинская попыталась наложить на весь Согд (то есть на долину Кашкадарьи и на Бухарский оазис). Все это сочетается с выдвинутой ею идеей эволюции оссуариев в Самаркандском Согде. Появление оссуариев она относит в V-VI вв., они выполнены ленточным способом и орнаментация, несущей «мощный посыл» эллинистического наследия (имитацией гирлянд с налепными головками «эллинистического» типа). На следующем этапе в VII веке оссуарный обряд и оссуарии получают широкое распространение, и, наконец, в VII-VIII вв. характерно применение новой техники изготовления оссуариев путем раздельной формовки с использованием тиснения крупными штампами. Л. В. Павчинская

назвала его новым прогрессивным методом (Павчинская 2019: 73). Правда, получается, что этот метод характерен только для одной, западной, группы, для всей остальной территории он почему-то остается неизвестным, нет массовых находок штампованных оссуариев и самом крупном ремесленном центре Согда - Самарканде. Хотя технически ничего нового и сложного в раздельной формовке нет. Самое сложное это доска со штампом-калыбом, все остальное местные гончары уже практиковали. С IV-Vвв. практически повсеместно распространяется практика изготовления керамических фигурок и плакеток с помощью оттиска в калыбах, то есть с техникой теснения в форме местные мастера были знакомы и причин не применения этого приема в оформлении оссуариев тоже как будто нет. На мой взгляд, такие находки еще будут. Но Л. В. Павчинская видела причины этого в религиозной ситуацией, т.е. в существовании в западной округе Самаркандского Согда общины, отличной в религиозной практике от самаркандских приверженцев оссуарного обряда (Павчинская 2019: 73).

Возможно? Вряд ли, так как иначе китайские или арабские информаторы обязательно сообщили бы об этой ситуации. Скорее здесь можно говорить о недостаточной изученности вопроса.

Для Южного Согда (долина Кашкадарьи) выделяется две группы по двум основным оазисам – Каршинская и Кешская. Оба района практиковали оссуарный обряд захоронений, но как выясняется, в Каршинском пока не обнаружено штампованных оссуариев. Почему их нет в Карщинском микрооазисе, который расположен значительно ближе и издавна соединялся торговыми трассами с западной частью Самаркандского Согда, пока неясно. Находки оссуариев здесь есть, но они крайне малочисленны. В основном они связаны с Еркурганом, где датируются V-VI вв. (как это показывают раскопки С.К. Кабанова, В. Пырина, Н. Нефедова и С. Воробьевой) и концом VI-VII в. (Павчинская 2019: 30). Примечательно, что большая часть выявленных на Еркургане оссуариев вообще не орнаментирована. В то же время в выявленных небольших кладбищах на остатках прежней городской застройки Еркургана преобладали погребения в сосудах, продолжая прежнюю традицию, известную с эпохи поздней античности. Городской некрополь VII-VIII вв. Нахшеба (Шуллюктепа), куда переместился центр оазиса пока не найден.

Оссуарии из Кеша-Шахрисябза Л. В. Павчинская отнесла к западной группе Самаркандского Согда. Основными критериями послужили способ раздельной формовки изделий и нанесение на стенки оттисков крупного штампа с сюжетной сценой (в основном изображения божеств под арками). Получается два территориально отдаленных очага. Причем кешская группа территориально находятся южнее и юго-восточнее Миankаля, то есть значительно отдалена от западной округи Самаркандского Согда и соседствуют с его восточной группой.

Кешская группа в количественном плане очень немногочисленна (если сложить все известные по публикациям находки, получиться чуть больше двух десятков). В основной своей массе она представлена прямоугольными штампованными оссуариями, выполненные техникой раздельной формовки, то есть по Л. В. Павчинской, кешские оссуарии – поздняя группа и ее следует датировать VII-VIII вв.. Здесь очень много неясного, прежде всего из-за недостаточной степени изученности вопроса и сравнительно небольшой базы данных.

Пока основные находки кешских оссуариев происходят с небольших памятников, которые после их заброса использовались в качестве маленьких сельских кладбищ. Поэтому все известные на настоящий момент кешские оссуарии это случайные находки полученные при их разрушении (Сиваз, Узкишлак, Хирмонтепа, Хантепа) или единичных случаев раскопок остатков таких кладбищ (Юмалактепа). Городские некрополи здесь также не

выявлены. Открытым остается вопрос о времени и путях формирования этой группы, но она заметно отличается от западной (миankальской), даже в сюжетах восходящих к схожим представлениям (аркадные композиции с царственными или божественными персонажами). Поэтому очень актуальным остается вопрос пополнения общей базы находок, выявление новых типов и орнаментации.

Поэтому существенным добавлением могут служить даже небольшие фрагментированные находки, которые показывают новые сюжетные линии, и главное отражают местную трактовку религиозных идей о послесмертной судьбе умершего.

Случайная находка фрагмента оссуария из долины Кашкадарьи, в настоящее время хранится в Государственном **музее истории** и культуры Кашкадарьинской области (г. Карши).

Описание материала. Оссуарий ящичной формы, сохранился только небольшой кусок лицевой стенки, черепок в изломе кирпично-розового цвета. На стенку костехранилища нанесен оттиск крупного штампа и дополнительно покрыт светло-бежевым ангобом. К сожалению, сохранилась только часть композиции, на которой изображены два мужских персонажа (рис. 1,1). Они переданы в плоскостной и схематично-условной манере.

Первый персонаж, в левой части композиции, развернут фронтально. У него круглое широкое лицо. Выступами выделены глаза, нос и рот. Волосы неширокой полосой обрамляют лицо с правой стороны. За счет этого приема лицо получилось как бы немного развернуто назад (персонаж оглядывается назад). Пряди волос переданы короткими скобообразными линиями. Одет персонаж в кафтан или рубаху с широким подолом, узкая талия перетянута поясом, ноги в сапожках с длинным носком, вероятно, были развернуты в разные стороны. Его правая рука опущена вниз на пояс, левая – вытянута в сторону и держится за кисть второй фигуры (рис. 1,1).

Второй персонаж расположен справа от первого. Он изображен в движении (как бы поднимается вверх), голова показана в полуобороте, фронтально. У персонажа широкое подтреугольное лицо. Выступами выделены нос, глаза и рот. Справа узкой полосой лицо обрамляют волосы, от этого опять создается эффект, что персонаж оглядывается назад. Пряди волос показаны в виде скобообразных линий. Одет персонаж в кафтан или длинную рубаху, перетянутую на талии поясом. Одна рука его держит руку другого персонажа, другая вытянута вперед и немного поднята вверх, но что было в этой руке неясно, на это место как раз приходится облом. Не исключено, что в этой руке он держал маленький переносной алтарик.

Вверху между персонажами показан какой-то полусферический предмет, верхняя часть его срезана валиком штампа, но, возможно, по замыслу мастера предмет был круглым и символизировал диск луны или солнца. Внизу между ними и справа от второго персонажа изображены одинаковые фигуры в виде наклоненного вправо столбика с круглой верхушкой, которая завернута назад в противоположную от наклона сторону (рис. 1,1). Возможно, это изображение волн, между которыми проходят персонажи. Почти по краю правой стороны облома стенки фрагмента частично сохранился контур еще одной, возможно, сидящей фигуры.

Обсуждение. Скорее всего, первая фигура изображает душу умершего, тогда как второй персонаж это Срош (божество послушания, дисциплины и самообладания, в системе дуализма противопоставляемый Айшме (дэву своеволия). В Авесте упоминается как посланник и вестник Ахура Мазды. В погребальной обрядности выступает как хранитель (защитник) души умершего человека в течении трех дней. Кроме того, Срош - один из загроб-

Рис. 1. Фрагменты оссуариев из Южного Согда: 1 - фрагмент стенки оссуария с двумя персонажами (Срош и душа умершего) из Государственного музея истории и культуры Кашкадарьинской области (г. Карши); 2 -3 - угол с частью лицевой стенки оссуария с изображением женского персонажа и всадника из селения Камаши

1-rasm. Janubiy Sug‘ddagi ossuariy bo‘laklari: 1 - ossuariy bo’lagidagi ikki syujet tasviri (Srosh va marhum ruhi). Qashqadaryo viloyati tarixi va madaniyati davlat muzeyidan (Qarshi shahri); 2-3 - Qamashi qishlog‘idan topilgan ossuariy bo‘lagidagi ayol va otliq tasviri

Fig. 1. Ossuary fragments from Southern Sogd: 1 — fragment of an ossuary wall depicting two figures (Srosh and the soul of the deceased), from the State Museum of History and Culture of the Kashkadarya Region (Qarshi); 2–3 — ossuary fragment from the village of Kamashi, depicting a female figure and a mounted rider

ных судей. Считается, что он также отвращает заблуждения, спасает верующих от соблазнов).

В целом композиция, изображает полную драматизма сцену. Душа умершего оглядывается куда-то назад, где осталось его тело, надеясь еще вернутся в него. В этом отношении любопытно упоминание в Бундахишне, что в течение трех дней душа сидит у головы умершего с надеждой, что «она может быть столь счастлива, что кровь может быть разогрета и дыхание может войти в тело, так что я могу быть в состоянии войти еще раз в тело» (Pavry 1929: 12). Но Срош тянет душу умершего за руку на мост Чинвад, поднимаясь по нему. Сам мост не виден, скрыт между верхушками волн. Чинвад или «чинвато перето» – «разделяющий мост» («переход-разделитель»), в зороастрийской мифологии - место, по которому душа попадает в потусторонний мир (Рак 1998: 518). Одним концом он упирается гору Чикат-Даити, стоящую в центре мира (Бундахишн), другим на самую высокую гору Албруз, которая росла 800 лет, и от которой выросли все остальные горы. В Бундахишне говорится, что она росла «200 лет до стоянки звезд, 200 лет – до стоянки луны, 200 лет – до
стоянки солнца и 200 лет – до стоянки бесконечного света» (Чунакова 2004: 257).

Дорога через мост самая страшная в мире. Но души праведных легко переходят Чинвад, так как для них он становится шириной в 9 копий (или в один фрасанг). Для душ грешников мост сужается, и они падают в расположенный под мостом «посреди пустынного места» ад. Особенно тяжело переходить Чинвад душе мстительного человека, потому что месть идет по мосту вместе с ней. Тогда как забывший даже малое зло, будет избавлен от самого большого страха по «пути плача» (Чунакова 2004: 257). На мосту над душами умерших вершат суд божества Срош, Рашну и Михр. На мосту дэвы Аствмхад, злой Ваю, Фрезишт, Назишт и Визартш пытаются захватить душу. Но душам праведных помогают перейти мост божества Срош, Благой Вайю и Вахрам. Душе Вираз которая вышла из его тела и на седьмые сутки вернулась обратно, на этом мосту помогали божества Адур (Атар), Аштат и фарр веры маздаяснискоой (Арда Вираз намаг 2001).

Таким образом, на фрагменте стенки оссуария из Карши сохранилась часть уникальной композиции, где Срош в качестве проводника и защитника души умершего переводит последнюю по мосту Чинвад. Переход души умершего по мосту Чинвад крайне редкая композиция на согдийских оссуариях. Раньше этот уникальный сюжет был известен только по фрагменту оссуария из Государственного Музея истории Узбекистана в Ташкенте, который предположительно был найден на Афрасиабе (Потапов 1938: 130, рис. 3; Богомолов, Бердимурадов 2017: 247, рис. 31, 9; Левтеева и др. 2024: 96–98). Но новая находка показывает, что этот сюжет был известен в Южном Согде, однако трактовался по своему.

Определенный интерес для нашей темы представляет погребение знатного согдийца Ши Джуна (Шицзюнь) и его жены в северном Китае. Его согдийское имя Виркак («волк»), происхождение его связано с Кешем, отец его, видимо, был купцом. В 519 году, в возрасте 26 лет Ши Джун (Ши Цзюнь) женился на девушке (согдийское имя Виюйсы), которая происходила из государства Кан (Самарканда). В 20-е годы VI века он перебирается в Китай, где строит собственную карьеру, сначала жил в Чанъани и получил там должность сабао (водителя каравана, который также наделялся определенной политической властью, будучи резидентом администрации в общине иностранцев), и в Лянчжоу (на территории современного округа Увэй, пров. Ганьсу), где при династии Северная Чжоу имелось крупное согдийское поселение. Иногда исполнял дипломатические поручения, в качестве китайского чиновника. Умер Ши Цзюнь в 579 году в возрасте 86 лет.

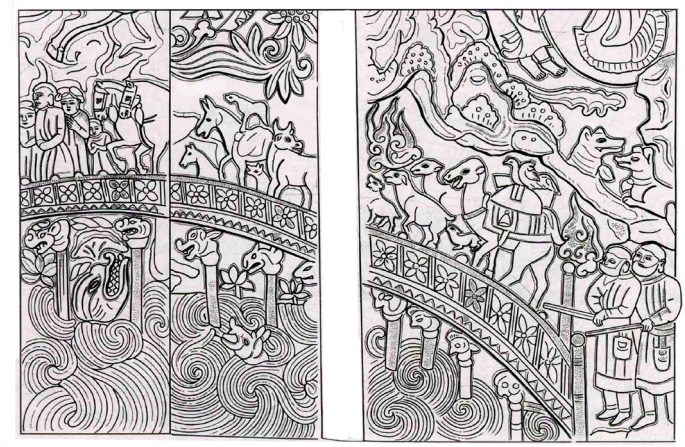
Гробница четы Ши Цзюня была раскопана в 2003 году в районе Вэйян г. Сиань (пров. Шэньси) Она расположена на расстоянии 2,2 км от могилы другого выходца из Западного края Ань Цзя (Цзе), и была выполнена в типичном китайском стиле с длинным наклонным коридором, пятью вертикальными шахтами («небесными колодцами») и вырытой в земле прямоугольной камерой, пол внутри которой был выстлан жженым кирпичом. Саркофаг сложенный из каменных панелей стоял на прямоугольной платформе и был оформлен в виде китайского домика с псевдочерепичной крышей. Внешняя сторона четырёх стен, особенно восточная, северная и западная, была богато украшена изысканными рельефами, включающими 150 различных фигур (135 на стене и 15 на платформе), на которых до сих пор сохранились следы краски и позолоты. Рельефы передают изображения пира, охоты, шествие каравана и встреч важных персон. В то же время рельефы не представляют собой единый массив, а были разделены на отдельные сцены с помощью имитированных полуколонн, вырезанных на стене (Li 2016: 99–100; Yang 2014). Южная стена отличалась наличием плиты с эпитафией над дверью (точнее её имитацией), по сторонам от которой помещены рельефы со схожей композицией в виде отдельных фигур, включая четырёхруких божеств (охранителей), попирающих демонов, двух жрецов-полулюдей-полуптиц, которые показаны с барсомом в руках перед алтарем с горящим огнем, музыкантов и служителей вокруг фальшивых окон.

Большинство исследователей считают, что на северной и западной стенах сцены имеют характер биографического повествования, тогда как три сцены на восточной стене, которые, вероятно, являются визуальным выражением зороастрийской эсхатологии, включая переправу душ через мост Чинват, встречу с Ден (Даэной), восхождение на крылатых конях в рай с апсарами (Grenet, Riboud, Yang 2004: 276–283).

Для нас важно, что здесь показан мост Чинвад, под ним внизу бушующая река (или клубящиеся облака?) с выглядывающими из неё чудовищами. Верх округлых опор поддерживавших мост тоже завершается головами чудовищ (драконов). У моста есть периллы, украшенные изображениями шести и четырех лепестковых розеток в квадратных рамках (рис. 2,2). (Интересно, что на фрагменте из Самарканда с изображением Сроша и

1

2

Рис. 2. Погребение согдийца Ши Джуна (580 г. н.э.) из северного Китая. 1 - саркофаг Ши Джуна в виде дома с восточной стороны; 2 - прорисовка восточной стороны с изображением моста Чинват (по Yang Junkai, 2014)
2-rasm. Shimoliy Xitoydan topilgan sug‘diy Shi Junning (milodiy 580-yil) dafn majmuasi: 1 — Shi Jun sarkofagining sharqiy tomondan ko‘rinishi; 2 — sharqiy tomonining Chinvat ko‘prigi tasvirlangan chizmasi (Yang Junkai, 2014 bo‘yicha)
Fig. 2. The funerary complex of the Sogdian Shi Jun (580 CE) from Northern China:
1 — eastern view of Shi Jun’s sarcophagus;
2 — line drawing of the eastern side depicting the Chinvat Bridge (after Yang Junkai, 2014)

Рашну мост тоже имеет перила, но они очень невысокие) На ближнем конце моста стоят два мужских персонажа (два зороастрийских жреца). По мнению Ли Юшена, они проводят обряд, отправляющий души умерших в мир иной (Li 2016: 99–100). Часть лица каждого из них закрыта повязкой - падамом, руках они держат барсом в виде сдвоенных палочек. Их пояса перетянуты ремнем, на котором висит квадратная сумочка. На мосту на невысоких столбах горит огонь. Между ними проходят животные, среди них кони, осел, бык. овцы с ягнятами и одногорбый верблюд с тюками. На дальнем конце моста, который упирается в полуколонну дома, стоит группа людей (слуги?): мужчина в халате, женщина, подросток и ребенок. У мужчины руки сложены на животе, у женщин и ребенка на груди. В. Хансен считает, что это изображен сам Виркак, вставший во главе этого каравана, его жена и двое детей, умерших раньше родителей (Hansen 2012: 195). Причем В. Хансен указывает здесь на еще одну небольшую деталь, показывавшей какая опасность внизу их ожидала в виде чудовища со зловещим оскалом, поджидавшее их в воде, но Виркаку и его жене удалось благополучно ее миновать, так как согласно зороастрийскому учению, только те, кто говорил правду и вёл себя праведно, могут перейти на другую сторону моста невредимыми (Hansen 2012: 195).

Поэтому логичным выглядит следующая картина на панели за полуколонной, которая показывает некое-то чудесное место, куда, видимо, выводил мост. Там сам покойный вместе со своей женой мчатся на крылатых конях в окружении крылатых небесных музыкантов. Ниже в нижней части показан крылатый горный баран из тела которого вырастают побеги с крупными листьями и распустившиеся лотосовидные цветы (иначе говоря они вступают в рай и природа вокруг расцветает).

Таким образом рельеф отображает эпизоды из зороастрийских верований, которые призваны проиллюстрировать послесмертную судьбу (жизнь) Ши Цзюна и его супруги.

Для нас важно, что все это указывает на уже сложившуюся концепцию моста Чинвад в Южном Согде к VI веку, откуда родом Ши Цзюнь, которые получили визуальное воплощение на оссуарии из Кеша и на рельефах саркофага, вырезанных по указаниям самого Ши Цзюна или его сыновей.

Фрагмент оссуария из селения Камаши. Найден случайно, возможно, происходит из руин крупного раннесредневекового замка Сегиртепа в 3-4 км к юго-востоку от Камаши.

Описание материала. Фрагмент представляет собой верхнюю часть угла красноглиняного оссуария ящичного типа прямоугольной формы. В техническом плане он был смонтирован из глиняных пластин с рельефным орнаментом, оттиснутым крупным штампом и покрыт светлым ангобом. Углы, стыки пластин, оформлены грубо обозначенными колонками, верхняя часть их выделен небольшим цилиндром с отверстием - углублением сверху (рис. 1,2). Углубление слишком мелкое, чтобы удерживать палочки балдахина, скорее, они имели символическое назначение, отражая дань традиции. Край устья ящика был украшен невысокими нарезными зубчиками треугольной формы. С внутренней стороны вверху стенки ящика сохранился участок налепной ленты-полочки для крышки.

На лицевой (фасадной) стороне сохранилась часть сюжетной композиции (рис. 1,3). Не полностью сохранились две фигуры - всадника и девы. Они как бы двигаются справа налево. Молодой мужчина или юноша сидит на коне, от которого сохранилась только голова и часть шеи с гривой. Верхняя половина туловища всадника показана фронтально. У него округлая голова, высокий открытый лоб, небольшой прямой нос и прямые брови. Глаза плохо пропечатались, но впечатление, что они слегка прикрыты, что придает лицу выражение умиротворенности. Бороды и усов нет. На голове у него невысокая с округлым верхом шапочка, на макушке от нее отходит «язык». Персонаж одет в халат с длинными рукавами, с запахом налево и мелкими треугольными отворотами. На рукавах показаны складки Талия перетянута узким поясом, к которому пристегнут какой-то предмет. Одной рукой он держит рукоять булавы с шаровидной главой опущенной на плечо. Правая рука протянута вперед и ее держит дева (рис. 1,3).

Голова и верхняя половина тела девы тоже показаны фронтально, а фигура ниже пояса показана боком. У нее овальное лицо с прямым носом, бровями в разлёт, глаза большие и узкие, подбородок округлой формы. Лоб перехвачен лентой часть, которой скрыта волосами. Волосы заплетены в четыре толстые косы: одна откинута за спину, проходит через грудь, две опущены по плечам. Дева одета в распашную блузку с длинными рукавами, без воротника, но края ее обшиты лентой и, видимо, в юбку, покрыта косыми складками. Талия перетянута наборным поясом. Левая ее рука опущена вниз и держит руку всадника. Правая согнута в локте и поднята на уровень лица. Три пальца сжаты, а два, указательный и средний, подняты вверх в жесте внимания и адорации. Хотя Ю.Я. Якубов предложил любопытную версию интерпретации этого жеста, ссылаясь на разъяснения в Персидских ривоятах, что два поднятых пальца могут означать взвешивание двух сторон деяний, то есть хорошие и плохие поступки (Якубов, 1987: 159).

Обсуждение. Безусловно, этот фрагмент представляет уникальную композицию, не имеющую аналогов в Центральном Согде. Прежде всего, это изображение всадника. Изображение лошади известны (оссуарии из Миankаля и Сиваза), тогда как всадник на согдийских оссуариях представлен впервые.

К сожалению, композиция сохранилась лишь частично, оставляя большое поле для догадок. Вполне вероятно, что здесь представлен иной вариант пересечения моста Чинвад, дополненный какими-то архаическими представлениями местной общины.

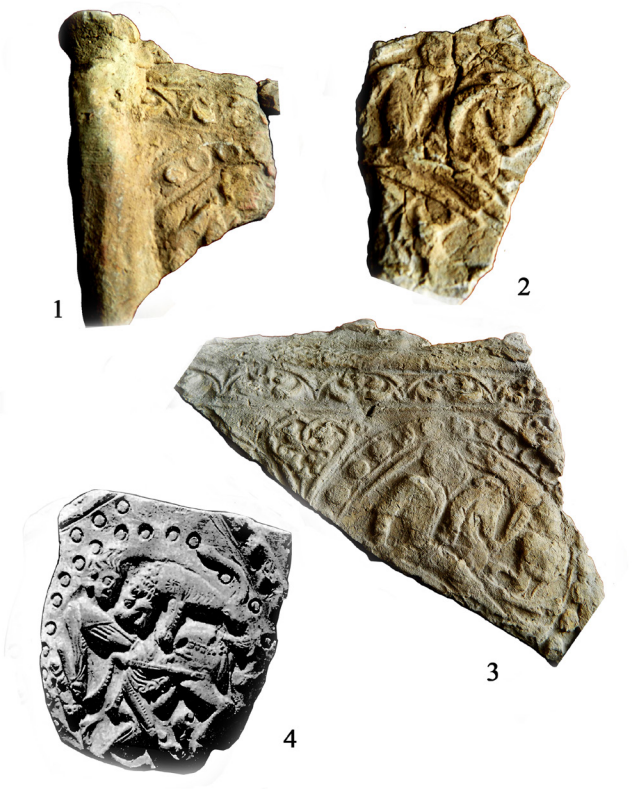

Рис. 3. Фрагменты оссуария из Государственного музея истории и культуры Кашкадарьинской области (г. Карши) и его аналогия: 1 - угол оссуария из Кеша с колонкой и отверстием в ней для стойки балдахина; 2 - 3 - фрагменты стенки оссуария из Кеша с медальоном, внутри которого показан лев нападающий на всадника; 4 - фрагмент стенки оссуария (или сосуда) с медальоном с изображением льва, напавшего на всадника сзади (Кафиркала, Вахшская долина) (по Литвинский, Соловьев, 1985)

3-rasm. Qashqadaryo viloyati tarixi va madaniyati davlat muzeyidagi (Qarshi shahri) ossuariy bo‘laklari:
1 — Keshdan topilgan ossuariy bo‘lagi, unda ustuncha va uning ichida baldaxin ustuni uchun teshik mavjud;
2–3 — Keshdan topilgan ossuariy bo‘laklari unda medalon tasvirlangan, uning ichida otliqga hujum qilayotgan sher aks ettirilgan;
4 — ossuariy (yoki idish) bo‘lagi, unda orqadan otliqga hujum qilayotgan sher tasvirlangan (Kafirkala, Vaxsh vodiysi) (Litvinskiy, Solovyev, 1985 bo‘yicha)

Fig. 3. Ossuary fragments from the State Museum of History and Culture of the Kashkadarya Region (Qarshi) and their analogies:
1 — corner of an ossuary from Kesh with a column and a hole in it for a baldachin post;
2–3 — ossuary fragments from Kesh with a medallion depicting a lion attacking a mounted rider;
4 — fragment of an ossuary (or vessel) with a medallion showing a lion attacking a mounted rider from behind (Kafirkala, Vakhsh Valley) (after Litvinsky and Solovyov, 1985)

Неслучайно мастер для женского персонажа подчеркивает, что она девушка с четырьмя косами, а не замужняя женщина. Причем она – ведущая, она ведет куда-то всадника, держа его за руку. Женский персонаж, на наш взгляд, безусловно представляет Ден (авестийское *daénā*, пехлевийское *dén*), олицетворение индивидуальной веры человека, его поведения и моральных поступков, выраженных в мыслях, словах и делах. В сочинении «Менок-и Храт» говорится, что»три дня и три ночи душа сидит у изголовья тела. И на четвертый день на рассвете (душа) ... достигает возвышенного и ужасного «Моста вознаграждающего» (мост Чинвад), к которому должен подойти каждый человек, чья душа спасена, и каждый человек, чья душа проклята .... и ей (пойдет на пользу) посредничество Михра, Сроша и Рашна, и она будет (подвергнута) взвешиванию (поступков) справедливым Рашном ... И когда душа спасенного проходит по этому мосту, то ширина моста оказывается равной одному парсангу ... И собственные добрые дела спасенного встречают его в образе юной девушки, более прекрасной и красивой, чем любая девушка на земле ... Затем с первым шагом вступает (на небеса) благих мыслей, со вторым – (на небеса) благих слов и с третьим – (на небеса) благих деяний, а с четвертым шагом он достигает Бесконечного Света, который весь блаженство ... И навечно он обитает со святыми божествами в полном блаженстве во веки веков». Если же душа проклята, то ее тело через три дня и три ночи после смерти демон уносит и волочит к мосту Чинвад, а оттуда в преисподнюю. Проклятая душа встречает «юную девушку, которая совсем не похожа на юную девушку», проходит через три ада злых мыслей, слов и деяний и с четвертым шагом

оказывается перед лицом Ахримана и прочих демонов (цитируется по Дрезден, 1977: 300–301).

Фрагменты оссуария из Государственного музея истории и культуры Кашкадарьинской области (г. Карши).

Описание материала. Фрагменты показывают, что оссуарий имел прямоугольную ящичную форму и был смонтирован из раскатанных пластин, углы - стыки пластин были закрыты выступающими на три четверти колонками, верхушка которых имела грибовидное навершие с круглым углублением в центре. Лицевая стенка была покрыта штампованным рельефным орнаментом (рис. 3, 1-3). Сопутствующий археологический контекст находки не известен.

Основу композиции составляет горизонтальный ряд из оттисков трех или четырех однотипных медальонов. Все они обрамлялись поясом из перлов. все поле внутри медальона заполнено фигурами всадника и напавшего на него хищника (львицы или пантеры). Этот иконографический прием, украшение фасадной стороны несколькими одинаковым медальонами, неоднократно встречается на оссуариях Согда и Ташкента (видимо, в этом отразился принцип дублирования, известный по искусству более раннего периода, связанный с древневосточной традицией). Чаще всего это четырех, шести или восьми лепестковые розетки. Охота всадника на льва представлены впервые. Всадник и лошадь показаны в профиль, но нижняя часть их обломана и не сохранилась. Голова всадника сильно смазана на одних фрагментах или плохо отпечаталась на другом. Однако видно, что у него небольшой острый нос, острый подбородок (который, возможно, покрывает короткая бородка), на голове нет головного убора. Одет он в распашной кафтан, закрывавший часть бедер, штаны и сапоги с острым носком. Всадник наклонился почти к шее коня, левая рука его не показана, но, возможно, ею он держит поводья. Правая рука отставлена в сторону, опущена вниз и держит меч с длинной рукояткой. Хищник показан в прыжке, одна лапа его поднята вверх над головой коня (как бы для удара), три других поджаты к друг другу. У хищника тонкий хвост, который завершается круглой кисточкой (рис. 3,3).

Между медальонами с охотой (или борьбы всадника и льва) помещен растительный элемент, два побега которого поднимаясь верх переплетаются и образуют сердцевидную фигуру. Внутрь ее завернуты лист и побег завешавшийся тремя шариками. Выше проходит узкая орнаментальная полоса, украшавшая край резервуара. Её верхний валик более толстый, полуовальный в сечении и покрыт мелкими ячейками, имитирует гирлянду, нижняя тонкая рельефная линия, прямоугольная в сечении. Между ними помещен пояс из полудуг с вписанными внутри двумя зеркально расположенными фигурками птиц и растительного побега между ними.

Обсуждение. Подобная композиция с изображением охоты или схватки всадника со львом не обнаруживает аналогов среди оссуариев Центрального Согда. Пока едва ли не единственной аналогией можно считать фрагмент оссуария (или крупного сосуда) из Кафиркалы Колхозабадской (в Вахской долине, в Тохаристане), на котором штампом оттиснута схожая сцена. Только на фрагменте оссуария из Карши хищник напал спереди, а на фрагменте из Тохаристана лев запрыгнул на круп коня и нападает на всадника сзади. Конь под тяжестью насевшего на него льва и нагнувшегося вперед всадника упал на подогнутые передние ноги (рис. 3,4). Как и на фрагменте из Карши тохаристанский всадник вооружен длинным мечом, который висит у него на поясе. Всадник показан в профиль, в сложном развороте: он сидит на едущем влево коне, верхняя часть туловища повернута назад, под углом почти в 180° относительно нижней. По мнению Б.А. Литвинского и В.С. Соловьева, всадник, резко отпрянув и повернувшись назад, пытается защититься кинжа-

лом (Литвинский, Соловьев 1985: 114). Изображение было заключено в овал из пунсонных вдавлений, размеры овала – 12,5х11,7 см, (вытянут по высоте), диаметр вдавлений, нанесенных трубочкой,— 0,8 см.

Фрагмент оссуария из музея в Карши по своему уникален. Во-первых, потому что оссуарии с медальонами с перлами по ободку пока не найдены в материалах Кашкадарьинской долины. Да и в самом Самаркандском Согде это в основном медальоны с резными или прочерченными розетками внутри и с ободком из перлов (реже треугольничков или коротких насечек). При этом из 272 оссуариев, собранных Л.В. Павчинской в каталоге, насчитывается только девять случаев нанесения круглых медальонов с перлами по краю, из них лишь в одном случае в внутри круглого медальона была помещена фигурка горного козла с бантом на шее, переданного в профиль (Каталог, №144; Павчинская 2019: 168–169). Безусловно, такие медальоны с перлами по краю с изображением внутри животных с бантом (пативом) на шее или на ногах или с противостоянием животных и людей встречаются на предметах из других материалов, в том числе на резном дереве и живописи, особенно при передачи ткани.

Во-вторых, необычна сцена внутри медальона, передающая охоту или сражение всадника со львом, занимавшая все поле медальона. Она не характерна для композиций на оссуариях, но часто встречается в официальном и светском искусстве, на скальных рельефах, в живописи, на предметах торевтики и глиптики. Охота царственного всадника на льва популярный сюжет на рельефах ассирийских и ахеменидских царей и позже сасанидских правителей. С одной стороны, единоборство с опасным, диким хищником – свидетельство необычайной отваги охотника, проявление его силы и могущества (Литвинский, Соловьев 1985: 114). С другой стороны, считается, что смысл сцены охоты царственных особ с диким опасным животным был связан не только с демонстрацией их личной удали, но может быть манифестацией царственных поединков, в которых отстаивалось право на престол, то есть наделялись ритуальным характером (Комиссаров и др. 2015: 8). Отголоски этого можно видеть в легендарной истории о приходе к власти Варахрана V (Бахрама Гура). Когда для выбора достойного претендента на царство осталось только два кандидата, царскую корону положили между двумя львами. Престарелый Хосров (представитель боковой ветви сасанидов и ставленник части знати, враждебной Варахрану) отказался, тогда молодой Варахран взял палицу, убил обоих львов и одел корону. Кстати в «Шахнаме» герои часто описываются с помощью метафор льва: львиный убийца, львиное сердце, покоритель львов, львиные руки, укротитель львов.

В эпоху раннего средневековья борьба со львом – один из излюбленных мотивов в торевтике, живописи, резном дереве и тканях не только Ирана, но и в Средней Азии. Б.И. Маршак приводит фрагментированное серебряное блюдо, найденное в с. Чилек (близ Самарканда), где царственный всадник (сасанидский шахиншах Пероз) охотится на львов (Маршак 2017: 482, рис. 2,3). На другом серебряном блюде со сценой царской охоты (место находки неизвестно) из Государственного Эрмитажа (Россия) царь поражает копьем льва, поднявшегося на задние лапы (Маршак 2017: 512, рис. 29, 30).

В Пенджикенте на фрагментированных досках резного дерева из Помещения VII/II вырезаны несколько медальонов со всадником стреляющим в нападающего льва, на другом медальоне – два льва, один убит и лежит под к опытами коня (Беленицкий 1973: 36–37 рис. 46, 49–51). На печати VI-VII вв. из Государственного Эрмитажа (коллекция Б. Н. Кастальского) изображен всадник, сзади него — «фигура вздыбившегося льва, терзающего когтями круп коня» (Борисов, Луконин 1963: 97, № 128).

Не менее интересен факт включения сцен охоты, в том числе охоты на льва в композиции каменных рельефов на саркофагах согдийцев в Северном Китае в конце VI века. В 2000 году в недалеко от г. Сиань (пров. Шэньси) было обнаружено погребение согдийца Ан Цзя (Ан Джя). С одной стороны по своей структуре гробница типична для гробниц местной (китайской) аристократии и чиновников династий Северная Чжоу и состоит из пандусного прохода с пятью вертикальными шахтами, символизирующими политический ранг и престиж, спускающегося к каменным дверям с фронтоном в виде люнета (полукруглая декоративная деталь, расположенная над проходом), которые вели в подземную погребальную камеру в конце продольной оси. Изысканное каменное погребальное ложе Ань Цзя было установлено недалеко от северной стены камеры. Но кости скелета Ан Цзя не лежали на каменном ложе, а были хаотично разложены рядом с его эпитафией в коридоре. Кроме того, как оказалось, кости были предварительно очищены, без мягких тканей, как это предписывалось в авестийском «Вендидаде».

Согласно древнекитайским источникам, фамилия Ань Цзя, «Ан» была согдийским именем в раннесредневековом Китае, что указывает на происхождение семьи Ань из Бухары. Его отец, Ань Туцзянь, осел в начале VI века в городе Гузан, известном поселении иностранных иммигрантов вдоль коридора Хэси, его мать носила фамилию Ду и, видимо, была китаянкой. В эпитафии говорится, что Ань Цзя был назначен качестве лидера (сабао) общины иностранцев в Тунчжоу. После эффективного управления в Тунчжоу, он был награжден и назначен комендантом, чтобы продолжить службу при дворе. В конце эпитафии говорится, что Ань Цзя скончался в 579 году нашей эры в возрасте 62 лет.

Погребальное ложе Ань Цзя имитирует тип деревянной мебели, излюбленной китайской элитой при жизни Ань Цзя. Её обрамляют 4 вертикальных плиты, образующие заднюю и две боковые стороны. Высеченные на их поверхности рельефы разделяются на 12 панелей, которые были красочно расписаны и украшены золотым листом (фольгой?). Здесь также рельефы отражают какие-то события - пиршества, встречи, процессии и охоты. Сцены с охотой изображены трижды, два раза - это облавная охота всадников в горах и в лесистой местности и один раз схватка со львом. Всадник нацелился в вставшего на дыбы (нападающего) льва (рис. 4,2).

Сцены охоты показаны на саркофаге Юй Хуна (Ю Хуна). **Его** гробница была открыта в 1999 году почти в 25 км от города Тайюань (провинция Шаньси). Могилу обнаружили при проведении дорожных работ на глубине 2,6 м. Она было разграблено еще в конце эпохи Тан, вещи были разбиты и разбросаны по камере, но сохранился каменный саркофаг, выполненный в форме китайского домика с черепичной крышей (рис. 5,1), каменная плита с эпитафией Юй Хуна, и плохо сохранившаяся плита с эпитафией его жены (Комиссаров и др. 2015: 8–9).

Согласно эпитафии его дед был в числе вождей небольшого кочевого государства Ю в Западном крае (точное месторасположения не известно), а отец – чиновником у жужаней. Сам он начал карьеру в 13 лет, когда получил от жужаней титул «мохэфу» и был направлен с посольствами в Персию, которая, видимо, произвела на него огромное впечатление, что сказалось потом в выборе сюжетов и стиля для сцен саркофага. В эпитафии подробно приводится целый список гражданских и венных должностей, которые он занимал. При династии Северная Чжоу он как глава управления по контролю за иноземцами получает «графский» титул (бо), при династии Суй он становится одним из сановников высшего ранга. Скончался Юй Хун в 592 г. (в возрасте 58 лет). Его жена скончалась позже, и ее тело в 598 г. также поместили в саркофаг (Комиссаров и др. 2014: 194–195; Li 2016: 99–100). В сюжетах на саркофаге Юй Хуна некоторые исследователи видят сцены из его собственной биографии,

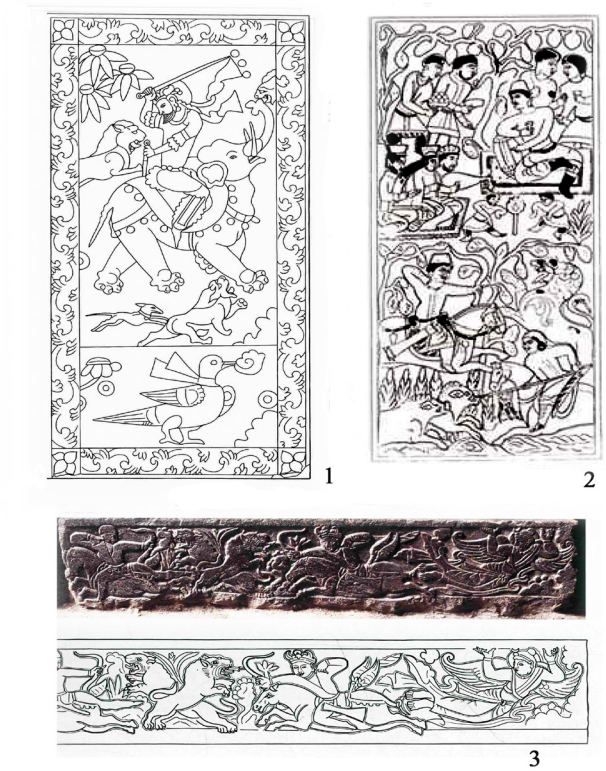

Рис. 4. Сцены охоты из погребений согдийцев в северном Китае:
1 - сцена охоты на каменной панели из саркофага Юй Хуна;
2 –сцена охоты на льва на каменной панели кровати Ан Цзя (по Li Yusheng 2016);
3 - сцена охоты на льва на саркофаге Ши Цзюня (по Yang Junkai, 2014)
4-rasm. Shimoliy Xitoydagi sug‘diylar dafn majmualarida tasvirlangan ov manzaralari:
1 — Yu Xun sarkofagining tosh panelida tasvirlangan ov sahnasi;
2 — An Jia dafn to‘shagining tosh panelida sher ovlash sahnasi (Li Yusheng, 2016 bo‘yicha);
3 — Shi Jun sarkofagida sher ovlash sahnasi (Yang Junkai, 2014 bo‘yicha)
Fig. 4. Hunting scenes depicted in the funerary complexes of Sogdians in Northern China:
1 — hunting scene on a stone panel of the sarcophagus of Yu Hong;
2 — lion-hunting scene on a stone panel of the funerary bed of An Jia (after Li Yusheng, 2016);
3 — lion-hunting scene on the sarcophagus of Shi Jun (after Yang Junkai, 2014)

но рельефы также воплощают эпизоды иранских эпических сказаний и зороастрийских верований (Комиссаров и др. 2015: 8).

Для нас важно, что на стенках его саркофага много сцен посвященных сценам охоты. Причем ряд из них на львов, выполненных в сасанидском стиле охоты царственных особ. При этом охотник изображается то сидящим верхом на коне, то и на верблюде или на слоне (рис. 4,1). Характерна практически эталонная посадка верховых (с вытянутым вниз носком ноги), которая не зависит от вида ездового животного. Примечательно и другое, исследователи отмечают отсутствие типичных для Китая ландшафтов (например, скалистых холмов), которые заменены среднеазиатскими пейзажами. При этом изображения садов вполне могут соотносится с идеей «райских кущ», присущей как зороастрийской, так и манихейской религиям (Комиссаров и др. 2015: 8–15).

Вероятно, эта же идея воплощена на лицевой стороне саркофага Юй Хуна на плитке закрывавшей вход. Композиция здесь разделена на две фрески (рис. 5,2). Верхняя, крупная, почти квадратной формы несет изображение какого-то архитектурного сооружения (павильона), где на возвышении сидят Юй Хун и его супруга. В руках у них чаши, между ними блюдо, наполненное круглыми плодами. На голове его царский кулах сасанидского типа, с отходящими от него лентами. Слева со стороны Юй Хуна ему прислуживают двое слуг-мужчин, один из них с кувшином в руках. За спиной у них развиваются концы лент или шарфов (указывают на небесный статус). Справа со стороны супруги показаны две служанки, одна из них крылатая держит в руке круглый плод, другая – сложила руки на груди в ожидании. У них такой же головной убор, что и госпожи, с лентами развивающимися за головой. Перед возвышением на ковриках сидят согдийцы-

музыканты, а между ними на круглом коврике согдиец-танцор выделывает коленца. Его руки охватывает длинный шарф, концы которого развиваются далеко за спиной. Наверху над крышей сооружения показаны побеги лозы и птицы с бантом (пативом) на шее (рис. 5,2).

Горизонтальная черта отделяет эту фреску от нижней. Она вытянутой прямоугольной формы, в ней показан драматический момент схватки охотника и напавшего на него льва. Эта пара сначала обращена в левую сторону, затем почти в зеркальном отражении направо. В сцене присутствует еще один персонаж – маленькая собака, которая нападает на льва, чтобы укусить его за ногу. Слева лев схватил охотника за голову, в руках его нет оружия, но, вероятно, оно подразумевается. Справа при почти таком же расположении фигур, охотник поражает льва снизу длинным мечом (рис. 5, 2).

Рис. 5. Погребение Юй Хуна. 1 - мраморный саркофаг Юй Хуна; 2 – прорисовка центральной плиты с изображением сцены в раю и смертельной схватки человека со львом (по Li Yusheng 2016)
5-rasm. Yu Xun dafn majmuasi:
1 — Yu Xunning marmar sarkofagi;
2 — jannat sahnasi va insonning sher bilan halokatli kurashi tasvirlangan markaziy plitaning chizmasi (Li Yusheng, 2016 bo‘yicha)
Fig. 5. The burial of Yu Hong:
1 — marble sarcophagus of Yu Hong;
2 — line drawing of the central slab depicting a paradise scene and a mortal combat between a man and a lion (after Li Yusheng, 2016)

Вероятней всего, основной смысл всей этой композиции показать, что Юйхун и его жена находятся в раю (на небесах, мире богов), где они проводят время вечном блаженстве, радости и веселье. А внизу (под чертой) мир смертен как бы ты ни был велик и силен.

Все это показывает, что тема охоты присутствует на погребальных памятниках согдийцев как в Северном Китае эпохи Северная Чжоу и Суй, так и в южном Согде. Но вопрос остается открытым – была ли эта тема привнесена в Китай согдийцами или наоборот появление ее на оссуарии в Южном Согде следствие обратного процесса влияния «сасанидских» медальонов с изображениями животных, птиц у мирового древа и сражающихся воинов из Китая (известных прежде всего на тканях).

Заключение. Таким образом, представленные материалы показывают, что оссуарии являются важным источником по истории культов и обрядов Согда. Они подтверждают сведения письменных источников и даже существенно дополняют их. В целом они показывают, что зороастрийская погребальная обрядность представляет собой сложную систему представлений, связанных с разработкой веры в конечное воскрешение. Главная задача погребального обряда – очищение тела и души умершего, помощь ей в обеспечении лучшей участи и, самое главное, достойного возрождения. Поэтому ряд композиций на

согдийских оссуариях были призваны проиллюстрировать картины послесмертной судьбы умершего в ожидании будущего конечного воскрешения.

Всё это напрямую касается и погребальных памятников согдийцев в Северном Китае, где они отражают мультикультурные процессы. Когда на китайскую основу, будь то структура подземного сооружения, каменное ложе или сам саркофаг (который по сути выступал дахмой и оссуарием) накладывались представления и образы зороастризма, а также буддизма и даже манихейства. Некоторые из них безусловно были привнесены из Средней Азии. В этом контексте тема охоты как и другие эпизоды (встречи, банкеты, шествия) могут отражать не страницы его биографии, а демонстрировать достойную жизнь и занятия покойного в потустороннем мире. Неслучайно, саркофаг в китайско-согдийской двуязычной эпитафии Ши Джуна назван «домом богов» (Li, 2016: 100).

По мнению исследователей, появления таких «иранских» сюжетов, явно чужеродных для исторической и изобразительной традиции Китая, связаны прежде всего с активизацией Великого шелкового пути с неизбежным расширением внешних контактов и проникновением вместе с караванами и носителей чужих традиций на территорию Поднебесной. Диковинные товары с сопутствующим им антуражем, в том числе и мировоззренческим, становились частью престижного потребления и одним из маркеров статуса. В этом качестве они оказывали возрастающее влияние на менталитет местной элиты разного уровня, занимая ее воображение и склоняя к очевидным заимствованиям в моде, стиле жизни и даже вере (Комиссаров и др. 201: 11).

В самом Согде ярким специфическим проявлением его религиозной идеологии стали оссуарии, в которых отразилась своеобразная самобытная культура. Новые находки оссуариев из Кашкадарьи расширяют наши представления, позволяют по-новому взглянуть на семантику изображенных на них сцен. Последние с одной стороны находят прямые параллели в пехлевийских текстах, с другой – иллюстрируют народные представления. Например, представления о рае. Согласно пехлевийским источникам (Бундахишн, Арта Вираз намак, Дадестан-и меног-и храд («Суждения Духа разума») рай – «вахишт» («лучший»), место пребывания душ праведных, который состоит из четырех уровней или стоянок. Первые три стоянки называются соответственно стоянками звезд, луны и солнца (иногда они называются стоянками добрых мыслей, добрых слов и добрых дел), четвертая – стоянка света, обитель Ормазда – «гарадмана». Обитатели разных уровней рая отличаются друг от друга степенью совершенства, более праведные занимают более высокий уровень. Все они одеты в сверкающие одежды, украшенные драгоценными камнями, восседают на золотых ложах, устланных прекрасными коврами и подушками либо выезжают в свет на золотых колесницах (Чунакова 2004: 91–92). «И я увидел души земледельцев (в) роскошных одеждах на сверкающих ложах и великолепных постелях, тогда как духи воды, земли, растений и скота стояли перед ними, благословляли (их) и произносили восхваления, (выражали) благодарность и признательность. Они занимают видное (‘большое’) положение и хорошее место» (Арда Вираз намак 2001: 106).

В то же время О.М. Чунакова специально подчеркивает, что наглядного описания образа рая как небесного города или сада нет, как нет также описаний чувственных удовольствий для обитателей рая (Чунакова 2004: 92). Однако между жреческим видением рая и народным, вероятней всего, существовал некоторая разница с более приземленными представлениями. Следы этих более ранних представлений прослеживаются даже в поздних пехлевийских сочинениях. Само название рая - обители Ормазда и других богов называется гарадмана - «дом песен», это горний рай – «всеблаженный, благополучный, со многими благоухающими цветами, весь разукрашенный, полностью расцветший, сияющий, несущий всю радость и

веселье, которыми никто не насытится (Арда Вираз намак 2001: 106–107). В Дадестан-и меног-и храд упоминает, что каждому прибывшему в горний рай предлагают лучшее из яств – напиток майдйойзарам, напиток бессмертия (Чунакова 2004: 92).

Еще более интересно представлен образ рая в живописи Пенджикента. В одном из жилых домов (объект XXV) в Пенджикенте была открыта культовая сцена, помещенная в высокую арку в помещение №12. На ней выделяется нескольких ярусов. По мнению исследователей, в верхнем ярусе помещены божественные патроны-покровители этого дома, в том числе восседающая на льве четверорукая богиня Нана. Но для нас наиболее показательна композиция нижнего яруса, середину которого занимает изображение двух построек. Одна из них изображает ад в виде постройки, покрытой чешуёй и охраняемой свирепым, похожим на льва, зверем. Сооружение с двух сторон фланкируется двумя струйками дыма. Над крышей помещен летящий дракон. Перед входом стоит персонаж в доспехах с гневным лицом, а у ног его поверженный демон.

Рай показан в виде здания с множеством окон, из которых выглядывают множество дев в богатых головных уборах (по мнению Б.И. Маршака они олицетворяют добрые дела достойных рая людей). Охраняют здание фраваши – крылатые девы с булавами-жезлами в руках. По бокам здания помещены два трубчатых замени, подобных знаменам богов. К этой же большой композиции относятся фигуры молящихся перед жертвенником огня, танцоры и музыканты (Маршак 1999: 184). Эта композиция, как отмечает Б.И. Маршак, самая теологическая из всех согдийских росписей, причем оба изображения мало в чем соответствуют представлениям о будущей жизни, изложенным в среднеперсидских сочинениях (Маршак 1999: 184).

Все это показывает, что композиции на фрагментах трех оссуариев из Южного Согда представляют уникальные сюжетные линии (преодоление моста Чинвад и сцена охоты), которые отражают представления местных зороастрийцев о послесмертной судьбе умерших, безусловно, достойных райской обители, по мнению родственников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Арда Вираз намаг. Пехлевийская Божественная комедия. Книга о праведном Виразе (Арда Вираз намаг) и другие тексты. Введение, транслитерация пехлевийских текстов, пер. и комментарии О. М. Чунаковой. Москва: изд-во Восточная литература РАН, 2001. (Памятники письменности Востока. CXXVI), 206 с.

Беленицкий А. М. Монументальное искусство Пенджикента. Живопись, Скульптура. Москва: Издательство «Искусство», 1938, 1973. 67 с.

Богомолов Г. И., Бердимурадов А. Э. Узбекистан // Религии Центральной Азии и Азербайджана, том II, Зороастризм и верования маздеистского круга. Руководитель проекта Д. А. Воякин, научные редакторы Г. И. Богомолов, А. Д. Искандерова, Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 167–279.

Борисов А. Я., Луконин В. Г. Сасанидские геммы. Каталог / Под ред. К. В. Тревер, Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1963. 222 с.

Дрезден М. Мифология древнего Ирана (Пер. И.М. Стеблин-Каменского) / Мифология древнего мира / Пер. с английского, Отв. редактор В. А. Якобсон, Москва: «Наука», 1977. С 337–365.

Комисаров С. А., Соловьев А. И., Трушкин А. Г. Изучение могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) в контексте полиэтничности культурных связей переходного периода // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Том XX, Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. С. 194–197.

Комиссаров С. А., Соловьев А. И., Трушкин А. Г. Мультикультурализм средневековья: к изучению могилы Юй Хуна (Тайюань, Китай) // Востоковедные исследования на Алтае. Вып. 9. Барнаул: Издательство Алтайского Гос. Университета, 2015. С. 8–15.

Левтеева Л. Г., Минасянц В. С., Норкобилов Т. Х., Боймирзаев С. Б. Воскрешенные из небытия (коллекции оссуариев из фондов Государственного музея истории Узбекистана). Книга-альбом. Андижон: Omarbek print number one, 2024. 221 с.

Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана в свете раскопок в Вахской долине /

Ответственный редактор Г. М. Бонгард-Левин. Москва: «Наука», 1985. 263 с.

Маршак Б. И. Согд V-VIII вв. Идеология по памятникам искусства // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. Редактор М. А. Карповская, Москва: «Наука», 1999. С. 175–191.

Маршак Б. И. История восточной торевтики III-XIII вв. и проблемы культурной преемственности / Под ред. В. П. Никонорова; вступит. статья Ф. Гренэ. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Павчинская Л. В. Раннесредневековые оссуарии Согда как исторический источник. (Археология Центральной Азии: архивные материалы. Том IV), Руководитель проекта Д. А. Воякин, научные редакторы Г. И. Богомолов, А. Д. Искандерова. Самарканд: МИЦАИ, 2019. 416 с.

Потапов А. А. Рельефы древней Согдианы, как исторический источник // Вестник древней истории. №2 (3). Москва, 1938. С. 127–137

Рак И. В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана (зороастризм). Рецензент И. М. Стеблин-Каменский, СПб.-М., журналы «Нува»-»Летний сад», 1998. 559 с.

Чунакова О. М. Пехливийский словарь зороастрийских терминов, мифических персонажей и мифологических символов. Институт Востоковедения, Санкт Петербург – Москва: издательская фирма «Восточная литература», 2004. 286 с.

Якубов Ю. Я. Изображения богов на биянайманских оссуариях // Прошлое Средней Азии (археология, нумизматика и эпиграфика, этнография) / Ответственный редактор В. А. Ранов. Душанбе: издательство “Дониш”, 1987. С. 165–173

Grenet, F., P. Riboud and Yang Junkai Zoroastrian Scenes on a newly Discovered Sogdian Tomb in Xi’an, Northern China // Studia Iranica. № 33. 2004. P. 273–284

Hansen Valerie. The Silk Road. A New History. Oxford: University Press, New York. 2012. 427 p.

Li Yusheng Study of toms of Hu-people in late 6th century northern China // Newsletter di Archeologia CISA. Vol. 7. 2016. P. 91–133.

Yang Junkai Shi Jun tomb of the Northern Zhou Dynasty. Xi’an Institute of Archeology and Conservation on Cultural heritage. Beijing: Cultural Relict Press, 2014. 372 p.

Pavry J.C. The Zoroastrian Doctrine of Future Life from Death to Individual Judgment. New York: Columbia University Press, 1929. 154 p.

Xu Jin. The Funerary Couch of An Jia and the Art of Sogdian Immigrants in Sixth-century China // The Burlington Magazine. Vol. 161. № 1399. 2019. P. 820–829.

REFERENCES:

Arda Viraz namag. 2001. In Chunakova, O. M. (transl., comment.). Pekhleviyskaya Bozhestvennaya komediya. Kniga o pravednom Viraze (Arda Viraz namag) i drugiye teksty (Arda Viraz Namag. The Pahlavi Divine Comedy. The Book of the Righteous Viraz (Arda Viraz Namag) and Other Texts). Moscow: Vostochnaya literatura RAN publ., (Pamyatniki pis’mennosti Vostoka, CXXVI), 206. (In Russian).

Belenitskiy, A. M. 1973. Monumental’noye iskusstvo Pendzhikenta. Zhivopis’, Skul’ptura (Monumental Art of Penjikent. Painting, Sculpture). Moscow: Iskusstvo publ., 67. (In Russian).

Bogomolov, G. I., Berdimuradov, A. E. 2017. In Voyakin, D. A,, Bogomolov, G. I., Iskanderova, A. D. (eds.). Uzbekistan. In Religii Tsentral’noy Azii i Azerbaydzhana (Religions of Central Asia and Azerbaijan). Vol. II. Zoroastrizm i verovaniya mazdeistskogo kruga. Samarkand: MITSAI publ., 167–279. (In Russian).

Borisov, A. Ya., Lukonin, V. G. 1963. In Trever, K.V. (ed.). Sasanidskiye gemmy (Sassanid gems). Catalog. Leningrad: Gosudarstvennij Ermitazh publ., 222. (In Russian).

Drezden, M. 1977. In Yakobson, V. A. (ed.). Mifologiya drevnego Irana (Mythology of Ancient Iran). In Mifologiya drevnego mira In Steblin-Kamenskiy I. M. (trans.). Moscow: Nauka publ., 337–365. (In Russian).

Komisarov, S. A., Solov’yev, A. I, Trushkin, A. G. 2014. Izucheniye mogily Yuy Khuna (Tayyuan’,Kitay) v kontekste polietnichnosti kul’turnykh svyazey perekhodnogo perioda (Study of the Yu Hong Tomb (Taiyuan, China) in the Context of the Polyethnic Cultural Ties of the Transitional Period). In Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel’nykh territoriy. Vol. XX, Novosibirsk: IAET SO RAN publ., 194–197. (In Russian).

Komissarov, S. A., Solov’yev, A. I., Trushkin, A. G. 2015. Mul’tikul’turalizm srednevekov’ya: k izucheniyu mogily Yuy Khuna (Tayyuan’, Kitay) (Multiculturalism of the Middle Ages: Towards the Study of the Tomb of Yu Hong (Taiyuan, China). In Vostokovednyye issledovaniya na Altaye. Issue 9. Barnaul: Izdatel’stvo Altayskogo Gos. Universitet publ., 8–15. (In Russian).

Levteyeva, L. G., Minasyants, V. S., Norkobilov, T. KH., Boymirzayev, S. B. 2024. Voskreshennyye iz nebytiya. Kollektsii ossuariyev iz fondov Gosudarstvennogo muzeya istorii Uzbekistana (Resurrected from Oblivion. Collections of

Ossuaries from the Funds of the State Museum of History of Uzbekistan). Kniga-al’bom. Andijan: Omarbek print number one publ., 221. (In Russian).

Litvinskiy, B. A., Solov’yev, V. S. 1985. In Bongard-Levin, G. M. (ed.). Srednevekovaya kul’tura Tokharistana v svete raskopok v Vakhskoy doline (Medieval culture of Tokharistan in light of excavations in the Vakh Valley). Moscow: Nauka publ., 263. (In Russian).

Marshak, B. I. 1999. In Karpovskaya, M. A. (ed.). Sogd V-VIII vv. Ideologiya po pamyatnikam iskusstva (Sogdiana in the 5th-8th centuries. Ideology based on artistic monuments). In Arkheologiya. Srednyaya Aziya i Dal’niy Vostok v epokhu srednevekov’ya. Srednyaya Aziya v rannem srednevekov’ye. Moscow: Nauka publ., 175–191. (In Russian).

Marshak, B. I. 2017. In Nikonorov, V. P. (ed.). Istoriya vostochnoy torevtiki III-XIII vv. i problemy kul’turnoy preyemstvennosti (History of Eastern Toreutics of the 3rd–13th Centuries and Problems of Cultural Continuity). Saint Petersburg: Akademiya issledovaniya kul’tury publ., 736. (In Russian).

Pavchinskaya, L. V. 2019. In Voyakin, D. A,, Bogomolov, G. I., Iskanderova, A. D. (eds.). Rannesrednevekovyye ossuarii Sogda kak istoricheskiy istochnik (Early medieval ossuaries of Sogdiana as a historical source). In Arkheologiya Tsentral’noy Azii: arkhivnyye materialy. Vol. IV. Samarkand: MITSAI publ., 416. (In Russian).

Potapov, A. A. 1938. Rel’yefy drevney Sogdiany, kak istoricheskiy istochnik (Reliefs of ancient Sogdiana as a historical source) In Vestnik drevney istorii (Bulletin of ancient history). №2 (3). Moscow, 127–137. (In Russian).

Rak, I. V. 1998. In Steblin-Kamenskiy, I. M. (ed.). Mify drevnego i rannesrednevekovogo Irana (zoroastrizm) (Myths of ancient and early medieval Iran (zoroastrizm). Saint Petersburg, Moscow: “Nuva”,”Letniy sad” journals, 559. (In Russian).

Chunakova, O. M. 2004. Pekhliviyskiy slovar’ zoroastriyskikh terminov, mificheskikh personazhey i mifologicheskikh simvolov (Pahlavi Dictionary of Zoroastrian Terms, Mythical Characters, and Mythological Symbols). Institut Vostokovedeniya. Saint Petersburg, Moscow: Vostochnaya literatura publ., 286. (In Russian).

Yakubov, YU. YA. 1987. In Ranov, V. A. (ed.). Izobrazheniya bogov na biyanaymanskikh ossuariyakh (Images of Gods on the Biyanaiman Ossuaries). In Proshloye Sredney Azii (arkheologiya, numizmatika i epigrafika, etnografiya). Dushanbe: Donish publ., 165–173. (In Russian).

ABOUT NEW PLOTS ON OSSUARIES FROM SOUTHERN SOGDIANA

© 2025. Gennady Bogomolov
National Center of Archaeology of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Southern Sogdiana, Kesh, Chinvat, ossuaries, nauses, stamps, medallions, rosettes, pearls

Ossuaries are found in virtually all regions of Central Asia. As an element of the funerary rites of pre-Islamic Central Asia, ossuaries represent an important source for understanding the religious beliefs of the early medieval population. A striking example is Southern Sogd (the Kashkadarya Valley), where the majority of ossuary finds come from the upper part of the valley (the Kesh-Shakhrisyabz region). Preserving the bones after their display (cleaning naturally in the naus or with the help of animals and birds) was apparently considered necessary for their subsequent resurrection. Therefore, they were collected in vessels or ossuaries, which here in Kesh were represented themselves ceramic boxes of rectangular or, apparently, very rarely, oval shapes. The walls of the ossuaries were often decorated with various ornamental motifs (most often plant shoots), symbolizing rebirth. Along with these, but much less common, are narrative compositions, whose meaning remains the subject of lengthy discussions. Their placement on ossuaries is no accident, and they convey specific religious beliefs of the local population. This article analyzes and interprets the compositions on fragments of three different ossuaries from Kashkadarya, which reflect unique ideas about the afterlife of the soul of the deceased. Moreover, for the first time, two fragments feature images of horsemen.

ANTIK VA ILK O’RTA ASRLAR SO’GD VA CHOCHDA OG’IRLIK-O’LCHOV TIZIMLARI HAQIDA

© 2025. Musakaeva Alfiya Adilevna
O‘zbekiston Respublikasi Fanlar akademiyasi O‘zbekiston tarixi davlat muzeyi

Kalit so‘zlar: Stater, tetradraxm, shekel, sikl, draxma, solid, obol, Sug‘d, Choch, pul - og‘irlik o‘lchov tizimi, og‘irlik o‘lchovi, pul hisob birligi.

Maqolada Sug‘d va Chochning pul va vazn tizimlariga oid ma’lumotlar keltirilgan. Sug‘d va Choch uchun shekel, sikl kabi og‘irlik o‘lchov tizimi amalda zarb qilinmagan pul muomalasida qo‘llanilgan hisob birliklari sifatida tavsiflanadi. Sug‘d va Chochdagi «stater n’krtk» – (kumush stater) – «kumush staterlar» Attika tetradraxmasiga yaqin bo‘lgan 16 – 17 grammni tashkil etgan. IV – VIII asrlarda Sug‘d pul va og‘irlik o‘lchov tizimida xalqaro savdoda pul birligi sifatida «stater n’krtk» qo‘llanilgan. U Xorazm, Choch va Parfiyada ham ishlatilgan. Uning pul va og‘irlik o‘lchov birligi sifatida ishlatilishi miloddan avvalgi II asrdayoq G‘arbiy Sug‘d, Xorazm va ehtimol Chochda ma’lum bo‘lgan. Bu antik va ilk o‘rta asrlardagi Sug‘d va Choch tarozi tizimlarida og‘irlik birligidir. Amalda, «stater n’krtk» – «kumush stater» yoki «kumush stateri» – tetradrahmning o‘lchamiga teng bo‘lgan va 4 draxmani o‘z ichiga olgan. Pul og‘irlik o‘lchov birliklari: «dyn’r» – «denar», «snk» – «og‘irlik o‘lchov», «og‘irlik draxmasi» – «drmsng», «knpy» – «oz» og‘irlik belgisida «dān(ag)» – «kichik tanga, obol?», «drymyh dyn’h» ham qisman qayd etilgan.

О ВЕСОВЫХ СИСТЕМАХ СОГДА И ЧАЧА ПЕРИОДА АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

© 2025. Мусакаева Альфия Адилевна
Государственный музей истории Узбекистана Академии Наук Республики Узбекистан

Ключевые слова: Статер, тетрадрахма, сикль, шекель, драхма, солид, обол, Согд, Чач, денежно-весовая система, вес, расчётная денежная единица.

Статья включает анализ материалов по денежно-весовым системам Согда и Чача. Для Согда и Чача вычислены весовые значения сикля и карши, они охарактеризованы как расчётные единицы, которые не были отчеканены в реальности, но именно эти весовые единицы использовались в денежном обращении. «Статер n’krtk» (статер серебра) – «статеры серебра» (весовые статеры) в Согде и Чаче составляли вес 16 – 17 гр., близко к аттической тетрадрахме. В денежно-весовой системе Согда IV – VIII вв. в международной торговле «статер n’krtk» использовался как весовая денежная расчетная монета. Он также использовался в Хорезме, Чаче и Парфии. Его применение как денежно-весовой единицы было известно уже во II до н.э. в Западном Согде, Хорезме и, возможно, в Чаче. Это весовая единица системы весов Согда и Чача античности и раннего средневековья. Практически «styrkn’krtk» – «серебряный статер» или «статер серебра» приравнивался к размеру тетрадрахм и содержал 4 драхмы.
Такие денежно-весовые единицы как: «δyn’r» – «денар» «Snk» – «вес», «весовая драхма» – «δrmsng», «knpy» – «немного» в обозначении веса«dān(ag)» – «мелкая монета, обол?», «δrγmyh δyn’rk’h» частично также отмечены.

Введение. Давно назрела проблема необходимости выявления, изучения весовых систем Согда и Чача. Это одна из актуальных проблем нумизматической науки Средней Азии.

Публикации о денежно-весовых системах этих исследуемых регионов периода античности и раннего средневековья практически отсутствуют. Достоверные сведения по метрологическим данным, по весовым единицам – одна из важных задач в исследовании весовых систем и в исследовании денежных отношений также. Метрология как вспомогательная по отношению к нумизматике наука помогает разрешить целый ряд актуальных проблем экономики Согда и Чача. Математический анализ исследования весовых данных, приводимых в надписях на сосудах как по номиналам, так по общим весам с последующим суммированием этих данных и их обобщающим анализом на фоне весовых данных монет – одна из сложнейших проблем метрологии. Выделение основной единицы веса, на которой основана вся денежно-весовая система Согда и Чача, – основная задача исследования. Изучение развития и изменения этой весовой и денежной единицы в хронологическом аспекте составляет основу, без которой невозможно понимание появления системы весов, а также появления, формирования и дальнейшего развития денежных отношений. Без разрешения этих вышеперечисленных задач невозможно изучение весовых систем, нельзя достоверно оценить и представить развитие денежных и товарно-денежных отношений, экономики и политической истории Согда и Чача.

*Методология исследования. И*сследование проведено на основе диалектических принципов объективности, всесторонности, конкретности и историзма с использованием общелогических методов познания, таких как анализ и синтез, дедукция и индукция, абстрагирование и обобщение, измерение, объяснение, описание. Изучение материалов осуществлялось с помощью специально-научных методов. Историко-генетический метод позволил рассмотреть развитие денежно-весовых единиц в процессе их исторического развития. Историко-сравнительный метод дал возможность сравнить процессы развития денежно-весовых систем в разное время и в разных местах. Историко-типологический метод позволил провести систематизацию исторических источников (надписи на сосудах, монеты, гирьки) и выстроить их типологические ряды, отражающие хронологию и последовательность изменений денежно-весовых систем Согда и Чача. Историко-системный метод позволил исследовать процесс развития денежных отношений Согда и Чача их денежно-весовых систем, произвести анализ их структуры, рассмотреть внутренние и внешние связи (морфологии), а также проследить их генезис. Метод исторической периодизации позволил исследовать процессы развития денежно-весовых систем Согда и Чача и выделить хронологические периоды изменений денежно-весовых фракций. Ретроспективный метод позволил использовать имеющиеся сведения о развитых денежно-весовых системах Греции, Персии, Ближнего Востока для воссоздания, понимания и оценки денежно-весовых систем Согда и Чача.

Основная часть. Торговля и денежное обращение тесно связаны с размером тех денежно-весовых единиц, которые применялись здесь, в Согде и Чаче, их точные значения, система перехода из одних в другие очень важны и должны быть изучены. Если метрология Средней Азии XVI – XIX вв. хорошо изучена (Хинц, Давидович 1970), то античная и раннесредневековая метрология этого региона остаются практически белым пятном в этой области. Публикаций по античной и раннесредневековой метрологии Согда и Чача, аналогично той, что представлена Е.А. Давидович для позднего средневековья нет. Однако, появились и продолжают пополняться работы по находкам гирь в Согде и Чаче и не только поздних, но и более раннего времени (Давидович, Маршак 1959: 81–87; Маршак, Распопова 2005; Мусакаева 2020: 91–97; 153–154).

Так, весовая система и монетная система Чача и Согда остаются практически мало изученными. Без исследования денежно-весовых систем сопредельных стран, стран общего

торгового пространства (Великий Шелковый Путь, Индийский путь) понять и распознать денежно-весовые системы Согда и Чача невозможно. В тоже время возникновение и дальнейшее формирование, развитие древнейших денежно-весовых систем Лидии, Вавилонии, Греции, греческих колоний Малой Азии, Персии и империи Сасанидов, древнего Рима и Византии известны и хорошо изучены. В этой связи, привлечение данных по появлению и развитию уже известных древнейших весовых и денежных систем для изучения денежно-весовых систем Согда и Чача, рассмотрение их параллелей – один из способов разрешения проблемы. В этой связи такие исторические источники, как: монеты, гири, сосуды из серебра и золота без надписей и с надписями, содержащими весовые данные, являются первостепенными, их изучение – главная задача в раскрытии проблем античной и раннесредневековой метрологии Согда и Чача.

Выявление весовых единиц и денежных стандартов – одна из актуальных задач исследования. В этой связи Г.А. Федоров-Давыдов писал: «Мы не можем поставить изучение торговли и денежного обращения на твердый фундамент фактов, не выяснив окончательно абсолютные значения тех или иных единиц, употреблявшихся в разных странах в ту или иную эпоху. Мы должны четко представлять величину тех метрологических норм, которые упоминаются древними авторами» (Федоров-Давыдов 1958: 65).

Исследование пехлевийских, согдийских, чачских надписей на серебряных и золотых сосудах было начато Э. Херцфельдом, В.Б. Хеннингом, Р. Гиршманом, М.М. Явич, В.А. Лившицем, В.Г. Лукониным, К.В. Кауфманом, И.М. Дьяконовым (Лившиц, Луконин 1964: 156–157; Лившиц и др. 1954: 150 –163; Явич 1947: 205 – 244). Работы этих исследователей заложили основу знаний по весовой метрологии Ирана и Средней Азии. Проведённый нами анализ исследований в этой области позволил выявить необходимость вычисления главной денежно-весовой единицы, на которой основана вся система веса и соответственно денежная, монетная система, в частности. Эта основная единица веса помогает вычислить как самую крупную весовую единицу, так и её фракции вплоть до мельчайших единиц. Для древнейших монетных и весовых систем такие единицы известны – это драхма или сикл и солид. Сикл являлся весовой и денежной единицей отдельных стран Древнего Востока.

Шекль/сикл – мера массы золота и серебра, а также серебряная монета в Древней Персии составляла вес в 5, 6 гр. (появился в VI в. до н. э.) и в Иудее в разное время от 9 – до 17 гр. (использовался уже со II в. до н.э.). Любопытно, что слово «шекель» происходит от еврейского слова «взвешивать». Основные денежные единицы древности восходят к весовым единицам. Весовые единицы практически во всех денежно-весовых системах древности складывались из веса одного зерна (пшеница, горчичное семя, ячмень) и определённого количества зёрен. Упоминание о шекеле как мере веса восходит ко второму тысячелетию до н. э.: шумеры использовали эталоном массу 1 зерна пшеницы (0,046 г) — «ше» или «шеум» (буквально — «зерно»), 180 ше составляли сикль (8,28 г, на иврите слово трансформировалось в «шекель»). Шекель серебра был стандартной денежной единицей Ближнего Востока (Большаков 2010: 155–157). Древнейшая вавилонская весовая система послужила основой для других весовых и денежно-весовых систем античного мира. 1 талант был равен 60 минам, одна мина равнялась 60 шекелям. Нужно отметить, что на серебряных и золотых сосудах в согдийских надписях часто использовалось слово «вес». Что ещё раз доказывает происхождение денежных единиц из весовых систем. Установлено, что если монетная и весовая системы были основаны на серебре, то главной единицей исчисления весов и монетных фракций в древности были сикл и весовая драхма, серебряный статер. Если денежно-весовые системы основаны на золоте, то такой единицей был золотой статер и солид.

Карша. Сикль и карша были древнейшими весовыми единицами, персидский сикль был равен вавилонскому, а 10 сиклей составляли одну каршу – 83,33 гр. В персепольских текстах упоминается номинал «dānaka», которая составляла 1/10 сикля, а в последствии обозначала мелкую серебряную монету. В Персеполе найдена гиря из диорита в 120 карш весом 9,950 кг. (Дандамаев, Луконин 1980: 209). Номинал «dānaka» близок среднеазиатскому номиналу «данак» и это слово означает зерно. В весовом значении равно 1/6 драхмы (Лившиц, Луконин 1964: 164). Согласно персепольской гире в 120 карш, можно вычислить вес персидской карши – 9,950 кг.: 120, получим 0,0829167 кг. или 82,9167 гр. Эта карша 82,9 гр. практически почти 83 гр. Отсюда сикль 8,29 гр. (мина 497,4 гр.) или 8,3 гр. (мина 498 гр.).

М.А. Дандамаев и В.Г. Луконин приводят сикль большего веса – это вавилонский сикль в 8,4 гр. (Дандамаев, Луконин 1980: 208). Отсюда 60 сиклей составят мину в 504 гр. Мины 497,4 гр. и 498 гр. приближены к ней. Вероятно, сверхточных гирь не было, что показывают материалы не только античного, но последующего времени. Практически не только монеты, но и сами гири, тем более из металла, не дают абсолютно равные весовые стандарты, они отличаются весом в ½ грамма. Отличия могут быть и больше. Талант – 60 мин составляют 30 кг. При мине в 504 гр. талант будет весом в 30,240 кг. При мине в 497,4 гр. талант будет 29,844 кг., при мине в 498 гр. талант будет весом в 29,880 кг.

М.А. Дандамаев, В.Г. Луконин приводят интересные сведения: согласно арамейским письменным источникам статеры и сикли даже из далёких друг от друга стран принимались обеими сторонами по одинаковому их весу. Так, известен арамейский контракт о продаже в 402 г. до н.э. дома на Элефантине, который был оценен в 1 каршу и 3 сикля, которые были уплачены «яванским (ионийским) серебром в 6 статеров и 1 сикль». Откуда следует, что по весу два сикля были равны одному статеру, предполагают, что по весу. В Абидосе на Геллеспонте в Малой Азии найдена бронзовая гиря V в. до н.э. в форме льва с арамейской надписью «в точном соответствии с серебряным статером». Её вес 31,099 гр. (Дандамаев, Луконин 1980: 208–210). Как весовые показатели карш, так и веса гирь не имеют строго точных весовых показателей в эпоху античности. Практически и весовые показатели монет Согда и Чача не отличаются строгими нормами.

Исходя из этого редкого исторического источника – арамейского контракта 402 г. до н.э., при расчётах весов и стандартов, обозначенных в надписях на серебряных сосудах и при общих расчётах весовых обозначений на серебряных и золотых сосудах для Согда и Чача мы пользовались этим весовым соотношением – статер по весу равен двум сиклям.

Статер по весу в двое превосходил драхму. А.Н. Зограф объясняет это соотношение симметрией человеческого тела и весов, когда за единицу веса можно было принять содержимое одной руки или чашки весов или содержимое обеих (Зограф 1951: 39).

Источники подтверждают наше предположение о том, что статеры и сикли в Согде и Чаче были счётными единицами, когда производили пересчёт веса драгоценных металлов. Частично то же, что было и в Персии, персы пользовались монетами при лишь при совершении торговых сделках с греками на границах империи и для уплаты жалованья наёмникам, а драгоценный металл переплавлялся в слитки. Причем учитывалась его чистота. Уже в Персии были известны пробы металла, металл отличали по чистоте слава. Так, среди табличек Персеполя сохранился документ на аккадском языке о серебре трёх видов – белое, второсортное и низшего качества. Этот факт связывают с множеством мелких штампов и других отметок финансовых чиновников на персидских серебряных сиклях (Дандамаев, Луконин 1980: 211). Вероятно, в Согде и Чаче также пользовались слитками из драгоценного металла, в весовом значении статеров, сиклей и карш. Косвенные доказательства чему мы

получаем из содержания надписей на драгоценных сосудах. Но отличали ли они, как в Персии металл по чистоте сплава, мы не знаем, пока таких данных нет.

Из истории терминов наименований весов. Так, многочисленные и разные монетные системы древности восходят своими корнями к весовым системам. Доказательством тому являются отдельные монетные номиналы, перешедшие из весовых обозначений (статер – коромысло весов, иногда сами весы для взвешивания небольших грузов, талант – чаша весов) (Зограф 1951: 38). В процессе обмена и обращения денег определённых весовых норм появляются монетные единицы. Первые монетные единицы практически являлись денежно-весовыми единицами, когда определённая денежно-весовая единица была из драгоценного металла соответствующего веса.

Известно, что древнегреческие весовые единицы связаны с весовыми системами Передней Азии. На это указывает шестидесятеричный счет. В Вавилонской системе между крупной единицей веса и последующей мелкой выражается цифрой 60. Талант – 60 мин, мина – 60 статеров. В Греческой системе весов талант – 60 мин, но мина – не 60, а – 50 статеров или 100 драхм (Зограф 1951: 38). Отсюда следует, что статер по весу был равен – 4 весовым драхмам или 2 сиклям. Эти соотношения сикля и драхмы к статеру, драхмы и статеров к мине лежат в основе всех весовых и денежных систем древности. Они и были использованы при изучении денежно-весовых систем Согда и Чача.

Биметаллизм – одновременное употребление в монетном деле двух драгоценных металлов – золота и серебра был особенностью чекана Персии. Золотой «дарик» равнялся по стоимости приблизительно 10 серебряным сиклям. Эта система была распространена на территории Малой Азии в VI-IV вв. до н. э. Геродот рассказывает, что золотой фонд персидского государства хранился в виде слитков, принимавших форму глиняных сосудов, таким образом, большое количество металла не было пущено в обращение (Дандамаев, Луконин 1980: 211). При этом золотой статер – сикл равнялся 8,1гр., а серебряный статер был весом в 10,8 гр.

Монетные системы, основанные на серебре. Большинство греческих монетных систем основывалось на чекане серебряных монет. Одной из ранних систем этой группы была ЭгинскаяVII –V вв. до н.э. Это наиболее простая система номиналов, основанная на шестидесятеричной системе счета, заимствованной греками из Передней Азии. Основной единицей была драхма, весовая драхма.

Милетский статер (Ионийское побережье Малой Азии) VII-VI вв. до н. э. из электра 14 гр. Мельчайшая часть – 1/96. Фокейские статеры VII в. до н. э. весят немногим больше 16 гр. С VI в. до н.э. вплоть до 30-х гг. IV в. до н.э. обращались электровыекизикины, выпущенные по фокейской системе веса. В Фокее и Митилене (остров Лесбос) чеканятся электровые статеры Кизикины какое-то время были конкурентами персидских золотых дариков. Лидийцы выпускали золотые статеры(сикли) весов в 8,1 гр. и серебряные статеры 10,8 гр. или их половинку 5,4 гр. Они составляли основу денежного обращения черноморского побережья Малой Азии. Но во внутренних частях Малой Азии сохраняется слитковое денежное обращение. Дарики были вытеснены с рынка более тяжелыми золотыми статерами Александра 17, 464 гр. Любопытно, что двойные дарики выпускались не Ахеменидами, а военачальниками Александра Македонского для покрытия военных нужд. С VII в. до н.э. ходили Эвбейскиеэлектровые тетрадрахмы весом в 17,30 гр. и статеры – их половинки (дидрахмы) весом в и 8, 65 гр. В Коринфской системе с VII в. до н.э. статер весом в 8,72 гр. подразделялся не на 2, а на три драхмы весом в 2,91 гр.

Что касается серебра, то серебряные сикли – прерогатива чеканки царского монетного двора. В конце V-IV вв. до н.э. в южной и внутренней части Малой Азии сатрапы Ахеменидов

чеканят статеры/сикли из серебра весом в 11,20 гр. Персидскую драхму в 5,60 гр. чеканят такие важные в стратегическом отношении города, как Византий и Калхедон, господствующие над входом в Черное море (Зограф 1951: 42). Серебряные статеры Эгинской чеканки весили 12,14 гр. Эгинские драхмы были тяжелее аттических, но ходили параллельно с ними, 100 аттических драхм приравнивались к 40 эгинским драхмам. Эгинские драхмы называли «толстыми драхмами». Абдерская система основана на драхме в 3,65 гр. и тетрадрахме весов около 14,60 гр. Хиосская система драхма в 3,90 гр. и тетрадрахма весом в 15,60 гр.

Более развитую и сложную систему номиналов представляет широко распространенная в более позднее время (V-IV вв. до н. э.) аттическая весовая система. В основе этой системы лежала драхма (единица по весу приблизительно вполовину меньшая, чем статер). В Согде первые монеты появляются по типу драхм Александра и Селевкидов. Весовые номиналы Александра и Селевкидов, Греко-Бактрии известны. Это – тетрадрахмы, драхмы, дидрахмы, гемидрахмы, оболы, гемиоболы, халки, дихалки и другие фракции, отчеканенные по аттической системе. Денежно-весовая система, на основе которой была основана чеканка монет Согда, не выявлена. Однако часть материалов – подражания эллинистическим монетам, указывают на то, что на этапе появления монет по типу эллинистических прототипов, это могла быть аттическая денежно-весовая система. Однако, проведенный анализ весовых данных показал, что примерно уже с рубеже н.э. или с первых веков н.э. в Согде появляются отличные от аттической системы номиналы, которые, представляют свои древнейшие расчётные денежно-весовые монеты и реальные денежные знаки. В Чаче первые медные монеты были локального значения и отчеканены они были в I в. н. э. по типу римско-византийской денежно-весовой системы. О чём свидетельствуют находки на городище Канка двух византийских гирек: с обозначением номинала в 3 номизмы и без обозначения номинала весом в 1,5 номизмы. Кроме того, на городище Канка найдена восьмигранная гирька, которая является восьмимискальной, о чем говорит не только её вес, но и восемь граней, и в сумме 8 прорезей и сегментов креста. Гирька равна 8 мискалям или двум статерам, её вес – 37,99 г. Помимо двух византийских гирек в Чаче найден комплект из 21 гирьки XI – XIII вв., относящихся к византийской денежно-весовой системе.

Сложный и разнообразный серебряный чекан Аттической весовой системы объясняют отсутствием медных монет, обеспечивавших розничную, внутреннюю торговлю. В аттической денежно-весовой системе до самого конца V в. до н. э. роль медной монеты играли мелкие номиналы серебра. С увеличением объёма торговых операций, когда возникала необходимость производства намного большего количества мелких денежных знаков, их выпуск становится слишком дорогим. Тогда и появляются медные монеты. С появлением на рынке медной монеты мелкие серебряные денежные единицы исчезают из обращения. Чеканка мелкой серебряной монеты из драгоценных металлов была очень невыгодна государству, а сама монета крайне неудобна в обращении – чекан её обходился дорого, металл быстро стирался и монеты утрачивали свой первоначальный вес, т. е. стоимость, поэтому они быстро вытесняются в IV в. до н.э. медной монетой.

Для Согда характерна картина подобная аттической, когда распространяются мельчайшие чеканы. Что характерно для первых веков и для IV в. Такие мельчайшие фракции характерны для серии монет Гиркода, Мовака (Бухарский Согд) и серии монет по типу драхм Антиоха, серии монет с изображением Лучника (Самаркандский Согд). Монеты с мелкими весовыми данными свидетельствуют об увеличении количества торговых сделок. Что впоследствии приводит в Согде к появлению медной монеты. Когда в Согде появляются медные монеты, вопрос сложный. Процесс появления медных монет, их трансформация из серебряных и субератных монет зафиксированы для серии монет Гиркода, когда субератные монеты,

потеряв серебряное покрытие, превращаются в почти медные экземпляры. Туранская серия монет наглядно демонстрирует появление медных чеканов вначале по группе Мовака – это анэпиграфные монеты, а следом по группе монет Асбара. Причем серебряные монеты Асбара известны в единичном числе. Время появления медных монет в Западном Согде, вероятно, приходится на IV в. н. э. Вероятно, в Восточном Согде переход к медной монете также происходил в это время, что и в Западном Согде. Возникновение медных чеканов свидетельствует о развитой внутренней торговле. Количество торговых сделок увеличилось настолько, что крупные номиналы в серебре чеканить стало не выгодно, уходило большое количество серебра. Один из выходов в этой ситуации – уменьшение веса в монете, а также начало чеканки субератных монет, которые впоследствии уменьшались в весе, теряли свое серебряное покрытие, превращаясь в медные монеты. Об увеличении количества торговых сделок свидетельствуют и монеты древнечачского чекана. Если в начале их выпуска ранних монет мало, и они имеют вес от 5-4 гр. (первые века н.э.), то к концу существования этой серии монеты весят менее 1 гр. и количественно в сотни раз превышают число ранних монет (V – VI вв.).

Интересно, что для Южного Согда С.К. Кабанов, а до него Аллотте де ла Фюи отмечали серебряное покрытие для монет Нахшеба. Причем Аллотте де ля Фюи даже называл монеты Нахшеба низкопробными драхмами. С.К. Кабанов тоже заметил, что на монетах, приведенных Аллоттом де ла Фюи, легенды разные и они отличаются от найденных на городищах Южного Согда (Кабанов 1961: 140; Allotte de la Fuÿe 1925: 37–40). Однако, при исследовании нами монет с городища Еркурган из коллекции Института археологии (Самарканд), монет из коллекции Государственного музея истории Узбекистана АН РУз нам не удалось найти ни одной посеребренной монеты, а все легенды этих монет оказались одинаковыми. Возможно, они изначально и были субератными, но слой серебра был очень тонким и при очистке монет не сохранился. Но нельзя упускать из ввиду тот факт, что Аллотте де ла Фюи называл их низкопробными драхмами. Возможно, были первые выпуски монет Нахшеба были из серебра, а позже они становятся субератными и их легенды отличались. Похожая картина вырисовывается и по Западному Согду.

На монетах Туранской серии с именем Асбара частично также просматривались следы едва заметного серебряного покрытия. Мало того, в коллекции Государственного Музея истории АН РУз имеется серебряный экземпляр монеты Асбара. Тонкое серебряное покрытие иногда просматривается и на ранних монетах древнечачского чекана. Технология такого процесса – нанесение тончайшего слоя серебра поверх медных монет, пока не известна. Однако сам этот процесс такого вида покрытия неценного металла другим – драгоценным металлом сохранился в узбекском слове – «сув югуртирилган» – «покрыто водой». То, что полито водой представляет очень тонкий слой покрытия. Слово это больше употреблялось со словом «золото» – «олтин сув югуртирилган» – «покрыто золотом» – «позолочено». Это же словосочетание можно употреблять и с серебром «кумуш сув югуртирилган» – «покрыто серебром».

История денежного обращения Согда начинается с чеканки подражаний эллинистическим монетам. Есть точка зрения о том, что возможно, на начальном этапе развития денежных отношений в Согде при чеканке монет могли не придерживаться каких-либо весовых норм по количеству драгоценного металла в монете. Единицей расчета была монета, независимо от количества драгоценного металла в ней, курс варварских подражаний был условным, принудительным. Такова теория Е.В. Зеймаля на экономическую природу варварских подражаний, принципиально отличающуюся от норм развитого денежного обращения (Зеймаль 1983: 72–73). О.И. Смирнова, не приводя подробных данных, называет лишь наиме-

нования мелких серебряных номиналов: гемидрахма, обол, гемиобол, обол местного стандарта. Такие номиналы она выделяет для подражаний селевкидским монетам, для монет с лучником (Смирнова 1963: 35).

Однако, исследования данных нумизматических, письменных и других источников все же позволяют выделить для денежной системы Согда и Чача определенные весовые нормы и номиналы монет, периода античности и раннего средневековья. Если раньше были известны только подражания тетрадрахмам Евтидема, то совсем недавно в фондах Бухарского музея была найдена монета по типу подражаний тетрадрахмам Евтидема, но весом в драхму – 4,60 гр. Что прямо указывает на то, что весовые нормы для выпуска монет были. С учетом того, что никогда анализ состава металла подражаний тетрадрахмам Евтидема не производился, можно предположить, что на определенном этапе развития денежных отношений в Западном Согде монеты были из серебра по крайней мере двух номиналов.

При изучении денежного обращения мало внимания уделяли анализу весовых данных предметов из серебра и вычислению весовых норм и номиналов монет. Исследования В.А. Лившица в этом направлении проведены по надписям на серебряных сосудах (Лившиц 1962; 1964; 2002; 2010), однако не все единицы веса были рассчитаны им по имеющимся материалам, а по некоторым имеются расхождения с расчетами и чтениями других исследователей (Луконин 1961; 1987).

Счетные единицы. В отличие от реальных денежных единиц, которые существуют в виде монет, в монетных системах всегда имеются счетные единицы, которые сами по себе не участвуют в денежном обращении. А являются денежно-весовыми счетными единицами. Так, например, в Аттике и в других государствах Греции крупные суммы денег исчислялись в талантах – счетной единице, никогда не имевшей монетного воплощения. В Риме же такой счетной единицей был сестерций, очень недолго употреблявшийся в качестве монеты. Такими счетными единицами на наш взгляд в Чаче и Согде был серебряный статер и карша. Однако, для Западного Согда во уже воII – IV вв. в обращении был серебряный статер весом в 9 –10 гр. Это были подражания тетрадрахмам Евтидема второго поколения, изготовленные из хорошего серебра.

Карша. Для понимания весовых систем Востока важна весовая единица такая, как карша, равная 10 сиклям. Известно, что древние персы вначале использовали собственную весовую систему, о которой ничего не известно. Она была основана на десятеричной системе. При Дарии I вавилонская шестидесятеричная система была немного видоизменена путем введения новой древнеперсидской единицы, которая называлась – «карша». Одна карша приравнивалась к 10 сиклям. Эта денежно-весовая система действовала на протяжении всего периода правления Ахеменидов. Она оказала определённое влияние на денежно-весовые системы Греции и греческих городов-государств Малой Азии.

На наш взгляд, появление этих счётных единиц связано с персидской денежно-весовой системой и аттической. В IV в. до н. э. персидская денежно-весовая система была вытеснена из обращения монетами Александра Македонского. В эпоху эллинизма происходит значительная унификация монетного дела, вызванная экономическими потребностями в создании общего единого рынка, единого торгового пространства в огромной империи Александра Македонского. Часть денежных единиц, известны в период античности и раннего средневековья в Согде и Чаче, они были заимствованы из этих двух наиболее распространенных – персидской и аттической денежно-весовых систем. Это доказывают использование денежно-весовых номиналов в согдийских, чачских и хорезмийских надписях на серебряных и золотых сосудах. Карша, наряду со статером хорошо известна

по согдийским надписям на серебряных сосудах. Таким образом, карша и статеры являлись в основном счетными денежно-весовыми единицами, которыми пользовались при обозначении веса драгоценных металлов, а в отдельных случаях для обозначения стоимости в весовых обозначениях.

Статер «n’krtk» (статер серебра). Так, согдийское слово «накртак» в выражении «статер n’krtk» – «статер серебра», прочитанное В.А. Лившицем в надписях на блюде с согдийской надписью и чачской тамгой с упоминанием Чача (Лившиц, Луконин 1964: 170–171), сохранилось в весовой системе Золотой Орды в форме «нукрат мискал» – «серебряный мискаль. А.Г. Мухаммадиев считает, что «нукрат мискаль» – «серебряный мискаль» применялся для взвешивания немонетного серебра. На серебряном блюде XIV в., обнаруженном в Сарае ал-Джадид, имеется надпись такого содержания: «Пять сомов суть двадцать с половиной нукрат мискалей» (Мухаммадиев 1990: 135).

На серебряном блюде IV в. с изображением царя в рогатой короне, охотящегося на кабанов (оно найдено в Пермской губернии, деревня Керчево Чердынского уезда) имеется согдийская надпись в одну строку и рядом с надписью тамга. В надписи имеется слово, истолкованное В.А. Лившицем как «прозвище» или «нисба» – «относящийся к чачскому народу». В этой надписи В.А. Лившицем и В.Г. Лукониным зафиксирована денежная единица «styrk» – «статер», единица веса серебра. Исследователя отмечают, что кроме формы «styrk», отмечены в согдийском языке еще две формы: «styr», «styrch», происходящие от греческого «στατηρ». Часть блюда, его 1/20 часть выломана, сохранившаяся часть весит 636 гр., в этой надписи упоминаются 39 статеров. В.А. Лившиц и В.Г. Луконин высчитали, что вес статера серебра будет 16,3 гр. (Лившиц, Луконин 1964: 170–171; 176). Однако, этот подсчёт оказался не совсем верным. Произведём новые вычисления. Отмечено, что 1/20 часть обломана. Тогда 1/20 часть будет весить 33,474 гр. Прибавив её к весу 636 гр., получим полный вес 669,474 гр. Отсюда статер получается 17,166 гр. (при условии, что В.А. Лившицем и В.Г. Лукониным правильно высчитана в процентах отсутствующая часть – 1/20 блюда). Это вес близкий весу аттического статера.

На другом сосуде – серебряном блюде с изображением Шапура III (383–388гг.), поражающего мечом леопарда, найденного в Пермской губернии, деревня Климово Соликамского уезда в согдийской курсивной надписи указаны 37 статеров. Вес блюда 644,5 гр. (Лившиц, Луконин 1964: 173). Отсюда вес статера составит 17,418919 гр., округленное число – 17,42 гр. Вес этого статера того же периода (IV в.) отличается от статера, вычисленного по предшествующему блюду, он заметно больше, что объяснимо тем, что предшествующее блюдо обломано. В этой связи любопытно отметить, что вес данного серебряного статера составил 17,42 гр., он почти идентичен аттическому статеру –17,464 гр. Учитывая то, что точность весов современных и древних разная, а также, принимая во внимание сохранность чаши – незначительную потерю веса при химической очистке, можно считать, что в этой надписи имелись ввиду статеры аттической системы. Тогда реальный вес чаши должен быть 17,464 х 37 = 646,168 гр.

Однако, ни Чач, ни Согд монет с таким весом не чеканили. Тем не менее пересчёты, как следует из надписей на серебряных сосудах, производились в статерах, близких по весу аттическим статерам. Упоминаемые в этих надписях статеры являлись в данном случае счётными единицами, которыми пользовались согдийцы и чачцы при совершении крупных сделок, связанных с драгоценными металлами.

Доказательством чему служат курсивные надписи на чилекских чашах. Серебряная ложчатая чаша с омфалом VII - VIII вв. с городища Чилек Самаркандской области в 1961гр. гласит: «Этот сосуд собственность главы общины (?) Дехчи. (Вес) немного меньше, чем 20

статеров серебра» (Лившиц, Луконин 1964: 173). Вес чаши, сохранившейся почти целиком 313,5 гр. Общий вес поделив на 20, получим 15,675 гр., если поделить на 19,5 (учитывая, что статеров чуть меньше 20), то получим 16,076923 гр. Т.е. здесь указан статер весом около 16 гр. или чуть больше 16 гр. Однако, поделив этот вес на 18,5 получим статер весом в 16,945946 гр. Сравнив данные надписей получим веса статеров в пределах 16 – 17 гр. Практически это аттическая тетрадрахма. Тогда драхма отсюда должна быть 4,025гр. и 4,35гр.; 4,236 гр. Отсюда данак 0,67/0,7 гр. (0,6708333 гр.) и 0,725 гр.; 0,706 гр. Однако, известные реальные драхмы с именем Дехчи в надчекане имеют другие весовые данные: 3,45 гр.; 2,68 гр.; 3,16 гр.; 3,36 гр.

В надписях на чашах присутствует слово «весовая драхма» – «drmsng». Это чтение было предложено В. Хеннингом и подтверждено Херцфельдом (Лившиц, Луконин 1964: 162). Очевидно, что «весовая драхма» – «drmsng» и есть мискал серебра, являвшийся весовой единицей при взвешивании серебра. Относительно «данак», отдельные среднеперсидские надписи упоминают такой номинал как «данак», являющийся 1/6 частью драхмы. Эти надписи обращают внимание на то, да какой степени точности производили взвешивания (Лившиц, Луконин 1964: 175). Данак 1/6 часть драхмы, в аттической системе аналогичным номиналом был обол, который также являлся 1/6 частью драхмы. Слово «данак», упоминаемое в надписях на сосудах, вероятно, связано со словом «дон» – «зерно», оно восходит к тому периоду развития денежных отношений, когда начинала складываться система весов и когда за мельчайшую единицу веса принимали вес одного зернышка.

Заключение. Вероятно, статеры серебра в данном случае являются счётными единицами, на которые можно было пересчитать вес и стоимость серебра в этом сосуде. Таким образом «Статеры серебра» (весовые статеры) в Согде и Чаче составляли вес 16 – 17 гр., близко к аттической тетрадрахме. Таких крупных серебряных монет в Согде и Чаче для раннего средневековья нет, но в античный период они есть только в Западном Согде. Однако, надписи на сосудах свидетельствуют о том, что расчёты в «статерах серебра» производились. Следовательно, эта единица веса использовалась, но её не чеканили как монету, а высчитывали в этих единицах вес драгоценных металлов. Это денежно-весовая единица системы весов Согда и Чача периода античности и раннего средневековья. Статеры серебра были известны в Согде уже с IV в. до н.э. это были аттические тетрадрахмы.

Публикации В.А. Лившица надписей на трех чашах из Исаковского могильника указывают на существование в Парфии статеров уже во II в. до н.э. По его предположению парфянская надпись на Исаковской чаше №3 «15 к(аршей), 1 с(татер), 1 драхма». По древнеперсидской системе весов он вывел вес карши – 83,3 гр. драхма – 4 – 4,5гр. и статер 16 –16,5 гр. (Лившиц 2002: 43–55). Но оказалось, что эти данные не работают, вес по этим расчетам оказался меньше 1249,5 гр., а вес чаши в реальности – 1290 гр. По расчетам В.А. Лившица 83,3 гр. х 15 к. = 1249,5 гр. +16,5 гр. = 1266 гр. + 4,5 гр. = 1270,5 гр.

На наш взгляд, скорее всего, имелась в виду античная система весов, по которой драхма равнялась – 4,366 гр. Тогда к 4,366 гр. + статер весом в 17,464 гр. = 21,83 гр. Вычтем разницу 1 статера и одной драхмы получим 1268,17 гр. Тогда 1268,17: 15 = 84,544667: 10 = 8,4544667 гр. или 8,45 гр. – это сикл, половина веса – весовая драхма весом в 4,225 гр. Практически 4,225 гр. – это мискал веса. По В.А. Лившицу древнеперсидская карша 83,3 гр. или 10 сиклей, но при таком расчете вес чаши оказывается значительно меньше. Сам Владимир Аронович указывал, что в Хорезме второй половины III–II вв. до н. э. и карша, и статер по весу были большими, чем 83, 3 гр. и 16 – 16,5 гр. (Лившиц 2002: 55). Так, согласно нашим расчетам, это был статер аналогичный аттической тетрадрахме весом 17,464 гр., и карша весом в 84,5 гр., драхма весом в 4,366 гр. и весовой мискаль весом в 4,225 гр. Соглас-

но проведённому анализу по данной чаше, «styrkn›krtk» – «серебряный статер» или «статер серебра» приравнивался к размеру тетрадрахм и содержал 4 драхмы.

Такая единица расчета при торговых сделках упоминается и в письменных источниках. Так, О.И. Смирнова по старым согдийским письмам IV в. выделяет «статер n’krtk» – «статер серебра». Она предполагает, что так назывался основной серебряный номинал периода старых согдийских писем IV в. в Согде и за его пределами в Восточном Туркестане (Смирнова 1963: 7).

«Статер накртак» был прочитан В.В. Лившицем на Чилекской чаше и в среднеперсидской надписи на блюде из Мцхеты (Лившиц, Луконин 1964: 175).

На одной из серебряных чаш приводится чтение согдийской надписи IV до начала VI в. из Карашара (Синьцзян), где упоминаются в связи с весом чаши серебряные статеры: «…30 s nākrtē» – «… 30 статеров серебра». Чаша датируется второй половиной IVв. – до начала VI в., В.А. Лившиц уточняет, что «близко к письму наиболее ранних согдийских рукописных текстов – «Старых писем», написанных в 313–314гг. в Дуньхуане и других городах Западного Китая». Опираясь на предыдущие исследования В.А. Лившиц полагает, что статер для IV – начала VI вв. должен весить около 16гр. Но, как показал анализ надписей на сосудах, статер мог быть и выше весом, почти вровень с аттическим статером

Таким образом, согласно данным письменных источников, в денежно-весовой системе Согда и Чача IV – VIII вв. в международной торговле «статер n’krtk» использовался как весовая денежная расчетная монета, а он также использовался в Хорезме и Парфии. Такой номинал как «карша» тоже представлял собой расчетную денежно-весовую единицу, известную по надписям Согда и Чача на сосудах из золота и серебра. При этом использование «статера n’krtk» как денежно-весовой единицы для расчётов было известно уже во II до н.э. (а возможно и в более раннее время) в Западном Согде, Хорезме и в Чаче.

Кроме того, такие денежно-весовые единицы как: карша, сикль, статер на определенном этапе развития денежных отношений в Согде и Чаче могли быть в слитковом обращении. Косвенные доказательства чему мы получаем из содержания надписей на драгоценных сосудах. Но отличали ли чачцы и согдийцы, как в Персии, металл по чистоте сплава, мы не знаем, пока таких данных нет.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Allotte de la Fuÿe . Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrees voisines // «Revue Numismatique». série 4. volume 28. Paris, 1925. P. 26–50.

Большаков О. Г. Метрологические заметки // Письменные памятники Востока. № 1(12), СПб.: Институт Востоковедения Российской академии наук (ИВ РАН), 2010. С. 153–184.

Винокурова И. Хлебная метрология // Техника молодёжи. № 7. М.: Издательский дом «Техника молодёжи», 2011. С. 48–55.

Давидович Е. А. Маршак Б. И. Уникальная гиря VI – VIII вв. из Пенджикента // Краткие сообщения Института этнографии. Вып. XXX, М.-Л.: Издательство Академии наук, 1959. С. 81–87.

Давидович Е. А. Материалы по метрологии средневековой Средней Азии. М.: Наука, 1970. 149 с.

Дандамаев М. А., Луконин В. Г. Культура и экономика Ирана. Ред. Кондырева Н.Б. М.: Наука, 1980. 416 с.

Зеймаль Е. В. Древние монеты Таджикистана. Ред. Е.А. Давидович. Душанбе: Дониш, 1983. 310 с.

Зограф А. Н. Античные монеты // Материалы и исследования по археологии СССР, № 16. Ред. Б.Н. Граков. М.– Л.: Наука, 1951. 262 с.

Кабанов С. К. Нахшебские монеты V-VI вв. // Вестник древней истории. №1, М.: Издательство Академии наук, 1961. С. 137–144.

Лившиц В. А., Кауфман К. В., Дьяконов И. М. О древней согдийской письменности Бухары // Вестник древней истории. Вып. № 1, М.: Издательство Академии наук, 1954. С. 150–163.

Лившиц В. А. Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица // Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М.: Изд-во восточной литературы, 1962. С. 1–224.

Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах // Вестник древней истории. Вып. 3, М.: Наука, 1964. С. 155–176.

Лившиц В. А. Три серебряные чаши из Исаковского могильника №1 // Вестник древней истории. Вып. 2, М.: Наука, 2002. С. 43–56.

Лившиц В.А. Парфянская ономастика. Ред. Чебучева Е.П. С-Пб.: Филологический факультет СПбГУ, 2010. 400 с.

Луконин В. Г. Иран в эпоху первых Сасанидов. Очерки истории культуры. Л.: Государственный Эрмитаж, 1961. 116 с.

Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. Очерки истории культуры. Составители: Г.Е. Луконина, Е.В. Зеймаль. М.: Наука, 1987. 296 с.

Маршак Б. И., Распопова В. И. Согдийские гири из Пенджикента // Материалы Пенджикентской археологический экспедиции. Вып. IX. СПб.: Издательство Государственного Эрмитажа, 2005. 1 – 108 с.

Мелихов А. Н. Серебряное блюдо из Красной Поляны // КСИИМК. Вып. 43. М.: Наука, 1952. С. 74 – 79.

Мусакаева А. А. О весовых стандартах монет древнечачского чекана // Проблемы древней и средневековой истории Чача. Вып. 6. История, археология, нумизматика. LAP LAMBERT Akademik Publiching RU. Саарбрюкке (Германия). 2020. С. 91 – 97; С. 153 – 154.

Мухаммадиев А. Г. Древние монеты Поволжья. Ред. Р.М. Ширизданов. Казань: Татарское книжное издательство, 1990. 159 с.

Смирнова О. И. Каталог монет с городища Пенджикент (материалы 1949–1956 гг.). Ред. М. Н. Боголюбов. М. Н. Петрушевский. М.: Издательство восточной литературы, 1963. 201 с.

Федоров-Давыдов Г. А. Денежно-весовые единицы Таны в начале XIV в. (по данным Франческо Пеголотти) // СА. № 3. 1958. С. 58 – 72.

Frye R. N. Notes on the Early Coinage of Transoxiana. Sawyer McA. Mosser, Edit. NewYork, 1949. 51 p.

REFERENCES:

Allotte de la Fuÿe. 1925. Monnaies incertaines de la Sogdiane et des contrees voisines. In «Revue Numismatique», série 4. volume 28. Paris, 26–50. (In French).

Bol’shakov, O. G. 2010. Metrologicheskiye zametki (Metrological notes). In Pis’mennyye pamyatniki Vostoka (Written monuments of the East). Institut Vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk (IV RAN). Vol. 1(12). Sankt-Peterburg, 153 –184. (In Russian).

Vinokurova, I. 2011. Khlebnaya metrologiya (Grain metrology). In Tekhnika – molodozhi (Youth technology). № 7. Moscow: Izdetel’skiy dom «Tekhnika – molodozhi», 48–55. (In Russian).

Davidovich, Ye. A. Marshak, B. I. 1959. Unikal’naya girya VI – VIII vv. Iz Pendzhikenta (Unique weight of the 6th – 8th centuries from Penjikent). In Kratkiye soobshcheniya Instituta etnografii (Brief communications from the Institute of Ethnography). Issue 30, 81–87. (In Russian).

Davidovich, Ye. A. 1970. Materialy po metrologii srednevekovoy Sredney Azii (Materials on the metrology of medieval Central Asia). Moscow: Nauka Publ., 149 s. (In Russian).

Dandamayev, M. A., Lukonin, V. G. 1980. In Kondyreva N. B. (ed.). Kul’tura i ekonomika Irana (Culture and economy of Iran). Moscow: Filologicheskiy fakul’tet SPbGU Publ., 416. (In Russian).

Zeymal’, Ye. V. 1983. In Davidovich E. A. (ed.). Drevniye monety Tadzhikistana (Ancient coins of Tajikistan). Dushanbe: Donish Publ., 310, 32 tabl. (In Russian).

Zograf, A. N. 1951. In Grakov, B. N. (ed.). Antichnyye monety (Ancient coins). In MIA (Materials and research on the a rcheology of the USSR). № 16. Moscow-Leningrad: Nauka Publ., 262. (In Russian).

Kabanov, S. K. 1961. Nakhshebskiye monety V-VI vv. (Nakhsheb coins of the V-VI centuries). In Vestnik drevney istorii (Herald of Ancient History). Issue №1. Moscow: Akademiya nauk, 137–144. (In Russian).

Livshits, V. A., Kaufman, K. V., D’yakonov, I. M. 1954. O drevneysogdiyskoy pis’mennosti Bukhary (About ancient Sogdian’s script of Bukhara). In Vestnik drevnei istorii. (Herald of Ancient History). Issue №1. Moscow: Akademiya nauk, 150-163. (In Russian).

Livshits, V. A. 1962. Yuridicheskiye dokumenty i pis’ma. Chteniye, perevod i kommentarii V.A. Livshitsa (Legal documents and letters. Reading, translation and commentary by V. A. Livshits) In Sogdiyskiye dokumenty s gory Mug (Sogdian documents from Mount Mug). Issue II. Moscow: Vovostochnaya literatura Publ., 224. (In Russian).

Livshits, V. A., Lukonin, V. G. 1964. Srednepersidskiye i sogdiyskiye nadpisi na serebryanykh sosudakh (Middle Persian and Sogdian Inscriptions on Silver Vessels). In Vestnik drevnei istorii. (Herald of Ancient History). Issue №3. Moscow: Nauka publ., 155–176. (In Russian).

Livshits, V. A. 2002. Tri serebryanyye chashi iz Isakovskogo mogil’nika №1 (Three Silver Bowls from Isakovskoye Burial Ground №1). In Vestnik drevnei istorii, (Herald of Ancient History). Vypusk №2. Moscow: Nauka publ.,

43-56. (In Russian).
Livshits, V. A., 2010. In Chebucheva E. P. (ed). Parfyanskaya onomastika (Parthian Onomastics). Saint Petersburg: Fililogicheskiy fakul'tet SPbGU Publ., 400. (In Russian).
Lukonin, V. G. 1961. Iran v epokhu pervykh Sasanidov. Ocherki istorii kul'tury. (Iran in the era of the first Sassanids. Essays on the history of culture). Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 116. (In Russian).
Lukonin, V. G. 1987. Drevniy i rannesrednevekovyy Iran. Ocherki istorii kul'tury. (Ancient and early medieval Iran. Essays on the history of culture). Sostaviteli: G. Ye. Lukonina, Ye. V. Zeymal. Moscow: Vostochnayay literatura Publ., 296. (In Russian).
Marshak, B. I., Raspopova, V. I. 2005. Sogdiyskiye giri iz Pendzhikenta (Sogdian weights from Penjikent). In Materialy Pendzhikentskoy arkheologicheskoy ekspeditsii (Materials of the Penjikent archaeological expedition). Issue IX. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Gosudarstvennogo Ermitazha Publ., 108. (In Russian).
Melikhov, A. N. 1952. Serebryanoye blyudo iz Krasnoy Polyany (Silver dish from Krasnaya Polyana). In Kratkiye soobshcheniya institute istorii material'noy kul'tury (Brief communications from the Institute of the History of Material Culture). Issue № 43, Moscow: Nauka publ., 74–79. (In Russian).
Musakayeva, A. A. 2020. O vesovykh normakh monet drevnechachskogo chekana (On the weight standards of coins of the ancient Chach mint). In Problemy drevney i srednevekovoy istorii Chacha. (Problems of the ancient and medieval history of Chach). Istoriya, arkheologiya, numizmatika. Issue № 6. LAP LAMBERT Academic Publishing RU. Saarbryukken, 91–97, 153–154. (In Russian).
Mukhammadiyev, A. G. 1990. In Shiriyazdanov, R. M. (ed.). Drevniye monety Povolzh'ya (Ancient coins of the Volga region). Kazan: Tatararskoye knizhnoye izdatel'stvo Publ., 159. (In Russian).
Smirnova, O. I. 1963. In Bogolyubov, M. N., Petrushevskiy, M. N. (eds). Katalog monet s gorodishcha Pendzhikent (materialy 1949 – 1956 gg.) (Catalog of coins from the Penjikent settlement (materials of 1949 – 1956). Moscow: Vostochnaya literatura Publ., 201. (In Russian).
Fedorov-Davydov, G. A. 1958. Denežno-vesovye edinicy Tany v načale XIV v. (po dannym Frančesko Pegolotti) (Monetary weight units of Tana at the beginning of the 14th century. (according to Francesco Pegolotti). In Sovetskaya arkheologiya (Soviet archeology). Vol. № 3. «Akademiâ Nauk SSSR» publ., 58–72. (In Russian).
Frye R. N. 1949. Notes on the Early Coinage of Transoxiana. Sawyer McA. Mosser, Edit. New York, 50. (in English).

ON THE WEIGHT SYSTEMS OF SOGDA AND CHACHA IN THE ANTIQUITY AND EARLY MIDDLE AGES

© 2025. Alfiya Adilevna Musakaeva
State Museum of the History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan

Key words: Stater, tetradrachm, shekel, sikl, drachma, solid, obol, Sogd, Chach, monetary system, weight, monetary unit of account.

The article includes an analysis of materials of the monetary and weight systems of Sogd and Chach. For Sogd and Chach, weight values of the shekel and karshi were calculated, they were characterized as units of account that were not minted in reality, but these weight units were used in monetary circulation. «Stater n'krtk» (stater of silver) – «staters of silver» (weight staters) in Sogd and Chach weighed 16 – 17 grams, close to the Attic tetradrachm. In the monetary-weight system of Sogd IV - VIII centuries. in international trade, the «stater n'krtk» was used as a weighted cash coin. It was also used in Khorezm, Chach and Parthia. It's use as a monetary unit was known already in II BC. in Western Sogd, Khorezm and, possibly, Chach. This is a weight unit of the system of scales of Sogd and Chach of antiquity and the early Middle Ages. In practice, «styrk n'krtk» – «silver stater» or «silver stater» was equal to the size of tetradrachms and contained 4 drachms.
Such monetary and weight units as: «δyn'r» - «denar», «Snk» - «weight», «weight drachma» - «δrmsng», «knpy» - «a little» in the designation of weight «dān (ag)» - «small coin, obol?», «δrγmyh δyn´rk´h» are also partially marked.

SO‘NGAK VA TOSHBULOQ YODGORLIKLARI ANTROPOLOGIK MATERIALLARIDA KARIYES PALEOPATOLOGIYASI

© 2025. Rashidov Niyoz[1,2], Bullion Elissa[3], Murodaliyev Raxmonali[4], Frachetti Michael[5], Maqsudov Farhod[4].

[1] Y. G‘ulomov nomidagi Samarqand arxeologiya instituti
[2] “Ipak yo‘li” turizm va madiny meros xalqaro universiteti.
[3]Hindu xalqlari xizmatlari masalalari bo‘yicha qonunchilik komissiyasi, AQSH.
[4]O‘zFA Milliy arxeologiya markazi.
[5]Sent-Luisdagi Vashington universiteti, AQSH.

Kalit so‘zlar: So‘ngak, Toshbuloq, tish kasalliklari, paleopatologiya, kariyes, o‘troq hayot, ko‘chmanchilik.

Maqola, O‘zbekistonning So‘ngak va Toshbuloq arxeologik yodgorliklaridan topilgan inson suyaklari asosida kariyes kasalligining tarqalishi va uning paleopatologik ahamiyatini o‘rganadi. Tadqiqot, tish kasalliklari orasida eng keng tarqalganini tashkil etadigan kariyesning arxeologik materiallar asosida tahlil qilinishi bilan bog‘liq.

So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklaridan olingan antropologik materiallar, O‘zbekiston hududidagi boshqa arxeologik qazishmalar bilan solishtirilgan holda, qadimgi jamoalarning turmush tarzini va oziqlanish odatlarini aniqlashga yordam beradi. Tish kasalliklarining tarqalishi, ayniqsa kariyes, ozuqa manbalari, gigiyena va hayot tarziga ta’sir etadigan ijtimoiy va ekologik omillarni aks ettiradi. Tadqiqotda, kariyesning So‘ngak va Toshbuloq jamoalarida farqlanishi kuzatilgan: Toshbuloqda kariyes darajasi ancha yuqori bo‘lsa, So‘ngakda bu ko‘rsatkich pastroqdir. Shuningdek, jinslar o‘rtasida farq mavjud: ayollarda erkaklarga nisbatan ko‘proq kariyes aniqlangan.

Maqola, tish kasalliklari yordamida qadimgi jamiyatlarning ijtimoiy va xo‘jalik tuzilmalari haqidagi ilmiy taxminlarni aniqlashtirishga katta hissa qo‘shadi. Kariyesning tarqalishi, asosan, qishloq xo‘jaligi va chorvachilik faoliyatlariga, shuningdek, ozuqaviy odatlarning o‘zgarishiga bog‘liq ekanligi ko‘rsatilgan. So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklarida amalga oshirilgan paleopatologik tadqiqotlar, ayniqsa, kariyes kasalliklarini tahlil qilish orqali qadimgi aholi xo‘jalik faoliyati haqida qimmatli ma’lumotlar beradi. Bu o‘rinda So‘ngak aholisida chorvachilik va ko‘chmanchi hayot tarzi asosiy o‘rinda turgan bo‘lsa, Toshbuloq qadim aholisi o‘troqlashish jarayonlarini boshdan kechirayotgan bo‘lishi mumkin.

ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ КАРИЕСА В АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛАХ ПАМЯТНИКОВ СОНГАК И ТАШБУЛАК

© 2025. Рашидов Ниёз[1,2], Буллион Элисса[3], Муродалиев Рахмонали[4], Фрачетти Майкл[5], Максудов Фарход[4]

[1]Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова.
[2]Международный университет туризма и культурного наследия «Шёлковый путь».
[3]Законодательная комиссия по вопросам обслуживания индейских народов, США.
[4]Национальный центр археологии АН РУз.
[5]Вашингтонский университет в Сент-Луисе, США.

Ключевые слова: Сонгак, Ташбулак, заболевания зубов, палеопатология, кариес, оседлый образ жизни, кочевничество

Статья исследует распространение кариеса и его палеопатологическое значение на основе человеческих остатков, найденных на археологических памятниках Соңгак и Ташбулак в Узбекистане. Исследование

связано с анализом стоматологических заболеваний, в частности кариеса, который является одним из наиболее распространенных заболеваний среди людей.
Антропологические материалы, полученные с памятников Соңгак и Ташбулак, в сравнении с другими археологическими раскопками на территории Узбекистана, помогают определить образ жизни и пищевые привычки древних общин. Распространение стоматологических заболеваний, особенно кариеса, отражает социальные и экологические факторы, влияющие на источники пищи, гигиену и образ жизни. Исследование выявило различия в распространенности кариеса между двумя общинами: в Ташбулаке кариес встречается значительно чаще, чем в Соңгаке. Также было зафиксировано различие между полами: у женщин кариес встречается чаще, чем у мужчин.
Статья вносит значительный вклад в уточнение научных гипотез о социально-экономических структурах древних обществ через изучение стоматологических заболеваний. Распространение кариеса связано в первую очередь с сельскохозяйственной и пастушеской деятельностью, а также с изменениями в пищевых привычках. Палеопатологические исследования, проведенные на памятниках Соңгак и Ташбулак, особенно анализ кариеса, дают ценную информацию о хозяйственной деятельности древних населения. В этом контексте предполагается, что население Соңгак в основном занималось пастушеством и вели кочевой образ жизни, в то время как древние жители Ташбулака могли быть в процессе перехода к оседлому образу жизни.

Kirish. Istalgan turdagi arxeologik topilma o‘zida ma’lum darajada axborot saqlaydi, jumladan, inson suyaklari ham. Ushbu maqolada esa inson tishlariga asoslanilgan holda og‘iz bo‘shlig‘i kasalliklaridan kariyes tadqiq qilindi.

Arxeologik qazishma jarayonlarida qo‘lga kiritilgan inson suyaklari ichida eng yaxshi saqlanib qoladigan qismi – uning tishlaridir. Shuning uchun ham bayon etmoqchi bo‘lgan tadqiqot ishimizning yo‘nalishlaridan birini og‘iz bo‘shlig‘i kasalliklari tashkil qiladi. Tishlar o‘zining tuzilish strukturasiga ko‘ra ayrim tafonomik jarayonlarga chidamli va skeletdagi boshqa suyaklarga nisbatan uzoqroq vaqt yaxshi holatda turishi mumkin (Schmidt et. al. 2017). Shu bilan birgalikda tishlar inson hayoti davomida uchragan jismoniy stress, ayrim kasalliklar, gigiyena va ovqatlanish odatlari haqidagi qimmatli ma’lumotlarni o‘zida aks ettiradi (Cohen et. al. 1984).

O‘zbekiston hududida arxeologik qazishmalar natijasida qo‘lga kiritilgan inson suyaklari paleopatologiyasi kam o‘rganilgan, bu borada yodgorliklar soni oz (Ходжайов 1977; Бужилова 1995; Avanesova et. al. 2010; Дубова и др. 2015; Kufterin 2020; Greer et. al. 2021). Paleopatologik tadqiqotlarda tish kasalliklarining o‘z o‘rni bor. Tish kasalliklaridan eng ko‘p uchraydigan turi esa – kariyesdir (Buikstra 2019: 766), uning kelib chiqishi og‘iz bo‘shlig‘i mikroblarining faoliyati bilan bog‘liq[1] (Fejerskov 2004; Hillson 1996: 269).

Kariyes uchrashi, tarqalganligi va salomatlikka ta’siri bir qancha adabiyotlarda tilga olingan (Buikstra 2019). Ushbu kasallik insonlarda, primatlarda va boshqa hayvonlarda juda qadim zamonlardan beri uchratiladi (Oxilia et. al. 2015; Pezo-L et. al. 2012; Fuss et. al. 2018; Selig et. al. 2021). Kariyesning chastotasi vaqtlar o‘tishi bilan o‘zgarib kelgan, umumiy statistikaga ko‘ra odamlar tishlari kariyesga uchrashi qadimgiga nisbatan hozirda ko‘proqni tashkil qiladi (Pezo-L et. al. 2012). Bunga ovqatlanish ratsioni, tashqi ta’sirlar va, albatta, kishilarning madaniyatlaridagi o‘zgarishlar muhim rol o‘ynagan (Pezo-L et. al. 2012; Fejerskov 2004; Бужилова 1995; Lukacs 1992; Fujita 2012; Turner et. al. 1979; Larsen et. al. 1991; Griffin 2014; Meinl et. al. 2010).

Maqolada tadqiq qilinayotgan So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklari qadimgi aholisida kariyesning tarqalishi birinchi marta o‘rganilmoqda. Ayrim tadqiqotlar kariyesning chastotasi qadimgi kishilarning turmush tarzi va oziqlanish madaniyatlarini ko‘rsatishi isbotlangan (Turner et. al. 1979; Larsen et. al. 1991; Meinl et. al. 2010; Ventresca Miller et. al. 2014; Machicek et. al. 2012). Bunda kishining qanday hayot tarzini tutishi, o‘troq yoki ko‘chmanchi, donli ozuqalar yoki go‘shtli ozuqalarning iste’moli hajmi, og‘iz bo‘shlig‘i gigiyenasi muhim rol o‘ynaydi. So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklarining qadimgi aholisida ushbu patologiyaning taqqoslab o‘rganilishi bizga

[1]. *Streptococcus* bakteriyalar guruhi asosiy rol o‘ynaydi, shuningdek *Lactobacillus* lar ham ishtirok etadi .

ushbu tog‘li hudud aholisining xo‘jalik hayoti haqidagi taxminlarimizni aniqlashtirishga yordam beradi.

Arxeologik qazishmalar. So‘ngak mozor qo‘rg‘oni Toshkent viloyati Bo‘stonliq tumanida Chorvoq suv omborining bo‘yida qiyalikda joylashgan. Birinchi marta qazishma ishlari 2019-yil O‘zbekiston Fanlar akademiyasi Milliy arxeologiya markazi xodimlari tomonidan olib borilgan va ikkita qabr ochilib, bir nechta topilmalar qo‘lga kiritilgan (Maksud et. al. 2020). Keyingi asosiy qazishma ishlari esa 2021-yilning bahor oylarida Milliy arxeologiya markazining xodimi R. Murodaliyev va N. Rashidovlar tomonidan olib borildi (Муродалиев va boshq. 2022). Bunga qadar hududda suv ombori qurilishidan oldin arxeologik izlanishlar olib borilgan, biroq ushbu yodgorlik haqida biror ma’lumot uchramaydi (Буряков и др. 1973).

So‘ngak qabristoni qabrlardan topilgan ashyolari va qabrlar tuzilishiga ko‘ra VI-VIII asrlar bilan davrlashtirilgan (Muradaliyev va boshq. 2022). Qabrlardan va qabriston hududidan 8 dona sopol idishlar qo‘lga kiritilgan. Ularning barchasi qo‘lda yasalgan bo‘lib, ikki turga ajratilgan: ko‘zalar (5 dona, ulardan 3 tasi bir dastali) va yog‘log‘ilar (3 ta). Idishlarning hech birida bezaklar uchramaydi. 5-qabrdan aniqlangan ko‘za jo‘mrakli bo‘lib, Qovunchi-II davri sopollarini eslatadi. Sopollarning yasalishi va tipologiyasiga ko‘ra idishlar VI – VIII asrlarga oid (Муродалиев va boshq. 2022).

Maqola uchun olingan ikkinchi kolleksiya Toshbuloq qabristoni antropologik materiallari hisoblanadi, yodgorlik Jizzax viloyatining Zomin tumanida joylashgan bo‘lib, O‘zbekiston-Amerika qo‘shma ekspeditsiyasi tomonidan 2011-yildan boshlab o‘rganilib kelingan va bugunga qadar yodgorlik va topilmalar to‘g‘risida bir qancha maqolalar chop etilgan (Максудов и др. 2012; Frachetti et. al. 2014; Максудов и др. 2018; Hermes et. al. 2018; Maksudov et. al. 2019; Bullion et. al. 2022; Greer et. al. 2021; Spengler et. al. 2018). Yodgorlik dengiz sathidan 2100 metr balandlikda joylashgan, yodgorlikning umumiy maydoni 7 gektar.

Toshbuloq yodgorligi arxeologik jihatdan kompleks tadqiq qilingan bo‘lib, hududda georadar va geomagnit skanerlash, GIS tadqiqoti, radiokarbon sanalash, namunalarning izotop tahlillari, arxeobotanik izlanishlar, artefaktlarni tipologik qiyoslash, jismoniy antropologiya va boshqa turdagi fanlararo tadqiqotlar amalga oshirilgan (Максудов и др. 2018). 2009 – 2014-yillar davomida O‘zbekistonning janubi-sharqiy hududlar landshafti o‘zbek-amerika qo‘shma loyihasi doirasida tadqiq qilingan. Izlanishlar natijasida Toshbuloq yodgorligi ham kashf qilingan bo‘lib, landshafti va dengiz sathidan balandligiga ko‘ra, asosan, chorvachilik bilan shug‘ullanish qulay bo‘lgan hudud hisoblanadi, deb xulosa chiqarilgan (Frachetti et. al. 2014).

Bioarxeologik tadqiqotlar natijasida Toshbuloq yodgorlidan bir qancha qiziqarli ma’lumotlar qo‘lga kiritilgan. Izlanishlardan birida Toshbuloq yodgorligi antropologik materiallaridan olingan suyak namunalar O‘zbekiston, Qozog‘iston, Turkmaniston hududlaridagi boshqa yodgorlik namunlari bilan birgalikda azot va uglerod barqaror izotop tahlillariga tekshirib ko‘rilgan, bunda Toshbuloq aholisi ovqatlanish ratsionlari O‘zbekistonning 9-13 asrlardagi Farg‘ona, Xorazm, Toshkent hamda Turkmanistonning Dehiston (11-12 asr, Temir davri), Janubiy Qozog‘istonning O‘tror (2-4-asr), Yettisuv (2-6-asr) shaharlari aholis ratsionlariga yaqin turadi (Hermes et. al. 2018). Yodgorlikda o‘tkazilgan yana bir bioarxeologik izlanish bu – arxeobotanik tadqiqotlardir. Qazishmalardan 6 057 dona kuygan urug‘ va o‘simlik qismlari aniqlangan va turlarga ajratilgan, 371 dona urug‘ bo‘laklari esa qanday o‘simlikka tegishli ekanligni aniqlashning iloji bo‘lmagan. Turlarga ajratilganlarning orasida 204 tasi madaniylashgan dala ekinlariga, 196 tasi meva yoki yong‘oqlarga (uzum va qovun ham shu guruhda) tegishli bo‘lib, madaniy yoki yovvoyi o‘sgan bo‘lishi mumkin. Qolgan 5657 urug‘ va meva qismlari yovvoyi o‘tlar, ba’zi holatlarda ehtimol g‘ozpanja urug‘i yoki boshqa turdagi kalta o‘simliklardan biriga tegishli. Yana 107 donli o‘simlik urug‘lari aniqlangan, biroq maydalanganligi uchun umumiy statistikaga kiritilmagan. Keltirilgan

ma’lumotlarga ko‘ra, olingan arxeobotanik namunalar uch turga ajratilgan: donlar va dukkaklilar (bug‘doy, arpa, yashil no‘xat, no‘xat); yovvoyi yoki madaniylashtirilgan mevalar (kovul, olcha, *Celtis Caucasica*, na’matak, rus zaytuni, chakanda, yong‘oq; madaniylashtirilgan mevalar (olma, o‘rik, uzum, qovun, shaftoli va pista). Arxeobotanik tadqiqotning xulosasiga ko‘ra, o‘simliklarning aksariyat qismi mazkur hududda yetishtirilmagan, balki yaqin pastliklarda joylashgan aholi markazlaridan, qishloqlardan olib kelingan bo‘lishi kerak (Spengler et. al. 2018).

Toshbuloq yodgorligida qazishma jarayonida qo‘lga kiritilgan zooarxeologik topilmlar to‘g‘risida kam ma’lumot berilgan. O‘zbekistonda arxeologik tadqiqotlar hisobot jurnalining 11-soniga taqdim qilingan maqolaga ko‘ra deyarli barcha qazishmalardan yirik shoxli qoramol (qora mol) va mayda shoxli qoramol (qo‘y va echki) lar uchraydi. Bundan tashqari ot, eshak, tuya (baqtriya tuyasi) suyaklari topilgan. Parrandalardan qirg‘ovul va xonaki tovuq, shuningdek, quyon, bug‘u, jayron, tog‘ echkisining suyaklari ham aniqlangan. Zooarxeologik artefaktlar Toshbuloq aholisining ratsioni o‘simliklardan tashqari xonaki va yovvoyi hayvonlardan olinadigan mahsulotlar bilan ham boyitilganligini ko‘ramiz (Максудов и др. 2018). Inson suyaklaridan olingan namunalarning uglerod va azot izotoplari tahlillari ham aholining C3 o‘simliklari (bug‘doy, arpa va guruch) va atrofdagi tog‘ hududida boqilgan hayvonlar mahsulotlar (go‘sht, sut) iga asoslanganligini tasdiqlaydi (Hermes et. al. 2018).

Toshbuloq yodgorligi qazishma jarayonlarida ko‘plab sopol buyumlari qo‘lga kiritilgan. Charxda tayyorlanib sirlangan va qo‘lda yasalib qizg‘ish rangli geometrik naqshlar bilan bezak berilgan sopollar mavjud bo‘lib, qo‘lda yasalgan sopollar topilmalarning asosiy qismini tashkil qiladi. Toshbuloq sopollari analogik jihatdan 10 – 12 asr sopollariga o‘xshashdir (Maksudov et. al. 2019).

Yodgorlikning davrini aniqlash tangalar, sopol buyumlar analogiyasi, skeletlardan olingan namunalar, yog‘och namunalari va urug‘ bo‘laklarini radiouglerod tahlili vositasida amalga oshirilgan. Radiouglerod sanalashning davriy oraliqlar maksimal chegarasi 650 – 1050-yillarni qamrab oladi, topilmalar analogiyasi va mutlaq davrlashtirishlarni qo‘shib hisoblaganda esa yodgorlik va qabriston VII – XI asrlarga to‘g‘ri keladi (Bullion et. al. 2022).

Materiallar va metodlar. Ushbu maqolada tadqiq etish uchun So‘ngak yodgorligidan topilgan inson skeletlarining 12 tasi, Toshbuloq yodgorligidan esa 32 tasi ajratib olindi. Tadqiqotda aniqlikni oshirish maqsadida o‘rganilayotgan individlarda eng kichik yosh toifasida agar barcha 20 ta tishlar chiqmagan bo‘lsa, kiritilmadi. Kariyes mavjudligini aniqlashda vizual kuzatish, kattalashtiruvchi, maxsus o‘rnatilgan yoritgichga ega 2.5x o‘lchamli lupa va ehtiyoj tug‘ilganda Nikon-SMZ745T rusumli kamerali stereo mikroskopdan foydalanildi (1-2-rasmlar). Kariyesni aniqlashda turli mualliflar qo‘llagan metodlardan kelib chiqib, izohlash 2 xil usulda: individ soni va tishlar soni bo‘yicha amalga oshirildi.

Natijalar. 1-jadvalda kariyesning uchrashi o‘rganilyotgan ikki kolleksiyada kishi soni bo‘yicha va tishlar soni bo‘yicha alohida keltirib o‘tilgan. Ko‘rinib turibdiki, individ soni bo‘yicha ikki guruh – So‘ngak-Toshbuloq solishtirilganda, So‘ngak erkaklar kategoriyasida kariyesga chalinish kamroq (71,4%-75%), barcha kishilar guruhi umumiy olib qaralganda ham kariyesga chalinganlar Toshbuloqda ko‘pchilikni tashkil qilyapti (50%-68,8%). Toshbuloq guruhining o‘zida esa ayollar kategoriyasida erkaklarga nisbatan kariyes ancha ko‘p (75%).

Ayollarda kariyesning erkaklarga nisbatan ko‘p uchrashi 2-jadval boshqa tadqiqotlarda ham ko‘zga tashlanadi (Pezo-L et. al. 2012; Lukacs 1992; Turner et. al. 1979: 623; Larsen et. al. 1991), biroq erkaklarda kariyes chastotasi yuqori bo‘lgan tadqiqotlar ham yo‘q emas (Trombley et. al. 2019), bunga esa jamoalarda erkak va ayollarning oziqlanishidagi tafovut va, ayniqsa, ikki organizmning fiziologik tuzilishidagi farqlar bo‘lishi sabab qilib ko‘rsatiladi (Pezo-L et. al. 2012; Larsen et. al. 1991: 198). Bolalar kategoriyasida individlar soniga bog‘liq ravishda qaralganda,

1-jadval.

Kariyesning o‘rganilyotgan ikki guruhda tarqalganligi.
Таблица 1. Распространенность кариеса в двух исследуемых группах.
Table 1. Prevalence of caries in the two study groups.

	So'ngak - kishi soniga asosan			Toshbuloq - kishi soniga sosan			Tishlar soniga ko’ra - So'ngak			Tishlar soniga ko'ra - Toshbuoq		
	N	n	%	N	n	%	N	n	%	N	n	%
Erkaklar	7	5	71,40%	8	6	75%	97	11	11,30%	149	25	16.3%
Ayollarda	-	-	-	16	14	87,50%	-	-	-	275	49	17,80%
Umumiy	12	6	50,00%	32	22	68,80%	114	11	9,60%	424	74	17,45%

garchi kuzatishlar soni kam bo‘lsa-da, So‘ngakka nisbatan Toshbuloq guruhida kariyes bilan kasallanganlar ko‘pchilikni tashkil qilmoqda.

Kariyes statistikasini yuritishda individlar sonidan ko‘ra, tishlar soniga qarab baholash, ba’zan yaxshiroq samara beradi. Bizning ushbu qismni (kariyesli tishlar sonining umumiy tishlar soniga nisbati) bayon etishda biroz izoh berib o‘tish kerak. S. Hillsonga ko‘ra bunday tartibda hisoblash ma’lumotlarni chalkashtirishi mumkin, sababi og‘iz bo‘shlig‘ida eng ko‘p kariyes kesuvchi tishlarga qaraganda katta oziq tishlarda kuzatiladi, kesuvchi tishlar esa qazish jarayonida yo‘qolish ehtimoli oziq tishlarga qaraganda yuqori, shunga ko‘ra umumiy statistika noto‘g‘ri shakllanishi mumkin (Hillson 1996: 279–280). T. Waldronda esa statistikani saqlanib qolgan tishlar bo‘yicha yoki jadvalimizda ifodalayotganimiz kabi individ soni bo‘yicha yuritish taklif qilingan (Waldron 2009: 266), individ soni bilan yuritish jadvalimizda keltirilgan (1-jadvalga qarang). Biroq bir tish yemirilishi tufayli kariyes belgilari yo‘qolishi (Pezo-L et. al. 2012) va katta oziq tishlardan boshqa tishlarda ham kariyes oz bo‘lsa-da keng tarqalishini eslatib o‘tish joiz (Turner et. al. 1979; Larsen et. al. 1991; Griffin 2014).

Qo‘shimcha ravishda bizning aksar bosh chanoqlar yaxshi saqlanganligi va xo‘jalik shaklini aniqlashda boshqa guruhlarga solishtirish to‘g‘ri shakllantirilishi uchun kariyesli tishlarning umumiy tishlar soniga nisbati ham statistik hisobga qabul qilindi (Turner et. al. 1979). Shunday qilib, kariyes bilan zararlangan tishlar umumiy tishlar soniga ko‘ra Toshbuloq kolleksiyasi So‘ngakdagi kariyes ko‘rsatgichlaridan ustunlik qiladi. So‘ngak erkaklar kategoriyasida 11,3% tishlar kasallangan bo‘lsa, Toshbuloq erkaklar kategoriyasida 16,8% tishlarda kariyes bor. Jinsga bog‘liq bo‘lmagan ravishda umumiy olib qaralganda ham kattalar orasida Toshbuloq aholisi tishlarida kariyes ko‘proqni tashkil qiladi, mos ravishda tishlar soni bo‘yicha So‘ngakda-9,6%, Toshbuloqda-17,45%.

Munozara. Kariyes bilan zararlanish chastotasi jamoalarning xo‘jalik yuritish shakllarini taxmin qilishimizga yordam beradi. Bir qancha izlanishlarda bu masala ma’lum darajada isbotlangan (Turner et. al. 1979; Fujita 2012; Larsen et. al. 1991; Raitapuro-Murray et. al. 2014; Šlaus et. al. 2017; Bertl et. al. 2020; Meinl et. al. 2010), biroq kariyesning darajasi kam bo‘lishiga sabab bo‘luvchi, dehqonchilikdan boshqa omillar ham bo‘lishi qo‘llab quvvatlanadi (Griffin 2014). Quyidagi diagrammada (3-rasmga qarang) L. Pezo-Lanfranco jadvallaridagi yodgorliklar shartli

ravishdagi raqamli nomlar bilan joylashtirgan, bunda turli xo‘jalik shakliga ega guruhlar ichida bizning tadqiqotimizdagi kolleksiyaning o‘rnini izohlab o‘tamiz.

3-rasmdan ko‘rinib turibdiki, xo‘jalik shakli ovchilik-baliqchilik va termachilikka asoslangan guruhlarda kariyesning foizlari ancha past, asosiy mashg‘uloti dehqonchilik bo‘lgan guruhlarda esa kariyes darajasi yuqorilab bormoqda. Shuni ham hisobga olish kerakki, ovchilar jamoasida kariyes darajasi baland bo‘lishi, yoki aksincha, dehqonlar jamoasida kariyes darajasi past bo‘lishi ham mumkin (3-rasm, ovchi-termachi guruhida 7-yodgorlik (14,3%) va dehqonlar guruhida 2-yodgorlik (3.1%)) (3–4-rasmlarda barcha ma’lumotlar umumiylashtirib berilgan).

2-jadval.

Kariyesning tarqalganligi xo‘jalik shakli bo‘yicha o‘rtacha foizlarda (Pezo-Lanfranco-2012 ga asosan).
Таблица 2. Средняя распространенность кариеса по типу экономики (на основе Pezo-Lanfranco-2012).
Table 2. Average caries prevalence by type of economy based on Pezo-Lanfranco-2012).

Xo‘jalik shakli	Barchasidan o‘rtacha	S-og‘ish
Ovchilk va termachilik	4,96	5,13
Aralash xo‘jalik va baliqchilik	3,63	5,63
Baliqchilik va bog‘dorchilik	12,53	8,06
Dehqonlar	16,24	11,31
So‘ngak	**9,6**	-
Toshbuloq	**17,45**	-

1, 2-jadvallar va 3–4-rasmlarda So‘ngak va Toshbuloq yodgorliklari aholisi kariyes ko‘rsatkichlariga e’tibor bersak, So‘ngak yodgorligi ovchilik va termachilik hamda baliqchilik va bog‘dorchilik bilan shug‘ullangan guruhlarga, Toshbuloq kolleksiyasi ko‘rsatkichlari baliqchilik va bog‘dorchilik hamda dehqonchilik bilan shug‘ullangan guruhlarga yaqin turibdi. Albatta, yuqoridagi solishtirishlar nisbiy bo‘lib, faqatgina kariyesning tarqalganligi xo‘jalik shaklining qanaqa bo‘lganligini aniq aytib bermaydi (Griffin 2014), bunda boshqa omillarni, masalan, boshqa turdagi patologiyalar, hududning o‘ziga xos landshafti va iqlimi, izotop tahlillari va tarixiy-etnografik manbalarni ham hisobga olish kerak.

Yana bir misolda Bo‘ston VI yodgorligida (barcha yosh toifalarida kariyes va boshqa og‘iz bo‘shlig‘i patologiyalarining mavjudligi tekshirilgan) kariyes kasalligi barcha yosh kategoriyalarini qo‘shib hisoblaganda individ soni bo‘yicha 47,9% ko‘rsatkichni bergan, mos ravishda periodontal kasallik 80,8%, tish toshi 80,8%, tiriklikda tishlar yo‘qotilishi 26,8%, tish emali gipoplaziyasi 78%, abssess 12,2% skeletlarda aniqlangan (Рыкушина 2015; Куфтерин 2018), tish patologiyalarining bu darajasi yuqori darajali ko‘rsatkichlar, deb qaralib, aholi qiyin sharoitli hududda yashagan va kariyesning yuqori darajasi ozuqaning aralash turda ekanligini, aholi an’anaviy chorvachilik xo‘jaligini saqlagan holda dehqonchilikka o‘tayotganligini ko‘rsatadi deyiladi (Рыкушина 2015).

So‘ngakda kishi soni bo‘yicha kariyes darajasini hisoblaganda kolleksiyada jinsi aniqlangan (erkaklar) da 7 ta skelet o‘rganilgan bo‘lsa, ularning 5 tasi og‘iz bo‘shlig‘ida kariyesga chalingan tish (lar) bor, jinsi aniqlanmagan skeletlarni ham qo‘shib hisoblaganda esa 50 % (6/12) kishida kariyes uchragan. Hisoblashning bu usuli bir kishida nechta tishlarda kariyes borligi yoki tishlarning qancha qismi kariyesga chalinganini aniqlashtirmaydi. So‘ngak yodgorligida tishlardagi kariyes miqdorining umumiy tishlar soniga nisbati 9,6 % (11/114) ni tashkil qildi. Ya’ni 114 dona tishlarning 11 tasida kariyes bilan kasallanganlik belgilari bor (voyaga yetgan kishilarda). Og‘iz

1-rasm. Kariyes. So‘ngak, S21-2.1. Pastki chap M2 va M3 tishlar. Erkak
Рисунок 1. Кариес. Сонгак, S21-2.1. Нижние левые зубы M2 и M3. Мужской
Figure 1. Caries. Songak, S21-2.1. Lower left M2 and M3 teeth. Male

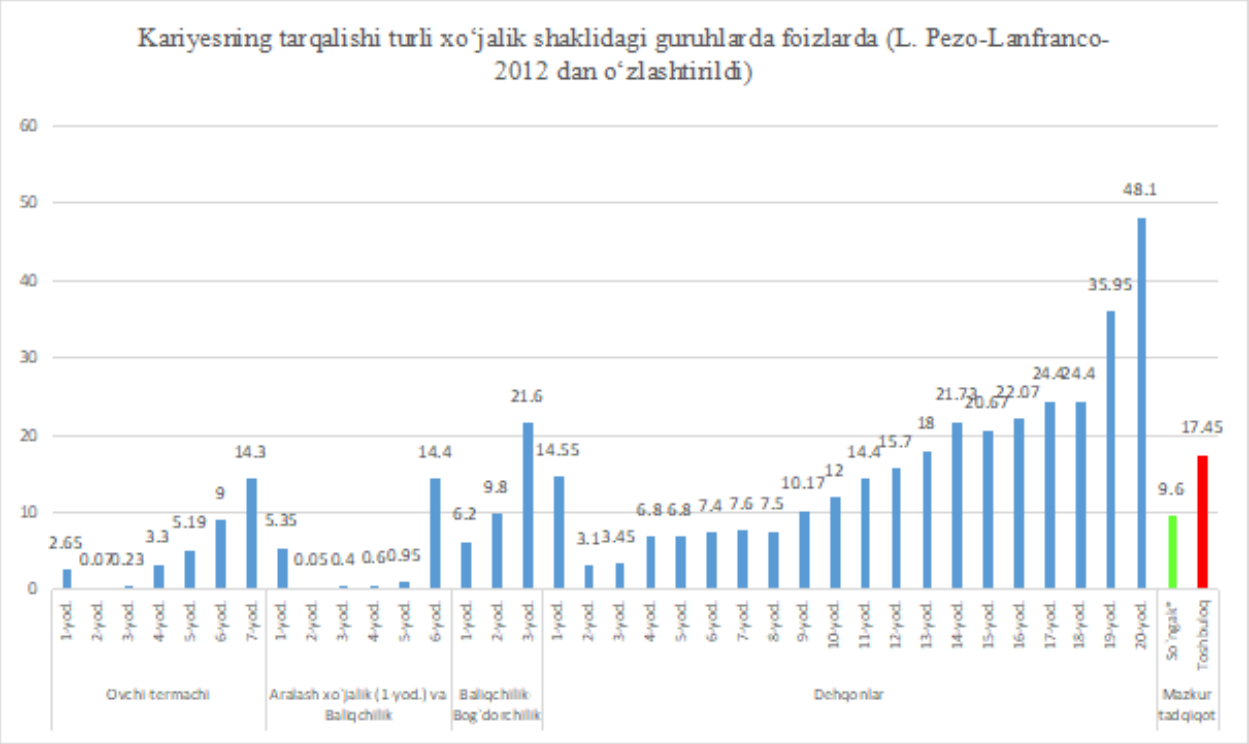

2-rasm. Kariyes. Toshbuloq, Br-39. Erkak
Рисунок 2. Кариес. Ташбулак, Бр-39. Мужской
Figure 2. Caries. Tashbulak, Br-39. Male

bo‘shlig‘i kasalliklari ya’ni tishlar bilan bog‘liq bo‘lgan paleopatologiya ma’lumotlarini taqdim qilishda ko‘plab yodgorliklarda shu metod qo‘llanilgan, ya’ni kariyes bilan kasallangan tishlarning soni barcha mavjud tishlar soniga nisbatan foizlarda ifodalangan.

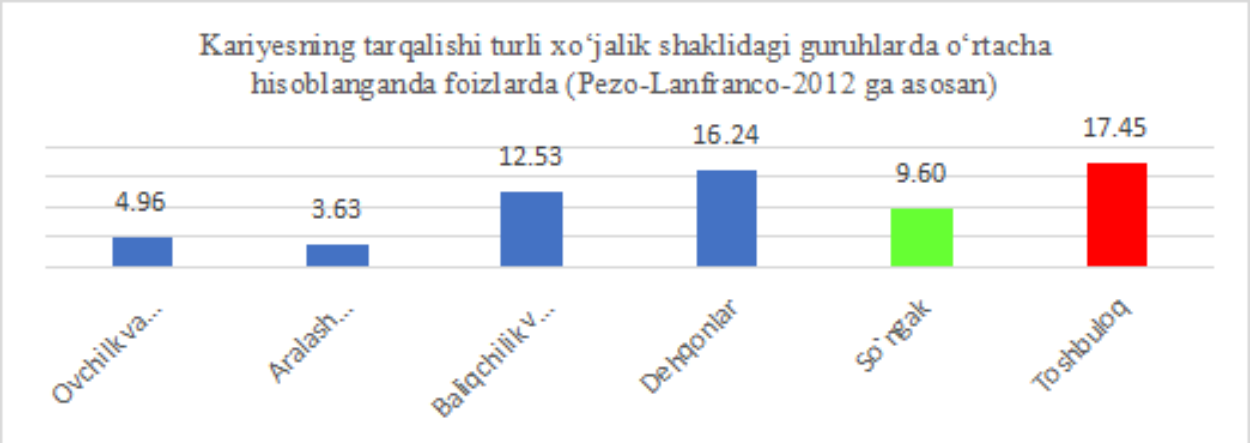
So‘ngak yodgorligi 1-rasmda grafikka joylashtirilganda xo‘jalik shakli ovchilik-termachilik va baliqchilik-bog‘dorchilik yo‘nalishlaridagi yodgorliklar aholisiga yaqinlashmoqda. Albatta, bu o‘rinda xo‘jaligi dehqonchilik bo‘lgan ba’zi yodgorliklarda ham kariyes darajasi So‘ngak yodgorliginiki kabi yoki undan ham kam bo‘lishi mumkinligini inkor etolmaymiz (Pezo-L et. al. 2012), biroq umumiy qaralganda dehqonlarda kariyesning ovchi-termachilarga qaraganda ko‘proq uchrashi ta’kidlab kelinadi (Lukacs 1992; Turner et. al. 1979). VIII – IX asrlarda yashagan avar xalqlari ham o‘troqlashgandan so‘ng ularda kariyesning darajasi oshganligi kuzatilgan, ya’ni ko‘chmanchi hayot tarzida kechirgan vaqtida kariyes kamroq bo‘lgan (Bertl et. al. 2020; Meinl et. al. 2010).

Toshbuloq guruhida jami 32 kishida (bolalar guruhida og‘iz bo‘shlig‘ida barcha 20 ta tish chiqmagan bo‘lsa, individ hisobga kiritilmagan) kariyesning tarqalishi o‘rganilgan, skeletlarning 22 tasi tishlarida kariyes aniqlangan (68,8%). So‘ngak yodgorligida bu 50% ni, Sopollitepada 14,3% (Ходжайов 1977), Bo‘ston-VI da 47,9%[2] (Рыкушина 2015) , Kososor-2 da 49% (Бужилова 2006) ni tashkil qilgan. Ixtiyorimizda kishi soniga bog‘liq solishtirish uchun ikki daryo oralig‘i hududiga oid boshqa manba yo‘qligi uchun shu bilan cheklandik. Bizning tadqiqot hududimizdan tashqarida bo‘lgan boshqa yodgorliklar bilan ham solishtirib ko‘ramiz, masalan, bronza davri Harappa yodgorligida[3] 17% (erkak, ayol va jinsi aniqlanmaganlar orasida) (Lukacs 1992), Oltin O‘rda davri Shareney Bugor (Rossiya) yodgorligida[4] 14% (faqat kattalar) aholida kariyes topilgan

3-rasm. Kariyesning tarqalishi turli xo‘jalik shaklidagi guruhlarda foizlarda
Рисунок 3. Распространенность кариеса в процентах в различных экономических группах
Figure 3. Prevalence of caries in percentages in different economic groups

[1] Barcha yosh va jins toifalarida tekshirilgan.
[2] Maqolada dehqonchilik xo‘jaligiga ega bo‘lgan, deb taxmin qilinadi.
[3] Aholisi shahar hunarmandlari qatlamiga mansubligi maqolada tilga olinadi.

4-rasm. Kariyesning tarqalishi turli xo‘jalik shaklidagi guruhlarda o‘rtacha hisoblanganda foizlarda
Рисунок 4. Средняя распространенность кариеса в различных экономических группах в процентах
Figure 4. Average prevalence of caries in different economic groups in percentages

bo‘lsa (Перерва 2020), Quyi Volgabo‘yi III – IV asr sarmatlar skeletlari paleopatologiyasi o‘rganilganda kariyes aniqlanmagan (Перерва и др. 2021). Yuqoridagi solishtirishlardan ham xulosa qilish mumkinki, eng ko‘p kariyes bilan kasallangan kishilar Toshbuloq yodgorligi hissasiga to‘g‘ri kelmoqda. Kariyes bilan kasallangan tishlarning umumiy tishlar soniga nisbati bo‘yicha Toshbuloq yodgorligi 17,45% ni tashkil qilgan.

Xorvatiya hududidagi ikki davrga tegishli – Dugopolje (XIII–XVI asr, dehqonlar) va Koprivno Vlach (XV–XVIII asr, ko‘chmanchi-chorvadorlar) yodgorliklari og‘iz bo‘shlig‘i paleopatologiyasi solishtirib o‘rganilgan, yodgorliklardan birinchisi dehqonlar, ikkinchisi chorvadorlarga tegishli yodgorlikdir (Adamić et. al. 2017). Kariyesning darajasi ikki guruhda ham deyarli bir xil (6,2%-6,3%[5]).

Boshqa bir maqolada ham xuddi shu ikki guruh, biroq ko‘proq individlar soni orqali solishtirilib o‘rganilgan (jami ikki guruhda 273 individ) (Šlaus et. al. 2017). Bu holatda chorvador aholida kariyes ko‘rsatkichlari dehqonlarga nisbatan biroz kamroq 14% (dehqonlarda esa, ya’ni Usmonlilargacha bo‘lgan aholida-17,1%) bo‘lganligi aniqlangan, M. Šlausning maqolasida bunga sabab sifatida chorvadorlarda go‘sht iste’mol qilish yuqoriroq darajada va uglevodlar iste’moli kamroq darajada bo‘lishiga ishora qilingan, chorvadorlarda tish toshining ko‘p bo‘lishini ham shu sababga bog‘laydi. Chorvadorlarda tiriklikdagi tishlarning tushish darajasi ulardan biroz qadimiyroq bo‘lgan o‘troq aholidan ko‘proq bo‘lishini esa (18,8%-21,2%) bu vaqtga kelib tish shifokorlari paydo bo‘lganligi bilan izohlaydi (Šlaus et. al. 2017).

Xulosa. So‘ngak yodgorligida kariyes patologiyalari ko‘rsatkichlari boshqa hududlarda aniqlanib kelingan ovchi va termachilarning kariyes patologiyalarini eslatadi. Qadimgi aholi tishlardagi kariyes miqdori umumiy tishlar soniga nisbati 9,6 % ni tashkil qildi. Ya’ni 114 dona tishlarning 11 tasida kariyes bilan kasallanganlik belgilari bor. Kishi soniga nisbatan esa 50%. Arxeologik va bioarxeologik ma’lumotlar bu o‘rinda bir birini tasdiqlamoqda. Ya’ni So‘ngak qabristoni vakillarining hudud geografiyasi, arxeologik ma’lumotlar va bioarxeologik ko‘rsatkichlariga ko‘ra ko‘chmanchi-chorvadorlar bo‘lishi taxmin qilinyapti.

Biz o‘rganyotgan gururuh (Toshbuloq) aholi orasida kariyes kishi soni bo‘yicha hisoblaganda 68,8% va umumiy tishlarning soniga bog‘liq ravishda esa 17,45% ni ko‘rsatmoqda, bu esa taqqoslashlarimizda ba’zi o‘troq dehqon jamoalarining ko‘rsatkichlariga o‘xshash. Kariyesning aholi orasida keng tarqalishi aholining uglevodli ozuqalar – shirin mevalar, donli mahsulotlar iste’moli ratsionda muntazam bo‘lganligini ko‘rsatadi, arxeobotanik tahlillarda ham bu narsa o‘z tasdig‘ini topgan edi. Shunday qilib, So‘ngak aholisida chorvachilik va ko‘chmanchi hayot

[1] Kariyes bilan zararlangan tishlar foiziga ko‘ra.

tarzi asosiy o‘rinda turgan bo‘lsa, Toshbuloq qadim aholisi o‘troqlashish jarayonlarini boshdan kechiryotgan bo‘lishi mumkin.

Maqola arxeologik tadqiqotlar zamonaviy usullarni qo‘llash bo‘limining ilmiy-tadqiqot yo‘nalishi va Markaziy Sug‘dning Qoraxoniylar davri ijtimoiy iqtisodiy hayoti fanlararo tadqiqotlar (FL-8323102132) fundamental loyha doirasida tayyorlandi.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO ‘ YXATI:

Adamić Anita, Šlaus Mario. Comparative analysis of dental health in two archaeological populations from Croatia: the late medieval Dugopolje and early modern Vlach population from Koprivno // Bulletin of the International Association for Paleodontology. No. 1. Vol. 11. 2017, P. 11–22.

Avanesova N. A., Dubova N. A., Kufterin V. V. Seletal remains from Buston VI - a Sapalli culture cemetery in Uzbekistan // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. No. 1. Vol. 38. Elsevier B.V., 2010. P. 118–137.

Bertl Kristina, Tangl Stefan, Rybaczek Tina, Berger Barbara, Traindl-Prohazka Martina, Schuller-Götzburg Peter, Grossschmidt Karl. Prevalence and severity of periodontal disease in a historical Austrian population // Journal of Periodontal Research. No. 6. Vol. 55. John Wiley-Sons, Ltd, 2020. P. 931–945.

Buikstra Jane E. Ortner’s Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains. London - San Diego - Cambridge - Oxford: Academic Press is an imprint of Elsevier, 2019. Third edition. 839 p.

Bullion E., Maksudov F., Henry E., Merkle A., Frachetti M. Community practice and religion at an Early Islamic cemetery in highland Central Asia // Antiquity. Vol. 96 (387). Cambridge University Press, 2022. P. 628–645.

Cohen Mark Nathan, Armelagos George J. Paleopathology at the Origins of Agriculture. Orlando: Academic Press, Inc., 1984. 615 p.

Fejerskov O. Changing paradigms in concepts on dental caries: consequences for oral health care // Caries research. No.3. Vol. 38. Basel: Karger, 2004. P. 182–191.

Frachetti Michael D., Maksudov Farhod. The Landscape of Ancient Mobile Pastoralism in the Highlands of Southeastern Uzbekistan, 2000 B.C. - A.D. 1400 // Journal of Field Archaeology. No. 3. Vol. 39. Taylor-Francis, Ltd., 2014. P. 195–212.

Fujita Hisashi. Periodontal Diseases in Anthropology // Periodontal Diseases - A Clinician’s Guide / ed. Manakil Jane. InTech, 2012. P. 279–294.

Fuss Jochen, Uhlig Gregor, Böhme Madelaine. Earliest evidence of caries lesion in hominids reveal sugar-rich diet for a Middle Miocene dryopithecine from Europe // PLOS ONE / ed. Johnson Colin. No. 8. Vol. 13. PLOS, 2018. P. 1–27.

Greer Sean Y., Bullion Elissa A. Reconstruction of anatomy and care provisioning in a severe case of spondyloepiphyseal dysplasia // International Journal of Paleopathology. Vol. 34. Elsevier Inc, 2021. P. 147–154.

Griffin Mark C. Biocultural implications of oral pathology in an ancient Central California population // American Journal of Physical Anthropology. No. 2. Vol. 154. John Wiley-Sons, Ltd, 2014. P. 171–188.

Hermes T. R., Frachetti M. D., Bullion E. A., Maksudov F., Mustafokulov S., Makarewicz C. A. Urban and nomadic isotopic niches reveal dietary connectivities along Central Asia’s Silk Roads // Scientific Reports. Vol. 8. 2018. 5177.

Hillson Simon. Dental Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 373 p.

Kufterin V. V. Bioarchaeology of the BMAC population // The World of the Oxus Civilization / book auth. Lyonnet Bertille and Dubova Nadezhda A.. London-New York: Routledge, 2020. P. 425–437.

Larsen Clark Spencer, Shavit Rebecca, Griffin Mark C. Dental Caries Evidence for Dietary Change: An Archaeological Context // Advances in Dental Anthropology / ed. Kelley M. and Larsen C. S.. New York: Wiley-Liss, Inc, 1991. P. 179–202.

Lukacs John R. Dental paleopathology and agricultural intensification in South Asia: New evidence from Bronze Age Harappa // American Journal of Physical Anthropology. Issue 2. Vol. 87. John Wiley-Sons, 1992. P. 133–150.

Machicek M. L., Zubova A. V. Dental Wear Patterns and Subsistence Activities in Early Nomadic Pastoralist Communities of the Central Asian Steppes // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. No. 3. Vol. 40. Elsevier, 2012. P. 149–157.

Maksud Farhad, Muradaliyev Rahmanali Göktürkler ve üzenginin yayilmasi üzerine // Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi. No. 4. Vol. 2. 2020. P. 287–302.

Maksudov F., Bullion E., Henry E.R., Hermes T., Merkle A., Frachetti M.D. Nomadic Urbanism at Tashbulak // Urban Cultures of Central Asia from Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and conclusions from new

archaeological investigations and discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4–6 February 2016 / Edited by Christoph Baumer and Mirko Novák. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2019. P. 283–306.

Meinl A., Rottensteiner G.M., Huber C.D., Tangl S., Watzak G., Watzek G. Caries frequency and distribution in an early medieval Avar population from Austria // Oral Diseases. No. 1. Vol. 16. John Wiley-Sons, Ltd, 2010. P. 108–116.

Muradaliyev Raxmanali, Rashidov Niyoz. Taşkent bölgesinin dağlik arazisinde bulunan Göktürk kağanliği'na ait Süngek mezar kurganlari hakkinda yapilan çalişmalar // Genel Türk Tarihi Araştirmaları Dergisi. No. 8. Vol. 4. 2022. P. 953–970.

Oxilia G., Peresani M., Romandini M., Matteucci C., Spiteri C. D., Henry A. G., Schulz D., Archer W., Crezzini J., Boschin F., Boscato P., Jaouen K., Dogandzic T., Broglio A., Moggi-Cecchi J., Fiorenza F., Hublin J.-J., Kullmer O., Benazzi S. Earliest evidence of dental caries manipulation in the Late Upper Palaeolithic // Scientific Reports. No. 1. Vol. 5. Springer Nature, 2015. 12150. P. 1–10.

Pezo-L Luis, Eggers Sabine. Caries Through Time: An Anthropological Overview // Contemporary Approach to Dental Caries / ed. Li Ming-Yu. InTech, 2012. P. 3–34.

Raitapuro-Murray T., Molleson T., Hughes F. The prevalence of periodontal disease in a Romano-British population c. 200-400 AD // British Dental Journal. No. 8. Vol. 217. Macmillan Publishers Limited, 2014. P. 459–466.

Schmidt C. W., Quataert R., Zalzala F., D'Anastasio R. Taphonomy of Teeth // Taphonomy of Human Remains: Forensic Analysis of the Dead and the Depositional Environment / ed. Schotsmans E. M. J., Márquez-Grant N., Forbes S. L.. John Wiley-Sons Ltd, 2017. P. 92–100.

Selig K. R., Silcox M. T. The largest and earliest known sample of dental caries in an extinct mammal (Mammalia, Euarchonta, Microsyops latidens) and its ecological implications // Scientific Reports. No. 1. Vol. 11. Springer Nature, 2021. P. 1–9.

Šlaus M., Bedić Ž., Bačić A., Bradić, J., Vodanović M., Brkić H. Endemic warfare and dental health in historic period archaeological series from Croatia // International Journal of Osteoarchaeology. No. 1. Vol. 28. John Wiley-Sons, Ltd, 2017. P. 65–74.

Spengler R. N., Maksudov F., Bullion E., Merkle A., Hermes T., Frachetti M. Arboreal crops on the medieval Silk Road: Archaeobotanical studies at Tashbulak // PLoS ONE. No. 8. Vol. 13. 2018. e0201409.

Trombley T. M., Agarwal S. C., Beauchesne P. D., Goodson C., Candilio F., Coppa A., Rubini M. Making sense of medieval mouths: Investigating sex differences of dental pathological lesions in a late medieval Italian community // American Journal of Physical Anthropology. Issue 2. Vol. 169. John Wiley-Sons, Ltd, 2019. P. 253–269.

Turner I. I., Christy G. Dental anthropological indications of agriculture among the Jomon people of central Japan. X. Peopling of the Pacific // American Journal of Physical Anthropology. Isuue 4. Vol. 51. John Wiley-Sons, 1979. P. 619–635.

Ventresca Miller A., Usmanova E., Logvin V., Kalieva S., Shevnina I., Logvin A., Kolbina A., Suslov A. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan // Quaternary International. Vol. 348. Elsevier, 2014. P. 130–146.

Waldron Tony. Palaeopathology. Cambridge - New York – Melbourne – Madrid - Cape Town – Singapore - São Paulo: Cambridge University Press, 2009. 279 p.

Бужилова А. П. Биоархеологические подходы к изучению деформированных черепов из Приаралья (по антропологическим материалам могильника Косасар-2) // Искусственная деформация головы человека в прошлом Евразии - OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. № 5. Москва: Институт археологии РАН, 2006. С. 164–176.

Бужилова А. П. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). Москва: ИА РАН-РГНФ, 1995. 189 с.

Буряков Ю. Ф., Касымов М. Р. и Ростовцев О. М. Археологические памятники Ташкентской области. Ташкент: Фан, 1973. 117 с.

Дубова Н. А., Куфтерин В. В. Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI). Серия «Этническая антропология Средней Азии». Вып. 4. Москва: Старый сад, 2015. 186 с.

Куфтерин В. В. Палеопатология населения Бактрийско-Маргианского археологического комплекса и некоторых сопредельных территорий: краткий обзор // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 2. Т. 41. ФИЦ ТюмНЦ СО РАН, 2018 г. С. 97–108.

Максудов Ф., Фрачетти М., Рахимов К., Пардаев М., Кодини Дж. Археологические исследования в предгорьях Мальгузара в 2011 году // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар (2010-2011 йиллар) / Мас. муҳ. А. Э. Бердимурадов. № 8. Самарқанд: Самарқанд археология институти, 2012 г.. С. 142–151.

Максудов Ф., Фрачетти М., Пардаев М., Хенри Э., Буллион Э., Джиаммар Д., Зежен П., Ререн Т., Георгакопулу

М., Спенглер Р., Хермес Т., Панюшкина И., Киддер Т. Р. Археологические исследования узбекско-американской экспедиции на памятнике Ташбулак в Джизакской области в 2015 году // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар - 2015-2017 йиллар / Мас. муҳ. А. Э. Бердимурадов. № 11. Самарқанд: Самарқанд археология институти, 2018 г. С. 78–85.

Муродалиев Р. Х., Рашидов Н. Н. Сўнгак мозор-қўрғонида 2021 йилда олиб борилган археологик қазишмалар // Ўзбекистонда археологик тадқиқотлар - 2021 йил / Мас. муҳ. А.Э. Бердимурадов. № 14. Самарқанд: Самарқанд археология институти, 2022. Б. 82–87.

Перерва Е. В., Кривошеев М. В. Кочевники Нижнего Поволжья второй половины III — IV В. н.э. по данным биоархеологии // Вестник археологии, антропологии и этнографии. № 1. Т. 52. Федеральный исследовательский центр Тюменский научный центр СО РАН, 2021. С. 93–104.

Перерва Е. В. Палеопатология черепов из Золотоордынского городища Шареный Бугор // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 5. Т. 25. Волгоградский государственный университет, 2020. С. 141–161.

Рыкушина Г. В. Одонтологическая характеристика населения эпохи поздней бронзы, оставившего памятник Бустон VI // Антропология населения Южного Узбекистана эпохи поздней бронзы (по материалам некрополя Бустон VI) / авт. книги Дубова Н. А. и Куфтерин В. В. Москва: Старый сад, 2015. С. 133–142.

Ходжайов Т. К. Антропологический состав населения эпохи бронзы Сапаллитепа. Ташкент: Фан, 1977. 111 с.

REFERENCE:

Adamić, A., Šlaus, M. 2017. Comparative analysis of dental health in two archaeological populations from Croatia: the late medieval Dugopolje and early modern Vlach population from Koprivno. In Bulletin of the International Association for Paleodontology. Vol. 11(1). 11–22.

Avanesova, N. A., Dubova, N. A., Kufterin, V. V. 2010. Seletal remains from Buston VI - a Sapalli culture cemetery in Uzbekistan. In Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 38(1). 118–137.

Bertl, K., Tangl, S., Rybaczek, T., Berger, B., Traindl-Prohazka, M., Schuller-Götzburg, P., Grossschmidt, K. 2020. Prevalence and severity of periodontal disease in a historical Austrian population. In Journal of Periodontal Research. Vol. 55(6). 931–945.

Buikstra, J. E. (ed.). 2019. Ortner's Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains (Third edition edition). London, San Diego, Cambridge,Oxford: Academic Press is an imprint of Elsevier publ., 839.

Bullion, E., Maksudov, F., Henry, E., Merkle, A., Frachetti, M. 2022. Community practice and religion at an Early Islamic cemetery in highland Central Asia. In Antiquity. Vol. 96 (387). 628–645.

Cohen, M. N., Armelagos, G. J. (eds.). 1984. Paleopathology at the Origins of Agriculture. Orlando: Academic Press, Inc. Publ., 615.

Fejerskov, O. 2004. Changing paradigms in concepts on dental caries: consequences for oral health care. In Caries research. Vol. 38(3). 182–191.

Frachetti, M. D., Maksudov, F. 2014. The Landscape of Ancient Mobile Pastoralism in the Highlands of Southeastern Uzbekistan, 2000 B.C.–A.D. 1400. In Journal of Field Archaeology. Vol. 39(3). 195–212.

Fujita, H. 2012. In J. Manakil (ed.). Periodontal Diseases in Anthropology. In Periodontal Diseases - A Clinician's Guide. InTech Publ., 279–294.

Fuss, J., Uhlig, G., Bo¨hme, M. 2018. Earliest evidence of caries lesion in hominids reveal sugar-rich diet for a Middle Miocene dryopithecine from Europe. In PLOS ONE. Vol. 13(8). 1–27.

Greer, S. Y., Bullion, E. A. 2021. Reconstruction of anatomy and care provisioning in a severe case of spondyloepiphyseal dysplasia. In International Journal of Paleopathology. Vol. 34. 147–154.

Griffin, M. C. 2014. Biocultural implications of oral pathology in an ancient Central California population. In American Journal of Physical Anthropology. Vol. 154(2). 171–188.

Hermes, T. R., Frachetti, M. D., Bullion, E. A., Maksudov, F., Mustafokulov, S., Makarewicz, C. A. 2018. Urban and nomadic isotopic niches reveal dietary connectivities along Central Asia's Silk Roads. In Scientific Reports. Vol 8. 5177.

Hillson, S. 1996. Dental Anthropology. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 373.

Kufterin, V. V. 2020. Bioarchaeology of the BMAC population. In B. Lyonnet, N. A. Dubova. In The World of the Oxus Civilization. London - New York: Routledge Publ., 425–437.

Larsen, C. S., Shavit, R., Griffin, M. C. 1991. In M. Kelley, C. S. Larsen (eds.) Dental Caries Evidence for Dietary Change: An Archaeological Context. In Advances in Dental Anthropology. New York: Wiley-Liss, Inc. Publ., 179–202.

Lukacs, J. R. 1992. Dental paleopathology and agricultural intensification in South Asia: New evidence from Bronze Age Harappa. In American Journal of Physical Anthropology. Vol. 87(2). 133–150.

Machicek, M. L., Zubova, A. V. 2012. Dental Wear Patterns and Subsistence Activities in Early Nomadic Pastoralist Communities of the Central Asian Steppes. In Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. Vol. 40(3). 149–157.

Maksud, F., Muradaliyev, R. 2020. Göktürkler ve üzenginin yayilmasi üzerine (On the Gokturks and the spread of the stirrup). In Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi (Journal of General Turkish History Studies). Vol. 2(4). 287–302. (In Turkish).

Maksudov, F., Bullion, E., Henry, E., Hermes, T., Merkle, A., Frachetti, M. 2019. In Christoph Baumer, Mirko Novák (eds.). Nomadic Urbanism at Tashbulak. In Urban Cultures of Central Asia from Bronze Age to the Karakhanids: Learnings and conclusions from new archaeological investigations and discoveries. Proceedings of the First International Congress on Central Asian Archaeology held at the University of Bern, 4–6 February. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag Publ., 283–306.

Meinl, A., Rottensteiner, G., Huber, C., Tangl, S., Watzak, G., Watzek, G. 2010. Caries frequency and distribution in an early medieval Avar population from Austria. In Oral Diseases. Vol. 16(1). 108–116.

Muradaliyev, R., Rashidov, N. 2022. Taşkent bölgesinin dağlik arazisinde bulunan Göktürk kağanliği’na ait Süngek mezar kurganlari hakkinda yapilan çalişmalar (Studies on the Sungek burial mounds belonging to the Gokturk Khaganate located in the mountainous terrain of the Tashkent region). In Genel Türk Tarihi Araştırmaları Dergisi (Journal of General Turkish History Studies). Vol. 4(8). 953–970. (In Turkish).

Oxilia, G., Peresani, M., Romandini, M., Matteucci, C., Spiteri, C. D., Henry, A. G., Schulz, D., Archer, W., Crezzini, J., Boschin, F., Boscato, P., Jaouen, K., Dogandzic, T., Broglio, A., Moggi-Cecchi, J., Fiorenza, F., Hublin, J.-J., Kullmer, O., Benazzi, S. 2015. Earliest evidence of dental caries manipulation in the Late Upper Palaeolithic. In Scientific Reports. Vol. 5(1). 1–10.

Pezo-L, L., Eggers, S. 2012. In M.-Y. Li (ed.). Caries Through Time: An Anthropological Overview. In Contemporary Approach to Dental Caries. 3–34.

Raitapuro-Murray, T., Molleson, T., Hughes, F. 2014. The prevalence of periodontal disease in a Romano-British population c. 200-400 AD. In British Dental Journal. Vol. 217(8). 459–466.

Schmidt, C. W., Quataert, R., Zalzala, F., D’Anastasio, R. 2017. In E. Schotsmans, N. Márquez-Grant, S. L. Forbes (eds.). Taphonomy of Teeth. Taphonomy of Human Remains: Forensic Analysis of the Dead and the Depositional Environment. John Wiley-Sons Ltd. Publ., 92–100.

Selig, K. R., Silcox, M. T. 2021. The largest and earliest known sample of dental caries in an extinct mammal (Mammalia, Euarchonta, Microsyops latidens) and its ecological implications. In Scientific Reports. Vol. 11(1). 1–9.

Šlaus, M., Bedić, Ž., Bačić, A., Bradić, J., Vodanović, M., Brkić, H. 2017. Endemic warfare and dental health in historic period archaeological series from Croatia. In International Journal of Osteoarchaeology. Vol. 28(1). 65–74.

Spengler, R. N., Maksudov, F., Bullion, E., Merkle, A., Hermes, T., Frachetti, M. 2018. In X. Yan (ed.). Arboreal crops on the medieval Silk Road: Archaeobotanical studies at Tashbulak. In PLoS ONE. Vol. 13(8). e0201409.

Trombley, T. M., Agarwal, S. C., Beauchesne, P. D., Goodson, C., Candilio, F., Coppa, A., Rubini, M. 2019. Making sense of medieval mouths: Investigating sex differences of dental pathological lesions in a late medieval Italian community. In American Journal of Physical Anthropology. Vol. 169(2). 253–269.

Turner, I. I., Christy, G. 1979. Dental anthropological indications of agriculture among the Jomon people of central Japan. X. Peopling of the Pacific. In American Journal of Physical Anthropology. Vol. 51(4). 619–635.

Ventresca, M., A., Usmanova, E., Logvin, V., Kalieva, S., Shevnina, I., Logvin, A., Kolbina, A., Suslov, A. 2014. Dental health, diet, and social transformations in the Bronze Age: Comparative analysis of pastoral populations in northern Kazakhstan. In Quaternary International. Vol. 348. 130–146.

Waldron, T. 2009. Palaeopathology. Cambridge, New York, Melbourne, Madrid, Cape Town, Singapore, São Paulo: Cambridge University Press Publ., 279.

Buzhilova, A. P. 1995. Drevnee naselenie (paleopatologicheskie aspekty issledovaniya) (Ancient population (paleopathological aspects of research)). Moscow: IA RAN-RGNF Publ., 189. (In Russian).

Buzhilova, A. P. 2006. Bioarkheologicheskie podkhody k izucheniyu deformirovannykh cherepov iz Priaral’ya (po antropologicheskim materialam mogil’nika Kosasar-2) (Bioarchaeological approaches to the study of deformed skulls from the Aral Sea region (based on anthropological materials from the Kosasar-2 burial ground)). In Iskusstvennaya deformatsiya golovy cheloveka v proshlom Evrazii - OPUS: Mezhdistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii (Artificial Deformation of the Human Scull in the Eurasian Past - OPUS: Interdisciplinary Research in Archaeology). Vol. 5. 164–176. (In Russian).

Buryakov, YU. F., Kasymov, M. R., Rostovtsev , O. M. 1973. Arkheologicheskie pamyatniki Tashkentskoj oblasti (Archaeological sites of the Tashkent region). Tashkent: Fan Publ., 117. (In Russian).

Dubova, N. A., Kufterin, V. V. 2015. Antropologiya naseleniya Yuzhnogo Uzbekistana ehpokhi pozdnej bronzy (po materialam nekropolya Buston VI) (Anthropology of the population of Southern Uzbekistan in the Late Bronze Age (based on materials from the Boston VI necropolis)). In Seriya Ehtnicheskaya antropologiya Srednej Azii (Series:

Ethnic Anthropology of Central Asia). Vol. 4. Moscow: Staryj sad Publ., 186. (In Russian).

Kufterin, V. V. 2018. Paleopatologiya naseleniya Baktrijsko-Margianskogo arkheologicheskogo kompleksa i nekotorykh sopredel'nykh territorij: kratkij obzor (Paleopathology of the population of the Bactria-Margiana archaeological complex and some adjacent territories: a brief review). In Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii (Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography). Vol. 41(2). 97–108. (In Russian).

Maksudov, F., Frachetti, M., Pardaev, M., Khenri, EH., Bullion, EH., Dzhiammar, D., Zezhen, P., Reren, T., Georgakopulu, M., Spengler, R., KHermes, T., Panyushkina, I., Kidder, T. R. 2018. In A. E. Berdimuradov (ed.). Arkheologicheskie issledovaniya uzbeksko-amerikanskoj ehkspeditsii na pamyatnike Tashbulak v Dzhizakskoj oblasti v 2015 godu (Archaeological research by the Uzbek-American expedition at the Tashbulak site in the Jizzakh region in 2015). In Uzbekistonda arkheologik tadkikotlar - 2015-2017 jillar (Archaeological research in Uzbekistan - 2015-2017). Samarkand: Samarkand archaeological institute Publ., No 11. 78–85. (In Russian).

Maksudov, F., Frachetti, M., Rakhimov, K., Pardaev, M., Kodini, D. 2012. In A. E. Berdimuradov (ed.). Arkheologicheskie issledovaniya v predgor'yakh Mal'guzara v 2011 godu (Archaeological research in the foothills of Malguzar in 2011). In Uzbekistonda arkheologik tadkikotlar - 2010-2011 jillar (Archaeological research in Uzbekistan - 2010-2011). No 8. 142–151. (In Russian).

Murodaliev, R. KH., Rashidov, N. N. 2022. In Saidov, M. M. (ed.). Sungak mozor-kurgonida 2021 jilda olib borilgan arkheologik kazishmalar (Archaeological excavations conducted at the Sungak burial mound in 2021). In Uzbekistonda arkheologik tadkikotlar - 2021 jil (Archaeological research in Uzbekistan - 2021). No 14. 82–87. (In Russian).

Pererva, E. V. 2020. Paleopatologiya cherepov iz Zolotoordynskogo gorodishha Sharenyj Bugor (Paleopathology of skulls from the Golden Horde settlement of Shareny Bugor). In Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya (Volgograd State University Bulletin. Series 4. History. Regional Studies. International Relations). Vol. 25(5). 141–161. (In Russian).

Pererva, E. V., Krivosheev, M. V. 2021. Kochevniki Nizhnego Povolzh'ya vtoroj poloviny III — IV V. n.eh. po dannym bioarkheologii (Nomads of the Lower Volga region of the second half of the III-IV century BC according to bioarchaeological data). In Vestnik arkheologii, antropologii i ehtnografii (Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography). Vol. 52(1). 93–104. (In Russian).

Rykushina, G. V. 2015. In Dubova, N. A., Kufterin, V. V. (eds.). Odontologicheskaya kharakteristika naseleniya ehpokhi pozdnej bronzy, ostavivshego pamyatnik Buston VI (Dental characteristics of the population of the Late Bronze Age who left the Buston VI monument). In Antropologiya naseleniya Yuzhnogo Uzbekistana ehpokhi pozdnej bronzy (po materialam nekropolya Buston VI) (Anthropology of the population of Southern Uzbekistan in the Late Bronze Age (based on materials from the Boston VI necropolis)). Moscow: Staryj sad Publ., 133–142. (In Russian).

Khodzhajov, T. K. (1977). Antropologicheskij sostav naseleniya ehpokhi bronzy Sapallitepa (Anthropological composition of the Bronze Age population of Sapalitepa). Tashkent: Fan Publ., 111. (In Russian).

CARIES PALEOPATHOLOGY IN THE ANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF THE SONGAK AND TASHBULAK MONUMENTS

© 2025. Rashidov Niyoz[1,2], Bullion Elissa[3], Murodaliyev Rakhmonali[4], Frachetti Michael[5], Maksudov Farhod[4]

[1]Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov
[2]Silk Road International University of Tourism and Cultural Heritage
[3]Legislative Commission on Indian Services, USA
[4]National Archaeological Center of the Academy of Sciences of Uzbekistan
[5]Washington University in St. Louis, USA

Key words: Songak, Tashbulak, dental diseases, paleopathology, caries, sedentary lifestyle, nomadism

This article examines the spread of dental caries and its paleopathological significance based on human skeletal remains found at the Songak and Tashbulak archaeological sites in Uzbekistan. The study is related to the analysis of dental diseases, particularly caries, which is one of the most widespread conditions among human populations.

Anthropological materials obtained from the Songak and Tashbulak sites, compared with other archaeological excavations in Uzbekistan, help to determine the lifestyles and dietary habits of ancient communities. The spread of dental diseases, especially caries, reflects social and ecological factors that influence food sources, hygiene, and lifestyle. The study found differences in the prevalence of caries between the two communities: caries was much more common in Toshbulak than in Songak. Sex differences were also noted, with women showing a higher prevalence of caries than men.

The article makes a significant contribution to refining scientific hypotheses about the social and economic structures of ancient societies through the study of dental diseases. The spread of caries is shown to be primarily linked to agricultural and pastoral activities, as well as changes in dietary habits. Paleopathological studies conducted at the Songak and Tashbulak sites, particularly the analysis of caries, provide valuable information about the economic activities of ancient populations. In this context, it is suggested that the Songak population predominantly practiced pastoralism and a nomadic lifestyle, while the ancient population of Tashbulak may have been transitioning to a settled lifestyle.

ОБ РЕНТГЕНОФЛУОРЕСЦЕНТНОМ АНАЛИЗЕ ФРАГМЕНТОВ РОСПИСИ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОЙ БАНИ, НАЙДЕННОЙ В САМАРКАНДЕ

© 2025. [1]Реутова Марина Аркадьевна, [1]Саидов Муминхон Мунир угли, [2]Шаронов Иосиф Алексеевич, [1]Авазгелдиев Бекзод Панжиевич
[1]Самаркандский институт археологии имени Я. Гулямова
[2]Самаркандский Государственный Университет имени Ш. Рашидова

Ключевые слова: настенная живопись, средневековые бани, рентгенофлуоресцентный анализ, элементный состав, химические элементы, минералы, минеральные краски, штукатурка, Центральная Азия, Самарканд.

Работа посвящена исследованию минеральных красок древней настенной живописи из останков средневековой бани, найденной на территории махалли «Имом Восе» в Самарканде (Узбекистан). Обследовано 8 разных образцов с росписями, выполненными бордовой, красной, желтой, белой и черной краской с различными их оттенками. Исследование проводилось методом энергодисперсионного рентгено-флуоресцентного анализа, позволившим определить элементный состав красок, использованных древними мастерами. Определено, что бордовая, красная, желтая краски были изготовлены из железосодержащих природных минералов, вероятнее всего охры. Белая краска разных оттенков была изготовлена на основе карбоната кальция (кальцит) и сульфата кальция (гипс разных модификаций). Для определения элементного состава образцов был использован портативный энергодисперсионный рентгенофлуоресцентный спектрометр Vanta Element-S с аналитическим приложением «Геохимия», позволяющим определять содержание химических элементов ^{24}Mg, ^{27}Al, ^{28}Si, ^{31}P, ^{32}S, ^{35}Cl, ^{40}Ca, ^{48}Ti, ^{51}V, ^{52}Cr, ^{55}Mn, ^{56}Fe, ^{59}Ni, ^{59}Co, ^{64}Cu, ^{65}Zn, ^{75}As, ^{79}Se, ^{85}Rb, ^{88}Sr, ^{89}Y, ^{91}Zr, ^{93}Nb, ^{96}Mo, ^{108}Ag, ^{112}Cd, ^{119}Sn, ^{122}Sb, ^{137}Ba, ^{139}La, ^{140}Ce, ^{141}Pr, ^{144}Nd, ^{184}W, ^{207}Pb, ^{197}Au.

SAMARQANDDA TOPILGAN O‘RTA ASR HAMMOMINI BEZASHDA ISHLATILGAN DEVORIY SURAT PARCHALARINI RENTGENOFLUORESSENT TAHLILI TO‘G‘RISIDA

© 2025. [1]Reutova Marina Arkadevna, [1]Saidov Muminxon Munir o‘g‘li, [2]Sharonov Iosif Alekseevich, [1]Avazgeldiyev Bekzod Panjiyevich
[1]Y. G‘ulomov nomidagi Samarkand Arxeologiya Instituti
[2]Sh. Rashidov nomidagi Samarkand Davlat Universiteti

Kalit so‘zlar: Devoriy surat, o‘rta asr hammomlari, rentgenofluoressent tahlili, elementlar tarkibi, kimyoviy elementlar, minerallar, mineral bo‘yoqlar, suvoq, O‘rta Osiyo, Samarqand.

Maqola Samarqand shahridagi (O‘zbekiston) “Imom Vose” mahallasi hududidan topilgan o‘rta asrlarga oid hammom qoldiqlaridagi devor suratlarining mineral bo‘yoqlarini o‘rganishga bag‘ishlangan. Ushbu devoriy suratda jigarrang, qizil, sariq, oq va qora bo‘yoqlar bilan chizilgan turli rasmlardan iborat sakkiz xil namuna ko‘rib chiqildi. Tadqiqot energiya-dispersiv rentgenofluoressent tahlil usuli bilan amalga oshirildi va bu qadimgi ustalar tomonidan ishlatiladigan bo‘yoqlarning elementar tarkibini aniqlash imkonini beradi. Jigarrang, qizil va sariq rangli bo‘yoqlar tarkibida temirni o‘z ichiga olgan tabiiy minerallarda katta ehtimol bilan oxradan tayyorlanganligi borasida xulosalar qilindi. Turli xil intensivlikka ega oq bo‘yoq kaltsiy karbonat (kaltsit) va kaltsiy sulfat (turli modifikatsiyadagi gips) asosida yaratilgan. Namunalarning element tarkibini aniqlash uchun «Geoximiya» ” номли nomli analitik ilovasiga ega bo›lgan **Vanta Element-S** turdagi kochma eneriya tarqatuvchi rentgen-fluorestsent spektrometridan foydalanildi.U mazkur tahlilda 24Mg, ^{27}Al, ^{28}Si, ^{31}P, ^{32}S, ^{35}Cl,

^{40}Ca, ^{48}Ti, ^{51}V, ^{52}Cr, ^{55}Mn, ^{56}Fe, ^{59}Ni, ^{59}Co, ^{64}Cu, ^{65}Zn, ^{75}As, ^{79}Se, ^{85}Rb, ^{88}Sr, ^{89}Y, ^{91}Zr, ^{93}Nb, ^{96}Mo, ^{108}Ag, ^{112}Cd, ^{119}Sn, ^{122}Sb, ^{137}Ba, ^{139}La, ^{140}Ce, ^{141}Pr, ^{144}Nd, ^{184}W, ^{207}Pb, ^{197}Au.
va boshqa kimyoviy elementlarning miqdorini aniqlash imkonini beradi.

Введение. В науке начало XXI века ознаменовано тем, что одним из наиболее значимых показателей эффективности и принципиальной новизны научных исследований стала считаться их междисциплинарность. В первую очередь это коснулось археологии, занимающей в сфере гуманитарных наук особое место. Отличие археологии от классической истории в том, что археологи имеют дело с материальными объектами – архитектурные сооружения, керамика, металл, стекло, скульптура, живопись и другие артефакты. Большая часть таких артефактов обычно классифицируется визуально по типологическим и макроскопическим признакам. Классификация по этим признакам может помочь во многих случаях, но выводы, которые археологи могут сделать, будут ограничены. Для более точной расшифровки артефактов, например, типа материала, из которой были сделаны изделия, технологии изготовления изделий и др., следует полагаться также на исследовательские методы естественных и технических наук. Это, например, различные естественно-научные методы анализа (элементный, химический, структурный, минералогический и др.).

Из популярных среди археологов физических методов анализа следует упомянуть рентгенофлуоресцентный анализ (РФА, XRF), рентгеноструктурный анализ (рентгено-дифракционный анализ, РСА, XRD), рамановскую и инфракрасную спектроскопию, сканирующую электронную микроскопию – энергодисперсионную рентгеновскую спектроскопию (СЭМ-ЭДС, SEM-EDS), оптическую микроскопию и др. Исследованию такими методами разнообразных археологических артефактов посвящено множество научных публикаций, например (Tite 1972; Villar et al. 2006; Agnoli et al. 2007; Осипова 2012; Avlonitou 2016; Janssens et al., 2016; Kumar, 2017; Юдина и др. 2017; Мокрушин и др. 2020; Cerrato et al. 2021; Лобода и др. 2021; Young et al. 2023; Ioana Maria Cortea et al 2024).

Учитывая историческую ценность уникальных археологических артефактов их исследование нужно проводить неразрушающими методами анализа. Таким, наиболее популярным среди археологов, является рентгенофлуоресцентный анализ (РФА), который позволяет проводить анализ веществ с высокой точностью без разрушения исследуемых объектов не только в аналитических лабораториях, но и в условиях in situ.

Одними из важных и интересных объектов культурного наследия является настенная живопись. Исследованные нами образцы с настенной живописью были найдены в останках одной из общественных бань в Самарканде. Поэтому мы сочли интересным сказать несколько слов об общественных банях Средней Азии.

Точное время возникновения общественных бань в Средней Азии неизвестно. Но результаты археологических раскопок показывают, что общественные бани в городах Средней Азии появились не ранее VIII века. Интенсивное строительство бань, как показывают раскопки (в частности на Афрасиабе), началось в начале IX века. Причиной этого считается распространение ислама и культурных связей с западными областями Халифата, где были живы традиции эллинизма и бани были важной частью городского быта (Беленицкий и др 1973: 307). Многочисленные бани были обнаружены при археологических раскопках многих древних памятников Средней Азии – Афрасиаб, Ахсикет, Ниса, Отрар, Тараз и др.

Большой комплекс бань, занимающих целый квартал и датируемых IX-X вв., был обнаружен при раскопках северо-западной части Афрасиаба (Шишкина 1973: 140). Шишкина Г.В. указывает, многие помещения бань были украшены яркой настенной живописью, орнаментальными панелями, резными ганчевыми панно. К сожалению, в фондах Самар-

кандского института археологии ни краткого описания мотивов живописи, ни самих фрагментов росписи не было обнаружено.

Наиболее ранние бани в рабаде Самарканда были найдены к юго-западу от Афрасиаба. При раскопках, проводимых здесь в 1981-1983 гг. были обнаружены остатки бани X – начала XI вв., что датируется найденной керамикой и караханидским фельсом *(разменная мелкая медная арабская средневековая монета).* В завалах было найдено несколько фрагментов ганча, покрытого красной и голубой краской. Возможно, что некоторые из залов бани были покрыты росписью, что находит аналогию в восточных банях этого времени (Бурякова 1986: 165).

Об остатках живописи на стенах помещений бани упоминается в работах исследователей Ахсикента (Анарбаев, Ахраров 1991: 174). При раскопках на территории восточного рабада городища был вскрыт банный комплекс, который датируется началом XI в. Все стены помывочного помещения на высоте 0,75-0,95 м от пола были покрыты кыровой обмазкой, а выше оштукатурены ганчем. На восточной и северной стенах сохранилось 20-22 слоя кыровой штукатурки со следами синей и красно-коричневой краски. На восточной стене, на поверхности алебастровой штукатурки были обнаружены остатки надписи, выполненной арабским шрифтом, а также геометрические рисунки, сделанные черной и красной краской.

Похожая ситуация наблюдалась в банном комплексе Рабат-и Малик, функционировавшем в XII – XVII веках (Немцева, Сапаров 2002: 246). Находки в завалах цветных ганчевых многослойных штукатурок показывали, что стены моечных комнат были оштукатурены кыровой обмазкой, покрыты полихромными росписями, сделаными по ганчу красной, черной и желтой краской.

Банные комплексы в древнем городе Таразе также были украшены полихромной живописью, нанесенной на штукатурку водостойкими красками в основном красного, желтого, черного цвета (Байпаков и др. 2013). На фрагментах штукатурки, упавшей с потолка, обнаружены росписи в виде растительных сюжетов (вытянутые листья и стебли). Здесь преобладали голубые, синие и оранжевые цвета.

Особенностью декора общественных бань было полное отсутствие изображений живых существ. Все обнаруженные до настоящего времени остатки настенных росписей имели орнаментальный характер (геометрические фигуры, волнистые и зигзагообразные линии и пр.).

Метод испытаний. Для проведения исследований был выбран неразрушающий метод энергодисперсионного рентгенофлуоресцентного анализа (РФА). Метод РФА основан на том, что при воздействии рентгеновского излучения на вещество возникает вторичное излучение, в спектре которого появляются линии, соответствующие различным длинам волн (энергиям). Это связано с тем, что при рентгеновском облучении вещества происходит ионизация атомов, входящих в состав вещества, заключающаяся в выбивании электрона с ближайщей к атомному ядру электронной оболочки (энергетический уровень с самой низкой энергией, К-орбиталь в модели атома Бора). Образовавшаяся вакансия немедленно заполняется электроном с более высоких уровней (L-, M- и т.д. орбитали). Переходы электронов на более низкие энергетические уровни сопровождаются излучением, энергия которого зависит от энергий соответствующих атомных орбиталей, которые, в свою очередь, зависят от атомного номера химического элемента.

Энергии излучения, сопровождающего такие электронные переходы, индивидуальны для каждого химического элемента и образуют характеристический линейчатый энергетический спектр, состоящий из набора K-, L-, M-линий. Следует отметить, что каждый химический

элемент даёт свой индивидуальный спектр независимо от того, возбуждается атом этого элемента в свободном состоянии или в составе химического соединения.

В случае облучения вещества, имеющего сложный состав, флуоресцентное характеристическое излучение будет представлять собой излучение со спектром, в котором будут присутствовать линии от элементов, присутствующих в исследуемом веществе. В составе программного обеспечения любого современного РФА-спектрометра имеется библиотека спектральных данных, в которой есть информация об энергиях характеристических спектральных линий химических элементов. Программное обеспечение спектрометра сравнивает энергии спектральных пиков в измеренном спектре с характеристическими спектральными линиями химических элементов из этой библиотеки. При совпадении пиков излучения с библиотечными данными можно говорить о том, что в исследуемом веществе есть атомы того или иного элемента. Это есть основа качественного элементного анализа. Измерение также интенсивности спектральных линий даёт возможность определить и количественное содержание химического элемента в исследуемом образце.

Основными достоинствами метода РФА по сравнению с другими методами определения элементного состава веществ являются.

1. Однозначность и простота интерпретации характеристического рентгеновского спектра.
2. Возможность анализировать уникальные пробы, например, предметы искусства, предметы материального культурного наследия и др. без их разрушения.

Основы рентгенофлуоресцентного анализа, применение его приложений в археологии, анализе объектов окружающей среды и др. подробно описаны в технических документах Международной Комиссии по атомной энергии (МАГАТЭ), руководствах по РФА, научных статьях и др., например (Tite 1972; TECDOC-1456 2005; Handbook of X-ray spectrometry 1993; Handbook of Practical X-Ray Fluorescence Analysis 2006; Zschornack 2007; Ron Jenkin 2000).

Для элементного анализа образцов настенной живописи нами использовался ручной РФА-спектрометр Vanta Element-S. Надо заметить, что ручные РФА-спектрометры подобного класса изначально предназначались для использования в различных отраслях промышленности (геологическая разведка, металлургия и др.) и в экологическом мониторинге. Однако, несмотря на определенные недостатки ручных спектрометров (проблема с определением легких элементов), они скоро стали широко и успешно использоваться археологами. Это связано с тем, что при изучении археологических артефактов очень важна возможность использования неразрушающего метода анализа не только в лабораторных условиях, но и в условиях in situ. Использованная нами модель спектрометра (Vanta Element-S) имеет следующие основные характеристики:

- источник возбуждения - рентгеновская трубка с мощностью до 4 Вт с серебряным анодом и анодным напряжением до 50 кВ;
- детектор - кремниевый дрейфовый детектор (SDD) с энергетическим разрешением <135 эВ для спектральной линии Mn Kα (5.9 кэВ) и высокой скоростью счета импульсов 100 000 имп/сек.

В процессе измерения образцов был использован режим Geochem_3-Beam (аналитическое приложение «Геохимия», позволяющее определять содержание химических элементов ^{24}Mg, ^{27}Al, ^{28}Si, ^{31}P, ^{32}S, ^{35}Cl, ^{40}Ca, ^{48}Ti, ^{51}V, ^{52}Cr, ^{55}Mn, ^{56}Fe, ^{59}Ni, ^{59}Co, ^{64}Cu, ^{65}Zn, ^{75}As, ^{79}Se, ^{85}Rb, ^{88}Sr, ^{89}Y, ^{91}Zr, ^{93}Nb, ^{96}Mo, ^{108}Ag, ^{112}Cd, ^{119}Sn, ^{122}Sb, ^{137}Ba, ^{139}La, ^{140}Ce, ^{141}Pr, ^{144}Nd, ^{184}W, ^{207}Pb, ^{197}Au). Анализ образцов выполнялся последовательно без прерывания облучения образца в 3 этапа:

1) этап Beam 1, анодное напряжение 40 кВ, время облучения 60 с, определяемые элементы Ag, As, Au, Ba, Bi, Cd, Co, Cr, Cu, Fe, Hg, Mn, Mo, Nb, Ni, Pb, Rb, Sb, Se, Sn, Sr, Th, Ti, V, W, Y, Zn, Zr;

2) этап Beam 2, анодное напряжение 10 кВ, время облучения 30 с, определяемые элементы Al, Ca, Cl, Mg, Mn, P, S, Si, Ti;

3) этап Beam 3, анодное напряжение 50 кВ, время облучения 20 с, определяемые элементы Ag, Ba, Cd, Ce, La, Nd, Pr, Sb, Sn.

Объекты исследования. Материалы. При проведении археологических исследований на территории махалли «Имом Восе», расположенной в г. Самарканде между средневековыми памятниками «Биби-ханым» и «Шахи-Зинда», в шурфе № 1 на глубине 8,5 м от поверхности земли (так называемой «дневной поверхности») были найдены фрагменты многослойных штукатурок[1]. Особенностью этих штукатурок является то, что многие из них были изготовлены с использованием кырового раствора. Кыр, изготавливаемый из извести, камышовой золы и виноградной патоки, широко применялся древними среднеазиатскими мастерами для водоустойчивой штукатурки, которой покрывали поверхность, соприкасающуюся с водой – стены водохранилищ, бань и др. Кыровая штукатурка позволила говорить о том, что на месте раскопа, называемом далее раскопом «Имом Восе», находилась баня. Многочисленные слои кыровых обмазок (до 12 слоев) свидетельствуют о многочисленных ремонтных работах и, соответственно, о долговременной эксплуатации этой бани. Фрагменты керамики и монета, найденные в раскопе допускают датировку бани эпохой караханидов (XII в.). В течение прошедших веков, эта баня была разрушена, так как фрагменты обмазок сильно разбиты и довольно маленькие по размеру.

Для исследования элементного состава методом РФА красок, использованных для декора бани, была выбрана небольшая часть найденных фрагментов с полихромной живописью (таблица 1, рисунки 1 и 2). Живопись имела орнаментально-геометрический характер. Использовался ограниченный набор минеральных пигментов, из которых готовились красная, черная, желтая и белая краски. Определить какой-то мотив орнамента росписи было очень трудно из-за фрагментарности найденных кусков. Все элементы живописи выполнены крупными мазками и почти нет утонченных линий. Не прослеживается первоначальный рисунок, который мог бы быть выполнен контурными линиями, как это встречается в живописи раннего средневековья.

Говоря о материалах, используемых древними художниками Центральной Азии для настенной живописи, следует кратко сказать о природных минеральных пигментах, из которых могли быть сделаны краски, нанесенные на фрагменты живописи из раскопа «Имом Восе». Для получения бордовых, красных, розовых, желтых красок могли использоваться следующие минералы:

1. Охра. Природный минерал. Красящий компонент - FeO(OH) или $Fe_2O_3 \cdot H_2O$. По цвету охры разделяют на светло-желтые (содержание Fe_2O_3 12-20% по массе), средние (2245%), темные и золотистые (45-80%). Кроме алюмосиликатов в охрах могут содержаться примеси SiO_2 (до 20%) и CaO+MgO (до 2%). При прокаливании жёлтые и оранжевые охры превращаются в безводную окись железа красного цвета (Fe_2O_3, железный сурик). При нагревании охры можно получить практически всю гамму оттенков от жёлтого и оранжевого до красно-бурого. Охра является одним из самых распространенных пигментов.

2. Гематит - Fe_2O_3. Широко распространённый минерал железа (руда). По характерному красному цвету также называют «железным суриком». В зависимости от вида и

[1] Раскопки проводились при финансовой поддержки Фонда развития культуры и искусства при Кабинете Министров Республики Узбекистан.

Таблица 1. Исследованные фрагменты живописи из раскопа «Имом Восе» (баня).
1-jadval. “Imom Vose” (hammom) qazishdan olingan devoriy surat parchalari.
Table 1. Examined fragments of paintings from the Imom Vose excavation (bathhouse).

Образец	Точки облучения	Облучаемый объект
Фрагмент Б1	Б1-1	Бордовая краска
	Б1-2	Бордовая краска
	Б1-3	Светло-красная краска
	Б1-4	Серая краска
	Б1-5	Черная краска
Фрагмент Б2	Б2-1	Подложка (гипс / ганч)
	Б2-2	Белая краска
	Б2-3	Черная краска в виде полосы на белой краске
Фрагмент Б3	Б3-1	Бордовая краска, второй слой краски
	Б3-2	Черная краска на желтой краске, верхний (первый) слой краски
	Б3-3	Подложка верхнего слоя краски (гипс / ганч)
	Б3-4	Подложка третьего слоя краски (гипс / ганч)
Фрагмент Б4	Б4-1	Желтая краска, верхний (первый) слой краски
	Б4-2	Бордовая краска, второй слой краски
	Б4-3	Подложка второго слоя краски (гипс / ганч)
	Б4-4	Черная краска на красной и желтой краске (верхний (первый) слой
Фрагмент Б5	Б5-1	Желтая краска, верхний (первый) слой краски
	Б5-2	Светло-красная краска, второй слой краски
	Б5-3	Черная краска, верхний (первый) слой краски
	Б5-4	Штукатурка серо-белая, третий слой (основа)
Фрагмент Б6	Б6-1	Красная краска
	Б6-2	Красная краска
	Б6-3	Желтая краска
Фрагмент Б7	Б7-1	Красная краска
	Б7-2	Белая краска
	Б7-3	Белая краска, загрязненная
	Б7-4	Черная краска в виде полосы на белой краске
Фрагмент Б8	Б8-1	Красная краска, второй слой краски
	Б8-2	Красная краска, второй слой краски
	Б8-3	Белая краска, второй слой краски
	Б8-4	Белая краска, второй слой краски
	Б8-5	Подложка первого слоя краски, скрытой под слоем земли
	Б8-6	Белая краска, третий слой краски

количества содержащихся в них оксидов железа цвет варьируется от желтого до красного и коричневого цветов.

3. Магнетит - $FeO \cdot Fe_2O_3$. **Ш**ироко распространённый минерал железа (руда). В зависимости от вида и количества содержащихся в них оксидов железа цвет варьируется от желтого до красного и коричневого цветов.

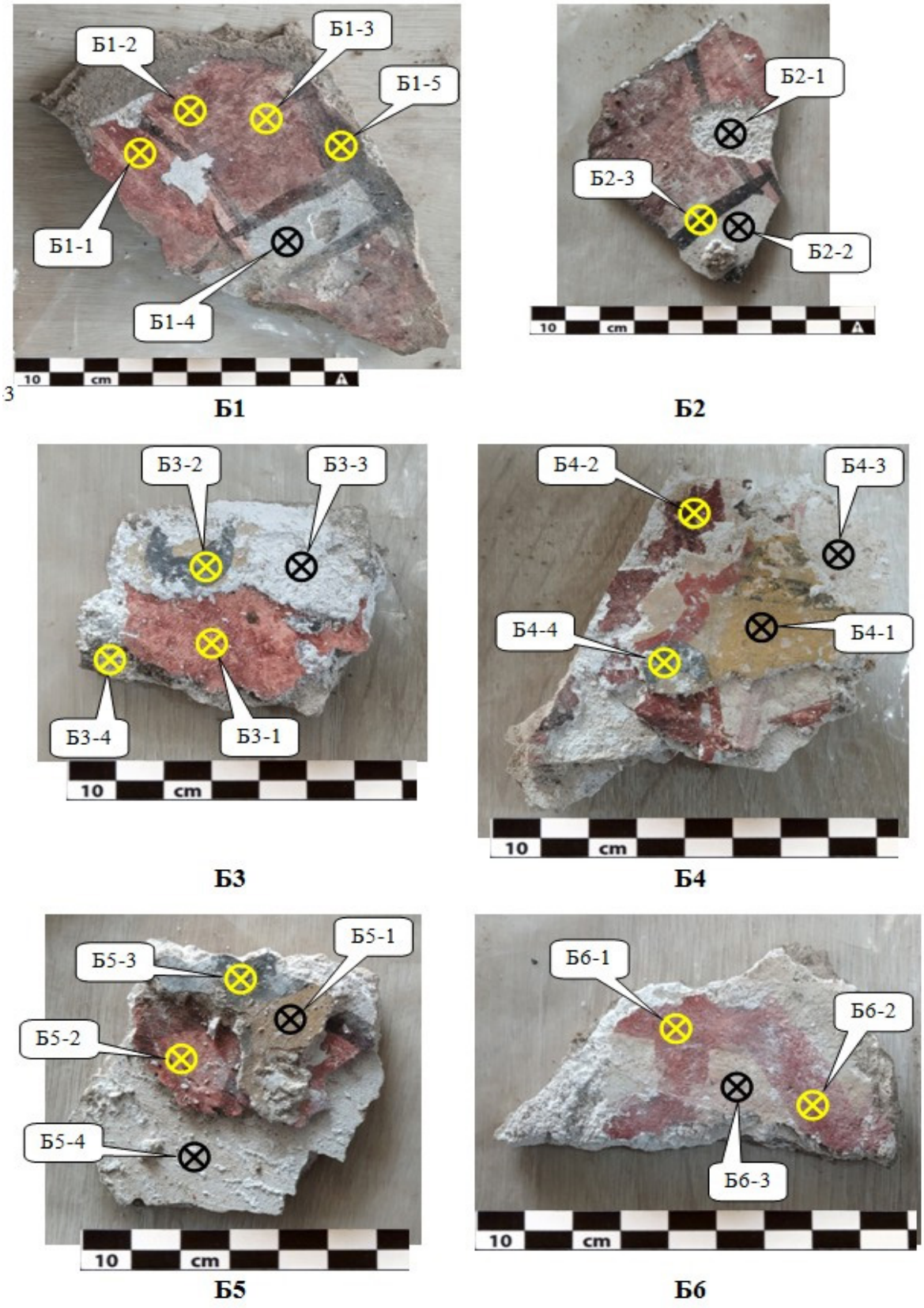

Рис. 1. Фотографии фрагментов Б1-Б6 из раскопа «Имом Восе» (баня)
1-rasm. B1-B6 parchalarining fotosuratlari “Imom Vose” (hammom)
Fig. 1. Photographs of fragments B1-B6 from the excavation “Imom Vose” (bathhouse)

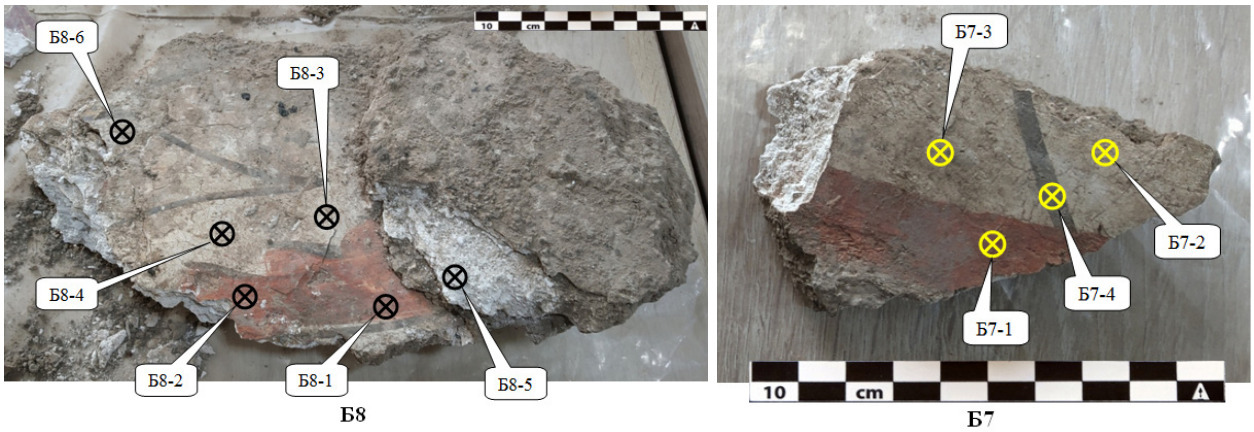

Рис. 2. Фотографии фрагментов Б7 и Б8 из раскопа «Имом Восе» (баня)
2-rasm. Б7 va Б8 parchalarining fotosuratlari “Imom Vose” (hammom)
Fig. 2. Photographs of fragments Б7 and Б6 from the excavation “Imom Vose” (bathhouse)

Табл. 2. Элементный состав красок бордового, красного и желтого цвета.
2-Jadval. Jigarrang, qizil va sariq ranglarning elementar tarkibi.
Table 2. Elemental composition of burgundy, red and yellow paints.

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б1-1	Б1-2	Б1-3	Б3-1	Б4-1
	бордовый	бордовый	светло-красный	бордовый	желтый
Al	10500 ± 1400	7900 ± 1300	4300 ± 1200	6500 ± 1400	12000 ± 1400
As	244 ± 55	71 ± 41	50 ± 43	81 ± 19	-
Ba	-	-	150 ± 120	-	150 ± 110
Ca	352800 ± 2500	392200 ± 2500	426100 ± 2600	322400 ± 2300	338400 ± 2300
Cl	330 ± 130	610 ± 120	-	150800 ± 1500	49860 ± 580
Cr	101 ± 94	104 ± 92	-	100 ± 99	-
Cu	61 ± 18	62 ± 17	45 ± 16	48 ± 19	84 ± 19
Fe	16040 ± 360	10470 ± 280	5840 ± 210	15090 ± 370	13950 ± 320
Hg	-	-	-	-	-
Mn	348 ± 78	256 ± 71	222 ± 68	335 ± 85	637 ± 91
Mo	-	-	-	-	-
Nb	8 ± 5	-	-	-	5 ± 5
Ni	27 ± 18	26 ± 18	36 ± 19	46 ± 22	32 ± 18
P	440 ± 160	550 ± 150	360 ± 150		730 ± 150
Pb	4135 ± 80	2399 ± 55	2613 ± 58	332 ± 21	3267 ± 65
Rb	5 ± 4	3 ± 3	-	5 ± 3	8 ± 4
S	18180 ± 290	8970 ± 180	15170 ± 240	2880 ± 120	20980 ± 300
Si	30140 ± 720	24820 ± 630	14060 ± 470	16720 ± 560	32070 ± 720
Sn	-	-	-	49 ± 39	-
Sr	970 ± 20	878 ± 18	740 ± 16	412 ± 12	1436 ± 24
Ti	1060 ± 490	930 ± 460	-	760 ± 510	1520 ± 490
W	48 ± 46	-	-	81 ± 38	42 ± 41
Zn	36 ± 14	24 ± 12	27 ± 12	20 ± 13	39 ± 13
Zr	17 ± 8	17 ± 7	11 ± 7	10 ± 6	8 ± 8

Табл. 3. Элементный состав красок бордового, красного и желтого цвета (продолжение 1).
3-Jadval. Jigarrang, qizil va sariq ranglarning elementar tarkibi (davomi 1).
Table 3. Elemental composition of burgundy, red and yellow paints (continued 1).

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б4-2	Б5-1	Б5-2	Б6-1	Б6-2
	бордовый	желтый	светло-красный	красный	красный
Al	5000 ± 1300	2000 ± 1100	6400 ± 1500	11600 ± 1400	15000 ± 1300
As	159 ± 45	43 ± 10	69 ± 16	118 ± 23	210 ± 37
Ba	-	-	-	210 ± 120	470 ± 130
Ca	333300 ± 2200	311200 ± 1900	368200 ± 2700	332600 ± 2200	345100 ± 2200
Cl	169900 ± 1500	196100 ± 1500	83580 ± 990	54480 ± 620	26260 ± 340
Cr	-	87 ± 87	100 ± 99	121 ± 95	127 ± 90
Cu	64 ± 18	65 ± 16	61 ± 20	63 ± 17	90 ± 18
Fe	11290 ± 300	6370 ± 200	11780 ± 340	13200 ± 310	16610 ± 340
Hg	-	-	22 ± 17	17 ± 13	-
Mn	399 ± 84	281 ± 68	630 ± 110	513 ± 86	478 ± 80
Mo	-	-	-	6 ± 6	7 ± 6
Nb	6 ± 5	-	6 ± 6	-	8 ± 5
Ni	46 ± 20	28 ± 16	35 ± 22	41 ± 19	38 ± 18
P	280 ± 130	-	-	390 ± 150	460 ± 150
Pb	2627 ± 58	109 ± 11	194 ± 17	639 ± 26	1970 ± 46
Rb	5 ± 3	7 ± 3	3 ± 3	6 ± 3	16 ± 4
S	11670 ± 210	2138 ± 89	1400 ± 110	22540 ± 310	18210 ± 260
Si	12050 ± 490	5760 ± 330	20670 ± 620	37060 ± 750	48630 ± 830
Sn	-	-	-	-	39 ± 34
Sr	575 ± 14	1084 ± 18	630 ± 16	1597 ± 26	940 ± 18
Ti	670 ± 490	720 ± 440	1000 ± 540	1450 ± 540	1490 ± 480
W	44 ± 44	41 ± 31	50 ± 41	±	50 ± 36
Zn	41 ± 14	41 ± 12	34 ± 15	41 ± 13	46 ± 13
Zr	20 ± 7	21 ± 7	13 ± 7	15 ± 9	26 ± 7

4. Киноварь - HgS. Включает, как правило, небольшое количество примесей, таких, например, как селен Se, сурьма Sb, мышьяк As и теллур Te. С древности применялась в качестве красной краски.

5. Реальгар - AsS. Минерал класса сульфидов: сульфид мышьяка. Дает ярко-оранжевый минеральный пигмент

6. Аурипигмент - As_2S_3. Минерал класса сульфидов: сульфид мышьяка. Дает желтую минеральную краску.

7. Миниум, «свинцовый сурик» - Pb_3O_4. Природная минеральная форма оксида свинца. Дает красную и красно-оранжевую минеральную краску.

8. Литаргит – PbO. Природная минеральная форма оксида свинца. Дает красную и красно-оранжевую минеральную краску.

Для получения белых и серых красок могли использоваться следующие минералы:

1. Кальцит – карбонат кальция, $CaCO_3$. Известен как известковый шпат. Одна из природных форм карбоната кальция (известняк, мел, мергель). В этом минерале встречаются

Табл. 4. Элементный состав красок бордового, красного и желтого цвета (продолжение 2).
4-Jadval. Jigarrang, qizil va sariq ranglarning elementar tarkibi (davomi 2).
Table 4. Elemental composition of burgundy, red and yellow paints (continued 2).

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б6-3	**Б7-1**	Б8-1	Б8-2
	желтый	**красный**	красный	красный
Al	9900 ± 1400	24200 ± 1600	15600 ± 1400	22200 ± 1600
As	124 ± 35	23 ± 8	-	18 ± 7
Ba	360 ± 120	93 ± 88	-	-
Ca	377700 ± 2500	260800 ± 2000	291300 ± 2000	270500 ± 2000
Cl	15240 ± 250	15060 ± 270	-	-
Cr	-	97 ± 91	89 ± 84	100 ± 90
Cu	83 ± 19	104 ± 19	72 ± 17	47 ± 16
Fe	6230 ± 220	12200 ± 290	10430 ± 260	9770 ± 260
Hg	-	14 ± 12	16 ± 12	20 ± 12
Mn	539 ± 89	513 ± 83	355 ± 72	752 ± 95
Mo	7 ± 6	-	-	-
Nb	5 ± 5	7 ± 5	-	-
Ni	48 ± 20	54 ± 19	50 ± 18	44 ± 18
P	450 ± 150	1650 ± 180	630 ± 150	340 ± 160
Pb	1632 ± 44	47 ± 9	106 ± 11	37 ± 8
Rb	9 ± 4	9 ± 3	10 ± 3	8 ± 3
S	8220 ± 170	1530 ± 130	39010 ± 470	23940 ± 350
Si	34860 ± 750	82100 ± 1200	53860 ± 920	68800 ± 1100
Sn	-	-	39 ± 34	41 ± 35
Sr	1479 ± 26	1055 ± 19	314 ± 9	543 ± 13
Ti	1240 ± 520	2190 ± 520	1870 ± 490	2280 ± 520
W	45 ± 38	39 ± 31	31 ± 30	-
Zn	47 ± 14	57 ± 13	52 ± 12	42 ± 12
Zr	16 ± 9	20 ± 7	28 ± 5	17 ± 6

примеси магния Mg, железа Fe, марганца Mn, цинка Zn, стронция Sr, никеля Ni, бария Ba, кобальта Co.

2. Гипс - сульфат кальция, $CaSO_4$.

3. Гидроцеруссит - $Pb_3(CO_3)_2(OH)_2$. Редкий вторичный минерал в окисленных частях месторождений свинца.

4. Церуссит - карбонат свинца, $PbCO_3$. Известен как свинцовые белила. В этом минерале встречаются примеси серебра Ag, кальция Ca, цинка Zn, стронция Sr, магния Mg.

Для получения черных красок могли использоваться уголь, магнетит, жженая кость, сажа.

Информацию о минеральных пигментах, применяемых для изготовления минеральных красок для живописи можно найти в различной литературе, посвященной древней живописи, например (Косолапов, Маршак 1999; Bayerova 2016; Ioana Maria Cortea et al 2024; Historical Painting Techniques, Materials… 1995; Слетов).

Табл. 5. Элементный состав подложек из гипса / ганча.
5-Jadval. Gips va ganch asoslarining elementar tarkibi.
Table 5. Elemental composition of gypsum / ganch substrates.

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б2-1	**Б3-3**	**Б3-4**	**Б4-3**
Al	4700 ± 1400	3200 ± 1200	6200 ± 1300	2900 ± 1300
As	620 ± 140	28 ± 9	31 ± 8	245 ± 47
Au	-	14 ± 10	11 ± 9	-
Ba	-	120 ± 110	-	110 ± 110
Ca	314100 ± 2800	390700 ±2500	306200 ±2200	387100 ±2500
Cl	21050 ± 380	27850 ± 370	48150 ± 580	68450 ± 780
Cr	99 ± 95	98 ± 92	103 ± 93	-
Cu	103 ± 21	73 ± 18	63 ± 17	69 ± 19
Fe	6650 ± 230	4190 ± 170	5810 ± 200	3030 ± 160
Hg	-	-	-	18 ± 17
Mn	730 ± 100	492 ± 85	1490 ± 130	266 ± 76
Mo	10 ± 8	7 ± 6	-	-
Nb	27 ± 7	6 ± 5	-	6 ± 5
Ni	46 ± 22	33 ± 18	58 ± 20	41 ± 20
P	560 ± 160	-	400 ± 150	240 ± 140
Pb	26020 ± 390	58 ± 10	33 ± 8	2682 ± 61
Rb	-	5 ± 3	3 ± 3	4 ± 3
S	3700 ± 140	451 ± 78	1040 ± 100	19150 ± 280
Si	21990 ± 690	16680 ± 510	25170 ± 660	10930 ± 470
Sn	-	45 ± 35	-	42 ± 38
Sr	942 ± 23	1965 ± 31	711 ± 15	752 ± 17
Th	-	-	-	24 ± 17
Ti	1060 ± 460	790 ± 450	750 ± 460	850 ± 490
W	-	-	-	59 ± 45
Y	-	-	-	-
Zn	58 ± 19	45 ± 13	44 ± 12	30 ± 14
Zr	-	-	17 ± 7	18 ± 7

Говоря о штукатурках под настенную живопись, следует отметить некоторую разницу между химическим составом гипса, ганча и кыра. Гипс - это сульфат кальция $CaSO_4$. Ганч - смесь гипса (30%-60% двуводного сульфата кальция $CaSO_4 \cdot 2H_2O$) и 40%-70% мелких частиц глины, часто с примесями кварца (диоксид кремния SiO_2), кальцита (карбонат кальция $CaCO_3$) и лёсса. Используемый для водостойкой штукатурки кыр, изготавливается из извести, камышовой золы и виноградной патоки. Известь - $CaCO_3$. Материал, получаемый путём обжига карбонатных горных пород (известняк, мел), Известь почти полностью состоит из оксидов кальция CaO и магния MgO с преимущественным содержанием CaO. Древесная зола - это остатки, образующиеся после полного сгорания древесины. Кроме углерода может содержать CaO (до 30%), примеси калия K, магния Mg, бора B, марганца Mn, цинка Zn, меди Cu, железа Fe, фосфора P. Наличие таких примесей при использовании элементного анализа, имеющего высокую чувствительность и большой диапазон определяемых хи-

Табл. 6. Элементный состав подложек из гипса / ганча (продолжение).
6-Jadval. Gips va ganch asoslarining elementar tarkibi (davomi).
Table 6. Elemental composition of gypsum / ganch substrates (continued).

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б5-4	**Б8-5**	**Б8-6**
Al	2700 ± 1300	5700 ± 1700	16900 ± 1500
As	22 ± 8	33 ± 29	25 ± 15
Au	-	-	-
Ba	-	-	-
Ca	391600 ±2700	274800 ±6400	317700 ±2300
Cl	-	640 ± 160	-
Cr	150 ± 100	-	125 ± 95
Cu	36 ± 16	54 ± 20	122 ± 21
Fe	2110 ± 130	10710 ± 430	12020 ± 300
Hg	13 ± 12	-	13 ± 13
Mn	590 ± 96	870 ± 120	623 ± 92
Mo	-	-	-
Nb	-	7 ± 6	-
Ni	50 ± 21	50 ± 23	45 ± 19
P	-	-	610 ± 170
Pb	22 ± 8	912 ± 43	255 ± 17
Rb	-	11 ± 4	12 ± 3
S	1919 ± 100	3540 ± 180	25120 ± 360
Si	13670 ± 500	34800 ± 1300	57710 ± 1000
Sn	-	-	-
Sr	791 ± 18	185 ± 10	1016 ± 20
Th	-	21 ± 17	-
Ti	670 ± 470	1230 ± 560	1990 ± 530
W	47 ± 35	58 ± 43	33 ± 32
Y	-	8 ± 6	4 ± 4
Zn	23 ± 12	49 ± 16	77 ± 15
Zr	7 ± 7	36 ± 7	23 ± 8

мических элементов, может приводить к разному выявленному элементному составу гипса, ганча и кыра.

Результаты. Результаты исследования образцов Б1-Б8 методом РФА приведены в таблицах 2-9, в которых показан элементный состав красок, определенный в контрольных точках. Под контрольными точками облучения подразумевается область на поверхности образца, диаметром около 10 мм, что связано с апертурой рентгеновских лучей, исходящих из рентгеновской трубки спектрометра на образец. Информация в таблицах представлена в группировке по цветам: состав красок бордового, красного и желтого цвета показан в табл. 2-4; гипсовых/ганчевых подложек – в табл. 5 и 6; белой краски – в табл. 7; черной краски – в табл. 8 и 9. В связи с тем, что многие выявленные химические элементы обнаружены в очень малых концентрациях (сотые и менее доли процента), все результаты приведены в единицах ppm. Эта единица измерения применяется для оценки малых концентраций

Табл. 7. Элементный состав белых красок.
7-Jadval. Oq bo’yoqlarning elementar tarkibi.
Table 7. Elemental composition of white paints.

	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
	Б2-2	**Б7-2**	**Б7-3**	**Б8-3**	**Б8-4**
Al	2600 ± 1100	7200 ± 1200	12900 ± 1400	11700 ± 1300	10200 ± 1300
As	-	19 ± 7	17 ± 7	-	16 ± 8
Au	-	9 ± 9	-	-	-
Ba	-	-	100 ± 100	-	-
Ca	389900 ± 2200	365000 ± 2200	341800 ± 2300	346700 ± 2200	243000 ± 1800
Cl	141500 ± 1200	31630 ± 390	-	-	157400 ± 1400
Cr	93 ± 91	102 ± 86	87 ± 86	-	88 ± 88
Cu	54 ± 16	108 ± 19	110 ± 19	55 ± 16	74 ± 18
Fe	1430 ± 100	4020 ± 160	5760 ± 200	7210 ± 220	9600 ± 260
Hg	-	16 ± 12	-	17 ± 12	14 ± 13
Mn	242 ± 69	362 ± 73	427 ± 79	432 ± 77	458 ± 82
Mo	-	-	-	-	-
Nb	-	-	-	5 ± 5	5 ± 5
Ni	25 ± 17	28 ± 16	40 ± 18	31 ± 17	45 ± 19
P	190 ± 120	1250 ± 150	1570 ± 170	320 ± 150	150 ± 130
Pb	3077 ± 61	33 ± 8	36 ± 8	248 ± 16	38 ± 8
Rb	-	4 ± 3	6 ± 3	10 ± 3	8 ± 3
S	3840 ± 110	2560 ± 120	6570 ± 170	27570 ± 360	19460 ± 280
Si	6420 ± 350	26640 ± 630	41040 ± 830	39600 ± 760	32780 ± 710
Sn	54 ± 34	-	-	39 ± 34	-
Sr	574 ± 13	748 ± 15	847 ± 17	670 ± 14	946 ± 18
Th	16 ± 15	13 ± 12	-	-	-
Ti	-	1110 ± 430	920 ± 460	1210 ± 440	1360 ± 490
W	-	29 ± 28	46 ± 31	32 ± 31	41 ± 32
Y	20 ± 7	-	-	6 ± 4	-
Zn	30 ± 12	58 ± 13	56 ± 13	47 ± 12	56 ± 13
Zr	13 ± 6	14 ± 6	13 ± 7	27 ± 6	26 ± 7

(1 ppm = 0,0001% = 10^{-6}). Для весовых концентраций 1 ppm соответствует концентрации 1 мг/кг.

Обсуждение. Результаты анализа красок бордового, красного и желтого цвета показали очень низкое содержание цветообразующих элементов ртути Hg и мышьяка As - Hg отсутствует или порядка 20 ppm=0.002%, As менее 244 ppm=0.024%. Содержание свинца Pb в образцах перечисленных красок от 37 ppm=0.004% (Б8-2) до 4135 ppm=0.4% (Б1-1). Содержание железа Fe от 5840 ppm=0.58% (Б1-3, светло-красная краска) до 16040-16610 ppm=1.60-1.66% (Б1-1, Б6-2, красная и бордовая краска). Это позволяет сказать, что при изготовлении красок бордового, красного и желтого цвета для живописи «Имом Восе» не использовались киноварь HgS, реальгар AsS, аурипигмент As_2S_3, миниум Pb_3O_4 и литаргит PbO.

Заметное содержание железа Fe предполагает использование пигментов на основе охры $Fe_2O_3 \cdot H_2O$, гематита Fe_2O_3 или магнетита $FeO \cdot Fe_2O_3$. Эти железосодержащие минералы пу-

Табл. 8. Элементный состав черных красок.
8-Jadval. Qora bo’yoqlarning elementar tarkibi.
Table 8. Elemental composition of black paints.

	Б1-4	Б1-5	Б2-3	Б3-2
	серо-черный	черный	черный на белом	черный на желтом
	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
Al	5000 ± 1200	8900 ± 1400	4800 ± 1200	2400 ± 1100
As	98 ± 41	-	-	30 ± 10
Ba	-	-	130 ± 110	-
Ca	397000 ± 2300	354600 ± 2400	399800 ± 2400	418200 ± 2400
Cl	116400 ± 1100	45150 ± 560	62160 ± 670	38720 ± 450
Co	-	-	-	-
Cr	94 ± 94	121 ± 98	-	-
Cu	51 ± 17	73 ± 19	50 ± 16	59 ± 16
Fe	3210 ± 160	4150 ± 180	3100 ± 150	4860 ± 180
Mn	346 ± 79	413 ± 84	290 ± 71	320 ± 72
Ni	39 ± 19	43 ± 20	36 ± 18	38 ± 18
P	260 ± 130	400 ± 150	390 ± 130	-
Pb	2201 ± 52	1704 ± 46	3714 ± 70	85 ± 11
Rb	-	4 ± 3	5 ± 3	8 ± 3
S	15840 ± 230	21020 ± 310	7160 ± 150	1138 ± 80
Se	4 ± 4	-	-	4 ± 3
Si	18630 ± 520	28660 ± 700	14730 ± 470	9740 ± 400
Sn	-	54 ± 38	57 ± 35	32 ± 30
Sr	737 ± 16	497 ± 13	443 ± 12	1631 ± 26
Th	17 ± 16	-	19 ± 15	-
Ti	580 ± 480	810 ± 480	740 ± 450	580 ± 440
W	40 ± 39	-	-	36 ± 30
Y	-	10 ± 6	25 ± 8	-
Zn	34 ± 13	36 ± 13	22 ± 12	29 ± 11
Zr	19 ± 7	11 ± 6	15 ± 6	17 ± 8

тем разбавления бордовой и красной краски гипсом ($CaSO_4$) позволяют получать краски разных оттенков красного цвета (розовые, желтые, красные). Следует также отметить, что при температурной обработке охры можно получить практически всю гамму оттенков от жёлтого и оранжевого до красно-бурого цвета. Охра является одним из самых распространенных пигментов, используемых в древней настенной живописи, поэтому мы предполагаем, что для живописи «Имом Восе» вероятнее всего использовалась охра.

Надо сказать, что из-за существенных размеров зоны облучения на поверхности образца (~10 мм), неоднородной поверхности красочного слоя (трещины, выбоины до поверхности нижележащего слоя штукатурки или краски, посторонние вкрапления, разная насыщенность цветов краски, попадающей в зону облучения и т.д.) мы имеем дело с интегральными, а не точечными значениями концентраций химических элементов, попадающих в зону облучения. Поэтому мы неизбежно получаем отличающиеся значения содержания химических элементов в красках одного цвета, полученные в разных контрольных точках.

Табл. 9. Элементный состав черных красок (продолжение).
9-Jadval. Qora bo’yoqlarning elementar tarkibi (davomi).
Table 9. Elemental composition of black paints (continued).

	Б4-4	Б5-3	Б7-4
	черный на красном и желтом	черный	черный на белом
	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)	C ± ΔC (ppm)
Al	3000 ± 1100	3100 ± 1100	8200 ± 1300
As	411 ± 44	41 ± 12	23 ± 8
Ba	-	140 ± 120	108 ± 100
Ca	366700 ± 2200	375800 ± 2100	346600 ± 2300
Cl	107540 ± 1000	161300 ± 1300	15390 ± 250
Co	-	52 ± 52	-
Cr	114 ± 89	86 ± 85	98 ± 87
Cu	54 ± 16	57 ± 17	114 ± 19
Fe	6800 ± 210	5540 ± 200	4570 ± 170
Mn	421 ± 77	401 ± 79	345 ± 73
Ni	33 ± 17	30 ± 17	39 ± 18
P	270 ± 120	-	1670 ± 160
Pb	2702 ± 55	150 ± 13	39 ± 8
Rb	5 ± 4	9 ± 3	7 ± 3
S	17430 ± 240	2643 ± 96	2000 ± 120
Se	-	4 ± 3	-
Si	12670 ± 440	11090 ± 400	30090 ± 710
Sn	52 ± 35	53 ± 34	-
Sr	1743 ± 26	791 ± 16	888 ± 17
Th	-	15 ± 15	-
Ti	820 ± 440	630 ± 450	1040 ± 440
W	65 ± 39	44 ± 32	51 ± 31
Y	-	-	-
Zn	35 ± 12	41 ± 12	57 ± 13
Zr	18 ± 9	17 ± 7	12 ± 7

Например, содержание железа в красной краске в точке Б6-1 равно 13200 ppm (1.32%), в точке Б6-2 - 16610 ppm (1.66%), а в точке Б8-2 - 9770 ppm (0.98%).

Следует напомнить, что РФА основан на регистрации характеристического излучения от ионизированных атомов, поэтому по результатам РФА нельзя отличить друг от друга молекулы охры, гематита и магнетита. Чтобы достоверно сказать о типе использованных железосодержащих минералов необходим не элементный, а молекулярный анализ, например, рамановская спектроскопия, так как эти минералы имеют свои индивидуальные характерные рамановские спектры.

Белая краска разных оттенков изготавливалась на основе карбоната кальция (кальцит, $CaCO_3$) и/или сульфата кальция (гипс разных модификаций, дигидрат $CaSO_4 \cdot 2H_2O$, ангидрит $CaSO_4 \cdot H_2O$). Использование церуссита $PbCO_3$ и гидроцеруссита $Pb_3(CO_3)_2(OH)_2$ менее вероятно из-за очень низкого содержания свинца в анализируемых точках белого цвета - 3077 ppm=0.3% (Б2-4), 33-38 ppm=0.003-0.004% (Б7-2, Б7-3, Б8-4).

Черная краска была получена, на наш взгляд, на основе углерода сажи, жженной кости или угля. Использование магнетита $FeO \cdot Fe_2O_3$ мало вероятно из-за низкого содержания железа в контрольных точках черного цвета - 3100-6800 ppm (0.31-0.68%).

Обращает на себя внимание высокое содержание хлора Cl в многих образцах, достигающее величины 196100 ppm=19.6% в Б6-2. В некоторых образцах содержание хлора менее одного процента, в некоторых хлор не обнаружен. Какой-либо корреляции с цветами красок не наблюдается, поэтому мы считаем, что наличие хлора может быть объяснено взаимодействием фрагментов живописи, находящихся в грунте в раскопе, с почвенной влагой, содержащей хлоридсодержащие вещества.

Статья подготовлена в рамках научных направлений лаборатории химико-технологический исследований, реставраци и консервации археологических находок и фундаментального гранта Социально экономическая жизнь Центрального Согда в эпоху Карахандов в междисциплинарных исследованиях (FL8323102132)

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

Анарбаев А.А., Ахраров И.А. Баня средневекового Ахсикента // ИМКУ. Вып. 25. Ташкент, 1991. С.173-183.

Байпаков К.М., Воякин Д.А., Сейталиев М.К., Буранбаев Р.Н. Некоторые итоги исследования бани-хаммам на городище Тараз в 2012 году. // Известия Национальной Академии наук Республики Казахстан. № 3. 2013. С. 187-199.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии / Отв. ред. Массон В.М. Л.: Наука, 1973. 393 с.

Бурякова Э.Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. Вып.20. Ташкент, 1986. С.162-172.

Косолапов А.И., Маршак Б.И. Стенная живопись Средней и Центральной Азии / Ред. Шишкова Н.А. Санкт-Петербург. Изд-во «Формика». 1999. 79 с.

Лобода А.Ю., Трунькин И.Н., Светогоров Р.Д., Пожидаев В.М., Камаев А.В., Малахов С.Н., Пельве К.Ю., Терещенко Е.Ю., Хайрединова Э.А., Айбабин А.И., Яцишина Е.Б. Исследование пигментов и связующих красочных слоев росписей храма X–XIII вв. на плато Эски-Кермен // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. 2021. Выпуск XXVI. С.156-174. DOI: https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.156-174

Мокрушин И.Г., М.П. Красновских, Ю.А .Подосенова, А.Н.Сарапулов. Физико-химические методы анализа в археологических исследованиях // Труды Камской археолого-этнографической экспедиции Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Вып. XVII. 2020. С.14-26. DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-14-26

Немцева Н.Б., Сапаров Н.Ж. Банный комплекс Рабат-и- Малика // ИМКУ. Вып.33. Ташкент, 2002. С.243-248.

Осипова Т.В. Применение методов естественных наук в современных археологических исследованиях // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 870-872.

Слётов, В.А. Минеральные пигменты в иконописной традиции // Сайт Проекта «Рисуя Минералы». Доступно на URL: https://mindraw.web.ru/bibl15.htm

Шишкина Г.В. Городской квартал VIII-XI вв. на севере-западе Афрасиаба // Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973. С.117-156.

Юдина Е.А., М.О. Тонкушина Н.А. Кулеш, Л.Л. Косинская, А.А. Остроушко, И.В. Усачева. Элементный анализ археологических находок охры с территории урочища Барсова Гора: методический аспект // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Геоархеология. Этнология. Антропология». 2017. Т. 19. С. 103–128.

Agnoli Francesca, Irene Calliari, Gian-Antonio Mazzocchin. 2007. Use of Different Spectroscopic Techniques in the Analysis of Roman Age Wall Paintings // Annali di Chimica 2007; 97(1-2): 1-7. doi: 10.1002/adic.200690093

Avlonitou, Lydia. 2016. Pigments and colours: An inside look at the painted decoration of the Macedonian funerary monuments // Journal of Archaeological Science. Reports 7. 668–678.

Bayerova, Tatjana. 2016. Insights into the Painting Materials and Techniques of the Original Interior Decoration // In: NAKO. Research and Conservation in the Western Himalayas. Ed. Martina Haselberger. Böhlau Verlag

GmbH & Co. KG, Wien Köln Weimar. Pp. 235-273. Available by URL: https://www.researchgate.net/publication/309963014_33_ Insights_into_the_Painting_Materials_and_Techniques_of_the_Original_Interior_Decoration_Research_and_Conservation_in_the_Western_Himalayas

Cerrato Emilio J., Daniel Cosano, Dolores Esquivel, Cesar Jimenez-Sanchidrian, Jose Rafael Ruiz. 2021. Spectroscopic analysis of pigments in a wall painting from a high Roman Empire building in Cordoba (Spain) and identification of the application technique // Microchemical Journal, Vol. 168, 106444. doi.org/10.1016/j.microc.2021.106444.

Handbook of X-ray spectrometry: Methods and techniques / Eds.Van Grieken, R.E., Markowicz, A.A. New York: Marcel Dekker, Inc. 1993. 718 p.

Handbook of Practical X-Ray Fluorescence Analysis / Eds. B. Beckhoff, B. Kanngiesser, N. Langhoff, R. Wedell, H. Wolff. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2006. 898 p.

Historical Painting Techniques, Materials and Studio Practice / Edited by Arie Wallert, Erma Hermens, and Marja Peek. Preprints of a symposium [held at] University of Leiden, the Netherlands, 26-29 June 1995. 236 p. Available by URL: https://www.getty.edu/conservation/ publications_resources/pdf_publications/pdf/historical_paintings.pdf

Ioana Maria Cortea, Luminița Ghervase, Lucian Ratoiu, Ovidiu Țentea and Monica Dinu. 2024. New Insights into the Materials and Painting Techniques of Ancient Wall Paintings from the Roman Province of Dacia: A Minimally Invasive Multi-Method Approach // Heritage, 7(9), 5268-5294; doi.org/10.3390/heritage7090248 , https://www.mdpi.com/2571-9408/7/9/248

Janssens Koen, Geert Van der Snickt, Frederik Vanmeert, Stijn Legrand, Gert Nuyts, Matthias Alfeld, Letizia Monico, Willemien Anaf, Wout De Nolf, Marc Vermeulen, Jo Verbeeck, Karolien De Wael. 2016. Non-Invasive and Non-Destructive Examination of Artistic Pigments, Paints, and Paintings by Means of X-Ray Methods // Topics in Current Chemistry, 374(6):81 (52 p.). doi:10.1007/s41061-016-0079-2

Kumar Vimal. 2017. Significance of X-ray Fluorescence Spectrometry in Archaeological Sciences: an Overview // Advance Research Journal of Multidisciplinary Discoveries. 16.0, C1.2017:01-11. Available by URL: http://www.journalresearchijf.come

Moon, D.-H.; Lee, N.-R.; Lee, E.-W. 2021. Ancient Pigments in Afrasiab Murals: Characterization by XRD, SEM, and Raman Spectroscopy // Minerals, 11, 939. doi.org/10.3390/min11090939

Ron Jenkin. 2000. X-ray Techniques: Overview / Encyclopedia of Analytical Chemistry. / Ed. R.A. Meyers. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2000. Pp. 1326913288.

TECDOC-1456. In situ applications of X-ray fluorescence techniques. Final report of a coordinated research project 2000–2003 // IAEA-TECDOC-1456. Austria, Vienna, 2005. 251 p.

Tite M.S. 1972. Methods of Physical Examination in Archaeology. Studies in Archaeological Science. London and New York: Seminar Press, 1972. 319 p.

Villar S.E. Jorge, H.G.M. Edwards, J.Medina and F. Rull Perez. 2006. Raman spectroscopic analysis of mediaeval wall paintings in the Palencia region, Spain // Journal of Raman Spectroscopy, 37(10), 1078–1085. doi:10.1002/jrs.1608.

Young Steven G., James Valdez, Michelle Espy, Alex Edgar, Jack Brett, Michael T. Pettes, Clay Mathers, Matthew Barbour, Brian M. Patterson. 2023. Analysis of Coronado State Historic Site artifacts using X-rays // X-Ray Spectrom. 1-14. Available by URL: https://doi.org/10.1002/xrs.3350.

Zschornack Günter. 2007. Handbook of X-Ray Data / Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 969 p.

REFERENCES:

Anarbaev A.A., Akhrarov I.A. 1991. Banya srednevekovogo Akhsikenta. In IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan). Issue 25. Tashkent, 173-183. (In Russian).

Baipakov K.M., Voyakin D.A., Seitaliev M.K., Buranbaev R.N. 2013. Nekotorye itogi issledovaniya bani-khammam na gorodishche Taraz v 2012 godu. In Izvestiya Natsional'noi Akademii nauk Respubliki Kazakhstan. No. 3. 187-199. (In Russian).

Belenitskii A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G. 1973. In V.M.Masson (ed.). Srednevekovyi gorod Srednei Azii. L.: NAUKA Publ., 393. (In Russian).

Buryakova E.Yu. 1986. Raskopki ban' na territorii srednevekovogo Samarkanda. In IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan). Issue 20. Tashkent, 162-172. (In Russian).

Kosolapov A.I., Marshak B.I. 1999. Murals along the Silk Road (Combined Art Historical and Laboratory Study). Saint-Petersburg: FORMICA Publishing house. 79.

Loboda Anastasia Yu., Igor N. Trunkin, Roman D. Svetogorov, Victor M. Pojidaev, Andrey V. Kamaev, Sergey N. Malakhov, Kirill Yu. Pelve, Elena Yu. Tereschenko, Elzara A. Khairedinova, Alexander I. Aibabin, Ekaterina B.

Yatsishina. 2021. A Study Of The Pigments And Cohesive Colour Layers Of The Paintings In A Church From The Tenth To Thirteenth Centuries On The Plateau Of Eski-Kermen. In Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii. Issue XXVI. 156-174. DOI: https://doi.org/10.37279/2413-189X.2021.26.156-174. (In Russian).

Mokrushin I.G., M.P.Krasnovskikh, Yu.A.Podosenova, A.N.Sarapulov. 2020. Physical-chemical methods of analysis in archaeological research. In Proceedings of the Kama Archaeological and Ethnographic Expedition of the Perm State Humanitarian and Pedagogical University. Vol. XVII. 14-26. DOI: 10.24412/2658-7637-2020-17-14-26. (In Russian).

Nemtseva N.B., Saparov N.Zh. 2002. Bannyi kompleks Rabat-i- Malika. In IMKU (The History of Material Culture of Uzbekistan). Issue 33. Tashkent, 243-248. (In Russian).

Osipova T.V. 2012. Natural science methods in the domain of archeology. In Izv. Penz. Gos. Pedagog. Univ. im. I.V. Belinskogo. No. 27. 870–872. (In Russian).

Sletov, V.A. Mineral’nye pigmenty v ikonopisnoi traditsii. In “Drawing Minerals” project website. Available by URL: https://mindraw.web.ru/bibl15.htm. (In Russian).

Shishkina G.V. 1973. Gorodskoi kvartal VIII-XI vv. na severe-zapade Afrasiaba. In Afrasiab. Issue II. Tashkent, 117-156. (In Russian).

Iudina E.A., M.A. Tonkushina, N.A. Kulesh, L.L. Kosinskaya, A.A. Ostroushko, I.V. Usacheva. 2017. Elemental Analysis of Archaeological Findings of Ocher from the Barsova Gora Natural Boundary: Methodical Aspect. In Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya “Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya”. Vol. 19. 103-128 (In Russian).

Agnoli Francesca, Irene Calliari, Gian-Antonio Mazzocchin. 2007. Use of Different Spectroscopic Techniques in the Analysis of Roman Age Wall Paintings // Annali di Chimica 2007; 97(1-2): 1-7. doi: 10.1002/adic.200690093

Avlonitou, Lydia. 2016. Pigments and colours: An inside look at the painted decoration of the Macedonian funerary monuments // Journal of Archaeological Science. Reports 7. 668–678.

Bayerova, Tatjana. 2016. Insights into the Painting Materials and Techniques of the Original Interior Decoration // In: NAKO. Research and Conservation in the Western Himalayas. Ed. Martina Haselberger. Böhlau Verlag GmbH & Co. KG, Wien Köln Weimar. Pp. 235-273. Available by URL: https://www.researchgate.net/publication/309963014_33_ Insights_into_the_Painting_Materials_and_Techniques_of_the_Original_Interior_Decoration_Research_and_Conservation_in_the_Western_Himalayas

Cerrato Emilio J., Daniel Cosano, Dolores Esquivel, Cesar Jimenez-Sanchidrian, Jose Rafael Ruiz. 2021. Spectroscopic analysis of pigments in a wall painting from a high Roman Empire building in Cordoba (Spain) and identification of the application technique // Microchemical Journal, Vol. 168, 106444. doi.org/10.1016/j.microc.2021.106444.

Handbook of X-ray spectrometry: Methods and techniques / Eds.Van Grieken, R.E., Markowicz, A.A. New York: Marcel Dekker, Inc. 1993. 718 p.

Handbook of Practical X-Ray Fluorescence Analysis / Eds. B. Beckhoff, B. Kanngiesser, N. Langhoff, R. Wedell, H. Wolff. Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 2006. 898 p.

Historical Painting Techniques, Materials and Studio Practice / Edited by Arie Wallert, Erma Hermens, and Marja Peek. Preprints of a symposium [held at] University of Leiden, the Netherlands, 26-29 June 1995. 236 p. Available by URL: https://www.getty.edu/conservation/ publications_resources/pdf_publications/pdf/historical_paintings.pdf

Ioana Maria Cortea, Luminița Ghervase, Lucian Ratoiu, Ovidiu Țentea and Monica Dinu. 2024. New Insights into the Materials and Painting Techniques of Ancient Wall Paintings from the Roman Province of Dacia: A Minimally Invasive Multi-Method Approach // Heritage, 7(9), 5268-5294; doi.org/10.3390/heritage7090248 , https://www.mdpi.com/2571-9408/7/9/248

Janssens Koen, Geert Van der Snickt, Frederik Vanmeert, Stijn Legrand, Gert Nuyts, Matthias Alfeld, Letizia Monico, Willemien Anaf, Wout De Nolf, Marc Vermeulen, Jo Verbeeck, Karolien De Wael. 2016. Non-Invasive and Non-Destructive Examination of Artistic Pigments, Paints, and Paintings by Means of X-Ray Methods // Topics in Current Chemistry, 374(6):81 (52 p.). doi:10.1007/s41061-016-0079-2

Kumar Vimal. 2017. Significance of X-ray Fluorescence Spectrometry in Archaeological Sciences: an Overview // Advance Research Journal of Multidisciplinary Discoveries. 16.0, C1.2017:01-11. Available by URL: http://www.journalresearchijf.come

Moon, D.-H.; Lee, N.-R.; Lee, E.-W. 2021. Ancient Pigments in Afrasiab Murals: Characterization by XRD, SEM, and Raman Spectroscopy // Minerals, 11, 939. doi.org/10.3390/min11090939

Ron Jenkin. 2000. X-ray Techniques: Overview / Encyclopedia of Analytical Chemistry. / Ed. R.A. Meyers. Chichester: John Wiley & Sons Ltd, 2000. Pp. 1326913288.

TECDOC-1456. In situ applications of X-ray fluorescence techniques. Final report of a coordinated research project 2000–2003 // IAEA-TECDOC-1456. Austria, Vienna, 2005. 251 p.

Tite M.S. 1972. Methods of Physical Examination in Archaeology. Studies in Archaeological Science. London and New York: Seminar Press, 1972. 319 p.

Villar S.E. Jorge, H.G.M. Edwards, J.Medina and F. Rull Perez. 2006. Raman spectroscopic analysis of mediaeval wall paintings in the Palencia region, Spain // Journal of Raman Spectroscopy, 37(10), 1078–1085. doi:10.1002/jrs.1608.

Young Steven G., James Valdez, Michelle Espy, Alex Edgar, Jack Brett, Michael T. Pettes, Clay Mathers, Matthew Barbour, Brian M. Patterson. 2023. Analysis of Coronado State Historic Site artifacts using X-rays // X-Ray Spectrom. 1-14. Available by URL: https://doi.org/10.1002/xrs.3350.

Zschornack Günter. 2007. Handbook of X-Ray Data / Berlin, Heidelberg: Springer-Verlag, 969 p.

X-RAY FLUORESCENCE ANALYSIS OF FRAGMENTS OF PAINTINGS FROM A MEDIEVAL BATH FOUND IN SAMARKAND

© 2025. [1]Reutova Marina Arkadevna, [1]Saidov Muminhon Munir Ugli,
[2]Sharonov Iosif Alekseevich, [1]Avazgeldiev Bekzod Panjiyevich
[1]Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulyamov
[2]Samarkand State University named after Sh. Rashidov

Key words: wall painting, medieval baths, X-ray fluorescence analysis, elemental composition, chemical elements, minerals, mineral paints, plaster, Central Asia, Samarkand**.**

The work is devoted to the study of mineral colours of ancient wall paintings from the remains of a medieval bathhouse found on the territory of the mahalla ‘Imom Vose’ in Samarkand (Uzbekistan). Eight different samples with paintings made with burgundy, red, yellow, white and black colours with their different shades were examined. The study was carried out by the method of energy dispersive X-ray fluorescence analysis, which allowed us to determine the elemental composition of the paints used by the ancient masters. It was determined that burgundy, red, yellow colours were made of iron-containing natural minerals, most likely ochre. White paint of different shades was made on the basis of calcium carbonate (calcite) and calcium sulphate (gypsum of different modifications). A portable energy dispersive X-ray fluorescence spectrometer Vanta Element-S with the analytical application ‘Geochemistry’ was used to determine the elemental composition of the samples, allowing to determine the content of chemical elements ^{24}Mg, ^{27}Al, ^{28}Si, ^{31}P, ^{32}S, ^{35}Cl, ^{40}Ca, ^{48}Ti, ^{51}V, ^{52}Cr, ^{55}Mn, ^{56}Fe, ^{59}Ni, ^{59}Co, ^{64}Cu, ^{65}Zn, ^{75}As, ^{79}Se, ^{85}Rb, ^{88}Sr, ^{89}Y, ^{91}Zr, ^{93}Nb, ^{96}Mo, ^{108}Ag, ^{112}Cd, ^{119}Sn, ^{122}Sb, ^{137}Ba, ^{139}La, ^{140}Ce, ^{141}Pr, ^{144}Nd, ^{184}W, ^{207}Pb, ^{197}Au.

ILK VA RIVOJLANGAN O‘RTA ASRLARDA ISHTIXAN SHAHRINING TARIXIY TOPOGARFIYA VA LOKALIZATSIYA MASALLARI

© 2025. Sandiboyev Alisher
Y. G‘ulomov nomidagi Samarqand arxeologiya instituti

Kalit so‘zlar: Sug‘d, Samarqand, Kushoniya, Ishtixan, Sog‘arj, Primkent, Muzan, lokalizatsiya, topografiya, kartografiya.

Maqolada Samarqandning g‘arbiy qismida joylashgan Ishtixanning tarixiy topografiyasi va uning tarkibida bo‘lgan shahar va qishloqlari tahlil etilgan. Ishtixan Xitoy manbalarida Sao, arab – fors manbalarida Ishtixan deb nomlanib, yozma manbalar, shuningdek, kartografik tadqiqotlar natijasida uning tarkibida bo‘lgan Rastag‘far – Boyliota bilan, Muzan-Muzan, Bardod – Kumushkent, Zar-Jar, Farankat yoki Afrankad – Primkent, Sog‘arj - Sog‘ishtepa–Arktepa arxeologik yodgorliklari bilan lokazizatsiya qilingan. Shuningdek, mavjud manbalarning ilmiy tahlili asosida Ishtixan shahri Kushoniya bilan chegaradosh bo‘lib, hukmdorlik hozirgi Oqdaryo va Qoradaryo oralig‘ida, ya’ni Dahbetdan Ishtixonning Azamat qishlog‘igacha bo‘lgan hududlarni qamrab olgani borasida fikr malohazalar bayon etilgan. Manbalarda qayd etilgan Sog‘arj tog‘lari hozirgi Qoraqchitog‘ va qisman unga tutashgan Oqtog‘ tizmalari nazarda tutilib, Ishtixan ushbu tog‘lar orqali shimol va shimoli – g‘arbda Buxoro viloyatidagi Nuri qishloqlaridan bo‘lgan Cho‘sh (Jo‘sh) bilan chegaradosh bo‘lganligi borasida xulosalar qilingan.

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ И ЛОКАЛИЗАЦИИ ГОРОДА ИШТИХОН В РАННЕМ И РАЗВИТОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

© 2025. Сандибоев Алишер
Самаркандский институт археологии имени Я. Гуломова

Ключевые слова: Ключевые слова: Согд, Самарканд, Кушания, Иштихон, Согардж, Примкент, Музан, локализация, топография, картография.

В статье рассматривается историческая топография Иштихона, расположенного в западной части Самаркандского оазиса, а также проводится анализ городов и поселений, входивших в состав данного владения. В китайских источниках, Иштихон упоминается под названием Цао, а в арабо-персидских – как Иштихон. На основе письменных свидетельств и картографических данных локализованы поселения, входившие в его состав: Растагфар – Бойлиота, Музан – Музан, Бардад – Кумушкент, Зар – Жар, Фаранкат (или Афранкад) – Примкент, а также Согардж – Согиштепа – Арктепа, являющиеся археологическими памятниками данного региона. Проведённый научный анализ источников позволил установить, что город Иштихон граничил с Кушанией, а территория владения охватывала пространство между современными реками Акдарья и Карадарья – от Дахбета до кишлака Азамат в пределах современного Иштихона. Рустак Согардж (Согиштепа – Арктепа), относившийся к данному владению, располагался на правом берегу Акдарьи. Горы Согардж, упомянутые в источниках, идентифицируются с современными хребтами Каракчитаг и частично с прилегающим к ним Октагом. На основании этих данных делается вывод, что через указанные горные цепи Иштихон на севере и северо-западе граничил с древними нурийскими поселениями Бухарского вилайета, в частности с кишлаком Чуш (Жуш).

Kirish. Markaziy Sug‘d tarixiy-geografik jihatdan Zarafshon vodiysining o‘rta qismida joylashgan bo‘lib, shimoldan G‘o‘bdin, Oqtog‘ va Qoratog‘, janubdan esa Qoratepa, Zirabuloq va Ziyovuddin kabi tog‘lar bilan chegaralangan. Voha sharqdan g‘arbga qarab pasayib boradi va

uning markaziy qismidan Zarafshon daryosi oqib o‘tadi (1-rasm). Daryo va undan boshlangan kanallar bo‘ylab Sug‘dning bir qator hukmdorliklari joylashgan, bunda Ishtixan hukmdorligi alohida ahamiyatga ega.

Ishtixan haqidagi dastlabki ma’lumotlar Xitoy manbalarida, asosan “Bey shu”, “Suy shu” va “Tan shu” yilnomalarida uchraydi. Ushbu manbalarda hukmdorlik “Sao” yoki “G‘arbiy Sao” nomi bilan qayd etiladi va Ishtixan Kan (Samarqand) hukmdorligiga qarashli mulk sifatida ta’riflanadi. Keyinchalik arab va fors manbalarida - jumladan al-Istaxriy, Ibn Havqal va al-Muqaddasiy asarlarida - Ishtixan shahar sifatida tariflanib, u Samarqanddan g‘arbda, Kushoniya yaqinida joylashgan.

Mazkur maqolada Ishtixanning tarixiy topografiyasi, lokalizatsiya masalalari, shaharning chegaraviy munosabatlari ilmiy tahlil qilinadi. Shu bilan birga, xitoy va arab–fors manbalaridan olingan ma’lumotlar arxeologik va kartografik dalillar bilan solishtiriladi hamda Ishtixan hududining Markaziy Sug‘d siyosiy tizimidagi o‘rni haqida yangi mulohazalar ilgari suriladi.

Manbalar tahlili va muhokama. Ilk o‘rta asrlar davri Sug‘d konfederatsiyasi tarkibidagi bo‘lgan mulklarning ichki boshqaruvini mustaqil amalga oshirgan bo‘lib, ularning savdo munosabatlari, siyosiy tarixi va madaniyati to‘g‘risida qisman, ammo muhim ma’lumotlarni Xitoy manbalari sirasiga kiruvchi “Bey shu” (Shimoliy xonadonlar tarixi) (386–618), “Suy shu” (Suy sulolasi tarixi) (581–618 yillar) va “Tan shu” (Tan sulolasi tarixi) (618–907 yillar) kabi yilnomalarda hamda xitoy rohibi Syuan Szan (629–645 yillar) asarida, sayyoh Xoy Chao esdaliklarida uchratish mumkin (Бичурин 1950: 271–276, 280–281, 310; Сюань Цзан 2012: 31, 42; Chavannes 1903: 132–147; Малявкин 1989: 103, 223, 256–257). Jumladan, “Bey shu” va “Suy shu” yilnomalarida keltirilishicha, Kan (Samarqand) qudratli davlat bo‘lib, unga Mi (Maymurg‘), Shi (Kesh), Sao (Ishtixan), Xe (Kushaniya), Kichik An (Buxoro), Nashebo (Nasaf), Unaxe va Mu kabi mulkliklar bo‘ysungan. Bu o‘lkaning iqlimi iliq, barcha don o‘simliklarini ekishga qulay, bog‘dorchilik yaxshi yo‘lga qo‘yilgan. Odamlarining ko‘zlari chuqur, qirraburun, sersoqol, savdo ishlarida chaqqon, jinoyatchilarga ibodatxonada saqlanayotgan Xular qonuni doirasida jazo berilgan (Бичурин 1950: 271, 281; Хўжаев 2015: 93–94).

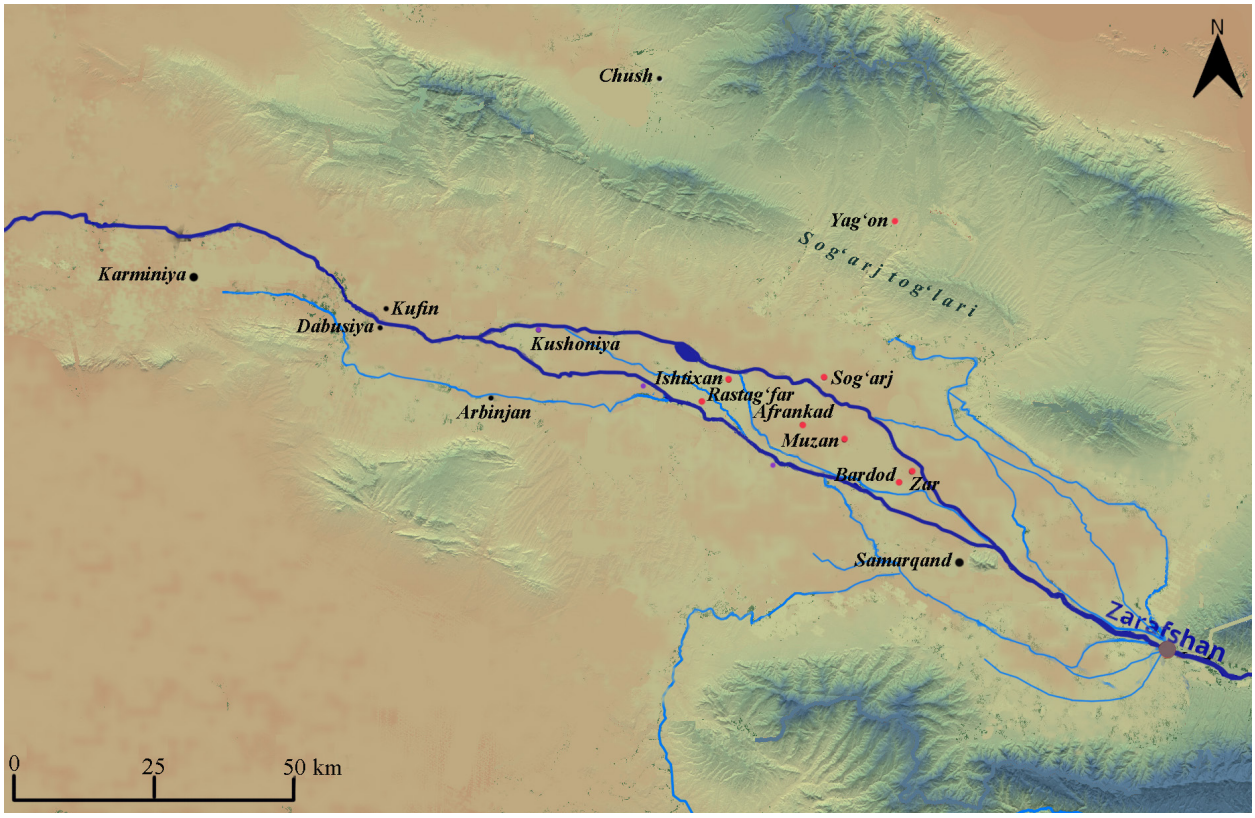
Xitoy rohibi Syuan Szan asarida Samarqand Samoszyan deb nomlanib, yerlarining aylanasi 1600–1700 li bo‘lib, sharqdan g‘arbga qarab cho‘zilgan, shimoldan janubga torayib borgan. Markaziy shahrining aylanasi 20 li, u devor bilan o‘ralgan (Сюань Цзан 2012: 42). Shuningdek, asarda Mimoxe (Maymurg‘), Szebudana (Kabudon), Syuyshuanniszya, Xexan, Buxe kabi Sug‘d shaharlarining nomlari uchraydi (Сюань Цзан 2012: 42–43). Ya’ni, Xitoy manbalarida Markaziy Sug‘dning Kan (Samarqand), Mi (Maymurg‘), Sao (Ishtixan), Xe (Kushaniya), Szebudana (Kabudon) kabi hukmdorliklarining nomlari qayd etilgan. Xitoy manbalarida Ishtixan Kan ya’ni Samarqandga qarashli hukmdorlik bo‘lib, u Sao va G‘arbiy Sao deb nomlangan.

“Bey shu” yilnomasida (386–618 yillar) qayd etilishicha, “*Sao (Ishtixan) hukmdorligining qarorgohi Nami (Zarafshon) daryosidan janubda joylashgan. Bu joy Kangyuyning avvalgi yeridir. Bu hukmdorlikning boshqaruvchi xonadoni yo‘q, bu yerni boshqarishni Kan (Samarqand) hukmdori Ugyan ismli o‘g‘liga topshirgan. Qarorgohining aylanasi 3 li, muntazam jangchilarining soni 1000 kishi atrofida. Mazkur hukmdorlikda Desi ma’budi bor, G‘arbiy dengizdan sharqda joylashgan hamma hukmdorliklar unga sig‘inishadi. U oltindan yasalgan haykal bo‘lib, hajmi va uzunligi mutanosib ravishda 15 futni tashkil etadi. Har kuni besh tuya, o‘nta ot va yuzta qo‘yni qurbonlik qilishadi. Ba’zida qurbonliklar keltiruvchilar soni bir necha ming kishidan oshadi va hammasini yeyisha olmaydi. Uning janubi-sharqida joylashgan Kan (Samarqand) hukmdorligigacha bo‘lgan masofa 100 li, g‘aridagi Xe (Kushoniya)gacha 150 li*” (Бичурин 1950: 275; Ўзбекистон тарихи 2014: 32–33).

“Tan shu” yilnomasida (618–907 yillar) esa Samarqandga qarashli bo‘lgan Sao uch qismga bo‘linib, ular Sharqiy Sao (Ustrushona), G‘arbiy Sao (Ishtixan) va O‘rta Sao (Kabudon) deb nomlangan (Бичурин 1950: 275; Ғоибов 2015: 178).

Bunda “*G‘arbiy Sao Kan (Samarqand)dan 100 li shimoli-g‘arbida joylashgan. G‘arbiy Sao janubda Shi (Kesh) va Balon hukmdorliklari bilan chegaradosh. U Sidixen shahridan boshqariladi. Shimoli-sharqda Yuydi shahridan o‘tib ketiladi. Unda Desi ibodatxonasi bor. Aholisi unga sig‘inishadi. U-di hukmronligi davrida (618–626 yillar) davrida bu yerdan elchilar kelgan”* (Бичурин 1950: 313; Ўзбекистон тарихи (Хрестоматия) 2014: 39). Sidixen arab-fors manbalarida Ishtixan tarzda keltirilib, Samarqanddan 7 farsah uzoqlikda joylashgan (Истахрий 2019: 164–165). Ishtixan Xitoy manbalarida dastlab Sao, keyinchalik G‘arbiy Sao deb nomlangan. “O‘rta Sao”, “Szebudana”, arab manbalarida Kabudon deb nomlangan hukmdorlik Samarqanddan shimolda joylashgani to‘g‘risida ma’lumotlar bor. Jumladan, “*O‘rta Sao (Kabudon) G‘arbiy Saodan (Ishtixan) sharqda, Kan (Samarqand)dan 50 li shimolda joylashgan. Hukmdor poytaxti – Gadichjen shahri. Aholisi uzun bo‘yli, jussali, jangavor*” *Бичурин 2014: 39*). Syuan Szan (629–645 yillar) asarida Kabudon Szebudana, deb nomlanib, u Mimoxe (Maymurg‘)dan shimolda joylashgan. “*Erlarining aylanasi 1400–1500 li bo‘lib, sharqdan g‘arbga qarab cho‘zilgan, shimoldan janubga torayib borgan*”, deb yozadi (Сюань Цзан 2012: 42).

O‘rta Sao arab-fors yozma manbalarida Kabud yoki Kabudanjkat deb nomlanib, u daryoning shimol tomonida, Samarqanddan 2 farsax uzoqlikda joylashgan (Ибн Ҳавқал 2011: 63). Yoqut Hamaviyning qayd etishicha, uning bosh shahri Lanjigkas bo‘lgan (Ас-Самьани 2018: 189). Ilk o‘rta asrda ushbu shaharning o‘rni Jomboy tumanida joylashgan Mingtepa arxeologik yodgorligi bilan lokalizatsiya qilingan. Yodgorlikning umumiy maydoni 20 gektar bo‘lib, ark, shahriston va

1-rasm. O‘rta Zarafshon vohasi va unda joylashgan Sug‘d hukmdorliklari
Рис.1. Средняя Зеравшанская долина и расположенные в ней согдийские владения
Fig.1. The Middle Zerafshan Valley and the Sogdian principalities located within it

3-rasm. Ishtixontepa yodgorligining umumiy ko‘rinishi
Рис. 3. Общий вид археологического памятника Иштихонтепа
Fig. 2. General view of the Ishtikhon-tepa archaeological site

rabad qismlaridan iborat (Ахунбабаев 1990: 26–28). Shu o‘rinda, Xitoy manbalarida keltirilgan Desi sharafiga bunyod etilgan ibodatxonani tadqiqotchilar tomonidan Vidor-Chelak shahri o‘rnida (Раимкулов 2017: 59–65) va “O‘rta Sao” ya’ni, Kabudonda bo‘lganligini e’tirof etadi (G‘oyibov 2018: 28). Xitoy manbalari jumladan, “Bey shu” (Shimoliy xonadonlar tarixi) (386–618 yillar) yilnomasida Saodan 100 li janubi-sharqda Kan (Samarqand) hukmdorligi joylashganligini qayd etilgan. “Tan shu” (Tan sulolasi tarixi) (618-907 yillar) yilnomasida ham G‘arbiy Sao Kan (Samarqand)dan 100 li shimoli-g‘arbida joylashgani keltirib o‘tilgan va Desi sharafiga bunyod etilgan ibodatxona ham shu hukmdorlikda bo‘lganligi to‘g‘risida ma’lumotlar bor. Ya’ni, Xitoy manbalarining ilmiy tahliliga ko‘ra, Desi sharafiga bunyod etilgan ibodatxona **O‘rta Sao** (Kabudon)da emas aksincha, G‘arbiy Sao (Ishtixan)da joylashgan va uni Ishtixan hududidan izlash

maqsadga muvofiqdir. Manbalarda qayd etilgan Sharqiy Sao arab fors manbalarida Ustrushona deb nomlanib, u Sug‘dning shimoliy-sharqiy qismida joylashgan.

IX-XII asrlarga oid arab manbalarida jumladan, al-Istaxriy, ibn Havqal va al-Muqaddasiy, al-Balozuriyning asarlarida Samarqand Sug‘diga qarashli bo‘lgan rustoqlar va shaharlar qatori Ishtixan to‘g‘risida ham muhim ma’lumotlar keltirilgan. Jumladan, al-Balozuriyning “Xurosonning fath etilishi” nomli asarida “*Qutayba ibn Muslim 712 yilda Samarqandga yurish qilganida bu yerda as-Cug‘dning podshohlari turar edilar. Keyin esa Ishtixanda turdilar”* (ал-Балозурий 2017: 37*)* deb ma’lumot beradi. Al-Istaxriyning qayd etishicha, *Ishtixan Samarqanddan 7 farsax uzoqlikda joylashgan bo‘lib, uning ko‘plab qishloqlari, bog‘lari va manzarali joylariga ega bo‘lgan ma’muriy birligi bo‘lgan shahardir. Uning shahriston, kuhandiz, rabad va doimiy oqadigan daryolari bor. Qishloqlaridan birida Ujayf ibn Anbasa yashagan. Unga qarashli bo‘lgan Ishtixan bozorlarini Mu’tasim tortib olgan. Mu’tasim ularni Muhammad ibn Tohir ibn Abdulloh ibn Tohirga iqto qilib bergan* (Истахрий 2019: 164–165). Ibn Havqalning ma’lumot berishicha, *Ishtixan rustoqlarining hududlari kengroqdir. Chunki Ishtixan hududi Sog‘arj tog‘laridagi Yag‘on orqasidan boshlanib, Kushoniya hududigacha uzunligi taxminan ikki kunlik yo‘l, kengligi esa taxminan bir kunlik yo‘lni tashkil qiladi.* Shuningdek, manbada G‘ubordan bosh olgan Nahr Ishtixan arig‘i to‘g‘risidagi ma’lumot ham uchraydi (Ибн Ҳавқал 2011: 58, 64–65, 88). Noma’lum muallif tomonidan yozilgan “Hudud ul-olam (Movarounnahr tasnifi)” asarida Ishtixan – Istixan tarzida qayd etilib, *“xurram va obod joy, uning noz ne’matlari ko‘p”*, deya tarif berilgan (Ҳудуд ул–олам 2008: 12). Al-Idrisiyning qayd etishicha, Ishtixan Samarqanddan 121 mil uzoqlikda joylashgan bo‘lib, uning bog‘lari, ekinlari, sayr qilish uchun joylari ko‘p. Uylar chiroyli va nafis qurilgan, u yerda go‘zal qal’a bor, odamlar daryo va buloqlardan suvidan ichadilar. Kushoniya Ishtixandan 27 mil uzoqlikda joylashgan. Bu Sug‘dning oxirgi shahridir. Dabusiya va Arbinjon esa daryo janubida, katta yo‘lda joylashgan. Kushoniya shahridan bir kunlik masofada Jerankas shahri bo‘lib, uning hududi Buxoro devorining shimoliy chekkasiga yaqin joylashgan, havosi toza, salqin, mevasi ko‘p, g‘allasi serobligini zikr etgan (Idrīsī 1836: 202).

As-Sam’oniy hamda An-Nasafiylarning qayd etishicha, Ishtixanga qarashli Binkat, Bardod, Xaydashtar yoki Xandashtar, Zar, Zovar, Kabuz, Muzan yoki Muznova, Rastag‘far, G‘urajk, Sog‘arj, Faran, Farankat yoki Afrankad, Naukazak va Maban kabi qishloqlari bo‘lgan (Ас-Самьани 2018: 188–189; Камолиддин 2014: 72).

Temuriy davri yozma manbalarida jumladan, Hofizi Abro‘ o‘zining “Geografiya” asarida Samarqandga qarashli bo‘lgan tumanlar orasida Ishtixan nomi ham tilga olingan va “*ba’zi kitoblarda Nurni ham Ishtixanga kiritmishlar*” deb zikr etadi (Бўриев 1997: 81). Shayboniylar davridan boshlab Samarqandning shimoli-g‘arbida joylashgan “Sug‘di Kalon” (Katta Sug‘d) va “Sug‘di Xurd” (Kichik Sug‘d) deb atalgan tumanlarning nomi o‘zgarib, Ofarinkent, deb atala boshlangan (Вяткин 1902 14; Каттаев 2020: 54). Shuningdek, o‘rta asrlar davri yozma manbalarida Ofarinkent tumani joylashgan Oqdaryo va Qoradaryo oralig‘idagi hududi Miyonkol deb ham atalgan (Заҳириддин Муҳаммад Бобур 2008: 79; Ҳофиз Таниш ал-Бухорий 1999. 7–8, 61). Mang‘itlar sulolasi davrida Miyonkol viloyati hududida Ofarinkent, Payshanba, Yangiqo‘rg‘on kabi tumanlar faoliyat ko‘rsatgan (Пардаев 2014: 42–43).

Fransuz kartografi J. Delil (1675-1726)ning 1724 yildagi “Map of Persia” xaritasida Kushoniya va Ishtixan shaharlari daryoning o‘ng tomonida, Dabusiya, Arbinjon esa daryoning chap tomonida joylashgan (De L’Isle’s 1724; Иневаткина, Сучилин 2016: 80, рис.4).

E. fon Sambauraning ma’lumotiga ko‘ra, Qoraxoniylar davrida 34 zarbxona faoliyat ko‘rsatgan bo‘lib, ular orasida Sug‘dning Samarqand, Dabusiya, Kushoniya, Ishtixan, Kesh, Karmana va Buxoro nomlari uchraydi va ularda tangalar 413–431/1022–40 h. yillarda zarb etilgan (Кочнев 2005: 44, 49, 176; Lurje 2014: available at http://www.iranicaonline.org/articles/koshaniyeh).

Yozma manbalarda qayd etilgan Ishtixanning markaziy shahrini B.A. Turg‘unov Oqdaryoning o‘ng tomonida joylashgan Arktepa (Sog‘ishtepa) yodgorligi bilan (Тургунов 1963: 55), G.A. Pugachenkova esa Ishtixan shahri markazida joylashgan shu nom bilan ataluvchi tepa bilan lokalizatsiya qilgan (2-rasm). Ishtixantepada yodgorligi o‘rta asrlar davri shaharlariga xos bo‘lgan ark, shahriston va rabad qismlaridan iborat. Uning shahriston qismining o‘lchami 500x600 m. Ushbu yodgorlikda 1979 yilda olib borilgan qazuv tadqiqotlari natijasida, shahar VI-VII asrlarda shakllangan, Somoniylar davriga kelib yanada rivojlangani ammo mo‘g‘ullar bosqini natijasida shahar vayron bo‘lgan va unda hayot to‘xtagan (Пугаченкова 1989: 156–162, 189).

Shu o‘rinda mahalliy aholi orasida Ishtixan nomi kelib chiqishiga oid qiziq rivoyat mavjud. Rivoyatga ko‘ra, ilgari Ishtixandan Samarqandgacha quvur orqali qimiz yetkazib keltirilgan va uni xon tatib ko‘rgach, “ichdi xon” degan va undan “Ishtixan” nomi kelib chiqqanligi haqida so‘z yuradi (Қораев 2005: 114). Biroq Ishtixan nomi xonlar davri bilan emas, balki undan oldingi davrlarga oiddir (Ғойибов 2015: 180).

“Ishtixan” toponimi sug‘dcha *’šty* va *x’n* so‘zlaridan tashkil topgan bo‘lib, “*sakkiz buloq*” ma’nosini anglatadi (Лурье, 2004: 72, 145). Ishtixan hamda Oqdaryo tumanlari Zarafshon vodiysining o‘rta qismida joylashgan bo‘lib, hudud gidrogeologik jihatdan sersuv hisoblanadi. Bu yerdagi asosiy sug‘orish manbalari Zarafshon daryosi, undan bosh olgan kanallar, soylar, buloqlar hamda yer osti suvlaridan iborat. Tadqiqotchilar ma’lumotlariga ko‘ra, yer osti suvlarining sathi o‘rtacha 3–8 metr chuqurlikda joylashgan, ayrim pastqam nuqtalarda esa bu ko‘rsatkich 1,5–2 metrgacha yaqinlashadi. Bu holat hududdagi suv resurslarining serobligidan dalolat beradi. Shu nuqtai nazardan, “Ishtixan” atamasining “sakkiz buloq” ma’nosini anglatishi hududning tabiiy gidrografik sharoiti bilan bog‘liq holda shakllangan bo‘lishi ehtimoldan xoli emas.

As-Sam’oniy va An-Nasafiy asarlarida Ishtixan shahriga qarashli bo‘lgan bir qator qishloqlarn ing nomlari keltirib o‘tilgan. Bunda Sog‘arj Samarqanddan 5 farsax uzoqlikda joylashganligini qayd etgan (ас-Самъоний 2017: 120). An-Nasafiyning “Qandiya” asarida “*Shayx Burhoniddin Sog‘arjiy xalifa Umar ibn al-Xattob naslidandir. Ul kishining Sog‘arjiy deb nomlanishining sababi, (VIII asr) islom lashkarlari Samarqandga yetib kelganlarida, Sog‘arj qal’asi Samarqand va Buxorodan keyingi eng katta qal’a bo‘lganligi uchun ham u tomonga qarab yurish boshlashadi hamda qal’ani qamal qilishadi. Biroz vaqtdan so‘ng uni egallaydilar va qal’ani boshqarishni Hazrat Shayx Sog‘arjiyning o‘sha zamondoshdagi ajdodlariga topshiradi*” (ан-Насафий 2016: 40). Alisher Navoiy o‘zining “Nasoyim ul-muhabbat” nomli asarida “*Sog‘arch – Samarqandning to‘rt yig‘ochida bir kentdur*” (Алишер Навоий, 2001: 423), deb ta’kidlagan. Sharafuddin Ali Yazdiyning “Zafarnoma” asarida Amir Temurning uzoq harbiy yurishlardan so‘ng Sog‘arjda bir necha marta bo‘lganligi to‘g‘risida ma’lumotlar uchraydi (Шарафуддин Али Йаздий 1997: 54). Hofiz Tanish al-Buxoriyning “Abdullanoma” (Ҳофиз Таниш ал-Бухорий 1999: 106, 236) va Abu Tohirxo‘janing “Samariya” (Абу Тоҳирхўжа 1991: 35) asarlarida Sog‘arj tuman shaklida, Mahmud ibn Valining “Bahr ul-asror” asarida (Ashtarxoniylar davrida) Sog‘arj viloyat tarzda tilga olingan (Пардаев 2017: 95).

Yozma manbalarda qayd etilgan Sog‘arjning joylashuv o‘rnini V.L. Vyatkin Yangiqo‘rg‘ondan 4 chaqirim g‘arbda joylashganini qayd etadi (Вяткин 1902: 62). B. Valixo‘jaev esa Yangiqo‘rg‘on yaqinida Sug‘oncha nomli qishloq borligini va bu qishloqning nomi Sog‘arjga yaqin bo‘lsada, keyingi ilmiy izlanishlar natijasida bu masalaga oydinlik kiritilish lozimligini zikr etgan (Валихожаев 1994: 54). Qadimgi Sog‘arj shahrining o‘rni Payariq tumaniga qarashli bo‘lgan Qoraxoni va Ko‘rmulla qishloqlarining orasida joylashgan Sog‘ishtepa (Arktepa) yodgorligi lokalizatsiya qilingan (3-rasm). Sog‘ishtepa (Arktepa) yodgorligining maydoni 100 gektardan ortiq bo‘lib, arki shahristonning janubi-g‘arbiy qismida joylashgan, tarhi 150x100 m, balandligi 15 m

2-rasm. Fransuz kartografi J. Delil tomonidan 1724 yilda tuzilgan Carte de Perse xaritasi. Kushoniya va Ishtixan shaharlari daryoning chap tomonida aks ettirilgan

Рис. 2. Carte de Perse (1724) французского картографа Ж. Делиль, на которой показаны города Кушония и Иштихан на левом берегу реки

Fig. 2. Carte de Perse (1724) by French cartographer J. Delille, showing Kushania and Ishtikhan cities on the left bank of the river

atrofida. Hozirgi kunda arkning usti to‘laligicha qabriston bilan qoplangan. Shahriston tarhi ham to‘g‘ri-to‘rtburchak shaklda bo‘lib, tomonlari 400x500 m. (Буряков, Вафаев 1990: 43–48; Раимкулов 2017: 85–87).

Abu Tohirxo‘janing “Samariya” asarida Burhoniddin Sog‘arjiyni Sog‘arj tumanidan ekanligi va shu asarda Hazrat Muhlisxon mozorini Ofarinkent tumanidagi Sug‘onchi degan joyda joylashganligini (Абу Тоҳирхўжа 1991: 35, 58) hisobga olsak, o‘rta asrlarda Sug‘onchi qishlog‘i Ofarinkent tumaniga qaraganligi yanada oydinlashadi. Ya’ni, Sog‘arj Oqdaryoning o‘ng tomonida joylashgan tuman. Shu o‘rinda, Ibn Havqal Ishtixan hududi Sog‘arj tog‘laridagi Yag‘on orqasidan boshlanishini qayd etib o‘tgan. Markaziy Davlat Arxivi fondida saqlanayotgan 1902 yilga Kattaqo‘rg‘on uezdi xartasida (Карта Катта-Курганского уезда... 1902) O‘rta To‘sin yaqinida Juvan Tayoq nomli qishloq qayd etilgan. (4-rasm). Shuningdek, 1926 yili O‘zbekiston SSR aholisini ro‘yxatida Metan tumaniga qarashli bo‘lgan To‘sinsoyda Yo‘g‘on-Tayoq nomli qishloq bo‘lgan (Материалы всесоюзной переписи... 1927: 109). Ushbu qishloq hozir ham mavjud bo‘lib, Nurotaning janubiy tizmasiga kiruvchi Qoraqchitog‘da joylashgan.

1902 yilda tuzilgan tarixiy xaritada Kattaqo‘rg‘onga qarashli hududlar tarkibida Oqdaryoning shimol tomonida joylashgan Yarboshi, Oqtepa, To‘sin va Metan volostlari nomi qayd etilgan. Ushbu xaritaga ko‘ra, Metan volosti tarkibiga kirgan Farhod yavu, Qirqaychi, Karimxoja, shuningdek, To‘sin volostiga qarashli bo‘lgan G‘aray va Qur Safar qishloqlari Samarqand uezdi bilan chegaradosh bo‘lgan. Shuningdek, To‘sin volostiga qarashli Kulto‘sin, Achi Gilli, Oqtepa hududidagi Xachcha, Baki, Zarbant, Andakqo‘rg‘on hamda Yarboshi volostining Burganli va Tasmachi qishloqlari Buxoro bilan chegarada joylashgani qayd etilgan (5-rasm).

Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi fondida saqlanayotgan 1923 yilga oid Samarqand viloyati xaritasida ham mazkur chegaralar saqlanib qolganligi kuzatiladi. Yozma va kartogarfik manbalarning ilmiy tahliliga ko‘ra, Oqdaryoning shimoliy hududlari – Yarboshi, Oqtepa, To‘sin va Metan volostlari o‘rta asrlarda Sog‘arj viloyati tarkibiga kirgan. Shu sababli yozma manbalarda

3-rasm. Sog‘ishtepa (Arktepa) yodgorligining umumiy ko‘rinishi
Рис. 3. Общий вид археологического памятника Согиштепа (Арктепа)
Fig. 3. General view of the Soghis-tepa (Arktepa) archaeological site

Sog‘arj ham viloyat, ham tuman sifatida tilga olinadi. Sog‘arj tog‘lari deyilganda ehtimol, hozirgi Qoraqchitog‘ va qisman unga tutashgan Oqtog‘ tizmalari nazarda tutilgan bo‘lishi mumkin.

Qorachatog‘da joylashgan Yo‘g‘on qishlog‘i esa hozirgi vaqtda “Yo‘g‘on-Tayoq” nomi bilan ma’lum. Qo‘shrabot tumani tarkibidagi Jo‘sh qishlog‘i o‘rta asr yozma manbalarda “Zush” yoki “Xazar-Jo‘sh” shaklida qayd etilgan. As-Sam’oniyning “Kitob al-ansob” asarida ham Buxoro viloyatidagi Nur yonida “Sijor (yoki Jijor)” va “Zush” nomli qishloqlar mavjudligi haqida ma’lumot beriladi (Ас-Самъоний, 2018: 145, 160). Toponimik tahlilga ko‘ra, “Sijor–Jijor” qishlog‘i hozirgi Nurota tumanidagi Jadir qishlog‘i bilan, “Zush” qishlog‘i esa Jo‘sh qishlog‘i bilan lokalizatsiya qilish mumkin. Hadis ilmi namoyondalaridan biri Abu Bakr Muhammad ibn Abdusayyid as-Surmoriy az-Zushiy an-Nuriy ham aynan shu qishloqdan chiqqanligi ma’lum (Ас-Самъоний, 2017: 38–39).

Yuqoridagi manbalar tahlili shuni ko‘rsatadiki, rivojlangan o‘rta asrlarda Buxoro Sug‘di bilan Samarqand o‘rtasidagi tabiiy chegara Sog‘arj (Sog‘orch) tog‘i bo‘lgan (1–9-rasmlar).

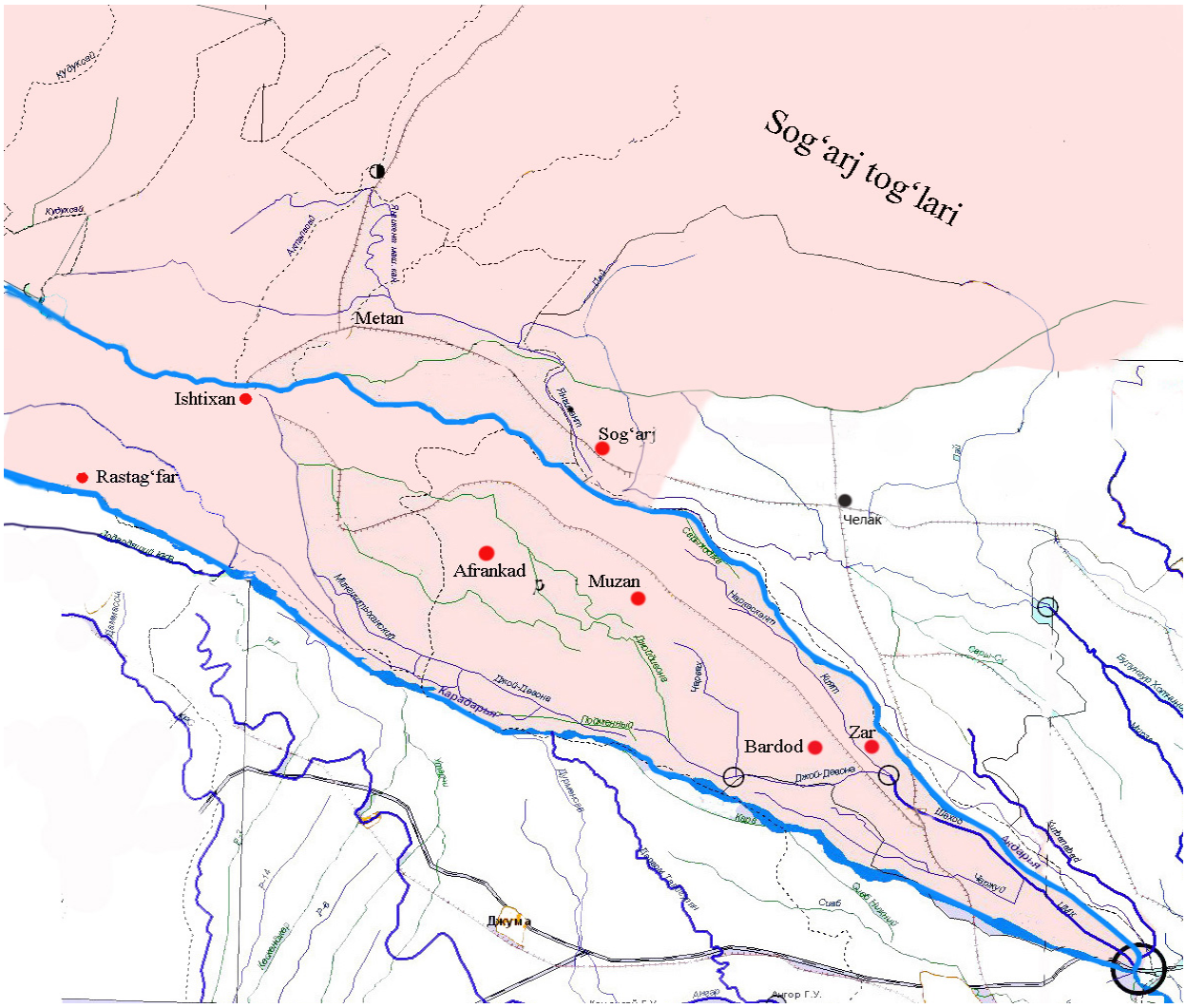
As-Sam’oniyning qayd etishicha, Farankat yoki Afrankad Ishtixanga qarashli bo‘lib, Samarqanddan 5 farsax uzoqlikda joylashgan (Ас-Самьани 2018: 212). Abu Muhammad Bakr ibn Mas’ud al-Farankadiy as-Sug‘diy shu qishloqdan bo‘lib, Abdulloh ibn Hammod al-Omuliy, Abdusamad ibn Fazl al-Balxiy, Abu Hafs Umar ibn Hafs al-Bohiliy va Sa’d ibn Xushnom as-Samarqandiydan ta’lim olganlar.

4-rasm. 1902 yilgi Kattaqo‘rg‘on uezdi xaritasi.
Рис. 4. Карта Каттакурганского уезда 1902 года
Fig. 4. 1902 map of the Kattaqorgon district

Ahmad ibn Abdulvohid ibn Mansur al-Afrankadiy faqih, fozil, mudarris bo‘lib, u Farankad qishlog‘ining muftiysi ham bo‘lgan. U hijriy 527 (milodiy 1134) yilning sha’bon oyida vafot etganlar (ac-Самъоний 2017: 129). Noma’lum muallif tomonidan yozilgan “Hudud ul-olam (Movarounnahr tasnifi)” asarida Afrankad Farnkas shaklda qayd etilib, u (Zarafshon) daryo bilan Ishtixan oralig‘ida joylashgan (Ҳудуд ул–олам 2008: 12). XIX asrda faoliyat yuritgan fransuz kartografi Fransua-Adolf Garne 1861 yilda nashr etilgan “Osiyo Turkiyasi, Arabiston, Fors va Turkiston” (Asie Occidentale. Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan) nomli xartasida (Garnier 1861) (6-rasm) Ofarinkat nomi qayd etilgan. Markaziy Davlat Arxivi fondida saqlanayotgan 1892-1901 yillarda Y. Vasilev, V. Mixaylov va R. Murashko tomonidan tuzilgan Samarqand uezdi xaritasida Karqaliga qarashli bo‘lgan Prinkent nomi uchraydi (Карта Самаркандского уезда... 1901) (7-rasm) Yozma manbalarda qayd etilgan Farankat yoki Afrankad o‘rni Oqdaryo tumani Primkent qishlog‘i hududida joylashgan O‘g‘il va Qiztepa deb nomlangan Qo‘shtepa arxeologik yodgorligi bilan lokalizatsiya qilingan (8-rasm). Yodgorlikning umumiy maydoni 14 gektarga yaqin. Yodgorlikda G. Grigorev boshchiligida 1936-1937 yillarda olib borilgan arxeologik tadqiqotlar natijasida bu yerdan 163^2 m maydondan 200 dan ortiq bo‘lgan ichiga suyak solingan xumlar ochib o‘rganilgan (Григорьев 1939: 144–150). Shuningdek, ilk o‘rta asrlarda oid bo‘lgan Sug‘d tangalari orasida Prinkent tangalari ham uchraydi. Bunda tanganing avers tomonida hukmdor tasviri, reversi markazida tamg‘a va uning atrofida sug‘dcha *prnktyk xwβ* ya’ni “*Farnkat hukmdori*” deb yozilgan (Бегматов, Бобоёров, Гойибов, Кулиш, Лурье, Наймарк 2024: 160) .

As-Sam’oniyning qayd etishicha, **Zar** Ishtixan qishloqlaridan biri bo‘lib, Yahyo ibn Xuzayma az-Zariy al-Ishtixaniy shu qishloqdan bo‘lgan (Ac-Самъоний 2017: 118). XIX asrda Chalpanchi nomli ariq Dahbed shahri yaqinida Oqdaryodan bosh olib, Zar qishloq hududida yana Oqdaryoga quyilgan (Соболев 1873: 239). Ushbu qishloq Kumushkent mahallasi hududida joylashgan bo‘lib, Jar qishloq deb nomlanadi (7-rasm). Shu o‘rinda, Abu Rayhon Beruniyning “Qadimgi xalqlardan qolgan yodgorliklar”asarida sug‘d oylaridagi hayitlar haqida ma’lumot berar ekan bunda “*Majido — oyning uchinchi kuni kashmin hayitidir. Shu kun Sug‘dning Kumujkat qishlog‘ida bozor*

5-rasm. Ilk va rivojlangan o‘rta asrlarda Ishtixan
Рис.5. Иштихан в раннем и развитом средневековье
Fig. 5. Ishtikhan in the early and high medieval periods

bo‘ladi” deb ma’lumot beradi (Бируни 1957: 254). G.A. Pugachenkova yozma manbada qayd etilgan Kumujkatni Oqdaryo tumanida joylashgan Kumushkent bilan lokalizatsiya qilgan. Kumushkent nomi Sharafuddin Ali Yazdiy asarida (Шарафуддин Али Яздий 1997: 47) va Abu Tohirxo‘janing “Samariya” (Абу Тоҳирхўжа 1991: 57; Каттаев 2020: 34), Nosiriddin Husayn Buxoriyning “Tuhfatuz zoyirin” (Каттаев 2017: 234) asarlarida ham uchraydi. V.I. Raspopova G.V. Shishkinalar yozma manbadara qayd etilgan Bardodni Kumushkent yodgorligi bilan lokalizatsiya qilgan (Распопова, Шишкина 1999: 53). Kumushkent nomi 1902 yilgi haritadagi Samarqand viloyati xaritasida ham uchraydi. Demak yozma manbalarda qayd etilgan Bardod-Kumujkat-Kumushkent ham Ishtixan qishloqlaridan biri bo‘lib, uning nomi hozirda ham Kumushkent deb nomlanadi. Kumushkent qishlog‘ida “Kumushkent” nomi bilan ataluvchi tepalik saqlanib qolgan bo‘lib, o‘lchami 120x75 m, balandligi 25 m, miloddan avvalgi III-II asrdan XVIII-XIX asrlarga faoliyat ko‘rsatgan (Пугаченкова 1989: 65).

As-Sam’oniy Ishtixanga qarashli bo‘lgan Muzan nomli qishloq ham bo‘lganligini qayd etib o‘tgan. XV-XVI asrlarga oid bo‘lgan vaqf hujjatlarida Miyonkolda Muzan nomli qishloq va ariqning nomi tilga olingan (Чехович 1974: 72–79; Ас-Самьани 2018: 210). 1892–1901 yillarda Samarqand uezdi xaritasida Muzan qishlog‘i Loyish yaqinida qayd etilgan (9-rasm). Ushbu qish-

6-rasm. Fransua-Adolf Garne tomonidan 1861 yilda tuzilgan Asie Occidentale. Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan nomli xarita
Рис.6. Asie Occidentale. Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan (1861) Франсуа-Адольфа Гарнье
Fig. 6. Asie Occidentale. Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan (1861) by François-Adolphe Garnier

loq hozirda ham Muzan deb nomlanib Oqdaryo tumanidagi Yangiobod mahallasida joylashgan. Muzan qishlog‘ining janubi-sharqida Muzantepa II yodgorligi lokalizatsiya qilish mumkin. Yodgorlik tarhi to‘g‘ri to‘rtburchak shaklda, uzunligi 242 m, eni 212 m, balandligi esa 9 m.ga teng. Yodgorlik III-IV, V-VIII, X-XII asrlar bilan davrlashtirilgan. Ya’ni ushbu yodgorlik o‘rta asrlar yozma manbalarda qayd etilgan Muzanning markaziy shahri bo‘lgan.

Ташкентъ
Ходжентъ
Ура-Тюбе
Ленгеръ
Ходжа-Кульянъ
Ташкентъ
Ханыкинъ
Ханыкинъ
Ханыкин

8-rasm. Primkent markazi bo‘lgan O‘g‘il va Qiztepa arxeologik yodgorligining umumiy ko‘rinishi
Рис. 8. Общий вид археологических памятников Угиль и Кизтепа, с центром в Примкенте
Fig. 8. General view of the archaeological sites of Ugil and Kiz-tepa, centered on Primkent

Rastag‘far ham Ishtixan qishloqlaridan biri bo‘lgan (ас-Самъоний 2017: 115). Imom Abul Hasan Ali ibn Said ar-Rastug‘foniy Ishtixanga qarashli bo‘lgan Rastag‘far qishlog‘ida tug‘ilgan va 350/961 yilda vafot etgan. U mashhur hadisshunos, hanafiy mazhabidagi fiqhshunosi bo‘lgan (Kattaev 2017: 228). Imom Abul Hasan Ali ibn Said ar-Rastug‘foniyga ta’luqli bo‘lgan qabr toshi hozirda Mansur Moturidiy majmuasida saqlanmoqda. Qabr toshida *ushbu qabr buyuk, taqvodor shayx ul-imom Abu-l-Hasan Ali ibni Sa‘id ar-Rustug‘faniyning qabrlaridur. U kishiga Allohning rahmati bo‘lsin* deb yozilgan (Амиров 2020: 305).

V.L. Vyatkin Rastag‘far qishlog‘ini Ishtixanga qarashli bo‘lgan Boyliota qishlog‘i o‘rida bo‘lganligini qayd etadi (Вяткин 1902: 49; Бартольд 1963: 181). Boyliota mahallasida joylashgan yodgorlik uning markazi bo‘lib, yodgorlik mahalliy aholi tomonidan turar joy qurilishi natijasida buzilib ketgan. Uning rabad qismida Imom Abul Hasan Ali ibn Said ar-Rastug‘foniy dafn etilgan va hozirgi vaqtda qabristonga aylantirilgan.

Ishtixanning Rastag‘far (Boyliota), Muzan (Muzan), Bardod (Kumushkent), Zar (Jar), Farankat yoki Afrankad (Primkent) kabi shahar va qishloqlari Oqdaryo va Qoradaryo oralig‘ida, shuningdek, unga qarashli bo‘lgan Sog‘arj (Sog‘ishtepa – Arktepa) rustoqi esa Oqdaryoning o‘ng tomonida joylashgan.

Xulosa. Ishtixan hukmdorligi tarixi va uning joylashuv o‘rni Markaziy Sug‘dning siyosiy-geografik tizimida muhim o‘rin tutadi. Zarafshon vohasining o‘rta qismida joylashgan bu

9-rasm. 1892–1901 yillarda Y. Vasilev, V. Mixaylov va R. Murashko tomonidan tuzilgan Samarqand uezdi xaritasi

Рис.9. Карта Самаркандского уезда, составленная в 1892–1901 гг. Е. Васильевым, В. Михайловым и Р. Мурашко

Fig. 9. Map of the Samarkand district, compiled in 1892–1901 by E. Vasiliev, V. Mikhailov, and R. Murashko

hudud ilk va rivojlangan o‘rta asrlarda nafaqat iqtisodiy, balki diniy markaz sifatida ham katta ahamiyat kasb etgan. Tahlillar shuni ko‘rsatadiki, hukmdorlikning siyosiy chegarasi vazifasini tabiiy geografik omillar – suv manbalari, irrigatsiya tizimlari va tog‘lar bilan bevosita bog‘liq bo‘lgan.

Xitoy, arab va fors manbalarining ilmiy tahliliga ko‘ra, Ishtixan Kushoniya bilan chegaradosh hudud sifatida tilga olinadi. Manbalarda qayd etilgan Rastag‘far (Boyliota), Muzan (Muzan), Bardod (Kumushkent), Zar (Jar), Farankat yoki Afrankad (Primkent) kabi shahar va qishloqlar hukmdorlik tarkibiga kirgan bo‘lib, ular hozirgi Oqdaryo va Qoradaryo oralig‘ida, ya’ni Dahbetdan Ishtixanning Azamat qishlog‘igcha bo‘lgan hududlarni qamrab olgan. Unga qarashli bo‘lgan Sog‘arj (Sog‘ishtepa – Arktepa) rustoqi esa Oqdaryoning o‘ng tomonida joylashgan. Sog‘arj tog‘lari deyilganda ehtimol, hozirgi Qoraqchitog‘ va qisman unga tutashgan Oqtog‘ tizmalari nazarda tutilib, Ishtixan ushbu tog‘lar orqali shimol va shimoli – g‘arbda Buxoro viloyatidagi Nuri qishloqlaridan bo‘lgan Cho‘sh (Jo‘sh) bilan chegaradosh bo‘lgan.

Ishtixan hududi Samarqanddan keyingi ikkinchi yirik siyosiy markaz bo‘lib, u Buyuk Ipak yo‘li yo‘nalishi bo‘ylab joylashgan Samarqand va Buxoro orasidagi savdo, hunarmandchilik va madaniy markazdir.

FOYDALANILGAN ADABIYATLAR RO‘YXATI:

Абу Рейхон Бируний. Памятники минувших поколений / Пер. М. А. Салье. Избранные произведения. Т. 1. Ташкент: АН УзССР, 1957. 488 с.

Ан-Насафий. Қандия / Форс тилидан таржима, тадқиқот, сўзбоши, изоҳ ва луғатлар муаллифи К. Каттаев. Самарқанд: Сугдиён, 2016. 72 б.

Абу Тоҳирхўжа. Самария / Масъул муҳаррир ва сўзбоши муаллифи Хуршид Даврон. (Мерос туркуми). Тошкент: Камалак, 1991.

Алишер Навоий. Насойим ул-муҳаббат / Арабча ва форсча матнларни таржима қилиб нашрга тайёрловчи ва масъул муҳаррир С. Рафиддинов. Тошкент: Фан, 2001. 534 б.

Ал-Балозурий. Футуҳ ал-булдон. Хуросоннинг фатҳ этилиши / Сўзбоши, араб тилидан таржима, шарҳлар ва кўрсаткичлар муаллифи Ш. С. Камолиддин. Тошкент: Extremum-press, 2017. 440 б.

Ас-Самъаний. Китаб ал-ансаб. Важный источник по истории и культуре Средней Азии / Шамсиддин Камолиддин. Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2018. 389 б.

Ас-Самъаний. Насабнома (ал-Ансоб). VIII–XII асрларда яшаган Ўзбекистонлик олимлар ҳақида / Араб тилидан таржима А. Бухорий ва К. Раҳимовлар. Тошкент: Hilol-nashr, 2017. 336 б.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Ред., текст и коммент. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. Т. II. М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 336 с.

Заҳириддин Муҳаммад Бобур. Бобурнома / Ўзбек тилига таржима В. Раҳмонов ва К. Муллахўжаева. Тошкент: Ўқитувчи, 2008. 288 б.

Истахрий. Китаб ал-масолик вал-мамалик (Йўллар ва ўлкалар китоби) / Араб тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи Р. Т. Худайберганов. Тошкент: Фан, 2019.

Ибн Ҳавқал. Китоб сурат ал-ард / Араб тилидан таржима ва изоҳлар муаллифи Ш. С. Камолиддин. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2011. 400 б.

Малявкин А. Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии: тексты и исследования. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1989. 432 с.

Сюань Цзан. Записки о Западных странах (эпохи Великой Тан) (Да Тан си юй цзи) / Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М.: Восточная литература, 2012. 463 с.

Ҳофиз Таниш ал-Бухорий. Абдулланома (Шарафномайи шоҳий). Биринчи китоб / Форс тилидан таржима С. Мирзаев, сўзбоши ва изоҳлар муаллифи Б. Аҳмедов. Тошкент: Шарқ, 1999. 416 б.

Ҳудуд ул-олам (Моваруннаҳр тавсифи) / Форс тилидан таржима, сўзбоши, изоҳлар ва жой номлари кўрсаткичи муаллифи О. Бўриев. Тошкент: O‘zbekiston, 2008. 64 б.

Чехович О. Д. Самаркандские документы XV–XVI вв. О владениях Ходжи Ахрара в Средней Азии и Афганистане / Факсимиле, критический текст, перевод, введение, примечания и указатели О. Д. Чехович. М.: Наука, 1974. 631 с.

Шарафуддин Али Йаздий. Зафарнома / Сўзбоши, таржима, изоҳлар ва кўрсаткичлар А. Аҳмедов ва Ҳ. Бобобеков. Тошкент: Шарқ, 1997. 384 б.

Idrisi, Abou Abdallah Mohammed. Géographie d’Edrisi. Tome II. Traduite de l’arabe en français, avec notes et éclaircissements, par P.-Amédée Jaubert. Paris: Imprimerie Royale, 1836. 504 p.

Chavannes E. Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. 6. СПб.: Императорская академия наук, 1903. С. 380.

ADABIYOTLAR:

Амиров У. Чокардиза қабристонидаги қабртошлар хусусида // Ўзбекистонда исломшунослик ютуқ ва истиқболлари мавзусидаги халқаро семинар мақолалари тўплами / Масъул муҳаррир Ҳ. Эрен, А. Муминов. Istambul, 2020. 267–319 б.

Ахунбабаев Х.Г. Древний Кабуданжакет (к вопросу локализации, генезиса и этапов развития раннефеодальных владений и средневековых рустаков Самаркандского Согда) // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент: Издательство САГУ, 1990. С. 26–28.

Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М.: Восточная литература, 1963. 761 с.

Бегматов А.Х., Бобоёров Г.Б., Гоибов Б.С., Кулиш А.В., Лурье П.Б., Наймарк А.И. Каталог согдийских монетных легенд и надчеканов Центральной Азии / Отр. ред. А. Фейзулаев. Самарканд: МИЦАИ, 2024. 496 с.

Бўриев О. Темурийлар даври ёзма манбаларда Марказий Осиё (тарихий географик лавҳалар). Тошкент: Ўзбекистон, 1997. 186 б.

Буряков Ю.Ф., Вафаев Г.А. Археологические материалы к истории древнего и средневекового Сагарджа // ОНУ. №11. Ташкент: Фан, 1990. С. 43–48.

Валихожаев Б. Хўжа Аҳрор тарихи (Самарқанд ва самарқандликлар). Тошкент: Ёзувчи, 1994. 96 б.

Вяткин В.Л. Материалы к исторической географии Самарканского вилаета // Справочная книжка Самаркандской области. Вып. 7. Самарканд: “Товарищества”, 1902.

Григорьев Г. Зороастрийское костехранилище в кишлаке Фринкент под г. Самаркандом // ВДИ. №2. М., 1939. С. 144–150.

Иневаткина, О.Н., Сучилин, А.А. Транспортные пути самаркандских земель (по картографическим и археологическим источникам) // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. Альманах. T, V. M,: Собрание, 2016. 76–108 с.

Камолиддин Ш. Новый источник по исторической географии Средней Азии. Новейшие исследования сочинения «ал-Канд фи зикр ‘улама’ Самарканд» Абу Хафса ‘Умара ибн Мухаммада ан-Насафи. Saarbrücken: LAP, 2014. 364 с.

Каттаев К. Самарқанднома (Шоҳизинда мажмуаси тарихи, Самарқанд мадрасалари ва илм-фан ривожи, Самарқанднинг буюк алломалари). 4 тўплам. Тошкент: MASHHUR-PRESS, 2017. 308 б.

Каттаев К. Юртимизнинг ўта буюк алломалари (Имоми Али Сўғдий ва Кумушкентдаги тариқат пирлари тарихи). Тошкент: Наврўз, 2020. 72 б.

Кочнев Б.Д. Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209 гг.). Ч.1. Источниковедческое исследование. М., 2005. 314 с.

Қораев С. Ўзбекистон вилоятлари топонимлари. Тошкент: Ўзбекистон миллий энциклопедияси, 2005. 240 б.

Лурье П.Б. Историко-лингвистический анализ согдийской топонимии. Дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2004. 305 с.

Материалы всесоюзной переписи населения 1926 г. в Узбекской ССР. Вып. 1. Самарканд, 1927. 109 с.

Отахўжаев А. Илк ўрта асрлар Марказий Осиё цивилизациясида турк-суғд муносабатлари. Тошкент: ART-FLEX, 2010. 220 б.

Пардаев К. XVI–XVII асрларда Миёнкол. Тошкент: Turon Zamin Ziyo, 2014. 280 б.

Пугаченкова Г.А. Древности Мианкаля (из работ Узбекистанской искусствоведческой экспедиции). Ташкент: Фан, 1989. 204 с.

Раимқулов А. А. Катта Суғд – Сугдиёна. Тошкент: Iqtisod moliyachi, 2017. 208 б.

Распопова В.И., Шишкина Г.В. «Согд» // Средняя Азия в раннем средневековье. М.: Наука, 1999. С. 50–77.

Соболев Л.Н. Подобное описание арыков Зерафшанского округа // Туркестанский сборник. Т. 90. СПб., 1873. С. 239.

Тургунов Б.А. О местоположении средневекового города Иштихан // ОНУ, №11. Ташке

нт: АН УзССР, 1963. С. 55–57.

Ўзбекистон тарихи (Хрестоматия). 2-жилд. 1-китоб. V–XI асрлар. Тошкент, 2014. Б. 32–33.

Хўжаев А. Марказий Осиё халқлари тарихига оид маълумотлар (Қадимий ҳамда илк ўрта аср хитой манбаларидан таржималар ва тадқиқотлар). Тошкент: Наврўз, 2015. 332 б.

Ғойибов Б. Суғд конфедерацияси: шаклланиши, тараққиёти ва таназзули. Тошкент: ABU MATBUOT-KONSALT, 2015. 276 б.

Lurje P. “KOŠĀNIYA” // Encyclopædia Iranica, online edition, 2014. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/koshaniyeh (accessed 30 December 2014).

G‘oyibov B. S. Sug‘d konfederasiyasining Kabudon hukmdorligi tarixiga doir // SamDU ilmiy axborotnomasi. 2-son. Samarqand, 2018. B. 26–29.

KARTOGRAFIK MANBALAR:

Карта Самаркандского уезда, составленная Е. Васильевым, В Михайловым и Р. Мурашко в 1892-1901 гг., ЦГА УзССР. Ф. 277. Оп 1. Д. 3561.

Карта Катта-Курганского уезда, сост. Ф. М. Леонтьевым в 1902 г. ЦГА УзССР. Ф. 277. Д. 3805.

Delisle G. Map of Persia (Iran, Iraq, Afghanistan) - Geographicus - Persia-delisle, 1724. https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1724_De_L%27Isle_Map_of_Persia_(Iran,_Iraq,_Afghanistan)_-_Geographicus_-_Persia-delisle-1724.jpg

Garnier F. A. Asie Occidentale. Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan. Paris, 1861.https://www.swaen.com/listing/asie-occidentale-turquiearabie-perse-turkestan/2704

REFERENCES:

Abu Rayhan Biruni. In Sal’e, M. A. (transl.). Pamyatniki minuvshikh pokolenij. Monuments of Past Generations. Vol. 1. Tashkent: Academy of Sciences of the Uzbek SSR Publ., 488. (In Russian).

An-Nasafiy, 2016. In Kattaev, K, (transl.). Qandiya. Sugdiyon Publ., 72. (In Uzbek).

Abu Tohirkhoja, 1991. In Davron, Kh (ed). Samariya. Tashkent: Kamalak Publ. (In Uzbek).

Alisher Navoi, 2001. In Rafiddinov, S. K (transl.). Nasoyim ul-muhabbat. Tashkent: Fan Publ., 534. (In Uzbek).

Al-Baladhuri, 2017. In Kamoliddin, Sh. S. K (transl.). Futuh al-buldan. Khurasanning fath etilishi (The Conquest of the Lands: The Conquest of Khurasan). Tashkent: Extremum-press Publ.,
440. (In Uzbek).

As-Sam’anij. In. Kamoliddin, Sh. S. (transl.). Kitab al-ansab. Vazhnyj istochnik po istorii i kul’ture Srednej Azii. Kitab al-ansab. An Important Source on the History and Culture of Central Asia. Saarbrücken: LAP Lambert Academic publ., 2018. 389. (In Russian).

As-Sam‘ani, 2017. In A. Bukhari and K. Rahimov (transl.). Nasabnoma (al-Ansab): On Scholars of Uzbekistan from the 8th–12th Centuries. Tashkent: Hilol-nashr Publ., 336. (In Uzbek).

Bichurin, N. Y. (Iakinf), 1950. In. Bernshtam, A. N., Kyuner, N. V. (eds). Sobranie svedeniy o narodakh, obitavshikh v Sredney Azii v drevnie vremena. Collection of Information on the Peoples Inhabiting Central Asia in Ancient Times. Vol. II. Moscow–Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Press, 336. (In Russian).

Babur, Z. M. 2008. In. Rahmonov, V., Mullakhojaeva, K. (transl.). Boburnoma. Tashkent: O‘qituvchi Publ., 288. (In Uzbek).

Istakhri, 2019. Khudayberganov, R. T. (transl.). Kitab al-masalik wa-l-mamalik. Tashkent: Fan Publ. (In Uzbek).

Ibn Hawqal, 2011. In. Kamoliddin, Sh. S. (transl.). Kitab surat al-ard. Tashkent: National Encyclopedia of Uzbekistan Publ., 400. (In Uzbek).

Malyavkin, A. G., 1989. Tangskie khroniki o gosudarstvakh Tsentralnoy Azii: teksty i issledovaniya. Tang Chronicles on the States of Central Asia: Texts and Studies. Novosibirsk: Nauka, Siberian Branch. 432. (In Russian).

Xuanzang, 2012. In. Aleksandrova, N. V. (transl.) Zapiski o Zapadnykh stranakh (Da Tang Xi Yu Ji) (Records of the Western Regions during the Great Tang Era). Moscow: Vostochnaya literatura Publ. 463. (In Russian).

Hafiz Tanish al-Bukhari, 1999. In. Mirzaev, S., Ahmedov B. (transl.). Abdullanoma (Sharafnomayi shohi). Book I. Tashkent: Sharq Publ., 416. (In Uzbek).

Hudud ul-olam (Movarounnahr tavsifi). Hudud al-‘Alam (Description of Mā Warāʾ an-Nahr), 2008. In. Boriev O. (transl.). Tashkent: O‘zbekiston Publ., 64. (In Uzbek).

Chekhovich, O. D., 1974. Samarkandskie dokumenty XV -XVI vv. O vladeniyakh Khodzhy Akhrara v Sredney Azii i Afganistane. Samarkand Documents of the 15th-16th Centuries.On the Ownership of Khoja Ahrar in Central Asia and Afghanistan. Moscow: Nauka Publ., 631 (In Russian).

Sharafuddin Ali Yazdi, 1997. In. Ahmedov A., Bobobekov Kh. Zafarnoma. (transl.). Tashkent: Sharq Publ., 384. (In Uzbek).

Idrisi, Abou Abdallah Mohammed, 1836. Géographie d’Edrisi. Vol. II. Translated from Arabic into French with notes and commentary by P.-Amédée Jaubert. Paris: Imprimerie Royale, 504 p. (In French).

Chavannes, E., 1903. “Documents sur les Tou-kiue (Turks) occidentaux.” Collection of Works of the Orkhon Expedition, Vol. 6. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, p. 380. (In French and Russian).

REFERENCES:

Amirov U. 2020. In Eren, H., Muminov A. (eds). Chokardiza qabristonidagi qabrtoshlar xususida. (On the Tombstones from Chakar-Diza Cemetery). In O‘zbekistonda arxeologiya va tarixi meros: ilmiy maqolalar to‘plami. Istambul. 267–319. (In Uzbek)

Axunbabaev, X. G. 1990. Drevnij Kabudanjaket (k voprosu lokalizacii, genezisa i etapov razvitiya rannefeodal’nyx vladenij i srednevekovyx rustakov Samarkandskogo Sogda) (Ancient Kabudanjaket: On the Issue of Localization, Genesis, and Stages of Development of Early Feudal Possessions and Medieval Rustaks of Samarkand Sogd). In Arkheologiya Srednej Azii. Tezisy
dokladov. Tashkent. 26–28. (In Russian).

Bartold, V. V. 1963. Turkestan v epokhu mongol’skogo nashestviya (Turkestan Down to the Mongol Invasion). Vol. I. Moscow: Vostochnaya literatura. 761. (In Russian).

Begmatov, A. X., Boboyorov, G. B., G‘oyibov, B. S., Kulish, A. V., Lurje, P. B., Naimark, A. I. 2024. In Feyzulayev, A. (ed). Katalog sogdijskix monetnyx legend i nadchekanov Central’noj Azii (Catalogue of Sogdian Coin Legends and Countermarks of Central Asia). Samarkand: IICAS. 496. (In Russian).

Buriyev, O. 1997. Temurijlar davri yozma manbalarda Markaziy Osiyo (tarixiy geografik lavhalar) (Central Asia in the Timurid Era According to Written Sources: Historical-Geographical Sketches). Tashkent: O‘zbekiston. 186. (In Uzbek).

Buryakov, Y. F., Vafaev, G. A. 1990. Arkheologicheskie materialy k istorii drevnego i srednevekovogo Sagardzha (Archaeological Materials on the History of Ancient and Medieval Sagardzha). In. ONU (Social Sciences of Uzbekistan). No. 11. Tashkent: Fan. 43–48. (In Russian).

Valikhojaev, B. 1994. Xo‘ja Ahror tarixi (Samarkand va samarkandliklar) (History of Khoja Ahror: Samarkand and Its People). Tashkent: Yozuvchi. 96. (In Uzbek).

Vyatkin, V.L. 1902. Materialy k istoricheskoj geografii Samarkandskogo vilayeta (Materials on the Historical Geography of Samarkand Province). Spravochnaya knizhka Samarkandskoy oblasti. Vol. 7. Samarkand: Tovarishchestva. (In Russian).

Grigoriev, G. 1939. Zoroastrijskoe kostexranilishche v kishlake Frinkent pod gorodom Samarkandom (Zoroastrian Ossuary in the Village of Frinkent near Samarkand). In. Vestnik Drevnei Istorii (Journal of Ancient History). No. 2. 144–150. (In Russian).

Inevatskina, O. N., Suchilin, A. A. 2016. Transportnye puti Samarkandskix zemel’ (po kartograficheskim i arkheologicheskim istochnikam) (The Transport Ways of the Samarkand Lands (according to Cartographic and Archaeological Sources). Scripta antiqua. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material’noj kultury. Vol. V. Moscow. 76–108. (In Russian).

Kamoliddin, Sh. 2014. Novyj istochnik po istoricheskoj geografii Srednej Azii. Noveyshie issledovaniya sochineniya “al-Kand fi zikr ‘ulama’ Samarkand” Abu Hafsa ‘Umara ibn Mukhammada an-Nasafi (A New Source on the Historical Geography of Central Asia: Recent Studies of “al-Kand fi zikr ‘ulama’ Samarkand” by Abu Hafs ‘Umar ibn Muhammad an-Nasafi). Saarbrücken: LAP. 364. (In Russian).

Kattaev, K. 2017. Samarkandnoma (Shohizinda majmuasi tarixi, Samarkand madrasalari va ilm-fan rivoji, Samarkandning buyuk allomalari) (Samarkandnoma: History of the Shohizinda Complex, Development of Samarkand Madrasas and Science, and Samarkand’s Great Scholars). Tashkent: MASHHUR-PRESS. 308. (In Uzbek).

Kattaev, K. 2020. Yurtimizning o‘ta buyuk allomalari (Imomi Ali Sug‘diy va Kumushkentdagi tariqat pirlari tarixi) (Our Nation’s Most Great Scholars: Imam Ali Sug‘di and the History of Sufi Leaders in Kumushkent). Tashkent: Navruz. 72. (In Uzbek).

Kochnev, B. D. 2005. Numizmaticheskaya istoriya Karaxanidskogo kaganata (991–1209 gg.). Ch.1. Istochnikovedcheskoe issledovanie (Numismatic History of the Karakhanid Khaganate (991–1209): Source-Based Study). Moscow. 314. (In Russian).

Qoraev, S. 2005. O‘zbekiston viloyatlari toponimlari (Toponyms of the Regions of Uzbekistan). Tashkent: O‘zbekiston Milliy Ensiklopediya. 240. (In Uzbek).

Lurje, P. B. 2004. Istoriko-lingvisticheskiy analiz sogdijskoj toponimii (Historical-Linguistic Analysis of Sogdian Toponymy). PhD diss., St. Petersburg. 305. (In Russian).

Materialy vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1926 g. v Uzbekskoy SSR (Materials of the 1926 All-Union Population Census in the Uzbek SSR). Vol. 1. Samarkand: TSSU, 1927. 109. (In Russian).

Otakhojaev, A. 2010. *Ilk o‘rta asrlar Markaziy Osiyo tsivilizatsiyasida turk-sug‘d munosabatlari (Turk-Sogd Relations in the Civilization of Early Medieval Central Asia).* Tashkent: ART-FLEX. 220. (In Uzbek).

Pardaev, K., 2014. *XVI–XVII asrlarda Miyankol (Miyankol in the 16th–17th Centuries).* Tashkent: Turon Zamin Ziyo. 280. (In Uzbek).

Pugachenkova, G. A. 1989. *Drevnosti Miankalya (iz rabot Uzbekistanskoy iskusstvovedcheskoy ekspeditsii) (Antiquities of Miankalya from the Works of the Uzbekistan Art History Expedition).* Tashkent: Fan. 204. (In Russian).

Raimqulov, A.A. 2017. *Katta Sug‘d – Sug‘diyona (Greater Sogd – Sug‘diyona).* Tashkent: Iqtisod moliyachi. 208. (In Uzbek).

Raspopova, V.I., Shishkina, G.V. 1999. *“Sogd” (Sogd).* Srednyaya Aziya v ranem srednevekov’e. Moscow: Nauka. 50–77. (In Russian).

Sobolev, L.N. 1873. *Podobnoe opisanie aryikov Zerafshanskogo okruga (Similar Description of the Zerafshan Irrigation Channels).* Turkestanskiy sbornik. Vol. 90, Petersburg. 239. (In Russian).

Turgunov, B. A. 1963. *O mestopolozhenii srednevekovogo goroda Ishtikhan (On the Location of the Medieval Town of Ishtikhan).* In. *ONU (Social Sciences of Uzbekistan).* No. 11. Tashkent: Fan. 55–57. (In Russian).

O‘zbekiston tarixi (Xrestomatiya). V–XI asrlar (History of Uzbekistan (Chrestomathy). Vol. 2, Book 1. 5th–11th Centuries). Vol. 2, Book 1. 2014. Tashkent, 32–33. (In Uzbek).

Xo‘jaev, A. 2015. *Markaziy Osiyo xalqlari tarixiga oid ma’lumotlar (Qadimiy hamda ilk o‘rta asr Xitoy manbalaridan tarjimalar va tadqiqotlar) (Information on the History of Central Asian Peoples: Translations and Studies from Ancient and Early Medieval Chinese Sources).* Tashkent: Navruz. 332. (In Uzbek).

G‘oyibov, B. S. 2015. *Sug‘d konfederatsiyasi: shakllanishi, taraqqiyoti va tanazzuli (The Sogdian Confederation: Formation, Development, and Decline).* Tashkent: ABU MATBUOT-KONSALT. 276. (In Uzbek).

G‘oyibov, B. S., 2018. *Sug‘d konfederasiyasining Kabudon hukmdorligi tarixiga doir (On the History of the Kabudon Rule of the Sogdian Confederation).* In SamDU ilmiy axborotnomasi. No. 2. Samarqand. 26–29. (In Uzbek).

Lurje, P. 2014. “KOŠĀNIYA.” Encyclopædia Iranica, online edition. Available at: http://www.iranicaonline.org/articles/koshaniyeh (accessed 30 December 2014).

CARTOGRAPHIC SOURCES:

Vasiliev, E., Mikhailov, V., Murashko, R. 1892–1901. *Map of Samarkand Uyezd*. Tashkent: Central State Archive of the Uzbek SSR, F. 277. Op. 1. D. 3561. (In Russian).

Leontyev, F. M., 1902. *Map of Katta-Kurgan Uyezd*. Tashkent: Central State Archive of the Uzbek SSR. F. 277, D. 3805. (In Russian).

Delisle, G. 1724. *Map of Persia (Iran, Iraq, Afghanistan)*. Geographicus – Persia-delisle. [Online] Availableat:https://commons.wikimedia.org/wiki/File:1724_De_L%27Isle_Map_of_Persia_(Iran,_Iraq,_Afghanistan)_-_Geographicus_-_Persia-delisle-1724.jpg (Accessed: 25 October 2025).

Garnier, F. A. 1861. *Asie Occidentale: Turquie d’Asie, Arabie, Perse, Turkestan*. Paris. [Online] Available at: https://www.swaen.com/listing/asie-occidentale-turquiearabie-perse-turkestan/2704 (Accessed: 25 October 2025).

ISSUES OF HISTORICAL TOPOGRAPHY AND LOCALIZATION OF THE CITY OF ISHTIKHON IN THE EARLY AND DEVELOPED MIDDLE AGES

© 2025. Sandiboev Alisher
Samarkand Institute of Archaeology named after Y. Gulomov

Key words: Sogd, Samarkand, Kushaniya, Ishtikhon, Sogarj, Primkent, Muzan, localization, topography, cartography.

This article examines the historical topography of Ishtikhon, located in the western part of the Samarkand oasis, and provides an analytical overview of the cities and settlements that once formed part of its territorial and administrative structure. In Chinese sources, Ishtikhon appears under the name Cao, while in Arabic–Persian texts it is referred to as Ishtikhon. Based on written accounts and cartographic research, several sites within its boundaries have been localized, including Rastaghfar – Boyliota, Muzan – Muzan, Bardad – Kumushkent, Zar – Zhar, Farankat (or Afrankad) – Primkent, and Sogardj – Sogishtepa – Arktepa, all of which represent significant archaeological monuments of the region. A detailed analysis of the available sources indicates that the city of Ishtikhon bordered the territory of Kushaniya. The domain extended between the present-day rivers Akdarya and Karadarya – from the town of Dahbet to the village of Azamat within modern Ishtikhon. The associated rural district (rustaq) of Sogardj (Sogishtepa – Arktepa) was situated on the right bank of the Akdarya River. The Sogardj Mountains mentioned in the sources can be identified with the modern Karakchitag ridge and, in part, with the adjacent Oktog range. On the basis of this evidence, it can be concluded that through these mountain chains, Ishtikhon bordered the ancient Nuri settlements of the Bukhara region to the north and northwest, particularly the village of Chush (Jush).

V.V YATKINNING SAMARQAND DAVLAT MUZEY-QO‘RIQXONASIDAGI ARXEOLOGIK KOLLEKSIYALARI

© 2025 Maxmudxon Yunusov
“Ipak yo‘li” xalqaro tadqiqot instituti

Kalit so‘zlar: Hayoti va faoliyati, merosi, qo‘lyozma, asarlar, Afrosiyob, Samarqand, sopol, metall, tadqiqot, konservatsiya.

Ushbu maqolada 1933-yilda Samarqand muzeyiga topshirilgan va hozirda Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi arxeologiya fondida saqlanayotgan V. Vyatkin kolleksiyasining tarkibi, xususiyatlari va ularning ilmiy o‘rganilishi birinchi marta tahlil qilinadi. V.Vyatkin XIX asr oxiri-XX asr boshlarida Turkistonni o‘rganishga katta hissa qo‘shgan olimdir. Maqolada V. Vyatkinning hozirgi O‘zbekiston hududi bo‘ylab, xususan, Afrosiyob shaharchasi va Ulug‘bek rasadxonasi kabi muhim arxeologik obidalarda to‘plagan kolleksiyalari ayon etilgan. Muallif Samarqand va uning atrofi tarixini o‘rganish uchun alohida ahamiyatga ega bo‘lgan kulolchilik, metall buyumlar va boshqa uy-ro‘zg‘or buyumlarini o‘z ichiga olgan kolleksiyalarni tahlil qiladi.
Ushbu tadiqiqot ishi arxeologiya, tarix, muzeyshunoslik sohasidagi mutaxassislar uchun katta ahamiyatga egadir. U bir tadqiqotchining merosi keyingi ilmiy izlanishlar uchun qanday asos bo‘lishi mumkinligini ko‘rsatadi va Turkiston tarixi hamda mintaqaning madaniy aloqalari bilan qiziqqan har bir kishi uchun ahamiyatlidir.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КОЛЛЕКЦИИ В. ВЯТКИНА В СОБРАНИИ САМАРКАНДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

© 2025. Махмудхон Юнусов
Международный научно-исследовательский институт «Шёлковый путь»

Ключевые слова: Жизнь и творчество, наследие, рукопись, произведения, Афросиаб, Самарканд, керамика, металл, исследование, консервация.

В статье впервые анализируются состав, характеристика и научное изучение коллекции В. Вяткина, переданной в Самаркандский музей в 1933 году и в настоящее время хранящейся в археологическом фонде Самаркандского государственного музея-заповедника. В. Вяткин – учёный, внёсший большой вклад в изучение Туркестана в конце XIX – начале XX веков. В статье подробно описываются коллекции В. Вяткина, собранные на территории современного Узбекистана, в частности, на важных археологических памятниках городища Афросиёб и обсерватории Улугбека. Автор анализирует коллекции, включающие керамику, изделия из металла и другие предметы быта, имеющие особое значение для изучения истории Самарканда и его окрестностей.
Данная исследовательская работа имеет большое значение для специалистов в области археологии, истории и музееведения. Он показывает, как наследие одного исследователя может послужить основой для дальнейших научных изысканий и важен для всех, кто интересуется историей Туркестана и культурными связями региона.

Bugungi kunda V. L. Vyatkinning hayoti va faoliyatiga bag‘ishlangan to‘liq tadqiqot mavjud emas, shu jumladan uning barcha ilmiy izlanishlarining to‘liq to‘plami ham nashr etilmagan. Faqatgina, garchi badiiy asar bo‘lsada K. Novoselovaning «Altair yulduzi» romanida olimning hayoti

to‘laroq aks ettirishga muvaffaq bo‘lingan. M. Masson o‘z xotiralarida V. Vyatkinni arxeologiyada o‘zining «cho‘qintirgan otasi» deb atab, olimga yuksak baho beradi (Массон 1976: 14). V. Vyatkin haqida A. Abbosovning 1969 yilda nashr etilgan «Vyatkin-tarixchi-manbashunos, O‘zbekiston tarixchisi-arxeologi» (Аббасов 1969) nomli bitta nomzodlik dissertatsiyasi mavjud bo‘lib, unda olimning hudud arxeologiyasiga qo‘shgan hissasi ko‘rib chiqiladi. Shunisi e’tiborga loyiqki, tadqiqotning asosiy yo‘nalishi V. Vyatkinning muhim manbalar bilan ishlashiga qaratilgan.

Afrosiyobga bag‘ishlangan ko‘p tomlik tadqiqotlarning birinchi nashri V. A. Shishkinning V. L. Vyatkinning xotirasiga bag‘ishlangan Samarqand va uning atrofini arxeologik o‘rganish tarixiga bag‘ishlangan fundamental maqolasi (Шишкин 1969: 3-122) bilan boshlanadi. Muallif V. Vyatkinning yiliga 600 rubl miqdorida kamtarona maosh bilan Samarqand yodgorliklari nazoratchisi etib tayinlanishi uning Samarqand qadimiy ashyolarini o‘rganish bo‘yicha mutaxassis sifatida tan olinishini anglatishi, u bu maqomni Samarqand tarixi va arxeologiyasini eng yaxshi bilimdoni sifatida umrining oxirigacha saqlab qolganini qayd etadi. Darhaqiqat V. L. Vyatkin Samarqandni arxeologik o‘rganish ishlariga tamal toshini qo‘ygan.

V. L. Vyatkinning faoliyati ko‘p qirralidir, shuning uchun Samarqand tarixi va madaniyati haqidagi kitoblarda uning ismi-sharifi albatta keltiriladi. T. S. Saidqulov o‘z tadqiqotida V. Vyatkinning to‘qqizta asarini ko‘rsatib, “hozirgacha V. Bartold, A. F. Fedchenko ...V. L. Vyatkinning tarix, geografiyaga bag‘ishlangan asarlari ilmiy qiziqishini yo‘qotmagan” ligini ta’kidlaydi (Саидкулов 1970: 168). Olimning barcha asarlari bibliografiyasi Ye. Betger tomonidan tuzib chiqilgan bo‘lib, muallif V. Vyatkinning 68 ta nashr etilgan asarlari ro‘yxatini keltiradi (Беттер 1960: 124-127). Shu bilan birga, nashr etilmagan 7 ta asar ro‘yxatini ham ilova qiladi. Y. Betger olimning chop etilmagan asarlari sifatida quyidagilarni keltiradi:

-“XVI asr o‘zbeklarni o‘rganish masalasiga doir”

-“O‘rta Osiyo tarixiga doir materiallar. Shayboniylar”

-“Buxorodagi X asrga oid Amir Ismoil maqbarasi”

-“O‘zbekistonning tanga xazinalari”

-“Islomning ilk asrlarida Samarqanddagi qabrtoshlar”

-“Oxirgi yillarda O‘zbekistonda topilgan tanga xazinalari. Maxov qishlog‘idan topilgan Somoniylar kumush tangalari xazinalari va 1929-yil Afrosiyob qazishmalarida aniqlangan Somoniylarning mis tangalari”

-“Samarqand me’moriy yodgorliklari”

Y. Betger V. Vyatkinning nashr etilmagan qo‘lyozmalari haqida qaysi manbadan ma’lumot olganini, ular qayerda saqlanishi haqida ma’lumot bermagan. Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi hujjatlar fondida olimning ikkita qo‘lyozmasi saqlanadi. Bular “Samarqand me’moriy yodgorliklari” va “Buxorodagi X asrga oid Amir Ismoil maqbarasi” qo‘lyozmalaridir. Mazkur ikki qo‘lyozma hozirgi vaqtda mazkur maqola muallifi tomonidan nashrga tayyorlanmoqda.

So‘nggi yillardagi asarlarga murojaat qilsak, olimlar V.Vyatkinga ko‘proq murojaat qilayotganligini kuzatishimiz mumkin. X. G. Axunbabayev «Afrosiyobdagi ixshidlar saroyi» monografiyasida 1904-1930 yillardagi Afrosiyobdagi arxeologik tadqiqotlar arxeolog V. L. Vyatkin nomi bilan bog‘liq bo‘lganligini ta’kidlaydi (Axun-babayev 1999: 6). Afrosiyobni o‘zlashtirish va o‘rganish tarixi haqida hamma narsa V.Vyatkindan boshlanadi albatta.

T. I. Doroshenko «V. L. Vyatkinning Samarqand yodgorliklarini o‘rganish va saqlashga qo‘shgan hissasi» maqolasida (Дорошенко 2007: 411-413) Samarqand va uning atrofidagi qadimiy qishloqlarning yodgorliklari va qoldiqlarini rejasini tuzgan V. L. Vyatkin Afrosiyobdagi qazishmalarda V. V. Bartoldga yaqindan yordam berganligini qayd etadi. V. V. Bartold O‘rta Osiyo tarixi bo‘yicha haqiqiy ilm-fan manbalarini o‘rganish uchun V.Vyatkinning asalarini jiddiy asarlar sifatida qabul qilgan edi.

V. L. Vyatkin qadimiy qo‘lyozmalarning to‘plovchisi va tadqiqotchisi bo‘lgan, ularni talqin qilgan va tarjima qilgan, ijodiy tahlil qilish va kashfiyotlarga olib keladigan muhim belgilarni topishga muvaffaq bo‘lgan. V.L.Vyatkinning 190 tomdan iborat qo‘lyozmalari 1933 yilning boshida O‘zbekiston Davlat xalq kutubxonasiga topshiriladi. Shu yilning o‘zida ushbu kutubxonaning sharq qo‘lyozmalari bo‘limiga o‘tkaziladi. V.L.Vyatkin to‘plamining alifboli ro‘yxati 1935 yilda B.S.Sergeev tomonidan tuzib chiqiladi va nashr qilinadi. Unda juda noyob qolyozmalar jamlangan edi. XVI asr, jumladan, shayboniylar davri qo‘lyozmalari va Orta Osiyoda darveshlar qo‘zg‘oloniga doir adabiyotlar ancha tokis mujassamlashgan. Ularning ichida 700 ga yaqin sud va notarial harakterdagi hujjatlar, shuningdek, samarqandlik qozi Mulla Bek Muxammad Umarbiyga mansub bolgan (1588-1591yillar) hujjatlarni o‘z ichiga olgan XVI asr toplami ayniqsa, qimmatga ega. 1943 yilga kelib, ushbu to‘plam Abu Rayhon Beruniy nomidagi O‘zFA Sharqshunoslik institutiga topshiriladi (Бартольд 1973: 21).

1933-yilda V.L. Vyatkin vafotidan keyin uning asosan Afrosiyob shaharchasi va Samarqand atroflaridan yig‘ilgan boy arxeologik to‘plami Samarqand muzeyi fondiga qabul qilinadi. Muzeylar ishi, qadimiy yodgorliklar, san’at va tabiatni muhofaza qilish Samarqand qo‘mitasi (Samkomstaris)ning 1933-yil 13-sentyabrdagi qaroriga asosan Samarqand muzeyi ilmiy xodimlari M.Yu.Saidjonov (rais), I.A.Suxarev, G.P.Snesarev ishtirokida komissiya tuzilib, V.L.Vyatkinning arxeologik to‘plamining ro‘yxati tuzib chiqiladi (Yunusov 2024: 53).

1933-yil 12-oktyabrda V.L.Vyatkinning turmush o‘rtog‘i Yelizaveta Afanasevna va Samarqand muzeyi xodimi M.Y. Saidjonov ishtirokida to‘plamni Samarqand muzeyiga topshirish dalolatnomasi tuziladi. Unga ko‘ra, to‘plam 11 dona simob ko‘zacha, 34 dona odamning sopol haykallari, 29 dona hayvonlar sopol haykalchalari, 25 dona idish qopqoqlari va qoliplar, 4 dona loy qoliplar, 71 dona sirlanmagan loy idishlar, 28 dona mis va bronza idishlar, 33 dona chiroqlar, 231 dona sirlangan idishlar, 2 dona metall eritadigan qozon, 3 dona ostadon bo‘laklari, 21 dona suyakdan ishlangan buyumlar, 66 dona shishadan ishlangan buyumlar, 1 dona tanga quyish qolipi (matritsa) jami 559 dona arxeologik ashyolardan iborat edi (Материалы приема .., 1-jamg‘arma, 1-ro‘yxat, 508-jild: 3-16).

Bundan tashqari, 137 dona mis tanga, 140 dona qoraxoniylar kumush tangalari bo‘laklari, 67 dona somoniylar mis tangalari, 1 dona misdan ishlangan nishon, 262 dona turli davrlarga oid mis tangalar, 2 dona kumush tanga, 52 dona qoraxoniylar kumush tangalari, 8 dona mis va 23 dona kumush somoniylar tangalari bo‘laklari, Afrosiyobdan topilgan 68 dona turli mis tangalar saqlangan ko‘zachalar, shuningdek, 128 dona sopol bo‘laklari, turli sopol idish bo‘laklari va gipsdan ishlangan buyum qismlari Samarkand muzeyiga topshiriladi (Материалы приема ..., 1-jamg‘arma, 1-ro‘yxat, 508-jild: 12-27). Ushbu jamlanma shu kungacha ham o‘rganilib, tarixiy tasnifi yaratilmagan. Mazkur taqdiqot ishi kolleksiyaning numizmatik materillarini qamram olmay, faqatgina Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi arxeologiya fondida saqlanayotgan kolleksiyaga murojaat qilingan.

V. Vyatkining 1933-yilda Samarqand muzeyiga qabul qilingan arxeologik kolleksiyasi jami 15 ta to‘plamga jamlangan. Quyida ularni birma-bir ko‘rib chiqamiz. V. Vyatkin kolleksiyasi A-34 kolleksiyadan boshlanadi (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 27-28). Ushbu kolleksiyada jami 14 dona toshdan ishlangan buyumlar jamlangan bo‘lib, ular Afrosiyobdan topilgan. Ashyolar va KP-128/1 kirim raqami berilgan. Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmaganligi uchun davri abiqlanmagan.

A-35 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 30) 12 dona simob ko‘zacha jamlangan bo‘lib, KP-128/2 kirim raqamiga egadir. Ushbu ashyolar ham V.Vyatkin kolleksiyasi tarkibida 1933 yilda muzeyga qabul qilingan. Ashyolarning bir donasi A-35/1 raqamli simob ko‘zacha V. Vyatkin tomonidan ilmiy tadqiq etilgan (Вяткин 1927: 57). Kolleksiyaning qolgan qismi ilmiy jihatdan

tadqiq etilmagan. Fanda simob ko‘zacha nomini olgan mazkur ashyolarning ishlab chiqarilishi va nima maqsadda foydalanilgani xususida ilmiy adabiyotlarda o‘nlab nazariyalar mavjud. Ko‘pgina mualliflar va shu jumladan V. Vyatkinning o‘zi ham «harbiy» nazariyaga moyil. Unga ko‘ra bu idishlar harbiy maqsadda foydalanilgan qo‘l granatalariga o‘xshash harbiy qurol bo‘lgan. Bir vaqtlar Vizantiya hukumati tomonidan ishlatilgan va yunon olovi nomini olgan harbiy moslama kabi xom neft yoki nitrat tarkibli yarim portlovchi aralashma (selitra) bilan to‘ldirilgan va otish qurollari yordamida otilgan. Mazkur ashyoning aniq kelib chiqish joyini aniqlash imkonsiz. Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi kolleksiyalaridagi simob ko‘zachalar Afrosiyob shaharchasining ko‘proq chekka qismlarida shahar mudofaa devorining old va orqa tomonlaridan topilganligi qayd etilgan. Balki shuning uchun bo‘lsa kerak ko‘pchilik olimlar qatori V.Vyatkin ham “harbiy” nazariyaga moyilroqdir.

A-36 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 51-76) ham odamning sopol haykalchalari jamlangan bo‘lib, bu kolleksiya KP-128/3 kirim raqamiga ega. Kolleksiyadagi ashyolar soni 38 tani tashkil etadi. Uning katta qismi sopol haykalchalarning bosh qismidan iborat (1-rasm). Kolleksiya qisman tadqiq etilgan. A-36/12 raqamli otliq ko‘rinishidagi haykalcha L.Zabelina va N.Rempel tomonidan nashr etilgan (Забелина и др. 1948: 12). Musiqachi ko‘rinishidagi, nay chalayotgan, bosh kiyim bilan tasvirlangan A-36/17,24,26,28 raqamli haykalchalar A. Terenojkin, Kamilla Terever tomonidan tadqiq etilgan (Тереножкин 1950: 156; Camilla 1932: 52, XIV plates). Kolleksiyadagi boshqa ashyolar ilmiy tadqiq etilmagan.

A-37 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 77-104) ham V.Vyatkin arxeologik kolleksiyasi tarkibida 1933 yilda muzeyga qabul qilingan va KP-128/4 kirim raqami ostida saqlanadi. Kolleksiya 29 dona hayvonlarning sopol haykalchalaridan iborat bo‘lib, Samarqand atroflari, asosan Afrosiyobdan topilgan deb taxmin qilinadi. Haykalchalar fantastik mavjudotlar, maymun, sigir, kiyik, mushuk, qo‘y, qushlar ko‘rinishida ishlangan. O‘z vaqtida ushbu haykalchalardan tanga quti sifatida yoki bolalar o‘yinchoqlari sifatida foydalanishgan. Kolleksiyadagi A-37/1 raqamli odamsimon maymun tasvirli sopol haykalcha Kamilla Terever (Camilla 1932: 52), Aurel Stein (Stein 1907), S.M.Zuber (Зубер 1940: 33) tomonidan tadqiq etilgan. Kolleksiyaning qolgan qismi ilmiy muomalaga kiritilmagan. Kolleksiya ilmiy tavsifi muzey xodimi V.A. Mishkeris tomonidan 1953-yilda yozilgan.

1-rasm. Yigit boshi aks etgan sopol haykalcha. Samarqand. V–VII asrlar. A-36-8

Рис. 1. Голова глиняной статуэтки юноши. Самарканд. V–VII вв. А-36-8

Fig. 1. Head of a clay figurine of a young man. Samarkand. 5th–7th centuries. A-36-8

A-38 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 121-132) sopoldan ishlangan va bosma naqshli (штампованный) dumaloq qopqoqlar va sirlanmagan idishlar uchun ilgaklardan iborat 30 dona ashyo jamlangan. Kolleksiya KP-128/5 kirim raqami ostida saqlanadi va V.Vyatkin kolleksiyalari tarkibida 1933-yilda muzeyga qabul qilingan. Ashyolar asosan Afrosiyob shaharchasi hududidan topilgan. Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

A-39 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 133-137) (KP-128/6) “idishlarni yoki relyefli naqshlarga ega idish qopqoqlariga naqsh solish uchun foydalanilgan pishgan sopol qoliplar” deb nomlanadi va 4 ta ashyoni jamlagan. Mazkur ashyolar ham V.Vyatkin kolleksiya tarkibida 1933-yilda muzeyga qabul qilingan. Topilgan joyi noma’lum va ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan. V. Vyatkin o‘z arxeologik kolleksiyasini asosan Samrqand shahri, xususan,

Afrosiyobdan yig‘ganligini hisobga olsak mazkur ashyolar ham Afrosiyobdan yi’gilgan bo‘lishi mumkin.

A-40 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 139-156) (KP-128/7) 136 dona sirlanmagan turli sopol idishlarni o‘zida jamlagan. Ushbu kolleksiya ham V. Vyatkin kolleksiyasi tarkibida 1933-yilda muzeyga qabul qilingan. Topilgan joyi noma’lum va ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan. Samarqand shahri atrofi va asosan Afrosiyobdan yig‘ilgan bo‘lishi mumkin.

A-41 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 1-7) (KP-128/8) da 28 dona mis, bronza idishlar va boshqa metallardan ishlangan buyumlar joy olgan (2-rasm). Ashyolarning 9 donasi Vazirlar Mahkamasining 1997-yil 2-iyundagi 127-sonli qaroriga muvofiq Toshkentdagi temuriylar tarixi davlat muzeyiga berilgan. Ushbu kolleksiya ham 1933-yilda V. Vyatkin kolleksiyalari tarkibida Samarqand muzeyiga kelib tushgan. Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan. Ashyolar XI-XIX asrlarga oid bo‘lib, ularning bir qismi aholidan to‘plangan bo‘lishi mumkin. Kolleksiyaning katta qismi to‘plangan joyi noma’lum. Qisman Afrosiyob shaharchasidan aniqlangan.

2-rasm. Markazda sfinks tasviri joylashgan bronza patnis. XII asr. A-41-1
Рис. 2. Бронзовый поднос с изображением сфинкса в центре. XII в. A-41-1
Fig. 2. Bronze tray with a central depiction of a sphinx. 12th century. A-41-1

A-42 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 29-35) (KP-128/9) 33 dona sopol va toshdan ishlangan chiroqlar o‘rin olgan. Ushbu kolleksiya ham 1933-yilda V.Vyatkin kolleksiyalari tarkibida Samarqand muzeyiga kelib tushgan. Ashyolarning asosiy qismi IX-X asrlarga oiddir. Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

A-43 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 36-74) (KP-128/10) Afrosiyobdan to‘plangan 395 dona sirlangan sopol idishlardan iborat (3-rasm). Ashyolarning 7 donasi Vazirlar Mahkamasining 1997-yil 27-iyuldagi 259-sonli qaroriga muvofiq Toshkentdagi Temuriylar tarixi davlat muzeyiga berilgan. Ashyolarning asosiy qismi IX-XII asrlarga oid bo‘lgan oq fonga arabiy yozuvlar va islimiy bezaklar tushirilgan idishlardan iborat. Shu bilan birga keyingi davrlarga oid bo‘lgan, turli rangda sirlangan idishlar ham kolleksiyadan o‘rin olgan. Xususan, moviy rang ustunlik qiluvchi temuriylar davriga oid sirlangan idishlar ham mavjud bo‘lib, ularning bir qismi temuriylar tarixi davlat muzeyi tashkil etilishi vaqtida mazkur muzey kolleksiyasiga o‘tkazilgan. Kolleksiya hozirgi vaqtda milliy hunarmandchilikda an’analardan foydalanishda juda qo‘l kelishi mumkin. Buning uchun eng avvalo jamlanmaning katalogini nashr etish talab etiladi. Ushbu kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

3-rasm. Hoshiyali tovoq. Oq fonda qora va qizil rangdagi surat va epigrafik bezak. X asr. A-43-2
Рис. 3. Блюдо с бортиком. Орнамент и изображение в чёрном и красном цветах на белом фоне, эпиграфический декор. X в. A-43-2
Fig. 3. Rimmed bowl. Black and red painted decoration on a white background with epigraphic motifs. 10th century. A-43-2.

A-44 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 75-76) (KP-128/11) jami 10 dona metal quyish uchun sopol qoliplar jamlangan. Kolleksiyadagi 4 dona qoliplar V. Vyatkin kolleksiyasiga oid bo‘lsa, qolgan 6 donasi M.

Stolyarov kolleksiyasiga tegishli. Ashyolarning davri korsatilmagan va kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

A-45 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 78-79) (KP-128/12) jami 4 ostadon bo‘laklari jamlangan (4-rasm). Bo‘laklarning birinchisida 2 ta odam gavdasi ifodalangan bo‘lsa, qolganlarida geometrik va o‘zimliksimon naqshlar solingan. Ostadon bo‘laklari Afrosiyobdan topilgan va V. Vyatkin kolleksiyasiga oiddir. Davri aniqlanmagan va ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

A-46 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 81-85) (KP-128/13) 21 dona suyakdan ishlangan buyumlar jamlangan. Ashyolar katta ehtimol bilan Afrosiyobdan topilgan bo‘lishi mumkin. Ashyolar qoshiq, qoshiq dastasining bir qismi, taroq, turli o‘yinchoqlar, tugmalardan iborat. Kolleksiya 1953-yilda B. Kastalskiy va I. Suxarev tomonidan asosan texnik hususiyatlarni o‘z ichiga olgan tavsif yozilgan. Biroq ilmiy jihatdan nashr etilmagan va davri aniqlanmagan.

A-47 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 108-111) (KP-128/14) 67 dona shishadan ishlangan ashyolar yig‘ilgan va asosan idishlardan iborat. Kolleksiya ilmiy tadqiq etilmagan, davri aniqlanmagan va topilgan joyi ma’lum emas.

A-48 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №3: 108-112) (KP-128/14) 2 dona qolip saqlanadi. Ulardan birinchisi tanga quyish uchun qolip (matritsa) hisoblanadi. Ashyo 1915-yilda V. Vyatkin tomonidan Afrosiyobdan topilgan. Qolip to‘rtta old va uchta teskari tanga tomoniga ega. Aversda “Allohdan o‘zga iloh yo‘q va uning sherigi yo‘q” yozuvi va atrofida “Ushbu dirham Alloh nomi bilan 297 yilda Samarqandda zarb etilgan” yozuvlariga ega. Reversda “Muhammad Allohning elchisi, Al-Muktafiy billa Ahmad ibn Ismoil” yozuvi tushirilgan. Matritsa ham 1933-yilda marhum V. Vyatkin kolleksiyasi tarkibida muzeyga qabul qilingan. Somoniylar davriga oid mazkur topilma haqida V. Vyatkin (Вяткин 1926: 71-76) va M. Masson (Массон 1933: 15-16) nashr etishgan.

Yuqorida V.Vyatkin tomonidan olimning o‘limidan keyin Samarqand muzeyiga topshirilgan kolleksiyaga sharh berildi. Undan tashqari V. Vyatkin tirikligida muzeyga kirim qilingan arxeologik ashyolar ham mavjud bo‘lib, ularni quyida ko‘rib chiqamiz.

A-2 kolleksiya (KP-6369) jami 34 dona sirlangan va sirlanmagan sopol idishlar va shisha idishlardan iborat ashyolardan tarkib topgan bo‘lib, V.Vyatkin tomonidan 1925-yilda Afrosiyob olib borilgan qazishma natijasida to‘plangan (O‘zbekiston madaniyati ... №1: 31-46). Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

4-rasm. Ossuariy bo‘lagi. Taxtda o‘tirgan сюжет tasviri. A-45-1
Рис. 4. Фрагмент оссурия. Изображение фигуры, сидящей на троне. A-45-1
Fig. 4. Fragment of an ossuary. Depiction of a figure seated on a throne. A-45-1

A-13,14,15 kolleksiyalarda turli shaxslar tomonidan Samarqand (qisman Afrosiyob.)da yig‘ilgan sopol chiroqlar joy olgan bo‘lib, ularning soni 165 donani tashkil etadi (O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. 1-20; 102-113 betlar). Chiroqlarning 1 donasi V.Vyatkin tomonidan Afrosiyobda o‘tkazilgan qazishmalarda aniqlangan. Bir qism ashyolar SamMI klinikasi hududidan, Amir Temur arki hududidan topilgan. Ashyolarning 28 donasi Samkomstaris tomonidan olib borilgan qazishmalarda aniqlangan bo‘lsa, 1 dona ashyo Termiz shahri hududidan topilgan. Kolleksiya ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan va kirim raqami berilmagan.

A-27 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №2: 19) 71 dona ip yigirish urchug‘i jamlangan. Ashyolarning katta qismi kelib chiqish noma’lum. 20 donasi M.Stolyarov tomonidan, 3 tasi V. Vyatkin tomonidan va 1 donasi

Samkomstaris tomonidan muzeyga topshirilgan. Ularning 2 donasi (KP-1558, 1091) birinchi darajali hisobdan o‘tkazilgan xolos. Qolganlari kirim raqamiga ega emas va ilmiy jihatdan tadqiq etilmagan.

A-75 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №45: 154-162) 28 dona Samarqand me’moriy yodgorliklari atrofidan qazib olingan va turli shaxslar tomonidan muzeyga topshirilgan o‘yma sopol, shuningdek kamroq moviy rangda sirlangan me’moriy qoplamalar jamlangan. Ba’zi ashyolarni kim qachon va qayerdan olib kelganligi inventar kitoblarda aks etgan. Kolleksiyadagi ashyolarning bir qismi Samarqand shahri yaqinidagi Xaymar qishlog‘i eski qabristonidan V. Vyatkin rahbarligidagi ekspeditsiya davomida yig‘ilgan. Kolleksiya ilmiy tadqiq etilmaganligi uchun uning davri ko‘rsatilmagan.

A-76 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №45: 116-127) 46 dona relyefli mayolikalar jamlangan. Ashyolar sopol g‘ishtlar, plitkalar, va me’moriy parchalardan iborat bo‘lib, Samarqandning turli me’moriy yodgorliklaridan (Maxovxona qishlog‘i, Shoxizinda kompleksi, Registon, Yozdah Imom mozori, Afrosyob.)yig‘ilgan. Mazkur kolleksiyaning to‘planishida ham V. Vyatkin, M. Masson, I. Suxarevlar ishtirok etishgan. Kolleksiyaga kirim raqami berilmagan va ilmiy tadqiq etilmagan. Shuning uchun ham ashyolarning davri xususida inventar kitoblarda ma’lumotlar keltirilmagan.

A-77 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №4: 192) 2 dona ashyo saqlanadi. Ular V. Vyatkin tomonidan muzeyga topshrilgan bo‘lib, biri oq mato parchasi bo‘lsa, ikkinchisi qog‘oz parchasidir. Ashyolarning aniqlangan yeri Afrosiyob bo‘lib, shaharchaning qaysi qismidan aniqlanganligi va kolleksiyaga oid boshqa ma’lumotlar inventar kitoblarda keltirilmagan. Kolleksiyaga kirim raqami berilmagan va ilmiy tadqiq etilmagan.

A-78 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №44: 186-188) 6 dona me’moriy koshin bo‘laklari-mozaikalar jamlangan bo‘lib, Childuxtaron maqbarasiga tegishlidir. Bu yerda shayboniylarga tegishli bir qancha qabrlar aniqlangan. Ashyolar 1920-yilga qadar bo‘lgan davrda V.Vyatkin tomonidan muzeyga topshirilgan. Kolleksiyaga kirim raqami berilmagan va nashr etilmagan.

A-79 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №44. 132-136)11 dona gipsga ishlangan devoriy suratlar va sopol buyumlar jamlangan. Ashyolar 1927-yilda Samarqanddan 12 km janubi-g‘arbdagi Chungultepadan aeradrom qurilishi vaqtida V.Vyatkin tomonidan aniqlangan. Shundan so‘ng Samkomstaris tomonidan muzeyga topshirilgan. Mavjud inventar kitoblarda ashyolarning texnik tavsifi berilgan, lekin ular ilmiy tadqiq etilmagan, shu bilan birga kirim raqami berilmagan. Shuning uchun ularning davri va mansubligi haqida ma’lumotlar mavjud emas.

A-84 kolleksiya (O‘zbekiston madaniyati ... №44: 196-198) 3 dona ashyodan iborat bo‘lib, Sherdor madrasasiga oiddir. Ushbu ashyolarning bir donasi 1 donasi V. Vyatkin tomonidan madrasa tomidan topilgan va muzeyga topshirilgan. Qolgan ikki dona ashyo muzeyning eski jamlanmasiga oid bo‘lib, qachon kim tomonidan topshirilganligi noma’lum. Kolleksiyaga kirim raqami berilmagan va nashr etilmagan.

A-89 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №48: 141-189) 140 dona me’moriy qoplamalar jamlangan. Ushbu ashyolarning katta qismi XIV-XVII asrlar Samarqand yodgorliklariga oid bo‘lib, bir qismi qaysi yodgorlikka tegishli ekanligi noma’lum. Chunki ushbu kolleksiya ham o‘z vaqtida hisobga olinmagan. Me’moriy qoplamalar qisman Tillakori madrasasi, Sherdor madrasasidagi xovuz, Sherdor madrasasi, Oqsaroy maqbarasi, Afrosiyob, Amir Temur arki, Chinnixonaga oiddir. Shu bilan birga kolleksiyasining salmoqli qismi V. Vyatkin kolleksiyasiga (A-89/115-139) oiddir. Kolleksiyadagi ba’zi ashyolarga kirim raqami berilgan, ammo kolleksiya ilmiy tadqiq etilmagan va nashr etilmagan.

A-90 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №45: 1-3) 5 dona koshin qoplamalar bo‘laklari saqlanadi. Ushbu ashyolar Ko‘hna Urganchdagi Xorazmshox Takash maqbarasiga oid bo‘lib, V. Vyatkin tomonidan muzeyga keltirilgan. Ashyolar asosan o‘yma koshinlardan iborat bo‘lib, XII-XIII asr bilan davrlangan. Kolleksiyaga kirim raqami berilmagan va tadqiq etilmagan.

A-94 kolleksiyada (O‘zbekiston madaniyati ... №47: 65-73) 13 dona o‘yma sopol friz saqlanadi. Ushbu ashyolar 1912-yilda V. Vyatkin tomonidan Afrosiyobdagi somoniylar saroyidan topilgan. 1919-yilda M. Masson tomonidan qazib olingan muzeyga keltirilgan. Kolleksiya bir qancha olimlar tomonidan ilmiy tadqiq etilgan (Бартольд 1922: 2; Умняков 1929: 40; Ахраров и др. 1971: 30). Ammo kolleksiyaga kirim raqami berilmagan. Tadqiqqotchilarning qayd etishicha ashyolar aniqlangan saroy bizgacha yetib kelgan saroylar ichida eng qadimgisi bo‘lib, uni o‘rta asrlarga oid mexmonxonalar uchun ananaviy prototip deyish mumkin (Ахраров, Рempель 1971: 30).

Samarqand muzeyidagi V.Vyatkinning arxeologik kolleksiyasini o‘rganish va ommalashtirish, ushbu maqolada ko‘rsatilganidek, o‘lka tarixi va madaniyatini tushunish uchun katta ahamiyatga ega. Bu to‘plam shunchaki osori-atiqalar to‘plami emas, balki Samarqand va uning atrofining ko‘p asrlik tarixini aks ettiruvchi qimmatli ilmiy manbadir. Maqolada biz uning o‘ziga xosligi, ilmiy qiymati va uni ommalashtirish bo‘yicha asosiy ish yo‘nalishlarini batafsil ko‘rib chiqdik.

V.Vyatkin to‘plami Samarqand moddiy madaniyatini o‘rganishning fundamental asosidir. XX asr boshlarida to‘plangan artefaktlar qadimgi sivilizatsiyalarning hayoti, hunarmandchiligi, savdosi va ma’naviy hayoti haqida noyob ma’lumotlar beradi. Ushbu ob’ektlarni o‘rganish ko‘plab arxeologik topilmalarning sanasi, tipologiyasi va kelib chiqishini aniqlash imkonini berishi mumkin.

Muhim ilmiy ahamiyatiga qaramay, to‘plam uzoq vaqtdan beri keng jamoatchilikka yetarli darajada ma’lum emas. To‘plamni ommalashtirish uchun bir qator chora-tadbirlar taklif qilinadi. Bular qatoriga kolleksiya haqida ilmiy-ommabop materiallarni nashr etish, tematik ma’ruzalar o‘tkazish, ko‘rgazmalar tashkil etish, to‘plamni kataloglashtirish kabi tadbirlarni kiritish mumkin. Ushbu tashabbuslar to‘plamni barcha yoshdagi tashrif buyuruvchilar uchun yanada qulayroq va qiziqarli qilishga yordam beradi.

To‘plam ustidagi keyingi tadqiqotlar arxeologlar, tarixchilar va restavratorlarning tizimli ishlashini talab qiladi. Kelgusi avlodlar uchun asrab-avaylash va yangi tadqiqotlar uchun imkoniyat yaratish maqsadida barcha obyektlarni to‘liq kataloglashtirish, raqamlashtirish va konservatsiyadan o‘tkazish zarur.

Xulosa o‘rnida aytishimiz mumkinki, V.Vyatkin kolleksiyasi milliy boylik bo‘lib, uni asrab-avaylash, o‘rganish va ommalashtirish Samarqand shahri muzey jamoatchiligi oldidagi ustuvor vazifaga aylanishi kerak. Ishonchimiz komilki, bu boradagi faol ishlar nafaqat hududning boy madaniy merosiga e’tiborni jalb qilish, balki yangi arxeologik kashfiyotlarni ham rag‘batlantirishga xizmat qiladi. To‘plamni ommalashtirish o‘tmish va bugun o‘rtasidagi bog‘liqlikni mustahkamlash, kelajak avlodni tarixni o‘rganish va asrab-avaylashga undashga xizmat qiladi. Ushbu to‘plamni o‘rganish va ommalashtirish doimiy jarayon bo‘lib, ushbu maqola noyob merosimizni asrab-avaylash va dunyoga namoyish etishga qaratilgan keyingi tadqiqotlar va loyihalarga turtki bo‘lishiga umid qilaman.

FOYDALANILGAN ADABIYOTLAR RO ‘ YXATI:

O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №1. 1962. 133 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №2. 1962. 127 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №3. 1962. 186 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №4. 1962. 210 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №44. 1976. 205 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №45. 1976. 200 b.
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi. №48. 1976. 211 b.

Trever C. Terracottas from Afrasiab. No. 93 of the Bulletin (Izvestiya) of the Marr State Academy for History of Material Culture. Leningrad, 1932. 52 p. XIV plates.
Stein A. Ancient Khotan. Oxford-1907. Vol. 2. Taf. XI, VI. 241 p.
Yunusov M. A. Samarqandda muzey ishi tarixi. Monografiya. Toshkent, 2024. 147 b.
Аббасов А. В. Вяткин – историк-источниковед, историк-археолог Узбекистана: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1969. 47 с.
Ахраров И., Ремпель Л. Резной штукатурки Афрасияба. Ташкент, 1971. 158 с.
Ахун-бабаев Х. Г. Дворец ихшидов Согда на Афрасиябе. Самарканд, 1999. 179 с.
Бартольд В. В. Отчет о командировке в Туркестан. Август - декабрь 1920 г. Соч. в 9 томах. Т. VIII. М., 1973. 725 с.
Бетгер Е. К. Список трудов Василия Лаврентьевича Вяткина. Труды ТашГУ. Новая серия. Вып. 172. Исторические науки, книга 37. Археология Средней Азии V. Ташкент, 1960. 209 с.
Вяткин В. Л. Матрица и штамп из Самарканда. Известия Средазкомстариса. Вып.1. Ташкент, 1926. 153 с.
Дорошенко Т. И. Вклад В. Л. Вяткина в изучение и сохранение памятников Самарканда // Роль города Самарканда в истории мирового культурного развития. Материалы Международного научного симпозиума, посвященного 2750-летнему юбилею города Самарканда. Ташкент-Самарканд: «Фан» АН Республики Узбекистан, 2007. 470 с.
Забелина Н. Н., Ремпель Л. И. Согдийский всадник. Памятники искусства древнего Узбекистана. Ташкент, 1948. 24 с.
Зубер С. М. Музыкальные инструменты иконографии Хара-Хото // Труды отдела Востока Гос. Эрмитажа. Т. 3. Л., 1940. 340 с.
Массон М. Е. Из воспоминаний Среднеазиатского археолога. Ташкент: Изд-во литературы и искусства им. Г. Гуляма, 1976. 176 с.
Массон М. Е. Клад утвари мастерской фальшивомонетчики XIV века под Ташкентом. Материалы Узкомстариса. Вып. 4. Ташкент, 1933. 23 с.
Материалы приема археологических коллекций покойного В. Вяткина за 1933г. Samarqand davlat muzeyi-qo‘riqxonasi ilmiy arxivi, 1-jamg‘arma, 1-ro‘yxat, 508-jild. 1947. 65 b.
Саидкулов Е. С. Самарканд во второй половине XIX –начале XX веков. Самарканд: Изд-во СамГУ, 1970. 255 с.
Сирианиди В.И. Новая матрица Самаркандского музея. Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. Вып.14. Сталинабад-1957. 191 с.
Тереножкин А. Согд и Чач. Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XXXIII. Москва-Ленинград, 1950. 177 с.
Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. Исследование. Ремонт. Реставрация. 1920-1928 г. Правда Востока, 1929. 40 с.
Шишкин В. А. К истории археологического изучения Самарканда и его окрестностей // Афрасиаб. Вып 1. Ташкент: Изд-во «Фан» УзССР, 1969. 334 с.

REFERENCES:

O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №1. 1962. 133. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №2. 1962. 127. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №3. 1962. 186. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №4. 1962. 210. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №44. 1976. 205. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №45. 1976. 200. (In Uzbek).
O‘zbekiston madaniyati tarixi davlat muzeyi arxeologiya kolleksiyalari inventar kitobi (Inventory book of archaeological collections of the State Museum of the History of Culture of Uzbekistan). №48. 1976. 211. (In Uzbek).
Abbasov, A. 1969. Vyatkin - istorik-istochnikoved, istorik-arkheolog Uzbekistana (Vyatkin – historian and archaeologist of Uzbekistan). Tashkent, 1969. 47. (In Russian).
Akhrarov, I., Rempel, L. 1971. Reznoj shtukaturki Afrasiaba (Carved plaster of Afrasiab). Tashkent, 158. (In Russian).
Axun-babayev. 1999. Dvorets ixshidov Sogda na Afrasiyabe (Palace of the Ikhshids of Sogd on Afrasiyab.) Samar-

kand, 1999. 179. (In Russian).

Bartol’d, V. V. 1922. Otchet o komandirovke v Turkestan. Avgust - dekabr 1920. (Report on a mission to Turkestan. August–December 1920.) Works in 9 volumes. Vol. VIII. Moscow, 1973. 725. (In Russian).

Betger, Ye. K. 1960. Spisok trudov Vasiliya Lavrent’evicha Vyatkina. (List of works by Vasily Lavrentyevich Vyatkin) In Trudy TashGU. New Series, Issue 172. Historical Sciences, Book 37. Arkheologiya Srednej Azii V. Tashkent. 209. (In Russian).

Doroshenko, T. I. 2007. Vklad V. L. Vyatkina v izuchenie i sokhranenie pamyatnikov Samarkanda (Vyatkin’s contribution to the study and preservation of Samarkand monuments). In Rol’ goroda Samarkanda v istorii mirovogo kulturnogo razvitiya. Materials of the International Scientific Symposium dedicated to the 2750th anniversary of Samarkand. Tashkent–Samarkand: FAN Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, 470. (In Russian).

Masson, M. Ye. 1933. Klad utvari masterskoj fal’shivomonetchiki XIV veka pod Tashkentom (Treasure of the workshop of a 14th-century counterfeiter near Tashkent). Materialy Uzkomstarisa. Issue 4. Tashkent, 23. (In Russian).

Masson, M. Ye. 1976. Iz vospominanij Sredneaziatskogo arkheologa (From the memoirs of a Central Asian archaeologist). Tashkent: G. Gulyam Publ. House of Literature and Art, 176. (In Russian).

Saidkulov, E. S. 1970. Samarkand vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vekov (Samarkand in the second half of the 19th – early 20th centuries). Samarkand: SamGU Publ., 255. (In Russian).

Materialy priema arkheologicheskikh kollektsij pokojnogo V. Vyatkina za 1933 g. (Materials for the reception of archaeological collections of the late V. Vyatkin for 1933). Samarqand davlat muzey-qo‘riqxonasi ilmiy arxivi. Fond 1, List 1, File 508. 65. (In Russian).

Shishkin, V. A. 1969. K istorii arkheologicheskogo izucheniya Samarkanda i ego okrestnostej (On the history of archaeological study of Samarkand and its surroundings). In Afrasiab, Vol. 1. Tashkent: FAN Publ. of Uzbek SSR, 334. (In Russian).

Siriannida, V. I. 1957. Novaya matritsa Samarkandskogo muzeya (A new matrix from the Samarkand museum). In Izvestiya otdeleniya obshchestvennykh nauk AN TadzhSSR. Issue 14. Stalinabad, 1957. 191. (In Russian).

Stein, A. 1907. Ancient Khotan. Vol. 2. Oxford, Taf. XI, VI. (In English). 241.

Terenozhkin, A. 1950. Sogd i Chach (Sogd and Chach). In Kratkie soobsheniya Instituta istorii materialnoy kultury. Vol. XXXIII. Moscow–Leningrad, 177. (In Russian).

Trever, C. 1932. Terracottas from Afrasiab In Bulletin of the Marr State Academy for History of Material Culture. No. 93. Leningrad, 52. XIV plates. 52. (In English).

Umnyakov, I. I. 1929. Arkhitekturnye pamyatniki Srednej Azii. Issledovanie. Remont. Restavratsiya. 1920–1928 g. (Architectural Monuments of Central Asia. Research. Repair. Restoration. 1920-1928.) In Pravda Vostoka. 40. (In Russian).

Vyatkin, V. L. 1926. Matritsa i shtamp iz Samarkanda.(Matrix and stamp from Samarkand) In Izvestiya Sredazkomstarisa. Issue 1. Tashkent. 153. (In Russian).

Yunusov, M. A. 2024. Samarqandda muzey ishi tarixi (The history of museum work in Samarkand). Monograph. Tashkent, 147. (In Uzbek).

Zabelina, N. N., Rempel, L. I. 1948. Sogdijskij vsadnik (The Sogdian rider). Tashkent, 24. (In Russian).

Zuber, S. M. 1940. Muzykal’nye instrumenty ikonografii Khara-Khoto (Musical instruments of the iconography of Khara-Khoto) In Trudy otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha. Vol. 3. Leningrad, 340. (In Russian).

ARCHAEOLOGICAL COLLECTIONS OF V. VYATKIN IN THE COLLECTION OF THE SAMARKAND STATE MUSEUM-RESERVE.

© 2025. Makhmudkhon Yunusov
International Research Institute «Silk Road»

Key words: Life and work, heritage, manuscript, works, Afrosiab, Samarkand, ceramics, metal, research, conservation.

The article is the first to analyze the composition, characteristics and scientific study of the collection of V. Vyatkin, transferred to the Samarkand Museum in 1933 and currently stored in the archaeological fund of the Samarkand State Museum-Reserve. V. Vyatkin is a scholar who made a significant contribution to the study of Turkestan in the late 19th and early 20th centuries. The article provides a detailed description of V. Vyatkin’s collections, assembled in what is now Uzbekistan, particularly at the important archaeological sites of Afrosiyob and the Ulugh Beg Observatory. The author analyzes the collections, which include ceramics, metalwork, and other household items of particular significance for the study of the history of Samarkand and its environs.

This research is of great importance to specialists in the fields of archaeology, history, and museology. It demonstrates how the legacy of one researcher can serve as a foundation for further scholarly research and is important for anyone interested in the history of Turkestan and the region’s cultural ties.

ABDURAZZAQOV ABDUG‘ANI ABDURAZZAQOVICH

Markaziy Osiyoda qadimgi va o‘rta asrlar davri hunarmandchilik, xususan shishasozlik texnologiyalarini o‘rganishda Abdurazzaqov Abdug‘ani Abdurazzaqovichning ilmiy faoliyati alohida o‘rin egallaydi. Uning ko‘p yillik fundamental tadqiqotlari ushbu sohaning shakllanishi va rivojlanish bosqichlarini ilmiy jihatdan asoslab berishda muhim manba sifatida xizmat qiladi.

A.A. Abdurazzaqov 1930 yilda Toshkent viloyati Qibray tumanida tavallud topgan bo‘lib, dastlabki ta’limni kimyo-texnologiya yo‘nalishida olgan. 1946–1950 yillarda Chirchiq kimyo-texnologiya texnikumida tahsil olib, keyinchalik Toshkent Texnologiya institutida oliy ma’lumotni egallaydi. Mazkur ilmiy-texnik tayyorgarlik uning keyingi arxeologik materiallar va qadimgi texnologiyalarni tahlil qilishdagi ilmiy yondashuvini belgilab berdi.

Olimning ilmiy faoliyati O‘zbekiston Fanlar akademiyasi Tarix va arxeologiya instituti bilan chambarchas bog‘liq bo‘lib, aynan shu yerda uning ilmiy izlanishlari tizimli tus oldi. U akademik M.A. Bezborodov rahbarligida 1964 yilda “O‘rta Osiyo o‘rta asr shishalarining kimyo-texnologik tadqiqi” mavzusida nomzodlik dissertatsiyasini himoya qildi. Ushbu tadqiqot Markaziy Osiyoda shishasozlik mahsulotlarini ilmiy-analitik usullar asosida o‘rganishga bag‘ishlangan ilk fundamental ishlardan biri hisoblanadi.

A.A. Abdurazzaqovning keyingi ilmiy faoliyati Markaziy Osiyoda shishasozlik ishlab chiqarishining tarixiy taraqqiyotini kompleks ravishda tadqiq etishga qaratildi. Uning tadqiqotlari arxeologik materiallar, yozma manbalar hamda shisha va sir namunalarining kimyoviy va spektral tahlillari asosida olib borildi. Mazkur izlanishlar natijalari “O‘rta Osiyoda shishasozlik tarixi” mavzusidagi doktorlik dissertatsiyasida umumlashtirilib, 1993 yilda muvaffaqiyatli himoya qilindi.

Olimning 2012 yilda chop etilgan “Markaziy Osiyoda shishasozlik tarixi: qadimgi davr va o‘rta asrlar” nomli monografiyasi mazkur sohada eng muhim ilmiy manbalardan biri sifatida e’tirof etiladi. Unda shishasozlik ishlab chiqarishining uch ming yildan ortiq tarixiy evolyutsiyasi tizimli ravishda yoritilgan bo‘lib, ushbu tadqiqot nafaqat mintaqaviy, balki umumjahon ilm-fani rivojiga ham sezilarli hissa qo‘shgan. Bundan tashqari, A.A. Abdurazzaqov tomonidan Temur va temuriylar davri me’moriy qurilish materiallari, xususan sopol va sirlarning texnologik xususiyatlari ham chuqur o‘rganilgan. Ushbu tadqiqotlar tarixiy yodgorliklarni restavratsiya qilish amaliyoti bilan bevosita bog‘liq bo‘lib, ularning natijalari restavratsiya jarayonida ilmiy asoslangan yechimlar ishlab chiqishda muhim ahamiyat kasb etgan.

Olim faoliyatining muhim yo‘nalishlaridan yana biri arxeologik obyektlarni, ayniqsa xom g‘ishtli inshootlarni konservatsiya qilish usullarini ishlab chiqish bilan bog‘liqdir. Uning

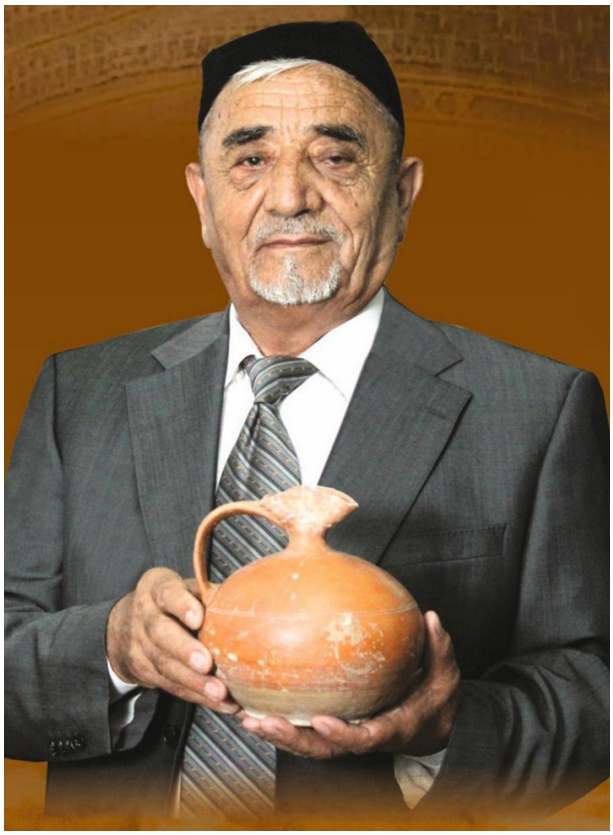
rahbarligida ishlab chiqilgan kimyoviy konservatsiya metodlari dastlab Sopolllitepa va Jarqo‘ton yodgorliklarida sinovdan o‘tkazilib, keyinchalik Markaziy Osiyoning boshqa arxeologik obyektlarida ham keng qo‘llanilgan.

Shuningdek, A.A. Abdurazzaqov tomonidan arxeologik materiallarni konservatsiya qilish va restavratsiya qilish bo‘yicha ilmiy maktab shakllantirilgan bo‘lib, uning rahbarligida bir qator ilmiy tadqiqotchilar tayyorlangan. U respublikada kimyo-texnologik tadqiqot va konservatsiya laboratoriyasini tashkil etishda faol ishtirok etgan va ushbu yo‘nalishda ilmiy-amaliy faoliyat olib borgan.

Olimning ilmiy faoliyati xalqaro miqyosda ham e’tirof etilgan bo‘lib, u “Shisha arxeometriyasi” qo‘mitasi hamda ICOMOS kabi nufuzli xalqaro tashkilotlar a’zosi hisoblanadi. Uning ilmiy merosi ko‘plab monografiyalar va ilmiy maqolalarda o‘z aksini topgan bo‘lib, ular Markaziy Osiyo arxeologiyasi va qadimgi texnologiyalar tarixini o‘rganishda muhim manba bo‘lib xizmat qiladi.

Shu tariqa, A.A. Abdurazzaqovning ilmiy faoliyati Markaziy Osiyoda hunarmandchilik ishlab chiqarishlari, xususan shishasozlik texnologiyalari va arxeologik materiallarni konservatsiya qilish sohalarining rivojlanishida muhim bosqichni tashkil etadi. Uning ilmiy merosi bugungi kunda ham dolzarbligini saqlab qolgan holda, zamonaviy tadqiqotlar uchun metodologik asos vazifasini o‘tamoqda.

ILHOMOV SHARIF ILHOMOVICH

Markaziy Osiyoda arxeologik yodgorliklarni konservatsiya va restavratsiya qilish yo‘nalishining shakllanishi va rivojlanishida Sh. I. Ilhomovning ilmiy-amaliy faoliyati alohida ahamiyat kasb etadi. U mazkur sohada yetakchi mutaxassislardan biri sifatida ilmiy maktabning shakllanishiga bevosita hissa qo‘shgan.

Sharif Ilhomov 1935-yil 13-fevralda tavallud topgan bo‘lib, oliy ta’limni Toshkent to‘qimachilik institutida “Kimyoviy tolalar texnologiyasi” mutaxassisligi bo‘yicha tamomlab, muhandis-kimyogar malakasini egallagan. 1965–1968 yillarda Toshkent lak-bo‘yoq zavodida muhandislik lavozimlarida faoliyat yuritib, amaliy tajriba orttirgan.

1969-yildan boshlab u O‘zbekiston Fanlar akademiyasi Tarix va arxeologiya instituti qoshidagi arxeologik yodgorliklarni restavratsiya va konservatsiya qilish laboratoriyasida ilmiy faoliyat olib boradi. Aynan shu davrdan boshlab uning faoliyati arxeologik materiallarni ilmiy asosda tadqiq etish va ularni saqlash muammolarini hal etishga qaratiladi.

Sh.I. Ilhomov A.A. Abdurazakov bilan hamkorlikda O‘zbekistonda restavratsiya maktabiga asos solgan yetakchi mutaxassislardan biri hisoblanadi. U arxeologik artefaktlarni konservatsiya qilish va restavratsiya qilish usullarini ishlab chiqish hamda ularni amaliyotga joriy etishda faol ishtirok etgan. Xususan, devoriy suratlar va loy asosidagi haykallarni dala va laboratoriya sharoitida saqlash, ko‘chirish va qayta tiklash texnologiyalari bo‘yicha muhim ilmiy-amaliy natijalarga erishgan.

Olim va uning hamkasblari tomonidan Afrosiyobdagi “Elchilar zali” devoriy suratlari, Fayoztepadagi buddaviy majmua hamda Bolaliktepa yodgorligining tasvirlarini saqlash va restavratsiya qilish bo‘yicha murakkab ishlar amalga oshirilgan. Ayniqsa, Yerqo‘rg‘on ibodatxonasidagi yirik hajmli xom g‘isht ustunlarini konservatsiya qilish va ularni xavfsiz ko‘chirish jarayoni ilmiy jihatdan katta yutuq bo‘ldi.

Mazkur tajriba keyinchalik Kuyovqo‘rg‘on, Dalvarzin va Fayoztepa kabi yodgorliklarda loy va ganch haykallarni saqlash hamda restavratsiya qilish jarayonida muvaffaqiyatli qo‘llanildi. Bu esa Markaziy Osiyoda yirik hajmli arxeologik obyektlar bilan ishlash metodikasining shakllanishiga zamin yaratdi.

Sh.I. Ilhomov faoliyatidagi muhim yo‘nalishlardan biri organik materiallarni restavratsiya qilish bilan bog‘liqdir. Xususan, 1979-yilda Amir Temurning yog‘och tobutini restavratsiya qilish ishlari ilmiy-amaliy jihatdan muhim tajriba bo‘ldi. Ushbu jarayonda yog‘och materiallarini konservatsiya qilish, deformatsiyalangan qismlarni tiklash va obyektni qayta yig‘ish bo‘yicha kompleks yondashuv ishlab chiqildi.

Olim kimyogar sifatida qadimiy metall buyumlarni restavratsiya qilish yo‘nalishida ham salmoqli ishlar olib bordi. Registon maydonidagi qazishmalar natijasida topilgan bronza

buyumlar, qimmatbaho metall bilan bezatilgan idishlar hamda tangalar kolleksiyasini tozalash va konservatsiya qilish bo‘yicha amalga oshirilgan ishlar natijasida ushbu artefaktlar muzey ekspozitsiyasi darajasiga keltirildi.

Sh.I. Ilhomov ilmiy faoliyatining eng muhim yo‘nalishlaridan biri xom g‘ishtdan qurilgan arxeologik obyektlarni konservatsiya qilishning yangi usullarini ishlab chiqish bilan bog‘liqdir. Bu masala Markaziy Osiyo uchun ayniqsa dolzarb bo‘lib, hududdagi ko‘plab yodgorliklar lyoss asosidagi materiallardan qurilganligi bilan izohlanadi.

A.A. Abdurazakov rahbarligida olib borilgan ilmiy tadqiqotlar natijasida diizotsianatlar asosida xom g‘isht materiallarini mustahkamlashning innovatsion usuli ishlab chiqildi. Ushbu usul xom g‘isht strukturasida polimerizatsiya reaksiyasini yuzaga keltirish orqali uning fizik mustahkamligini oshirishga xizmat qildi va arxeologik obyektlarni konservatsiya qilishda yangi ilmiy yo‘nalishni boshlab berdi.

Mazkur metodlar dastlab 1974-yilda Sopolllitepa va Jarqo‘ton yodgorliklarida sinovdan o‘tkazilib, keyinchalik Yunusobod Oqtepasi, Shoshtepa, Qanka va Afrosiyob kabi yodgorliklarda qo‘llanildi. Shuningdek, Turkmaniston va Qozog‘iston hududidagi Eski Niso va O‘tror yodgorliklarida ham ushbu usullar amaliyotga joriy etildi. Ushbu tadqiqotlar asosida Sh.I. Ilhomov 1982-yilda nomzodlik dissertatsiyasini muvaffaqiyatli himoya qildi. 25 dan ortiq ilmiy maqolalar chop etilgan.

Sh.I. Ilhomov o‘z faoliyati davomida san’atshunoslik, materialshunoslik va kimyo sohalarini uyg‘unlashtirgan holda kompleks yondashuvni shakllantirdi. Natijada u yuzlab arxeologik obyektlarni saqlab qolish va restavratsiya qilishga erishdi hamda respublika muzey fondlarini boyitishga katta hissa qo‘shdi.

REUTOVA MARINA ARKADYEVNA

Markaziy Osiyoda arxeologik materiallarni konservatsiya va restavratsiya qilish yo‘nalishining rivojlanishida Reutova Marina Arkadyevnaning ilmiy-amaliy faoliyati muhim o‘rin egallaydi. U ushbu sohada yetuk mutaxassis sifatida ilmiy metodologiyaning takomillashuvi va amaliy restavratsiya ishlarining rivojiga sezilarli hissa qo‘shgan.

M.A. Reutova 1955-yil 12-sentabrda Samarqand shahrida tug‘ilgan. 1977-yilda Samarqand davlat universitetining kimyo fakultetini tamomlab, kimyogar mutaxassis sifatida faoliyatini boshlagan. O‘qishni tugatgach, Samarqand arxeologiya institutining Kimyo-texnologik tadqiqotlar va tarixiy yodgorliklarni konservatsiya qilish bo‘limiga katta laborant lavozimiga ishga qabul qilinadi. Dastlabki faoliyat bosqichida u arxeologik materiallarni konservatsiya va restavratsiya qilish usullarini amaliy jihatdan o‘zlashtirib, yangi ilmiy yo‘nalishga kirib keladi.

1979-yildan boshlab kichik ilmiy xodim sifatida faoliyat yuritgan olima Afrosiyob qazilmalarida olib borilgan ekspeditsiyalarda faol ishtirok etadi. Xususan, Varkhuman saroyi majmuasidagi mashhur “Elchilar zali” devoriy suratlarini ochish, konservatsiya qilish va ko‘chirish jarayonlarida muhim ilmiy-amaliy tajriba orttiradi.

M.A. Reutova tomonidan Afrosiyobdagi devoriy suratlarning janubiy, g‘arbiy va shimoliy devorlariga oid ko‘plab fragmentlar restavratsiya qilingan. 1982–1984-yillar davomida restavratsiya qilingan suratlar maxsus statsionar asoslarda mustahkamlanib, muzeylashtirishga tayyorlangan. 1985-yilga kelib, “Elchilar zali”ning barcha devoriy tasvirlari restavratsiya qilinib, Afrosiyob muzeyida namoyish etila boshlagan.

Olima ilmiy faoliyatining muhim yo‘nalishlaridan biri qadimgi paxsali me’moriy yodgorliklarni konservatsiya qilish usullarini ishlab chiqish bilan bog‘liqdir. Ushbu usullar Afrosiyob, Qanka, Eski Niso, Yunusobod Oqtepa va Shoshtepa yodgorliklarida sinovdan o‘tkazilgan. Tadqiqot natijalari ochiq osmon ostidagi muzeylar sharoitida ham ushbu metodlarni qo‘llash mumkinligini ko‘rsatgan. Jumladan, Bibixonim majmuasidagi kichik masjid gumbazlaridan biri aynan shu usullar asosida konservatsiya qilingan.

Mazkur ilmiy izlanishlar natijasida M.A. Reutova 1989-yilda u nomzodlik dissertatsiyasini muvaffaqiyatli himoya qilib, kimyo fanlari nomzodi ilmiy darajasiga ega bo‘ladi va katta ilmiy xodim lavozimida faoliyat yuritdi.

1999-yildan boshlab Samarqand arxeologiya institutining Kimyo-texnologik tadqiqotlar, restavratsiya va konservatsiya bo‘limiga rahbarlik qilib kelmoqda.

M.A. Reutova xalqaro miqyosda ham yuqori malakali restavrator sifatida tan olingan. U Fransiyadagi ilmiy-restavratsiya markazlarida, Yaponiya va YuNESKO tomonidan tashkil etilgan

treninglarda ishtirok etib, zamonaviy konservatsiya metodlarini o‘zlashtirgan. Shuningdek, CARAD loyihasi hamda Yaponiya olimlari bilan hamkorlikdagi Fayoztepa devoriy suratlarini o‘rganish va saqlashga qaratilgan loyihalarda faol qatnashgan.

2000–2005-yillarda Afrosiyob hududida olib borilgan o‘zbek-fransuz arxeologik ekspeditsiyasi doirasida XII–XIII asrlarga oid noyob devoriy surat bo‘laklarini qazib olish, restavratsiya qilish va muzeylashtirish ishlari amalga oshirilgan. Ushbu materiallar keyinchalik Afrosiyob muzeyida hamda Fransiyadagi Luvur muzeyida ko‘rgazmalarida namoyish etilgan.

2014–2017-yillarda “Elchilar zali” devoriy suratlari qayta restavratsiya qilinib, zamonaviy materiallar asosida yangilangan konstruksiyalarga o‘rnatildi. Mazkur murakkab loyiha “Restoration and conservation of the 7th century ‘Painting of the Ambassadors’” doirasida amalga oshirilib, o‘zbek tomondan M.A. Reutova rahbarligida bajarildi.

Olima Samarqand va uning atrofidagi ko‘plab yodgorliklarda olib borilgan qazishmalarda ham faol ishtirok etgan. Jumladan, Jartepa, Qo‘rg‘ontepa, Kindikli, Qanka, Eski Termiz, Erqo‘rg‘on, Axsikent, Jarqo‘ton va Selungur g‘ori materiallarini konservatsiya va restavratsiya qilish ishlarini amalga oshirgan.

Bundan tashqari, u xalqaro ekspeditsiyalar tarkibida ham faol ishlagan. Xususan, O‘zbek-Yapon qo‘shma ekspeditsiyasi doirasida Qoratepa buddaviy majmuasida devoriy suratlar va haykallarni konservatsiya qilgan. O‘zbek-Norvegiya ekspeditsiyasi tarkibida esa Sarmishsoy yodgorligidagi petrogliflarni saqlash ishlari olib borilgan.

Shuningdek, M.A. Reutova tomonidan Kofirqal’a yodgorligidan topilgan o‘ymakor yog‘och buyumlar, Munchoqtepa olingan metall va to‘qimachilik buyumlarini konservatsiya qilish bo‘yicha muhim ishlar amalga oshirilgan. Ushbu eksponatlar keyinchalik nafaqat mahalliy muzeylarda, balki Luvir va Britaniya kabi xalqaro miqyosdagi muzeylarda namoyish etilgan.

M.A. Reutova 40 dan ortiq ilmiy maqollar muallifidir. Uning ilmiy-amaliy faoliyati davlat tomonidan ham yuqori baholanib, “Do‘stlik” ordeni (2011-yil) hamda O‘zbekiston mustaqilligining 25 yilligiga bag‘ishlangan medali (2016-yil) bilan taqdirlangan.

AHADOVA GULNORA RADJABOVNA

G.R. Axadova 1955-yil 3-yanvarda Samarqand shahrida tug‘ilgan. 1973-yilda mumta’lim maktabini tamomlagach, Samarqand o‘lkashunoslik muzeyida faoliyat boshlagan. 1975-yilda u O‘zbekiston Fanlar akademiyasi Arxeologiya institutining Kimyo-texnologik tadqiqot va konservatsiya bo‘limiga ishga qabul qilindi va uning ilmiy-amaliy faoliyati tarixiy-madaniy meros obyektlarini saqlash va restavratsiya qilish bilan chambarchas bog‘lanadi. Mazkur ilmiy muhitda u restavratsiya fanining nazariy va amaliy asoslarini puxta o‘zlashtirib boradi. Uning dastlabki dala konservatsiyasi bo‘yicha tajribasi Afrosiyob yodgorligidagi Varkhuman saroyi devoriy suratlarini ko‘chirish jarayonida shakllangan. Bu jarayon restavratsiya amaliyotining murakkab bosqichlarini egallashda muhim tajriba maktabi bo‘lib xizmat qilgan.

1976-yilda u Toshkent San’at institutining tasviriy san’at yo‘nalishining sirtqi bo‘limiga o‘qishga kirib, uni muvaffaqiyatli tamomlagan. 1977–1979-yillarda G.R. Axadova Afrosiyob, Erqo‘rg‘on, Kuyovqo‘rg‘on va Eski Termiz arxeologik ekspeditsiyalarida ishtirok etib, turli davrlarga oid devoriy suratlar hamda haykaltaroshlik namunalarini konservatsiya qilda va restavratsiya metodologiyasi bo‘yicha tajribasini sezilarli darajada boyitdi.

1982-yilda Davlat Ermitajining monumental rassomchilik ustaxonasining yetakchi restavratori T.S. Vasilenko ishtirokida Afrosiyobdagi qazilmalarda devoriy suratlarni tozalash va konservatsiya qilish ishlari olib boriladi. Ushbu hamkorlik doirasida 1983-yilda G.R. Axadova Ermitajda malaka oshirib, murakkab restavratsiya jarayonlari bo‘yicha chuqur bilim va ko‘nikmalarga ega bo‘ladi.

Bolaliktepa devoriy suratlarini restavratsiya qilish jarayonida u Davlat Ermitaji mutaxassislari bilan hamkorlikda maxsus ilmiy metodika ishlab chiqishda ishtirok etadi. Mazkur metodika ilk o‘rta asr devoriy tasvirlarini saqlash va tiklashda muhim ilmiy-amaliy ahamiyat kasb etadi. Keyinchalik ushbu yondashuv Zartepa, Fayoztepa, Afrosiyob va Kindikli yodgorliklarida olib borilgan restavratsiya ishlarida muvaffaqiyatli qo‘llaniladi.

G.R. Axadova bir necha yil davomida Eski Termiz hududidagi Qoratepa buddaviylik majmuasida O‘zbek-Yapon arxeologik ekspeditsiyasi tarkibida faoliyat yuritgan. Bu yerda u rangli loy-ganch haykaltaroshlik namunalari hamda monumental devoriy surat fragmentlarini tozalash, mustahkamlash va konservatsiya qilish ishlarini amalga oshirgan. Restavratsiya qilingan materiallar keyinchalik Termiz arxeologiya muzeyi ekspozitsiyasida namoyish etilgan.

2005-yilda u Qazokli-Yatgan yodgorligida dala konservatsiya ishlarini olib borish uchun O‘zbek-Avstraliya ekspeditsiyasiga jalb etilgan. Mazkur yodgorlikda miloddan avvalgi II asrga oid noyob devoriy suratlarni konservatsiya qilish bo‘yicha keng ko‘lamli ilmiy-amaliy ishlar amalga oshirilgan.

G.R. Axadovaning ilmiy faoliyati natijalari respublika va xalqaro ilmiy anjumanlar materiallarida o‘z aksini topgan bo‘lib, u tomonidan 20 dan ortiq ilmiy maqolalar chop etilgan. Uning ilmiy-amaliy faoliyati davomida to‘plangan tajriba Markaziy Osiyoda monumental san’at namunalari

restavratsiyasi metodologiyasining rivojlanishiga muhim hissa qo‘shdi.

G.R. Axadovaning ilmiy-amaliy faoliyati arxeologik yodgorliklarni, ayniqsa monumental devoriy tasvirlar va haykaltaroshlik namunalarini saqlash va restavratsiya qilish yo‘nalishining rivojlanishida muhim bosqichlardan biri sifatida baholanadi. Uning faoliyati natijalari bugungi kunda ham madaniy merosni asrash sohasida dolzarb ilmiy-amaliy ahamiyatga ega.

Tahririyat manzili:

140151, Samarqand shahri, V. Abdullayev ko‘chasi, 3. Telefon: (988 66) 232–27 74
O‘zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot
va ommaviy kommunikatsiyalar agentligida 2022-yil 21-noyabrda
0567 – son guvohnoma bilan ro‘yxatga olingan.

Terishga berildi ____2025-y. Bosishga ruxsat etildi 15.08.2025-y.
Bichimi 60x84 1/8. Shartli bosma tabog‘i 12. Adadi 100 nusxa. Buyurtma 505